

Институт стран СНГ

При поддержке

Администрация
Краснодарского края

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФОРУМ

Администрация
города Сочи

sochi

2018

Генеральные спонсоры

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

МАТЕРИАЛЫ

ВТОРОГО СОЧИНСКОГО ФОРУМА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
«ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА»

Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

МАТЕРИАЛЫ
ВТОРОГО СОЧИНСКОГО ФОРУМА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
«ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА»

СОЧИ
2018

УДК 327.36

ББК 66.76

Актуальные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества: Материалы Второго Сочинского форума евразийской интеграции: «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества». — Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции). — М., 2018. — 000 стр., илл.

В книге представлены материалы Второго Сочинского форума евразийской интеграции: «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества» (17–18 апреля 2018 г., Сочи), которая была посвящена обсуждению проблем развития Шанхайской организации сотрудничества после вступления в нее в качестве полноправных членов Индии и Пакистана. В мероприятии приняли участие авторитетные эксперты из 17 стран.

Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9901170-4-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
К. Затулин. Второй Сочинский международный форум евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества».....	8
ОБРАЩЕНИЯ К УЧАСТНИКАМ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА	10
В. Володин. Организаторам, участникам и гостям Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества».....	11
С. Лавров. Участникам Второго международного форума евразийской интеграции.....	12
ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА	13
К. Ф. Затулин.....	14
В. А. Швец.....	15
Б.М. Хакимов.....	16
А.Н. Пахомов.....	17
А.Н. Клепач.....	18
Ли Юнцюань.....	20
М. Рам.....	22
М.А. Изидьяр. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в развитии ШОС.....	24
С.Р. Мусави. ШОС – влиятельная региональная организация.....	26
А.В. Лукин.....	28
В.Т. Третьяков.....	30
А.В. Гайдамака.....	32
СЕКЦИЯ 1. «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ». МИРОПОРЯДОК, БЕЗОПАСНОСТЬ И БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ	34
С.Г. Лузянин, А.Ф. Клименко. «Большая Евразия» и ШОС. Миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом.....	35
Б.К. Шарма. Сценарии поддержания безопасности в Афганистане и роль ШОС в процессе поддержания мира.....	45
В.И. Батюк. Россия и Китай в военно-политической стратегии администрации Трампа.....	52
Р.Н. Мусабекков. Азербайджан на пересечении векторов геополитического притяжения.....	57
Б.М. Волхонский. Вступление Индии и Пакистана в ШОС: что нового это вносит в повестку дня организации?.....	60
А.Е. Чеботарев. Особенности противодействия терроризму и экстремизму в Казахстане: трудности и возможности.....	64
В.В. Евсеев, А.А. Кузнецов. Рекомендации по оптимизации деятельности Шанхайской организации сотрудничества.....	68
Б.К. Султанов. Председательство Китая в ШОС и актуальные проблемы региональной безопасности.....	72
К. Искандаров. Проблемы борьбы с терроризмом в Афганистане и перспективы мирного процесса....	78
Д.А. Сулеев. Проблемы безопасности и сотрудничества для Казахстана сквозь призму ШОС.....	81

Д.А. Пахолков. Преимущества и недостатки Восточного партнерства ЕС в интеграционной конкуренции на постсоветском пространстве.....	85
---	----

СЕКЦИЯ 2. ШОС И ЭКОНОМИКО-ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ. ЭКОНОМИКА, ЭНЕРГЕТИКА, ТРАНСПОРТ И МИГРАЦИЯ.....92

Чжан Нин. Международные рейсы «Китай – Европа» в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: проблемы и перспективы.....	93
Ш. Визарат. Экономический потенциал и проблемы на пространстве ШОС.....	98
Б.А. Хейфец. Глобальные партнерства и трансрегионализация Большой Евразии.....	102
Ж.С. Байгуттиев. Союз нерушимый.....	107
П.В. Своик. ЕАЭС внутри ШОС: актуальные вызовы и угрозы, взгляд из Казахстана.....	110
Г.С. Панова. К вопросу о финансовой интеграции стран ЕАЭС – ШОС.....	114
П.А. Яхменев. О формировании международных транспортных коридоров на пространстве ШОС.....	122
Д. Петросян. Иран и ЕАЭС. Свободная экономическая зона, проблемы и возможные перспективы.....	127
А.В. Гайдамака. Китай, как основной рынок природного газа.....	130
М.А. Олимов, С.К. Олимова. Миграция и развитие в Евразии (Россия, Таджикистан и Кыргызстан).....	133
А.С. Гаева. Миграционные процессы на евразийском пространстве.....	139
Л.В. Шенец. Энергоэффективность как фактор повышения энергетической безопасности.....	147
А.А. Куртмулаев. Взаимоотношения России, Китая и Казахстана в сфере ТЭК.....	152
Д.А. Динец. Международные транспортные коридоры и энергетические платформы.....	154
А.А. Мигранян, Е.В. Шавина. Потенциал расширения сотрудничества стран ШОС: экономические и энергетические аспекты.....	160
В.Г. Егоров, Н.А. Возова. Актуализация протекционизма в современной экономической теории и практике.....	168
М.А. Сокольников. Россия на пути к новому технологическому укладу: вопросы стратегии и тактики.....	174
А.А. Иншаков. Роль кооперативных организаций в проблеме изменения климата.....	180

СЕКЦИЯ 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И РЕЛИГИЙ. ЭКОЛОГИЯ И СОХРАНЕНИЕ СРЕДЫ. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА..... 189

Шилян Шэн. Соседям надо познакомиться поближе.....	190
М.М. Федорова. Понятие суверенитета в контексте глобализационных процессов.....	192
Д. Колягийн. Какой концепции будет придерживаться ШОС: «Рап» или «Рах»?.....	197
М.А.Н. Фаруки. Перспективы развития культурной дипломатии в ШОС: взгляд из Пакистана.....	199
Л.Ф. Мирзазаде. Взаимодействие культур в период международной нестабильности.....	202
Е.В. Дунаева. Религиозные контакты как одно из направлений межкультурного диалога (на примере российско-иранского диалога Ислам – Православие).....	206
А.Г. Арешев. Экологические проблемы как фактор взаимодействия на пространстве Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.....	211
К.А. Фролов. Фундаментальные основы цивилизационного диалога России, Китая и Шанхайской организации сотрудничества.....	216

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ.....217

ЗАКРЫТИЕ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА.....	228
С.Г. Лузянин.....	231
А.А. Миграян.....	234
Б.К. Султанов.....	237
К.Ф. Затулин.....	239
 ПРИЛОЖЕНИЯ.....	 241
Итоговый документ Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества».....	243
Программа работы Второго Международного форума.....	245
Список участников Второго международного форума.....	258
Рабочая группа «Экспертная площадка ШОС»	272

**ВТОРОЙ СОЧИНСКИЙ ФОРУМ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
"ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ
ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА»**

17-18 АПРЕЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин ЗАТУЛИН,
председатель Оргкомитета
Сочинского международного форума,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной Думы ФС РФ
по делам СНГ, евразийской интеграции
и связям с соотечественниками,
руководитель Института стран СНГ(Россия)

ВТОРОЙ СОЧИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ «ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА»

В непростой геополитической ситуации, складывающейся сейчас на евразийском континенте, становится крайне необходим глубокий и всесторонний анализ со стороны политиков и экспертного сообщества деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и перспектив ее развития. Для изучения существующих возможностей и поиска путей решения стоящих перед ШОС проблем, а также обмена мнениями между экспертами и политиками стран «шосовской семьи» 17–18 апреля 2018 года в городе Сочи состоялся Второй Сочинский международный форум евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества».

Напомню, что инициатором проведения Сочинского международного форума в 2016 году выступил Институт стран СНГ, имеющий богатый опыт организации научных и научно-практических мероприятий, посвященных проблемам евразийской интеграции. С момента основания Института главными его задачами являются научно-аналитическое и общественно-политическое сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации, разработка моделей экономической, политической, военной и культурной интеграции на постсоветском пространстве и «Большой Евразии» в целом.

Инициатива Института стран СНГ получила поддержку Администрации Президента Российской Федерации, Министерства иностранных дел России, Администрации Краснодарского края и города Сочи, а также международного экспертного сообщества. По итогам Первого Сочинского международного форума (2016 год) российские и иностранные участники Форума в Итоговом документе предложили сделать его постоянно действующим и проводить не реже одного раза в два года.

Учитывая это пожелание, Институт стран СНГ создал специальный сайт (<http://civilshos.ru>), позволивший укрепить рабочие контакты и взаимодействие на экспертном уровне с российскими и иностранными участниками Первого Сочинского международного форума и обеспечить регулярный обмен мнениями по проблемам ШОС.

Проведение Второго Сочинского международного форума стало возможным благодаря поддержке **Фонда президентских грантов и ПАО «Газпром»**, а также **помощи Администрации Краснодарского края и Администрации города Сочи.**

В Форуме приняли участие около 200 российских и свыше 40 иностранных представителей из 16 государств, которые выступили на пленарных и секционных заседаниях. Ими было сделано более 80 докладов, что нашло свое отражение в итоговом документе. Не остались без внимания участников Форума и последние события на Ближнем Востоке, пример которых наглядно показывает пагубность навязывания народам и государствам Евразии чуждых им политических и экономических моделей.

По итогам Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции была создана Рабочая группа «Экспертная площадка ШОС» — как постоянно действующая структура представителей стран-членов для всестороннего изучения проблем ШОС, а также обсуждения наиболее актуальных направлений развития Организации.

Не случайно, местом проведения и Первого международного форума в 2016 году, и Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции был выбран прекрасный город Сочи. Если раньше он был знаменит ярким солнцем, теплым морем и замечательными пляжами, то в последнее время в своем бурном развитии он стал и столицей кинофестиваля «Кинотавр», и местом проведения крупных международных и общероссийских конкурсов и фестивалей. А после зимних Олимпийских игр (2014 года) Сочи — один из мировых центров спорта. В последнее время Сочи все чаще становится и местом обсуждения сложнейших международных проблем.

ОБРАЩЕНИЯ
К УЧАСТНИКАМ ВТОРОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА

Вячеслав ВОЛОДИН
Председатель
Государственной Думы
Российской Федерации
седьмого созыва

Организаторам, участникам и гостям
Второго Сочинского международного форума
евразийской интеграции
«Перспективы развития и укрепления
Шанхайской организации сотрудничества»
(г. Сочи, 17–18 апреля 2018 г.)

Приветствую участников Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции!

В этом году он объединил под своей эгидой экспертов, политиков и общественных деятелей из 16 стран мира. Столь широкое международное представительство свидетельствует о живом интересе к опыту и перспективам Шанхайской организации сотрудничества и другим интеграционным процессам, происходящим на пространстве стран «Большой Евразии».

Вам предстоит обсудить широкий круг вопросов, касающихся региональной безопасности и экономики, экологии и миграции, культурного и гуманитарного взаимодействия между нашими государствами. Убежден, что работа форума будет способствовать развитию процессов евразийской интеграции, укреплению сотрудничества наших стран.

Желаю вам содержательных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

ОБРАЩЕНИЯ К УЧАСТНИКАМ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА

Сергей ЛАВРОВ
Министр иностранных дел
Российской Федерации

УЧАСТНИКАМ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Рад приветствовать участников Второго международного форума евразийской интеграции.

По инициативе Института стран СНГ авторитетные представители политических, общественных, академических и деловых кругов ведущих государств Евразии вновь собрались в гостеприимном городе Сочи. Не будет преувеличением сказать, что Ваш Форум уже утвердился в качестве полезной площадки для всестороннего и углубленного анализа актуальных проблем развития обширного Евразийского пространства.

На фоне разворачивающихся в мировой политике и экономике сложных и противоречивых процессов обращение к тематике такого уникального многостороннего объединения, как Шанхайская организация сотрудничества, является весьма своевременным. За прошедшие годы ШОС, опираясь на мощный и многоплановый потенциал, превратилась в неотъемлемый элемент системы международных отношений, важный фактор обеспечения региональной безопасности и устойчивого развития.

Уверен, что дискуссии в рамках Форума будут способствовать выработке совместных подходов к совершенствованию деятельности ШОС, укреплению многостороннего сотрудничества в борьбе с традиционными и новыми вызовами и угрозами во имя поддержания прочного мира и стабильности, достижения процветания в Евразии.

Желаю участникам Форума продуктивной работы.

г. Москва, 16 апреля 2018 г.

ОТКРЫТИЕ
ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ФОРУМА

К. Ф. ЗАТУЛИН,
 председатель Оргкомитета
 Сочинского международного форума,
 первый заместитель председателя Комитета
 Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ,
 евразийской интеграции и связям с соотечественниками,
 руководитель Института стран СНГ
 (Россия)

Уважаемые друзья, дамы и господа, товарищи! Все мы сегодня и завтра можем называть себя участниками Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции. Я очень рад приветствовать здесь гостей из 16 государств — и членов Шанхайской организации сотрудничества, и тех, кто к этой организации присматривается. Но все мы, я уверен, разделяем идею «Большой Евразии». Наш президент, Владимир Владимирович Путин, как вы знаете, в 2016 году высказал идею интеграции в рамках «Большой Евразии» на Петербургском международном экономическом форуме. И эта идея, безусловно, не может быть кем-то приватизирована, ибо идея эта принадлежит к числу основополагающих геополитических, политических и экономических инициатив и идей, которые когда-либо волновали умы человечества.

Мне выпала почетная миссия открыть сегодняшний форум. В 2016 году в этом же зале мы провели Первый Сочинский международный форум евразийской интеграции, участниками которого стали более 200 ученых, политиков, общественных деятелей, журналистов, предпринимателей из многих стран мира. И одним из результатов этого форума было принятие Сочинской декларации, в которой собравшиеся два года назад изъявляли желание и готовность встречаться периодически в нашем родном городе Сочи, родном для меня и для многих из здесь присутствующих, для того, чтобы продолжить свои дискуссии. Мы выполняем это обязательство.

Мы договаривались встречаться, как минимум, раз в два года. Прошло два года, многое в мире изменилось. Но мне кажется то, что произошло, в том числе и совсем недавно, на наших глазах, только лишний раз подталкивает нас к разговору о возможном сотрудничестве. Ибо мир, которым он предстает сегодня, конечно, очень конфликтен, и далеко не всегда мы находим взаимопонимание со странами, которые привыкли вмешиваться в чужие дела и привыкли доминировать.

Разговор сегодня пойдет о сотрудничестве, которое по вертикали невозможно. Сотрудничество по вертикали — это подчинение, зависимость. Мы говорим о горизонтали, о возможности равноправного сотрудничества в рамках Большой Евразии.

Далее К. Ф. Затулин зачитал обращение к участникам Форума Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Вячеслава Викторовича Володина.

В.А. ШВЕЦ,
заместитель главы администрации (губернатора)
Краснодарского края
(Россия)

Дорогие друзья! Я рад приветствовать вас в нашем Краснодарском крае. От имени губернатора Краснодарского края Вениамина Ивановича Кондратьев я приветствую вас. Сочи второй раз становится площадкой столь значимого международного политического события и это большая честь, конечно, для нас. В условиях геополитической напряженности, нарастания экстремистской идеологии в мире особенно востребован авторитет дружбы Шанхайской организации сотрудничества, ее роль в создании и поддержании международного диалога.

Мы все стремимся сохранить дружеские отношения, сделать мир более безопасным и предсказуемым, создать условия для устойчивого развития наших экономик. В Краснодарском крае принято говорить, что Кубань — дом для ста народов, и мы знаем, как важно сохранить межнациональный мир и согласие, как важно вести постоянный диалог и слышать голос каждого.

Желаю участникам форума тесного диалога и перспективного сотрудничества. Искренне надеюсь, что именно здесь в Сочи будут достигнуты договоренности и найдены ответы на те вопросы, которые стоят перед всеми странами Евразийского региона. Такие как безопасность и борьба с терроризмом, сохранение окружающей среды и экологии, мирное взаимодействие культур и религий. Еще раз очень рад вас всех приветствовать в Краснодарском крае, в особенности в нашем олимпийском городе Сочи и желаю всем успешной работы!

Б.М. ХАКИМОВ,
специальный представитель Президента РФ
по делам Шанхайской организации сотрудничества,
Посол по особым поручениям МИД России,
член Оргкомитета Сочинского международного форума,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
(Россия)

Специальный представитель Президента Российской Федерации Б.М. Хакимов передал участникам Форума послание С.В. Лаврова.

«Рад приветствовать участников Второго международного форума евразийской интеграции.

По инициативе Института стран СНГ авторитетные представители политических, общественных, академических и деловых кругов ведущих государств Евразии вновь собрались в гостеприимном городе Сочи. Не будет преувеличением сказать, что Ваш Форум уже утвердился в качестве полезной площадки для всестороннего и углубленного анализа актуальных проблем развития обширного Евразийского пространства.

На фоне разворачивающихся в мировой политике и экономике сложных и противоречивых процессов обращение к тематике такого уникального многостороннего объединения, как Шанхайская организация сотрудничества, является весьма своевременным. За прошедшие годы ШОС, опираясь на мощный и многоплановый потенциал, превратилась в неотъемлемый элемент системы международных отношений, важный фактор обеспечения региональной безопасности и устойчивого развития.

Уверен, что дискуссии в рамках Форума будут способствовать выработке совместных подходов к совершенствованию деятельности ШОС, укреплению многостороннего сотрудничества в борьбе с традиционными и новыми вызовами и угрозами во имя поддержания прочного мира и стабильности, достижения процветания в Евразии.

Желаю участникам Форума продуктивной работы».

Б.М. Хакимов пожелал участникам Форума плодотворной работы.

А.Н. ПАХОМОВ,
глава города Сочи
(Россия)

Дорогие друзья! Я рад приветствовать вас от имени сочинцев. Нам очень приятно, что местом проведения этого важного общественно-политического мероприятия выбран именно наш город. В Сочи накоплен большой опыт проведения мероприятий самого высокого уровня. Курорт живет и процветает первую очередь благодаря своим гостям. И в последние годы в Сочи очень поступательно развивается так называемый событийный туризм, когда люди приезжают к нам не только отдохнуть, но и поработать в ходе конференций, семинаров, круглых столов. Любое событие, которое проходит в Сочи, крайне важно для нас. Ведь оно привлекает новых гостей, делает наш город еще более узнаваемым и привлекательным. Но ваше мероприятие для нас особенно престижно, поскольку здесь, на сочинской земле, вы будете обсуждать вопросы построения нового многополярного мира. И нам, сочинцам, очень повезло, что мы станем свидетелями международных дискуссий такого уровня.

Хочется отметить, что город Сочи вновь готовится к очень важному мировому спортивному событию. 14 июня 2018 года у нас откроется Чемпионат мира по футболу. Целый месяц в Сочи будет проходить спортивный праздник планетарного масштаба. И я имею честь пригласить вас в наш город в дни его проведения!

Вам предстоит провести много времени в дискуссиях, которые определены повесткой Форума. Но я призываю вас найти возможности и для того, чтобы полюбоваться красотами нашего города, побывать на Красной Поляне и в Олимпийском парке, еще раз оценить исключительное гостеприимство сочинцев. Сочи — это город, в который хочется возвращаться вновь и вновь. Уверен, что вы сможете лично в этом убедиться!

Добро пожаловать, дорогие друзья! И успешного проведения Второго Сочинского форума евразийской интеграции!

А.Н. КЛЕПАЧ,
 заместитель Председателя
 Внешэкономбанка (главный экономист) –
 член Правления,
 член Оргкомитета Сочинского международного форума,
 кандидат экономических наук
 (Россия)

Уважаемые коллеги! Мне бы хотелось поделиться несколькими идеями, видением того, как может развиваться евразийское экономическое сотрудничество, и в первую очередь в формате Шанхайской организации сотрудничества.

Начнем с того, что все-таки ШОС создавалось как организация, как мы это знаем, именно по безопасности и сотрудничеству, а сейчас происходит не просто ее количественное расширение, а именно процесс ее становления, может быть уже в ближайшей перспективе, как организации экономического сотрудничества. Таковой ей еще предстоит стать. При этом следует учитывать, что, как уже отмечал Бахтиер Маруфович Хакимов, ШОС в широком составе, включая Индию и Пакистан, – это почти треть мирового ВВП по паритету покупательной способности. К 2020 году, если брать те прогнозы, которые используют МВФ, это будет уже порядка 34–35% мирового ВВП. А по оценке, которые мы делали во Внешэкономбанке, при такой динамике к 2025 году это уже будет 38 – 40% мирового ВВП.

Причем, действительно, ШОС – это наиболее крупная организация, которая может структурировать экономическое пространство Большой Евразии. Но это пространство очень многолико, и сама ШОС многолика, потому что страны, которые в нее входят, находятся на разном уровне развития и в разных, так сказать, весовых категориях. Это и Китай, и Индия, и Пакистан, и Россия. Но если мы берем шире, то здесь существуют и другие более знакомые для русской аудитории форматы политического и экономического сотрудничества, как СНГ, которое несмотря на все проблемы, продолжает развиваться. Это Евразийский экономический союз, китайская инициатива One Belt, One Road («Один пояс, один путь») и проект КНР, связанный с Региональным всесторонним экономическим партнерством.

На самом деле мы видим здесь очень много организаций и различных форм сотрудничества. И, как в 2015 году была поставлена задача сопряжения развития Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Один пояс, один путь», на самом деле стоит вопрос о возможности сопряжения разных форм экономического партнерства, потому что они не исчерпываются только тем форматом, который есть в ЕАЭС или в рамках китайского проекта (инициативы «Один пояс, один путь»).

Второй аспект, который хотелось бы здесь выделить. Мы сейчас живем в мире не только очень динамических изменений баланса экономических сил, где наблюдаются разные скорости развития. Мы видим и то, как Азия набирает свою мощь и в каком-то смысле возвращается к тому весу, который был у нее в мировой экономике еще в середине XIX века, когда на Китай и Индию приходилось больше трети мирового ВВП. Но одновременно мир не становится более безопасным, и это мы видим в тех расколах, и политических, и геополитических, и экономических, которые происходят в Европе. Это санкционная борьба, которая идет между США, Европейским союзом и поддержавшими их странами и Россией, это те элементы торговой войны, которые сейчас грядут между США и Китаем. Хотя хочется надеяться, что реальные масштабы конфликта окажутся меньше, чем сейчас заявлено. Потому что все хорошо знают или помнят, что одним из важных факторов Великой депрессии, то есть мирового кризиса 1929 года, стали именно торговые войны и те торговые барьеры, которые вели США против других стран.

В этом смысле нынешняя задача, несмотря на все конфликты, состоит в том, чтобы избежать такого сползания мира к новому раунду торговых войн. И в этом плане ШОС – то экономическое партнерство, которое начинает формироваться на ее основе – может стать альтернативой тому, что сейчас происходит в мире. И именно ШОС может стать носителем не только геополитической безопасности, связанной с борьбой

с терроризмом, но и экономической безопасности и сохранения потенциала экономического сотрудничества, какие бы периодические торговые споры и конфликты здесь не возникали. И в этом плане, может быть, идея такого соразвития или партнерства становится востребованной, потому что страны, которые входят в ШОС в большинстве своем относятся к так называемым развивающимся экономикам, которым еще нужно решить задачи собственного развития.

Каждый такие задачи решает по-своему, но есть огромное пространство и возможность взаимодействия и взаимного обогащения практиками развития и решения тех вопросов, которые есть в каждой из наших стран. Поэтому, действительно, для ШОС существует возможность не просто интеграции, выстраивания какой-то сопряженности торговых политик, инфраструктурных проектов, которые обсуждаются и в рамках китайского проекта Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Банка БРИКС, но и, по сути дела, выстраивания именно такого пространства экономического сотрудничества в Большой Евразии, где ШОС могла бы играть, учитывая свой потенциал и состав участников, лидирующую роль.

Еще один момент, который мне хотелось бы отметить. Мы видим, как вопрос доллара и расчетов в нем, даже в нынешних условиях, становится крайне острым и токсичным вопросом в рамках той войны санкций, которая сейчас возникает. И это не первопричина, но тоже важный стимул к тому, чтобы страны ШОС, на которые приходится больше половины мировых золотовалютных резервов и значительная часть финансовых потоков, начали совместно вырабатывать новую финансовую модель, хотя у них пока и доминирует европейский и американский рынки.

Определенные шаги к этому были сделаны в рамках создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и соглашения БРИКС по валютному пулу. Но по сути дела это пока только начало выбранного пути. Тот же юань, который Китай продвигает для взаимных расчетов, пока не обладает достаточным уровнем ликвидности. И поэтому я думаю, что в рамках ШОС и даже вне его рамок на двусторонней основе, у нас существует большой потенциал сотрудничества для расчетов в национальных валютах с целью снятия рисков тиражирования или валютных рисков, в том числе за счет двухсторонних соглашений национальных банков.

В перспективе возможно подключение к этому и таких суверенных фондов как, например, Евразийский фонд, который работает в рамках Евразийского экономического союза. Подобные соглашения действуют в БРИКС, в будущем возможно возникнут некоторого рода соглашения в рамках ШОС. Тогда это действительно могла бы быть альтернативная мультивалютная модель, которая придавала бы очень серьезный импульс взаимным инвестициям и сняла бы те риски геополитические, которые возникают вместе с долларом.

И в заключение. Экономика крайне важна, но есть вещи более важные, чем экономика. Это не только мир, но это и то, что сейчас принято говорить в терминах так называемого инклюзивного развития, когда экономический рост обеспечивается не только увеличением доходов, не только привлекательностью инвестиций, но и сбалансированным развитием человеческого капитала, сохранением и воспроизводством природной среды. И в этом плане существует много документов, например, деклараций ООН, однако реального продвижения к решению этих вопросов (и по чистой воде, и по преодолению социального неравенства и его сглаживанию) пока достаточно мало. И это тоже одна из тем, где страны Евразии могли бы выработать свою модель развития, которая позволила бы дать пример не только динамичного экономического роста, которым отличаются Китай, Индия и ряд других стран, но и роста, который позволяет решать вопросы как экологического, так и устойчивого, сбалансированного развития в мире.

Мне кажется, что при таком комплексном подходе ШОС была бы не просто одной из существующих в мире организаций на фоне обилия межрегиональных экономических объединений, но действительно могла бы предложить миру альтернативную, более устойчивую модель развития и сотрудничества. Может быть для этого нужно в рамках ШОС провести некоторую конференцию, предпосылки для которой может создать Второй Сочинский форум евразийской интеграции.

Спасибо, успеха нам всем!

Ли ЮНЦЮАНЬ,
 президент Всекитайской Ассоциации по изучению России,
 Восточной Европы и Центральной Азии,
 ранее директор Института России, Восточной Европы
 и Центральной Азии
 Китайской академии общественных наук
 (Китай)

Доброе утро, дорогие друзья!

В первую очередь хотелось бы отметить, что ШОС способствовала как многостороннему, так и особенно двустороннему сотрудничеству между государствами-членами этой организации. Думаю, что роль ШОС в мире будет расти, может быть мы даже не осознали ее реальной роли.

В последние годы между Китаем и Россией было подписано два важных документа. Первый из них, от 8 мая 2015 года, о сопряжении развития Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Второй документ, от 25 июня 2016 года и 4 июля 2017 года, касался сотрудничества между Китаем и Россией в рамках «Большого евразийского партнерства». Причем после предыдущего Сочинского форума произошло расширение Организации, сейчас ее полноправными членами являются уже восемь государств, между некоторыми из которых существуют разногласия (например, между Китаем и Индией, между Индией и Пакистаном).

Мешают ли эти проблемы расширению Организации? Расширение ШОС уже состоялось. Теперь Шанхайская организация сотрудничества стала самой крупной международной региональной организацией по занимаемой территории. Общее население этой организации составляет около 3 млрд чел. Для всех государств-членов ШОС это создает большие возможности. Но с расширением появились и новые, конечно решаемые проблемы. Первая из них – это проблема взаимного доверия, что раньше в принципе не наблюдалось, потому что Шанхайская организация сотрудничества существовала как большая семья, внутри которой наблюдалась гармония.

Не нужно забывать, что в 2017 году между Китаем и Индией на границе имело место военное противостояние, и чуть не дошло до вооруженного конфликта. Но, я думаю, это не главное. Между Китаем и Индией много общего, у нас хватит мудрости для решения этих проблем, потому что в других форматах сотрудничества мы имеем нормальные двусторонние отношения. Скажем в форматах взаимодействия министерств иностранных дел России, Индии и Китая, БРИКС и «Большой двадцатки». Поэтому, думаю, что и в ШОС мы наладим отношения, не мешая гармоничной атмосфере этой организации.

Второе, действующие механизмы. В ШОС действует много механизмов для решения существующих вопросов. Раньше у всех в государствах-членах Организации существовала президентская форма правления, но в Индии и Пакистане основные решения принимает премьер-министр. Как следствие, в 2017 году мы уже столкнулись с проблемой приглашения на Саммит глав правительств (на этой встрече отсутствовал премьер-министр Индии). Так будет продолжаться и дальше, поэтому не стоит ли нам урегулировать эти механизмы?

Еще хочу подчеркнуть, что мы живем в меняющемся мире. Так, за последние дни в парламенте Великобритании, как цирк по так называемому делу

Скрипалей, было принято решение о введении новых санкций против России. А для нанесения ракетных ударов по Сирии США, Франции и Великобритании вообще не понадобилось какого-либо обоснования.

Возвращаясь к Шанхайской организации сотрудничества, следует заметить, что нам пора подумать, как улучшить совместную работу и укрепить наше содружество, чтобы обеспечить необходимые условия для развития каждой страны и региона Евразия в целом. Именно на это и должен ответить наш Форум.

Я принимал участие во многих конференциях на эту тему. Среди них Сочинский Форум евразийской интеграции занимает особое место, вовлекая в свою работу представителей многих стран с разными направлениями деятельности. И мы должны сосредоточить наши усилия для того, чтобы придумать конкретные механизмы и мероприятия для улучшения деятельности Шанхайской организации сотрудничества.

М. РАМ,
генеральный секретарь правящей партии
«Бхаратия джаната парти»,
директор независимой экспертной
аналитической структуры India Foundation
(Индия)

Уважаемые гости, дамы и господа! Позвольте мне от лица правящей индийской партии «Бхаратия джаната парти» поблагодарить вас и сказать, что премьер министр Индии Нарендра Моды поддерживает деятельность Владимира Путина. И мы поздравляем его с победой на президентских выборах. Господин Владимир Путин — это великий руководитель. У него огромная популярность в Российской Федерации. И нам приятно это осознавать.

Мне также хотелось поблагодарить КНР как председателя ШОС и наших китайских представителей, с которыми все вместе мы готовим саммит Шанхайской организации сотрудничества. Наш премьер-министр Нарендра Моды в июне прибудет в китайский г. Циндао и будет участвовать в заседаниях Совета глав государств ШОС. Итак, главы трех государств, президент Владимир Путин, Председатель Си Цзиньпин и премьер-министр Нарендра Моды, ведут три великие державы — Российскую Федерацию, Китай и Индию в будущее, чтобы в XXI веке они стали глобальными лидерами. И сотрудничество в ШОС способствует этому.

Друзья! Период всемирного господства заканчивается, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И нам очень важно найти новые точки соприкосновения в Афганистане, Пакистане и Индии. При этом следует учитывать, что в ближайшие годы центр глобальной цивилизации сместится куда-то в центр Индийского океана, где и будут развиваться глобальные институты и различного рода союзы. Некоторые из таких союзов в Евразии уже существуют. Среди них особое место занимает Шанхайская организация сотрудничества как союз XXI века.

Друзья, мы вместе входим в этот век. Но в прошлом веке у нас были неприязни друг друга. И из-за этого порой в нашем регионе возникали кровавые конфликты. Такие раны очень трудно заживают, поскольку некоторые конфликты остаются неурегулированными.

Страны, которые раньше очень ценили демократические ценности, сейчас видят, что их национальными интересами пренебрегают по политическим и экономическим причинам. Продолжается политика по дестабилизации ряда стран посредством санкций и различного рода войн. Именно в таких условиях нам приходится принимать важные решения.

Друзья, нам нужно обсудить новые инициативы, в первую очередь со стороны государств-лидеров — Индии, России и Китая. В XXI веке у нас будут новые институты, союзы и рамки сотрудничества, где мы сможем выступать единым фронтом. И создавать их должны указанные страны, чтобы обеспечивать стабильность и сбалансированность в этом мире.

Друзья, Россия, Китай, Индия — это не только страны, но и очень мощные цивилизации. Это совместно с нашими ценностями должно помочь нам

сформулировать новый глобальный подход к разделению мировой власти. Причем мы стремимся к равенству и миру, в отличие от Запада, где говорят неким преимуществом над нами. А евразийское будущее, по моему мнению, тесно связано с сотрудничеством, миром и стабильностью во всем регионе.

Следует заметить, что в своей внешней политике Индия отдает приоритет стране-наблюдателю ШОС — Афганистану, на территории которого нам нужно тесно взаимодействовать, чтобы решить существующие проблемы. И это можно сделать только на основе консенсуса, равенства всех стран и учета их суверенитета, что хорошо понимают в Дели, Москве и Пекине. И нам нужно бороться с негативными международными империалистическими проистаками.

В XXI веке угрозы терроризма существенно усилились, и никакая страна в одиночку не с ними справится. Не бывает плохих и хороших террористов, и им нет места в новом веке. Более того, в Индии есть радикалы, которые нападают на тех, кто их создал. Поэтому террористы не должны приниматься нигде. И мы должны отчетливо понимать, кто их спонсирует. Не менее важно и то, что религия не должна стимулировать терроризм, поэтому нам нужно реализовывать программу по недопущению использования религии для обоснования террористических актов. Наш Форум может помочь создать серьезную структуру региональной безопасности для совместной борьбы с международным терроризмом.

Дамы и господа! В заключение я бы хотел сказать, что в XXI веке ООН должен принадлежать нам, большим странам, которые находятся в восточном полушарии. Следовательно, на нас лежит ответственность по созданию альянсов, объединения наших подходов и действий. И это нас приведет к тому чтобы все мы создали на платформе ШОС новый лучший мир для наших будущих поколений.

М.А. ИЗИДЬЯР,
первый заместитель председателя Мешрано Джирги
(верхней палаты парламента) Афганистана

Роль гражданского общества и общественной дипломатии в развитии ШОС

Уважаемый председатель, участники и организаторы Сочинского международного форума, представители гражданского общества разных стран, дамы и господа! Мне очень приятно представлять мою страну — Афганистан на этом престижном форуме. От имени Национальной ассамблеи (парламента) Афганистана позвольте мне поблагодарить председателя Оргкомитета Сочинского международного форума Константина Затулина за проведение такого важного международного мероприятия. И я хотел бы выразить свою искреннюю благодарность организаторам Форума.

Мы приветствуем создание Сочинского международного форума и считаем, что этот форум работает в целях укрепления гражданского общества, различных политических и социальных органов. Поэтому мы полностью поддерживаем его роль в области мира, развития и стабильности в регионе и во всем мире.

Уважаемые коллеги! Афганистан является одной из тех стран, которые столкнулись с кризисом и нестабильностью. Эта ситуация возникла в силу многих факторов, главным образом, по причине регионального и международного терроризма, прокси-войн, незаконного оборота наркотиков и других видов преступной деятельности. Это также связано с геополитическим и геостратегическим расположением нашей страны, к которой притягиваются зачастую совсем недружественные элементы. На самом деле все, что происходит в Афганистане, может затронуть весь регион, включая большой и влиятельный Китай.

В этой войне мы сталкиваемся с террористическими группами из разных стран. Некоторые из этих групп не имеют возможности действовать в своих странах, поэтому они осуществляют свою террористическую деятельность в Афганистане, в то время как их главная цель — экспортировать террор в другие страны. В связи с этим прекращение войны в Афганистане является обязанностью не только нашего народа, но и всех стран мира, пострадавших от этой войны.

Главный вопрос заключается в том, как регион и страны мира могут устранить опасность терроризма и нестабильность, которую он порождает? Ответ на этот вопрос лежит в налаживании регионального и глобального сотрудничества и совместной борьбе с терроризмом и экстремизмом. Логически это может быть первым и наиболее очевидным ответом всех стран на эту острую международную проблему, особенно тех государств, которые участвуют в делах Афганистана. Считаю, что страны-члены Шанхайской организации сотрудничества имеют потенциал для ликвидации всех проявлений терроризма, войны и нестабильности в Афганистане.

Уважаемый председатель и уважаемые гости! Терроризм представляет собой огромную угрозу для развития мирового сообщества. Возникновение терроризма и экстремизма обусловлено соединением множества факторов, из

которых мы можем назвать следующие: социальное и экономическое неравенство; несправедливость, тирания, коррупция, монополизация политической власти, дискриминация по этническому признаку; религиозное и языковое сектантства, экстремистское религиозное обучение, двойственность политики и доминирования колониального духа развитых стран и стран-доноров в развивающихся странах.

Ссылаясь на приведенные выше факты, нельзя бороться с терроризмом только военным путем. Наша борьба с терроризмом может быть успешной, если мы объединим военные усилия с региональным и международным сотрудничеством и всеми смежными областями обороны и безопасности, устойчивым политическим, социальным, культурным и экономическим развитием.

Шанхайская организация сотрудничества может сыграть очень важную и позитивную роль в нынешних и будущих усилиях Афганистана по обеспечению стабильности и развития. Использование потенциала гражданского общества и публичной дипломатии — два ключевых элемента для обеспечения развития и расширения ШОС.

Будучи членом и вице-спикером парламента Афганистана, я полностью поддерживаю роль Шанхайской организации сотрудничества в поддержании мира, стабильности и устойчивого развития в Афганистане. Мы надеемся, что наша страна получит полноправное членство в этой важной региональной и глобальной организации. Это очень важно, в том числе для совместной борьбы с терроризмом и расширения позитивного и благотворного участия стран-членов Организации в различных секторах в Афганистане. В свою очередь Кабул готов предложить возможности нашей страны и ее гражданского общества в развитии Шанхайской организации сотрудничества. А чтобы обеспечить выполнение наших целей, нам необходимо расширение и развитие Шанхайской организации сотрудничества путем участия гражданского общества и использования публичной дипломатии. Причем благодаря активной публичной и международной дипломатии ШОС может убедить страны-члены и представителей их общественных кругов соседних стран сделать все возможное для обеспечения необходимого развития Шанхайской организации сотрудничества, что в свою очередь может сыграть важную роль в обеспечении мира и стабильности в Афганистане.

В целях достижения максимального результата наших усилий мы просим от Российской Федерации и Китайской Народной Республики, как двух крупных сверхдержав, в полной мере участвовать в наших попытках создать стабильную региональную атмосферу, в которой будут преобладать мир, спокойствие и устойчивое развитие.

С.Р. МУСАВИ,
Советник Министра иностранных дел МИД Ирана,
ранее – генеральный директор Института политических
и международных исследований (IPIS) МИД ИРИ,
доктор политических наук,
Чрезвычайный и Полномочный посол
(Иран)

ШОС – влиятельная региональная организация

Во имя Бога милосердного и сострадательного. В последние годы региональное сотрудничество приобретает все большее значение. Примерами успешного сотрудничества является деятельность в рамках таких организаций, как Европейский союз (ЕС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем (МЕРКОСУР). Региональное сотрудничество также развивается в Евразии, страны которой являются членами следующих организаций: Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Содружество Независимых Государств (СНГ).

Членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) являются все основные государства Евразии. Сначала ограниченный круг государств вступили в эту организацию. Однако, в ходе развития процесса глобализации, а также региональных процессов в политической и экономической областях, в сфере защиты окружающей среды ШОС, согласно Ташкентской декларации (2004 года), расширила круг обсуждаемых вопросов. На сегодняшний день ШОС уделяет пристальное внимание региональным проблемам стран членов Организации.

В основе сотрудничества в рамках ШОС подчеркивается взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, оказание поддержки и признание огромного культурного и цивилизационного разнообразия стран-членов Организации. В то же время ШОС выражает свою озабоченность по поводу вмешательства во внутренние дела других стран.

Отношение Ирана к ШОС. Целями и задачами ШОС являются: проблема односторонности, содействие региональной стабильности, укрепление регионального сотрудничества и инфраструктурного развития, а также борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, которые в свою очередь, являются актуальными факторами для Исламской Республики Иран (ИРИ) при принятии решения о вступлении в ШОС.

В 2005 году Иран объявил о желании вступления в ШОС, а 24 марта 2008 года подал заявку на полноправное членство. Однако, поскольку Иран в то время находился под санкциями Организации Объединенных Наций, ИРИ не была допущена к приему в качестве нового члена. В частности, было заявлено, что ни одна страна под санкциями ООН не может быть принята в ШОС.

Иран уже долгое время имеет статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества, но его заявление о вступлении в Организацию в качестве полноправного члена нельзя рассматривать в течение нескольких лет из-за проблем, связанных с ядерной программой. После отмены санкций ООН Председатель КНР Си Цзиньпин во время своего государственного визита в Тегеран в январе 2016 года объявил о поддержке со стороны Китая полного членства Ирана в ШОС. Президент России Владимир Путин и многие другие представители государства-членов ШОС также подтвердили свою поддержку вступлению Ирана в ШОС.

На 17-м саммите ШОС 8-9 июня в Астане отмечалась 15-я годовщина создания Организации. В рамках этого мероприятия Индия и Пакистан, с 2005 года, имевшие в ШОС статус стран-наблюдателей, получили полноправное членство.

Незадолго до начала саммита, казалось, что вопрос о членстве Ирана в ШОС также будет на повестке дня. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф провел многочисленные встречи с главами государств и министрами иностранных дел

стран — членов ШОС. Однако в Организации продолжали молчать о членстве Ирана в ходе этого саммита. Причем после получения поддержки со стороны Китая и России появилась надежда на членство Ирана в ШОС, но этого не произошло.

Каковы причины? Точного ответа нет, и в разных случаях неофициально были даны разные ответы, основанные на аналитическом подходе, а не на анализе реальных причин. Иранские представители интеллектуальных, научных, политических кругов не принимают этих доводов:

а) членство Ирана усилит напряженные отношения между Ираном и США при администрации Дональда Трампа;

б) региональные соперники Ирана, такие как Саудовская Аравия, спровоцируют менее влиятельных членов ШОС против членства Ирана;

в) Таджикистан считается одним из главных противников присоединения Ирана из-за участия лидера запрещенной Партии исламского возрождения Таджикистана Мухиддина Кабирова (Кабери) на ежегодной международной конференции «Исламское единство» в Тегеране в декабре 2015 года.

Не важно, верны ли вышеприведенные причины или нет, Иран стал проявлять меньший интерес к вступлению в ШОС, и после 17-го саммита ШОС ИРИ сократила свою деятельность по вступлению в ШОС.

Важность Ирана для ШОС. Членство Ирана в ШОС не является односторонним интересом для самой ИРИ. Это взаимный интерес для обеих сторон. Если Иран станет членом ШОС, то это принесет пользу как Организации, так и Ирану.

1. Организация станет действительно региональной.

2. Полноценное членство Ирана в ШОС, безусловно, увеличит политический вес Организации в силу влияния и стратегических позиций Ирана на Ближнем и Среднем Востоке.

3. Присоединение Ирана к ШОС в качестве полноправного члена будет способствовать развитию транспортных коридоров. Так, Международный транспортный коридор (МТК) «Север-Юг» может связывать Афганистан и Центральную Азию с основным транспортным коридором, который идет из Юго-Восточной Азии через Индию в Санкт-Петербург и Европу.

Фактически, присоединение Ирана к ШОС позволило бы Организации «разморозить» крупные логистические проекты, заблокированные в середине 2000-х годов из-за изоляции Тегерана от мировой экономики, в частности МТК «Север — Юг». Тегеран является ключевым звеном в проекте «Новый шелковый путь». Юго-восток Ирана — прибрежная зона на границе с Пакистаном и, в частности, порт Чабахар, является важной частью маршрута для морской торговли.

4. В рамках региональной безопасности членство Ирана в ШОС могло бы способствовать урегулированию ситуации в Афганистане. Иран больше всех заинтересован в обеспечении безопасности в этой стране. Граница ИРИ с Афганистаном является одной из самых проблемных районов.

5. Иран является одним из самых опытных в регионе стран в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Многие государства-члены Организации могли бы приобрести этот опыт после присоединения Ирана к ШОС.

Получение Ираном полного членства в ШОС станет гарантом стабильности и безопасности государств-членов Организации. Так, Иран имеет богатый опыт в этой области и способен помочь государствам-членам ШОС повысить уровень безопасности в своих странах. Иран, в свою очередь, сможет расширить свое сотрудничество с такими влиятельными государствами-членами, как Россия и Китай.

Таким образом, ШОС — это крупная региональная организация, и в силу многих факторов ее влияние усиливается. С самого начала формирования ШОС Иран как важный политический региональный игрок был заинтересован вступлением в Организацию, но по многим причинам этого так и не состоялось. Присоединение Ирана к ШОС имеет много преимуществ для самой Организации и ее государств-членов.

А.В. ЛУКИН,
 директор Центра исследований Восточной Азии
 и ШОС МГИМО (У) МИД России,
 член Оргкомитета Сочинского международного форума,
 доктор исторических наук
 (Россия)

Добрый день! Большое спасибо за приглашение на Второй Сочинский форум евразийской интеграции и высокий уровень организации его проведения!

Я представляю Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России, который в рамках Форума Шанхайской организации сотрудничества является национальным исследовательским Центром ШОС (составная часть второй дорожки или экспертная организация при ШОС). В соответствии с Регламентом Форума мы собираемся на заседание раз в год, чтобы обсудить актуальные проблемы. По завершении работы мы согласовываем совместные рекомендации по дальнейшему развитию Организации, которые поступают в Секретариат ШОС, министерства иностранных дел и правительства государств-членов Организации.

Помимо Форума ШОС при Организации с разным уровнем эффективности действуют и другие общественные структуры. Среди них нужно отметить Деловой совет ШОС, Межбанковское объединение ШОС, Энергетический клуб ШОС и Молодежный совет ШОС (в него входят не все члены ШОС).

Наш Форум ШОС работает достаточно активно уже более десяти лет. В начале мая 2018 г. в Астане пройдет уже его XIII заседание. В Форуме представлены по одному научно-исследовательскому центру от каждого государства-члена Организации. Со стороны Казахстана таким центром является Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. От Китайской Народной Республики — это Китайская академия международных проблем при МИД КНР. В состав Форума также входят Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан и Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. В этом году впервые на этом форуме будут присутствовать официально утвержденные организации из Индии и Пакистана: Индийский совет по международным делам и Центр глобальных и стратегических исследований из Исламабада.

Возвращаясь к ШОС, хотел бы заметить, что ее деятельность обычно разделяют на три основных направления: безопасность; экономика; культура, образование и гуманитарные вопросы. В области безопасности ШОС проделала наиболее значительную работу. На ее пространстве регулярно проходят антитеррористические учения «Мирная миссия», причем как на многосторонней, так и двухсторонней основе, ведется борьба с терроризмом. Этим занимается работающая в Ташкенте Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС, которая занимается обменом информацией и координацией деятельности специальных служб государств — членов Организации.

В то же время экономическое сотрудничество в ШОС, по большому счету, отсутствует. И это несмотря на то, что существует огромное количество соответствующих документов. Речь идет о многосторонних проектах. Фактически очень часто достижения двустороннего сотрудничества выдаются за работу ШОС. Конечно, ШОС создает определенные условия для роста двустороннего сотрудничества, но он в принципе развивалось бы и без ШОС. Но не решен даже вопрос с созданием органа финансирования многостороннего сотрудничества, например, Банка ШОС. Хотя аналогичная структура в БРИКС уже функционирует. Некоторые китайские эксперты считают, что именно разочаровавшись в возможностях экономического сотрудничества в Центральной Азии в рамках ШОС, в Пекине решили действовать самостоятельно и выдвинули свою инициативу «Экономического пояса Шелкового пути».

В отношении гуманитарного сотрудничества на пространстве ШОС существуют определенные достижения. Так, действует сетевой Университет ШОС, который представляет из себя сеть специальных программ в разных ВУЗах государств-членов Организации. Проводятся и другие, но в основном разовые, мероприятия в гуманитарной сфере. В связи с этим было бы целесообразно провести на «шосовском» пространстве какие-нибудь знаковые мероприятия, например, Спортивные игры ШОС. Организовать их было бы вполне возможно именно в Сочи, где имеется соответствующая инфраструктура. Я уже говорил об этом на первом сочинском форуме, и тогда идея была воспринята вполне позитивно.

По моему мнению, ШОС сейчас находится на переломном моменте своего развития, учитывая вступление в ШОС двух новых влиятельных государств Азии и в связи с новой международной обстановкой и развитием интеграционных процессов в Евразии. Причем некоторые международные процессы развиваются более активно, чем сама организация, и нужно понять, какова будет в этой ситуации роль Шанхайской организации сотрудничества. В первую очередь, я имею в виду развивающееся активно российско-китайское сотрудничество как основу всей евразийской интеграции. Здесь у нас наблюдается существенный рост двусторонней торговли, но главное — усиливается стратегическое взаимопонимание Москвы с Пекином.

Одновременно развивается естественный процесс интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Продолжается сопряжение между ЕАЭС и китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути». Наконец, возникла идея Большой Евразии в разных ее интерпретациях, идут переговоры между Россией и Китаем о развитии евразийского экономического партнерства. И у этого проекта уже есть политический аспект, так как высказанная президентом Владимиром Путиным идея создания «Большой Евразии» была поддержана и китайской стороной, и нашими коллегами по Евразийскому экономическому союзу.

Какова будет роль ШОС в условиях развертывания всех этих процессов? Полагаю, что Организация могла бы помочь вовлечь в евразийское сотрудничество те страны, которые не входят в ЕАЭС и в процесс сопряжения Европейского экономического союза с китайской инициативой. Потому что в ШОС есть разные страны, которые пока к этому активно не подключились. Во-первых, это новые члены Организации: Индия и Пакистан. Но это имеет отношение и к Узбекистану, Таджикистану и ряду других государств. Следовательно, единственная перспектива развития ШОС — это укрепление как политического, так и экономического сотрудничества.

Мы говорим о том, что Большая Евразия будет разноскоростным процессом. При этом каждый будет вносить в евразийскую интеграцию столько, сколько посчитает нужным. И идти с той скоростью, с какой он хочет. Именно этим и будет отличаться ШОС, скажем, от Европейского союза, где на единых условиях набрали много членов самого разного уровня развития и теперь имеют много проблем. В связи с этим Шанхайская организация сотрудничества вполне может сыграть роль следующей ступени сотрудничества после сопряжения китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и деятельности Евразийского экономического союза, подключая к этому процессу новых членов и становясь одной из основ развития евроазиатского региона.

В.Т. ТРЕТЬЯКОВ,
 автор и ведущий телепрограммы
 «Что делать? Философские беседы»
 на телеканале «Культура»,
 декан Высшей школы (факультета)
 телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова,
 член Оргкомитета Сочинского международного форума
 (Россия)

На мой взгляд, экономическая составляющая ШОС не слишком важна, а вот политическая меня более всего волнует. Если какой-либо достаточно мощной организации (таковой ШОС пока не является) не существует в информационном поле, то ее не существует в массовом общественном сознании. В качестве примера можно обратить внимание на Европейский союз. Каждый гражданин России знает флаг ЕС, его гимн и может довольно легко назвать многих членов этой организации, а также знает руководителей Европейского союза. Ничего подобного средний гражданин России не знает не то что о ШОС и ЕАЭС, а даже об СНГ.

Причина этого состоит в том, что новости о делах ЕС идут каждый день или раз в два дня по всем отечественным телеканалам. Не уверен, что на нашем заседании среди присутствующих камер хотя бы одна представляет федеральный телеканал. Это реальность сегодняшнего дня, и мы видим, как информация побеждает реальность в буквальном смысле этого слова.

Уверен в том, что информационная составляющая ШОС исключительно важна. В ближайшем будущем я вижу три главные направления развития Шанхайской организации сотрудничества, как гражданин России, озабоченный всякими интеграционными процессами и всеми проблемами, которые существуют в мире и вокруг России, и в которых Россия задействована и вынуждена реагировать в буквальном смысле слова в одиночку, несмотря на наличие формальных союзников, а также заявлять и свои права, и свою позицию.

Во-первых, на мой взгляд, абсолютно назрело в свете всех последних событий, чтобы страны — члены ШОС заявили, что в пределах их территорий коллективную, а равно и индивидуальную военную безопасность они обеспечивают исключительно сами, и никаких третьих стран здесь быть не должно. И выше Шанхайской организации сотрудничества может стоять только Организация Объединенных Наций. Наверное, желательно было бы сопроводить это также тем, чтобы заявить о ликвидации на этой территории, если они существуют, и не возникновения вновь военных баз и иных военных структур каких-либо других третьих стран. Следовательно, пространство ШОС объявляется территорией внутренней коллективной безопасности стран-участников Организации. И никто другой, включая США, не должен вмешиваться в нашу внешнюю и внутреннюю безопасность.

Во-вторых, необходимо союзничество юридических и дипломатических служб стран — членов ШОС. Вначале на закрытом заседании лидеры стран-членов ШОС должны определиться с решением очень сложных цивилизационных проблем, а потом это вынести на обсуждение национальных парламентов. Иначе мы не двинемся никуда, поскольку ООН скоро рассыплется. То есть фактически я вижу ШОС как одну из региональных альтернатив Организации Объединенных Наций, которая потом, объединившись с другими аналогичными структурами в Латинской Америке и Африке, создаст новую ООН.

Итак, объединение юридических и дипломатических служб, включая подготовку соответствующих специалистов, согласованное внедрение их в международные организации, начиная с ООН и все остальные крупные международные организации, консолидация сотрудничества, координации их работы в рамках этих организаций, солидарное голосование по актуальным международным вопросам — вот что мы должны сделать.

В-третьих, это информационная (медийная) составляющая деятельности ШОС. Я не знаю, нужен ли Организации очередной банк развития. Таких банков много создается. И не совсем понимаю, откуда все они берут деньги и куда затем эти деньги направляют. Это, наверное, отдельные проблемы. Но совершенно очевидно то, что в финансовой сфере пока наши страны, и России это точно касается, к сожалению, не могут противостоять финансовой системе Запада. Так, РФ находится не на нефтяной, а на долларовой игле, что абсолютно недопустимо. Подобное имеет место и в информационной сфере, так как медийную (событийную) картину мира определяет Запад через англосаксонские СМИ.

На территории каждой из наших стран мы имеем некий информационный суверенитет, более или менее полный. Но мы не имеем такого суверенитета на территории всех наших стран в совокупности. И даже когда у нас возникают общие цели и интересы, то очевидно возникает и необходимость в общей информационной кампании, которую мы вполне можем провести. Почему мы это не делаем? Полагаю, что не можем ввиду отсутствия соответствующих механизмов и договоренностей, единого психологического настроения руководителей СМИ и журналистов. Этим нужно заниматься уже сегодня, чтобы через три-четыре года создать дееспособную структуру. Это, как и языковая проблема, потому что все, кто говорит на английском языке, будут и думать, рано или поздно, как англосаксы.

А.В. ГАЙДАКА,
 нефтегазовый аналитик,
 член Экспертного совета корпоративного управления
 Центрального Банка РФ,
 ранее – заместитель Председателя ПАО «ЛУКОЙЛ»
 (Россия)

Дорогие друзья! В первую очередь мне бы хотелось передать свою благодарность Организаторам Второго Сочинского форума евразийской интеграции и Институту СНГ за многолетние усилия по продвижению сотрудничества на пространстве как СНГ, так и ШОС. Я считаю наш Форум чрезвычайно важным международным событием, особенно сейчас, когда мы вынуждены больше смотреть на региональную кооперацию и сотрудничество, нежели на то сотрудничество России с Западом. Именно поэтому для меня было большой честью получить это приглашение для участия в деятельности Форума.

Считаю важным затронуть четыре основных направления, которые могут стать ключевыми для развития сотрудничества на «шосовском» пространстве. Это энергетика; финансы и инвестиции; миротворчество и обеспечение безопасности; и расширение знаний, независимая аналитика, исследования по странам региона. А то мы больше друг о друге узнаем из исследований Cambridge Energy Research Associates, нежели из исследований российских или индийских организаций. Хотя в последнее время я больше читаю Times of India, China Times или Asia Times для того, чтобы получить более-менее взвешенную информацию о том, что происходит в интересующих меня регионах.

По энергетике я хочу начать с того, что потребление природного газа в Китайской Народной Республике в 2018 году составит больше, чем аналогичная потребность трех Германий и четырех-пяти Англий или Франций. Это свидетельствует о гигантском скачке, который эта страна уже сделала за последние 15 лет. И в дальнейшем Китай будет развиваться гигантскими темпами. Уверен, что высокие темпы развития будут характерны для Индии и Пакистана. И эти рынки, особенно Китай и Индия, будут крупнейшими перспективными рынками природного газа не только для России, но и Туркменистана, Ирана, Казахстана и Узбекистана.

В этой области можно наблюдать огромное количество исследований со стороны наших англосаксонских друзей, которые часто говорят о конкуренции, например, между туркменским, иранским и российским газом. Сейчас я независимый аналитик, но ранее в течение 15 лет был вице-президентом ПАО «ЛУКОЙЛ». Поэтому я могу сказать, что это не так. Сейчас там нет никакой конкуренции ввиду значительных масштабов этих рынков. Так, только китайский рынок газа должен до 2030 года вырасти с сегодняшних 220 млрд м3 до 700 – 900 млрд м3, что составит уже десять Германией на данный момент. То есть места там хватит всем, поэтому очень важно укреплять сотрудничество между странами, которые присутствуют в рассматриваемом регионе. И тогда, я уверен, экономический рост будет достигнут.

Хотелось бы также напомнить, что Россия обладает не только чрезвычайно крупными запасами природного газа, но и лучшими на сегодняшний момент технологии по его добыче и, главное, транспортировке. Так, ПАО «Газпром» оперирует системой, которая включает 160 тыс. труб высокого давления и еще больше 200 тыс. труб среднего и низкого давления. При этом, несмотря на все катаклизмы, которые происходили на территории бывшего Советского Союза, с развалом страны и гражданскими войнами, ни разу не было прервано газоснабжение крупных промышленных центров и регионов РФ. Этого никто бы в мире достигнуть не смог. Поэтому этот потенциал необходимо использовать для дальнейшего развития наших возможностей в рамках региональной кооперации.

Второе – это финансы и инвестиции. В течение последних 25 лет крупные российские корпорации, включая и ПАО «ЛУКОЙЛ», получали на Западе значительную

долю долгосрочных инвестиций. Они выходили на мировые финансовые рынки и размещали там свои облигации и акции. Это позволяло получать финансовые средства под низкий процент и осуществлять собственные инвестиции. Так построена российская инвестиционная система. При этом достаточно большое количество российских граждан хранили свои финансовые средства вне собственной страны, как правило, под англосаксонской юрисдикцией. А уже англосаксы инвестировали в российские компании.

Сейчас очень важно поменять эту систему. И огромные усилия, в частности Центральным банком России, проводятся в этом направлении. В частности, мы видим платежную систему «Мир», которые постепенно у нас внедряется. А для этого нужно России заново создать систему внутрироссийских инвестиций, что требует активного сотрудничества с уже развитыми большими финансовыми рынками, как Китай и Индия. Я этим занимался в течении 10 лет в отношении Гонконгской бирже с целью развития инвестиционного сотрудничества между Россией и Китаем. Причем через ту структуру в ПАО «ЛУКОЙЛ», которую я возглавлял, прошло более 50 млрд долл. инвестиций в Российскую Федерацию, Казахстан, Узбекистан, Иран, Ирак и Китай.

Третий вопрос – это миротворчество и обеспечение безопасности. Огромные трубопроводные и энергетические системы чрезвычайно уязвимы со стороны террористов или в период вооруженных конфликтов. Без мира такие системы развиваться не могут, например, на территории Афганистана. С учетом этого я полагаю, что в ШОС важна экономическая составляющая, поскольку трубопроводные системы не строятся мелкими частными компаниями. Это невозможно. Это можно осуществить только в рамках сотрудничества крупных корпоративных, финансовых, инвестиционных и государственных институтов.

Несколько слов хотелось бы сказать по поводу миротворчества. Я вырос в Индии, в Ранчи штат Бихар и в Калькутте, где мои родители выводили на проектную мощность несколько промышленных предприятий. И тогда я даже не думал, что мой родной Донбасс может стать местом вооруженного конфликта. Причем миротворчество – это не только экономически выгодная вещь, это наш гуманитарный, человеческий и для меня православный долг. Это то, чем мы обязаны заниматься.

И четвертое, нам очень нужны знания друг о друге, в чем я полностью согласен с В.Т. Третьяковым. Со своей стороны я готов подготовить обоснование инвестиций и разместить их, например, в Cambridge Energy Research Associates по энергетике, Price for House или Ernst & Young. И этим нужно заниматься: создавать соответствующие базы данных, продолжать общение и обмениваться между собой аналитической информацией.

Итак, у нас есть огромные возможности для расширения экономического сотрудничества среди стран, которые входят в состав «шосовской семьи», в первую очередь в области энергетики и высоких технологий, инвестиций и финансов. Так, индийские биржи уже сегодня являются крупными игроками на финансовом рынке, там создана система коллективных инвестиций. Аналогичная система действует в Китае, что на сегодняшний момент не очень используется с точки зрения взаимных инвестиций. И все это нам нужно осуществлять на фоне миротворчества и деятельности по обеспечению региональной безопасности, а также лучше узнавать друг друга.

СЕКЦИЯ 1.

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ». МИРОПОРЯДОК,
БЕЗОПАСНОСТЬ И БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

С.Г. ЛУЗЯНИН,

директор Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН,
руководитель Центра изучения стратегических проблем
Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН,
доктор исторических наук
(Россия)

А.Ф. КЛИМЕНКО,

заместитель руководителя
Центра изучения стратегических проблем
Северо-Восточной Азии и ШОС
Института Дальнего Востока РАН,
генерал-лейтенант в запасе, кандидат военных наук
(Россия)

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» И ШОС. МИРОПОРЯДОК, БЕЗОПАСНОСТЬ И БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ*

1. Концептуальные основы формирования «Большой Евразии»

На фоне общих геоэкономических и геополитических представлений, связанных с развитием и обустройством Евразийского континента, сегодня идет этап осмысления концепции Большого евразийского партнерства или «Большой Евразии».

В современном геополитическом лексиконе «Большая Евразия» включает весь евразийский континент и часть африканского. Согласно классификации ООН, в Большую Евразию входят 105 стран Европы, Азии и Северной Африки, сконцентрировано почти 9/10 производимой в мире энергии, около 3/4 мирового ВВП и 4/5 населения мира¹.

К настоящему времени на этом пространстве сложилось множество различных форматов сотрудничества, но здесь находятся и основные очаги международной напряженности. Здесь же со всей остротой представлены проблемы целостности и суверенитета стран.

В пространстве «Большой Евразии» выделяется субрегион с относительно высоким уровнем интеграции — Северная Евразия. Для России ситуация именно в центре и на севере Евразии имеет жизненно важное значение, при высокой значимости юго-западного, южного и юго-восточного азиатского направлений, а также сотрудничества с другими государствами — участниками Шанхайской организации сотрудничества и с Европейским союзом².

Как известно, в сентябре 2015 года президент Казахстана Н. Назарбаев во время своего выступления в Генеральной Ассамблее ООН призвал мировое сообщество сплотиться вокруг идеи создания «Большой Евразии», подразумевающей объединение в единый интеграционный проект «Евразийского экономического союза» (ЕАЭС), «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и Европейского союза (ЕС).

Эта идея было конкретизирована президентом России В.В. Путиным. 3 декабря 2015 года в Послании Федеральному собранию он сформулировал концепцию создания Большого евразийского партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и государствами, которые в том или ином статусе присоединяются к ШОС³. Продолжая эту мысль на Международном форуме «Один пояс, один путь»

* Все сноски, приведенные в статьях, см. в разделе «Примечания к статьям».

в мае 2017 года российский президент добавил, что участие государств Евросоюза в таком партнерстве сделало бы «Большую Евразию» действительно гармоничным, сбалансированным и всеобъемлющим проектом, позволило реализовать уникальный шанс создать единое пространство сотрудничества от Атлантики до Тихого океана. Причем впервые за всю историю. По его мнению, будущее евразийского партнерства это не просто налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. По сути, — содействовать становлению нового миропорядка. Этому во многом будут способствовать заявленные инициативы в рамках проектов «ЕАЭС и «Один пояс, один путь», в связке с Северным морским путем ... которые... способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента, а это — ключ к освоению территории, оживлению экономической и инвестиционной активности»⁴.

Эта концепция на протяжении 2016–2017 годов неоднократно обсуждалась на различных многосторонних дискуссиях и в экспертной среде, став, по сути, флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции.

Инициатива по созданию Большого евразийского партнерства получила политическую поддержку и со стороны Китая. Так, 8 мая 2015 года в Москве главы КНР и России подписали «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» и решили, что целью этого процесса станет формирование общего экономического пространства на всем Евразийском континенте. Позднее эта инициатива была поддержана всеми государствами ЕАЭС.

Как известно, основная идея проекта ЭПШП заключается в пяти связующих элементах: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капиталов и укрепление гуманитарных связей между народами.

В свою очередь, ЕАЭС — это процесс экономической интеграции на постсоветском пространстве на основе российско-белорусско-казахстанского Таможенного союза. Его цель — в согласовании и унификации экономической политики государств-членов, реализации единого экономического пространства, единой монетарной политики, создании общего энергетического рынка и в достижении свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

В качестве международной организации ЕАЭС имеет наднациональные структуры: Евразийскую экономическую комиссию и Союзный суд, и обладает международной правосубъектностью.

Китайская инициатива ЭПШП, как и весь проект «Один пояс, один путь» в целом, опираясь на экономические коридоры, обеспечит прорыв в области транспортной инфраструктуры путем создания основы для ее финансирования и создания интегрированной инфраструктуры в Азии. При этом китайская инициатива «Один пояс, один путь» не направлена на создание международного института и не имеет международной правосубъектности. Через политическую координацию, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойную торговлю, свободное передвижение капиталов и сближение между народами она будет открывать новые точки экономического роста, стимулировать экономическое развитие и способствовать социально-экономическому процветанию, миру, согласию и стабильности в регионе. Она ориентируется на содействие развитию торговли и инвестиций, углубление экономического и технического сотрудничества, и, в конечном счете, формирование на Евразийском континенте общего экономического пространства⁵.

Таким образом, сопряжение двух трансконтинентальных интеграционных инициатив — Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» открывает возможности для устойчивого экономического развития Евразии. Для Российской Федерации сопряжение потенциала ЕАЭС и китайского проекта ЭПШП приобретает большую актуальность и в контексте создания геополитического партнерства между Пекином и Москвой с целью отстаивания концепции многополярного мира⁶. Что же касается идеи развития единого экономического пространства с Европейским союзом, то следует заметить, что на фоне введения им совместно с США антироссийских санкций в связи с событиями на Украине, реализация этой идеи отодвигается на неопределенное время.

В этом же плане нужно учитывать и тот факт, что Вашингтон, который считает Москву и Пекин ключевыми источниками угрозы американскому глобальному превосходству, выдвигает последовательно, один за другим, геополитические проекты, направленные против России и Китая, в том числе их инициативы по строительству Большой Евразии.

В середине 2000-х годов основателем американского Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Хопкинса Ф. Старром была сформулирована концепция «Большой Центральной Азии» (Greater Central Asia). В основе этой геополитической концепции лежало стремление США ограничить влияние Китая и России их географическими границами. С одной стороны, концепция имела целью сдерживание возрождения России как великой державы, а с другой — растущей китайской экономической и политической экспансии. Оценивая планы Вашингтона, министр иностранных дел России С. Лавров заявил, что суть американского проекта «Большая Центральная Азия» связана с перенаправлением центральноазиатских проектов в Южную Азию и исключение партнерства с Россией⁷.

В «Большой Центральной Азии» Вашингтон делал ставку на силовые аспекты влияния, основанные на военном присутствии в Афганистане. Добившись того же в Центральноазиатском регионе, США рассчитывали взять под контроль тыловые районы России, Китая и Ирана — своих стратегических соперников. Но по ряду объективных и субъективных причин этот замысел не получил своего развития.

Вместе с тем, Госдепартамент США предложил Центральной Азии очередную внешнеполитическую доктрину — «Новый Шелковый путь» (НШП)⁸. Эта стратегия была изложена государственным секретарем США Хиллари Клинтон в 2011 году в Индии. В ключевых аспектах она представляет собой план интеграции Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион, в сердце которого находится Афганистан. Стратегия подразумевает, во-первых, формирование инфраструктуры от бывших советских республик Центральной Азии через Афганистан в южноазиатские страны — Индию и Пакистан. Во-вторых, торговую интеграцию стран Центральной и Южной Азии, и Афганистана. По этим направлениям западная дипломатия вела конкретную работу и раньше, но только в 2011 году эти взгляды были представлены как целостный геоэкономический концепт.

Какие же цели преследуют доктрина «Нового Шелкового пути» и почему она принята в качестве ориентира для США? Первое, из чего могут исходить в Вашингтоне — это обеспечение своего долгосрочного присутствия в Афганистане. Стимулирование афганской экономики путем расширения ее связей с государствами Центральной и Южной Азии повысит устойчивость правительства в Кабуле, а значит, и перспективы сохранения здесь западных воинских контингентов.

С другой стороны, на Западе могут исходить и из того, что дополнение экономических приоритетов Центральной Азии южным направлением понизит значение российского фактора в хозяйственной жизни региона, в частности роль Москвы как лидирующего интеграционного центра.

Сказанное справедливо и по отношению к китайским проектам. Не случайно стратегия получила имя Шелкового пути, с той только разницей, что проходит он не с востока на запад как предусматривается китайским проектом, а с севера на юг, минуя КНР и игнорируя в данном случае контакты с Китаем той «Большой Центральной Азии», о которой писал Ф. Старр⁹.

После того, как в 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал ответ в виде собственной концепции «Экономический пояс Шелкового пути» и были достигнуты договоренности между Россией с ее партнерами по ЕАЭС и Китаем о сопряжение двух трансконтинентальных интеграционных инициатив — Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», Соединенные Штаты шаг за шагом начали терять позиции в интеграционной «гонке».

Но от своих замыслов по установлению контроля над «Большой Центральной Азией» Вашингтон не отказался. Об этом свидетельствуют наращивание им военного контингента в Афганистане и негласное поощрение перетока разгромленных на Ближнем Востоке ИГИЛовцев на север Афганистана, в приграничные районы с центральноазиатскими республиками. На этом более подробно мы остановимся несколько позже.

2. Стратегия развития ШОС и концепция «Большой Евразии»: единство или противоположность?

Здесь не лишним будет отметить, что в последнее время потенциал Шанхайской организации сотрудничества значительно расширился. По состоянию на начало 2017 года ее участниками стали 16 стран, в том числе:

постоянные члены – Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Индия и Пакистан;

наблюдатели – Афганистан, Иран, Монголия и Белоруссия;

партнеры по диалогу – Азербайджан, Армения, Турция, Шри-Ланка, Камбоджа и Непал;

страны, подавшие заявку на участие в форматах ШОС: Бангладеш, Сирия, Египет и Израиль.

Общая территория входящих в это движение стран составляет более 60% территории Евразии. Численность населения стран из разных форматов ШОС равна 3 млрд 40 млн чел. – половина населения планеты. Совокупный ВВП – оценивается в сумму примерно 30 трлн долл.

ШОС теперь охватывает пространство от западных границ Белоруссии до Тихого океана на Востоке и от Арктического побережья на Севере до Индийского океана на Юге. Практически это совпадает с пространством «Большой Евразии». В составе ШОС такие крупные экономические державы как Китай, Индия, Россия и Пакистан, в том числе два постоянных члена Совета Безопасности ООН и четыре ядерные державы.

Следует полагать, что возросший потенциал ШОС предполагает и ее более широкие возможности по обеспечению интересов участников Организации, в первую очередь – социально-экономических, а также в области безопасности.

Как известно, Стратегия развития ШОС до 2025 года, (далее – Стратегия) принятая по итогам саммита Организации в Уфе в июле 2015 года, определяет ориентиры и параметры дальнейшей ее эволюции. Среди основных направлений совместной работы стран-участниц Организации в Стратегии раскрываются вопросы политического, торгово-экономического сотрудничества, и культурно-гуманитарного взаимодействия. Важное значение придается международному сотрудничеству и информационному обеспечению деятельности ШОС.

Самое серьезное внимание этот документ уделяет и сотрудничеству государств-участников в области безопасности. Поэтому на передний план в нем выдвигаются общие принципы построения в регионе комплексной, транспарентной архитектуры безопасности и устойчивого роста, основанной на принципах верховенства международного права, неприменения силы или угрозы ее применения, уважения территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости стран, открытого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. В этой связи, подчеркивается в Стратегии, «возрастает роль региональных объединений, одним из которых является ШОС»¹⁰.

Таким образом, согласно Стратегии развития ШОС, эта организация может стать важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве, что отмечено и в международном дискуссионном клубе «Валдай», который видит сопряжение ЭПШП и ЕАЭС и расширенную ШОС базой построения сообщества «Большой Евразии» и прогнозирует наступление ее эпохи¹¹.

Все это подтверждается практикой международного сотрудничества. Так, в декабре 2015 года в Пекине главы правительств Китая и России Ли Кэцян и Д. Медведев подписали Совместное коммюнике по итогам двадцатой регулярной встречи глав правительств указанных государств, в котором указано: «стороны полагают, что Шанхайская организация сотрудничества является наиболее эффективной площадкой реализации сопряжения строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и строительства Евразийского экономического союза»¹².

В Совместном заявлении РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» предусмотрено укрепление взаимодействия в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок, расширение торгово-инвестиционного сотрудничества, оптимизация структуры торговли, содействие упрощению взаимного инвестирования и развитию производственной кооперации. Планируется создание механизмов для упрощения торговли, содействие увеличению расчетов в национальных

валютах в сферах торговли, прямых инвестиций и кредитования, создание валютных свопов, укрепление сотрудничества по линии финансовых институтов, продвижение кооперации в многосторонних региональных и глобальных форматах. Все эти приоритетные направления сопряжения ЭПШП и ЕАЭС полностью отвечают направлениям регионального экономического сотрудничества ШОС.

Важно отметить, что пространство Шанхайской организации сотрудничества охватывает все страны — члены ЕАЭС. А все участники ШОС являются экономическими субъектами, которые расположены вдоль ЭПШП, в рамках шести экономических коридоров, зафиксированных в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»¹³. Так что в реализации состыковки ЭПШП и ЕАЭС Шанхайская организация сотрудничества должна сыграть роль важнейшей площадки или даже координационного центра. Кроме того, на ШОС, в соответствии с ее Хартией, возлагается задача по обеспечению региональной безопасности, а, следовательно, и безопасность реализуемых на ее пространстве экономических проектов.

3. Возможные риски и угрозы при формировании «Большой Евразии»

Как известно, географические направления «Экономического пояса Шелкового пути» определены в нескольких вариантах. Часть из них (Китай — Центральная Азия, Россия и страны Балтии, а также Китай — страны Персидского залива и Средиземноморья через Центральную и Западную Азию) включают в себя территории стран-участниц ШОС, причем практически все пространство «Большой Евразии».

Для успешного функционирования путей, пересекающих более десятка государственных границ, надо не только унифицировать и предельно упростить таможенные и страховые нормы разных стран, но и обеспечить на всех коммуникациях и возводимых на них объектах политическую стабильность, безопасность и правопорядок. А этого сегодня не может гарантировать ни одна страна. И наконец, нельзя не учитывать и то, что Центральная Азия и весь Ближний и Средний Восток покрыты сетью террористических и экстремистских ячеек.

Наряду с кризисом в Ближневосточном регионе, где часть территорий Сирии и Ирака все еще остается под контролем ИГИЛ (ИГ, ДАИШ — запрещены в России) и других террористических организаций, особую озабоченность вызывает обстановка в Афганистане. Нарастающая террористическая активность тормозит развитие этой страны, а значительный приток наркотиков, оружия и подготовленных боевиков с ее территории несут угрозу соседям и, в первую очередь, государствам Центральной Азии, являющимся, за исключением Туркмении, участниками Шанхайской организации сотрудничества.

С учетом общей нестабильности, проблем Афганистана и угроз переноса деятельности Исламского государства на территорию Центральной Азии и Кавказа, будет логичным, если ШОС, как участник проекта ЭПШП, придет к выводу о необходимости создания какого-либо формата для нейтрализации угроз безопасности на своем пространстве.

Для всех участников ШОС наибольшую опасность представляют фундаменталисты «Исламского государства» и активизирующиеся на территории Афганистана Движение «Талибан» и другие исламистские организации. Рассмотрим исходящие от них угрозы более подробно.

Опасность, исходящая от экстремистов «Исламского государства», может реализоваться в двух наиболее вероятных вариантах, зависящих от итогов военных действий против ИГИЛ и союзных с ним экстремистских организаций.

Первый из них обусловлен следующим. Даже в случае, если военные формирования экстремистов потерпят окончательное поражение в Сирии и Ираке, это не будет означать, что их организации или движения исчезнут окончательно, а ситуация на Ближнем и Среднем Востоке стабилизируется. Сохранившиеся сетевые структуры ИГ могут перейти к партизанским действиям (что уже и происходит), организуя массовые террористические атаки не только в Ираке и Сирии. Вероятность реализации этого варианта обусловлена во многом желанием (или нежеланием) США и возглавляемой ими коалиции покончить с ИГ. Не секрет, что к созданию «Исламского государства» приложили руку и Соединенные Штаты в лице своих спецслужб. Выгодна ли им стабилизация обстановки на Ближнем Востоке и в первую очередь в

Сирии? Однозначного ответа здесь нет, даже несмотря на положительную динамику российско-американского взаимодействия в антитеррористической операции. Наши сомнения подтверждает и антироссийская информационная кампания, развернутая американцами и их союзниками после успешных действий против исламистов ИГ российских Воздушно-космических сил.

Все это свидетельствует в пользу того, что даже в случае военного поражения формирований ИГ, граничащая с хаосом нестабильность в странах Ближнего и Среднего Востока будет сохраняться еще длительное время. И вероятность реализации приведенного варианта развития обстановки в этом регионе довольно-таки высока.

Второй вариант связан с ситуацией в Афганистане и несет непосредственную опасность ряду государств-участников ШОС. Из различных источников известно, что на стороне ИГИЛ воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и иных стран СНГ. Потерпев поражение на Ближнем Востоке, они просачиваются в нестабильный Афганистан, а также на территории центральноазиатских и других государств-участников ШОС, где смогут применять полученные в Сирии и Ираке практические навыки конспирации, минно-взрывной войны и ведения боевых действий в условиях города. По данным спецслужб, ИГ создаются автономные боевые ячейки, готовые к совершению террористических и диверсионных актов.

По оценке Генерального штаба ВС РФ, в Афганистане действует до 50 тыс. боевиков, объединенных более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности. Их основу составляет исламистское движение талибов численностью до 40 тыс. боевиков. Кроме того, там находятся от 2 до 3 тыс. боевиков «Исламского государства», и их численность постоянно растет.

Ситуацию в Афганистане усугубляет недостаточная подготовка и оснащенность афганских силовых структур, что не позволяет им эффективно проводить операции против незаконных вооруженных формирований. В то же время активные и успешные действия экстремистов против правительственных войск не позволяют официальному Кабулу решить задачи по стабилизации политической и социально-экономической обстановки в стране, и это усиливает недоверие населения к центральной власти.

Совокупность приведенных факторов приводит к выводу о том, что проблему нестабильности в Афганистане в обозримый период времени решить не удастся. Эти факторы способствуют дальнейшему обострению ситуации в государстве, установлению контроля экстремистов над целыми провинциями, сращиванию террористических формирований с организованной преступностью и как следствие — увеличению производства опиатов и объемов наркотрафика, ухудшению социально-экономического положения простых афганцев, росту числа безработных, оттоку граждан из страны и усилению политических позиций экстремистских организаций.

Другие факторы региональной нестабильности. Оценивая ситуацию в Афганистане и Центрально-Азиатском регионе, нельзя не принимать во внимание «американский фактор», ибо признаки подрывной деятельности США на территории государств ЦАР не прекращаются. Более того, после активизации «евромайдана» на Украине резко увеличилось финансирование неправительственных организаций в Киргизии.

Спецслужбы США пытаются дестабилизировать и Таджикистан. В частности, один из главных спонсоров НПО — Национальное агентство международного развития — финансирует новую международную исламскую организацию «Мусульманская интеграция в Центральной Азии», созданную в Душанбе и объединившую запрещенные в исламских странах экстремистские группировки «Хизб-ут-Тахрир», Исламское движение Узбекистана и движение «Акрамия»¹⁴. Как видим, НПО и радикальные исламисты финансируются из одного источника. Таким образом, факторы нестабильности в Афганистане и в ряде центрально-азиатских участников ШОС тесно связаны между собой, а нити дестабилизации держит в руках Вашингтон.

Подтверждением тому, что целью политики США в Центральной Азии является создание хаоса в регионе, служит и препятствование его экономическому развитию. По сообщению известного сайта WikiLeaks, в американском посольстве выражали озабоченность по поводу того, что Россия и другие государства используют политику привлекательности прямых экономических инвестиций, в то время как Государственный департамент США развивает сеть некоммерческих организаций, призванных со временем осуществить максимально возможный контроль над всеми сферами жизнедеятельности в государствах Центральной Азии¹⁵. В Вашингтоне откровенное

раздражение вызывает вклад Китая, Индии, Ирана и России в мирное строительство и экономическое развитие Афганистана. Американцами движет боязнь того, что Кабул может окончательно войти в сферу влияния ШОС, тем более что Афганистан, имея статус наблюдателя, претендует на полное членство в этой Организации.

В то же время, вновь избранный президент США Д. Трамп заявил, что американские войска не будут полностью выведены из Афганистана, и даже наращивают численность своего контингента в этой стране. Вполне очевидно, что США и в дальнейшем будут использовать незавершенность формирования ШОС и отсутствие в рамках Организации действенных практических механизмов обеспечения безопасности ее участников.

Подводя итог сказанному, отметим, что на пространстве ШОС и в прилежащих регионах есть немало кризисных точек, создающих непосредственную угрозу безопасности участников Организации и планируемых к реализации проектов на ее пространстве. Наиболее опасные из них — Ближний Восток, Афганистан, Пакистан, конфликтность ситуации в которых может отразиться на ряде регионов России, Китая, Индии, Ирана и в Центральной Азии. Это ставит под угрозу, в том числе и план Китая по строительству «Экономического пояса Шелкового пути», и планы по прокладке энергетических магистралей через Афганистан, Пакистан и далее в Китай и Индию. В связи с этим на повестку дня выходит необходимость уточнения статуса ШОС и повышения дееспособности Организации в деле обеспечения региональной безопасности и стабильности.

4. Усиление дееспособности ШОС в вопросах обеспечения безопасности на пространстве «Большой Евразии»

При непростой ситуации, складывающейся в «Большой Евразии», на передний план для государств ШОС выходит их готовность действовать единым фронтом против общих угроз ее пространству в этом регионе. Это означает понимание того, что приоритетными проектами для ШОС являются не только программы экономического развития, но и развитие взаимодействия в сфере безопасности. В связи с этим представляется целесообразным реализовать следующие направления такого взаимодействия.

Первое из них, повышение возможностей ШОС по обеспечению безопасности, целесообразно проводить, прежде всего, методами сдерживания и предотвращения развития ситуации по опасным для участников ШОС сценариям. Этому способствовало бы создание в рамках Организации миротворческого контингента.

Большинство стран — участниц ШОС уже имеют такие контингенты и обладают опытом участия в миротворческих акциях под эгидой ООН, СНГ, НАТО или ОБСЕ. Это связано с тем, что в настоящее время ООН предпочитает делегировать свои миротворческие полномочия региональным организациям, среди которых наиболее активно действуют западные структуры. Прикрываясь мандатом ООН, они были бы не прочь войти на пространство ШОС, чтобы ликвидировать военные кризисы и остаться там на неопределенное время, чтобы влиять на развитие ситуации в выгодном для себя направлении. Так, к примеру, сделали Соединенные Штаты, которые после завершения операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане остались там, создав свои военные базы для сохранения контроля над центром Евразии, где США преследуют важнейшие для себя геополитические, экономические, военные и иные цели¹⁶.

Именно поэтому реализация миротворческих функций ШОС на практике позволила бы без вмешательства извне своевременно ликвидировать назревающие военные конфликты при помощи «превентивной дипломатии» или применять «силовое умиротворение» конфликтующих сторон, что соответствует положениям Устава ООН. Эти миротворческие акции ШОС значительно повысят престиж и авторитет Организации на международном уровне.

Основываясь на опыте функционирования международных организаций по безопасности и сформулированном в Стратегии развития ШОС положении о неприемлемости придания ШОС функций военно-политического союза, не обязательно содержать в ШОС миротворческий контингент на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве Организации и прошедшие подготовку в ходе совместных учений, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения маневров и решения конкретных задач. Для этого целесообразно проработать вопрос о структуре и системе

управления миротворческим контингентом ШОС, их апробацию в ходе совместных учений, в том числе с ОДКБ — для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Создание оперативной основы для решения обозначенных задач, во многом благодаря инициативе и сотрудничеству РФ и КНР, уже обеспечивается проведением военных учений «Мирная миссия». Аналогичные, но двусторонние учения под названием «Индра» проводятся Россией и Индией. Это позволило участвующим в них войскам и штабам отработать необходимую для совместных действий оперативную совместимость¹⁷. Поэтому, при желании Индии и Пакистана, контингенты этих стран могли бы подключиться к «Мирной миссии».

Второе направление — создание или в составе РАТС, или в структуре секретариата ШОС небольшой группы военных профессионалов. Эта группа могла бы составить основу некой структуры по координации военного сотрудничества и обеспечению руководства выделяемыми в ее распоряжение силами и средствами. Возможно, это будет аппарат национальных военных советников или же координационный комитет сотрудничества по безопасности¹⁸. Он может быть ограниченным по количеству специалистов, со сменой руководства и оперативного состава по принципу ротации через определенный промежуток времени. В его задачи входили бы следующие функции: организация совместных мероприятий оперативной подготовки (командно-штабных тренировок и учений); мониторинг конкретных источников военных угроз на пространстве ШОС; выработка политических, военных и иных мер по их предупреждению/нейтрализации и разработка соответствующих планов; и, наконец, руководство операциями по нейтрализации угроз.

Комитет, наряду с решением указанных задач, непосредственно занялся бы разработкой и реализацией Концепции безопасности на пространстве ШОС. Ее примерное содержание могло бы быть следующим: состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа; общие и особые интересы членов ШОС; виды внешних и внутренних угроз этим интересам; цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности; состав и структура органов, непосредственно ответственных за ее обеспечение; методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов и их использования в случае возникновения угрозы Организации в целом или ее участникам; порядок взаимодействия с другими организациями по безопасности и некоторые другие вопросы.

Целесообразно также определить порядок обмена соответствующей информацией, установить процедуру принятия решений и их исполнения соответствующими структурами ШОС. Чтобы механизмы безопасности на пространстве ШОС начали работать на практике, необходимо обозначить четкие временные рамки реализации указанных предложений по повышению дееспособности ШОС в сфере обеспечения стабильности и выделить ресурсы для их осуществления. Это также способствовало бы росту эффективности военно-технического сотрудничества, реализации программ развития вооруженных сил членов Организации, а также повышению уровня их подготовки.

Третьим направлением обеспечения стабильности на пространстве ШОС является нейтрализация угроз, исходящих из Афганистана. Для членов Организации главным является недопущение нового витка войны в ИРА. Важным шагом в достижении этой цели может стать искоренение Пакистаном сети баз боевиков на его территории. Как максимум, это может привести к лишению талибов «тыла», а как минимум — заставить «Талибан» пойти на переговоры с правительством ИРА. В вопросе поддержки политических процессов в Афганистане можно использовать опыт национального примирения в Таджикистане, полученный в 1990-х годах, в том числе материалы таких документов, как «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане», «Комиссия национального согласия», «Интеграция вооруженных формирований» и ряда других¹⁹. Для их исполнения представляется разумным направить в миссию ООН в Афганистане военных наблюдателей и представителей полиции из стран ШОС. Видится также необходимым содействие укреплению афганской армии. К примеру, Россия может возобновить поставку запасных частей для вертолетов армии ИРА и предоставить услуги своих специалистов для их модернизации.

Следует и далее развивать подготовку в странах ШОС специалистов из Афганистана по борьбе с наркоугрозой — основным финансовым источником терроризма, которая представляет системную угрозу для государств — членов ШОС. Для ее ликвидации

целесообразна разработка «дорожной карты», которая предусматривала бы поэтапное продвижение к решению этой проблемы и содействие правительству ИРА не только в борьбе с плантациями опийного мака, но и в создании полноценной социально-экономической инфраструктуры страны. Целесообразно также изучить возможность взаимодействия погранвойск и сил специального назначения государств ШОС для пресечения потока боевиков и наркотиков из ИРА, первоначально в рамках совместных учений, а в последующем — и на практике.

И последнее по данному разделу, но не последнее по значимости. Сегодня на евразийском пространстве ШОС действует несколько структур, призванных обеспечивать безопасность на этом пространстве. Это созданная по инициативе России Организация Договора о коллективной безопасности, отвечающая за безопасность в трех регионах коллективной безопасности: Восточноевропейском, Кавказском и Центральноазиатском; это созданная по инициативе КНР так называемая Организация урумчийского договора — четырехсторонний альянс по борьбе с терроризмом с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана; и, наконец, ШОС. Практически, это «коалиции по интересам», призванные решать одни и те же задачи на определенной территории, совпадающей полностью с пространством ШОС, или являющейся его частью. Возникает вопрос, а нельзя ли подумать о координации деятельности этих структур? И кто или что может этим вопросом заниматься? Собственно говоря, такой вопрос по ОДКБ и ШОС частично решен подписанием Меморандума о взаимопонимании между секретариатами этих организаций. А как быть с Урумчийским альянсом? Это информация к размышлению. Кстати, одной из целей участия Пакистана в этой коалиции является обеспечение безопасности китайско-пакистанского экономического коридора, являющегося важной частью проекта «Экономического пояса Шелкового пути».

5. Усиление информационной политики ШОС

Важно обратить внимание на усиление информационной составляющей деятельности ШОС, которая подвластна негативному воздействию недружественных Организации сил. Нужны совместные усилия по возведению своего рода кордона «антишосовским» акциям путем укрепления информационного взаимодействия членов Организации. Для этого первоочередной задачей может стать развитие единого информационного пространства ШОС в Евразии: на телевидении, в прессе, на радио, а также формирование своего рейтингового агентства. Последнее позволит сгладить тот негативный эффект, который создают аналогичные агентства Запада, предоставляющие собственные, зачастую предвзятые, данные о странах — членах ШОС, об их экономике, внутренней жизни и о восприятии ШОС в мире. В противовес этому Агентство ШОС будет средством повышения имиджа Организации на мировой арене.

Целесообразно актуализировать вопросы этнокультурного взаимодействия и реализовать проект «Культурный пояс ШОС» на основе изучения ценностных систем дружественных народов и выстраивания в соответствии с этим культурной политики государств, входящих в состав Организации. В его рамках также желательно обеспечить присутствие культуры дружественных стран ШОС в информационном поле друг друга, прежде всего в области массовой культуры²⁰. В связи с этим видится целесообразным создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News), либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран — участниц ШОС, но и ее наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и основание печатного органа ШОС, например, доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации. Это связано с тем, что широкие слои населения этих стран не имеют достаточных знаний о практической полезности для них ШОС.

По этой причине представляется оправданным продумать меры по освещению жизни Организации, адресованные простым гражданам. Среди них, помимо газеты, можно назвать создание серии радиопередач о ШОС и организовать выпуск видеороликов. В их тематику следует включать вопросы культуры, быта и обычаев народов стран ШОС и информировать, как именно ШОС влияет на экономику, культурную жизнь государств ШОС и защиту людей от «трех зол». Видится небесполезным продумать вопрос об интернет-рассылке некоторых аналитических материалов РАТС в мировые агентства, наподобие того, как распространяют свои работы Фонд Карнеги и аналитическая служба Stratford²¹.

Все это может также оказаться полезным для «уравновешивания» мнений и оценок, продуцируемых западными аналитическими службами. Как и инициировать вопрос о возможности принятия в национальных законодательствах положений стран — участниц разработанного Организацией документа «Правила поведения в киберпространстве», в частности — по борьбе с хакерством. Он распространен в ООН и призван стимулировать конкретный диалог о правовых аспектах регулирования этой проблемы²². В связи с этим целесообразно провести международную конференцию, посвященную кибербезопасности, в том числе по проблеме ликвидации угроз и рисков, связанных с хакерством.

В заключение следует отметить, что изложенные выводы и предложения могут представлять практический интерес для законодательных и исполнительных органов власти стран — участниц ШОС, ответственных за деятельность в рамках Организации, позволит повысить ее эффективность в Евразии, способствовать реализации экономических проектов на ее пространстве. А в целом — содействовать становлению Большого евразийского партнерства.

Б.К. ШАРМА,
руководитель центра стратегических исследований
и моделирования,
Объединенное военно-научное общество Индии,
генерал-майор в отставке
(Индия)

СЦЕНАРИИ ПОДДЕРЖАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ И РОЛЬ ШОС В ПРОЦЕССЕ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА

От проверенного прошлого к желательному оптимистичному будущему

Исторически Афганистан всегда находился в центре противостояния мира. Так, древний «Шелковый путь» обеспечивал развитие торговли, науки, духовности и взаимодействия цивилизаций, соединив индийский субконтинент, Центральную Азию и Китай. С другой стороны, основные нашествия с территории Евразии на индийский субконтинент и Афганистан были первой значимой исторической кампанией XIX века (1813–1895 годы).

Вторая кампания имела место в 1980-е годы (1979–1989 годы): ось США, Саудовская Аравия и Пакистан тогда действовали против Советского Союза, что узаконило применение исламистского джихада. Третья кампания произошла после событий 11 сентября 2001 года, что привело к ослаблению Движения «Талибан» и одновременно к его последующему подъему вместе с идеей «Исламского государства провинции Хорасан», основанной на идеологии ваххабитов, и появлению множества других боевых группировок.

Сегодня Афганистан находится на перекрестке своей стратегической судьбы. Географически он является страной, не имеющей выхода к морю, с доступом к внешнему миру на север через так называемую «Северную распределительную сеть» американский войск, перевалы Болан и Кибер на юг Пакистана, а также в районе Чахбах-Зарандж-Деларам или через Южный транзитный коридор в Иране. В то же время Афганистан отличается тем, что является стратегическим мостом для межрегиональных и энергетических коридоров, которые в случае их успеха, могут потенциально изменить политико-экономический ландшафт региона, превратив его в зону совместного процветания. Если в Афганистане ситуация стабилизируется, то он станет мостом региональной интеграции.

Если же Кабул потерпит неудачу (джихадисты одержат победу), то Афганистан станет основным источником небезопасности и региональной нестабильности. Бесконечный конфликт в Афганистане ослабит перспективы плавного введения в действие проектов в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» и одно из ее проектов — Китайско-пакистанского экономического коридора, транзитного транспортно-коридора Lapis Lazali («Лазурит», его участники Афганистан, Азербайджан, Грузия, Турция и Туркмения) в других проектах, в том числе в рамках Ашхабадского соглашения, Соглашения между Турцией, Пакистаном и Таджикистаном о торговле и транзите, трубопроводов в Центральной Азии и энергетических проектов ТАПИ (трубопровод Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия) и CASA-1000.

Регион сталкивается с рядом проблем безопасности, таких как растущий уровень насилия со стороны Движения «Талибан» и боевиков «Исламского государства провинции Хорасан», трансграничного терроризма, наркотерроризма, ядерного терроризма и кибертерроризма. Это транснациональная угроза, которая требует решения путем налаживания сотрудничества. Как ни странно, получается совсем наоборот: Афганистан находится в центре еще одной зловещей великой игры, основанной на менталитете холодной войны и игре с нулевой суммой.

Эскалация насилия. Афганистан занимает низкое место в соответствии с Индексом гуманитарного развития (169 из 188). Зато эта страна занимает высокую позицию по индексу терроризма (2 из 163) и индексу неустойчивого государства (9 из 178). Афганистан сталкивается с проблемами молодежи и высоким уровнем безработицы. Сложная экономическая ситуация, политическая неопределенность и необузданная коррупция делают страну крайне уязвимой для распространения радикальной идеологии, преступности и терроризма. При этом Афганистан понес значительные потери людей и собственности. Так, в период с 2015 по 2017 год 75 тыс. афганцев были убиты или ранены. Согласно годовому отчету Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА) за 2017 года, было зафиксировано 10453 жертв среди гражданского населения. А по сообщению Би-Би-Си от 30 января 2018 года, талибы контролируют 70% (4% полностью и 66% частично) районов Афганистана. В том же докладе констатируется присутствие радикальной организации «Исламское государство» (ИГ) в 30 районах страны.

Из 98 всемирно признанных террористических групп в Афганистане активно действуют около 20. Их представители являются приверженцами экстремистской идеологии вахабизма (салафизма). А сторонники «Исламского государства провинции Хорасан» исповедуют такфиризм, который узаконивает убийство отступников и несогласных с мусульманами-суннитами. Они хотят создать халифат на основе шариата. Пословица, согласно которой «у американцев есть часы, тогда как у нас есть время», демонстрирует их решимость достигнуть своих цели в итоге затянувшегося конфликта.

Северный Афганистан традиционно был оплотом бывшей «Исламской партии возрождения», «Исламского движения Узбекистана», «Восточно-Туркестанского исламского движения» и чеченских исламистов. С 1999 года в Ферганскую долину осуществились масштабные вторжения боевиков «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), что представляло серьезную угрозу для Кыргызстана и Узбекистана. Сообщалось, что ИДУ стояло за Андижанским восстанием в 2005 году. Этот регион все более становится нестабильным, как видно по факту двух попыток джихадистов захватить Кундуз в 2015–2016 годах и сообщениям о серии атак в северных городах Йовзян, Фарьяб и Бадгис. В мае 2016 года СМИ сообщили о трансграничных рейдах джихадистов, в которых погибли 17 боевиков из Туркменистана. Имели место инциденты с ракетной стрельбой в Термезе (Узбекистан) и повторные попытки захватить долину Рашит в Таджикистане.

ИГ становится серьезной угрозой для всего региона. Как сообщается в аналитическом отчете Soufan Group по вопросам безопасности в Вашингтоне (2017 год), в этой радикальной организации насчитывается 3417 местных жителей, в том числе 500 боевиков из Узбекистана и Кыргызстана и 1000 из Таджикистана. Говорят, что 1/3 иностранных кадров ИГ была из России и Центральной Азии. Около 400–900 таких боевиков вернулись в регион после поражения в Ираке (Сирии). В мае 2015 года на сторону «Исламского государства» перешел полковник Гульмурод Халимод, высокопоставленный представитель правоохранительных органов Таджикистана. Отчеты с различных веб-сайтов показывают, что ИГ имеет отдельный казахский джамаат под названием Jamaat Doud, в состав которого входят новобранцы из евразийского региона. В ИГ часто вовлекают детей и женщин из Центральной Азии. При этом в пропагандистских видеороликах, детей обозначают как «Детеныши халифата».

В течение последних пяти лет в Казахстане наблюдался ряд нападений джихадистов. Так, с 16 июня 2016 года по апрель 2017 года произошло 33 инцидента, связанных с терроризмом. В частности, 5 июня 2016 года в Актобе было убито 25 чел., а 18 июля девять были убиты в Алматы. Это характерно и для Кыргызстана. Так, 16 июля 2015 года четыре боевика ИГ убили в Бишкеке семь человек.

Наркотерроризм. В опубликованном в 2017 году докладе Организации Объединенных Наций по выращиванию опиума было установлено, что оценочная стоимость опиатов, произведенных в Афганистане, почти удвоилась: с 1,56 млрд. долл. в 2015 году до 3,2 млрд. долл. в 2016 году. Текущая стоимость опиатов составляет более двух третей объема производства всего сельскохозяйственного сектора страны. Несмотря на американские инвестиции в размере 8,6 млрд долл. для противодействия в этой стране незаконному наркобизнесу, Афганистан остается крупнейшим в мире производителем и экспортером опия, объем производства составляет приблизительно 80% мирового опия.

В настоящее время Движение «Талибан» контролирует в этой стране значительную часть незаконной торговли наркотиками. Так, на южные и западные регионы, граничащих с Пакистаном, приходится соответственно 54% и 24% такого производства. Между наркобаронами, военачальниками, политиками, террористами, пограничниками и таможенными чиновниками существует сильная связь. Причем 60% афганских наркотиков незаконно ввозятся через Центральную Азию в Европу, Россию и Китай. В своей книге «Критическое десятилетие» президент Казахстана Нурсултан Назарбаев упомянул, что в Казахстане насчитывается более 45 тыс. наркоманов. Если эта проблема не будет решена, то будет достаточно трудно полностью победить экстремизм в Центральной Азии²³.

Контрабанда оружия. Регион наводнен оружием. Когда Советская Армия уходила из Афганистана, она предоставляла оружие своим союзникам, затем такие поставки осуществлялись Объединенному исламскому фронту спасения Афганистана (Северному альянсу). Часть этого оружия попало в руки моджахедов. Когда в Таджикистане началась гражданская война, Россия поставляла оружие проправительственным силам, а оппозиция получила оружие от моджахедов в Афганистане. Начало войны с террором привело к дополнительному притоку оружия в этот регион.

Ядерный терроризм. Существует риск доступа джихадистов к расщепляющимся (ядерным) материалам. Причем имеются сообщения о ненадлежащем учете утилизированного радиоактивного материала. В Узбекистане существуют проблемы, связанные с безопасностью хранения химических веществ, а также биологического оружия на острове Возрождение в Аральском море. Существуют опасения по поводу использования безработных или стремящихся к обогащению экспертов в области ядерного, биологического и химического оружия джихадистами для террористической деятельности.

Риск ядерного терроризма, исходящий из Пакистана, очень высок. А.К. Хан передал технологии ядерного оружия в Иран, Северную Корею и Ливию. Его сеть распространения насчитывала около 20 стран, и она просуществовала в течение 16 лет. Известно, что мошеннические элементы действуют в военных и ядерных учреждениях Пакистана, которые могут передать расщепляющиеся материалы в руки радикалов-джихадистов для совершения террористических нападений.

Трансграничный терроризм. Соседние страны должны прекратить использовать терроризм джихадистов как инструмент государственной политики и предоставлять им убежище. По словам известного пакистанского журналиста Наджама Сетхи: «Отношения Пакистана с Афганистаном не улучшатся до тех пор, пока афганские талибы не будут свергнуты или побеждены, или будут вынуждены пойти на мировую»²⁴. Президент Ашраф Гани неоднократно заявлял, что «мирная инициатива, предпринятая Афганистаном и Пакистаном, не является успешной, поскольку Пакистан на практике различает хороших и плохих террористов»²⁵. Пакистанские террористические группы, например, такие как «Сеть Хаккани», были обозначены в качестве ответственных в региональной нестабильности на конференции «Сердце Азии», состоявшейся в г. Амритсаре (индийский штат Пенджаб) в декабре 2016 года, а также 4 сентября 2017 года в декларации БРИКС во время саммита в Сямыне (Китай).

Президент США Дональд Трамп, провозглашая 21 августа 2017 года новую стратегию в Южной Азии, прямо заявил: «Мы больше не можем молчать о безопасной гавани Пакистана для террористических организаций. Мы платили миллиарды долларов Пакистану, в то же время как они содержат тех самых террористов, с которым мы боремся. Это должно измениться немедленно».

Политическая неопределенность. Крупнейший древнегреческий историк Фукидид, основоположник исторической науки, сказал: «Я больше боюсь собственных ошибок, чем ошибок противника». Президент Ашраф Гани во время вступления в должность заявил: «Мы преодолели прошлое, процесс построения государственности в Афганистане необратим». Соответственно, афганцы сформулировали цели поддержания мира для трансформационного десятилетия под эгидой афганского мирного процесса, который был одобрен международным сообществом. Однако Правительство национального единства Исламской Республики Афганистан (ИРА) обременено сложными задачами восстановления иностранной помощи и возрождения национальной экономики, ныне основанной на производстве мака. Целью является проведение административных, судебных и избирательных реформ, уничтожение клановых сетей и коррупции, укрепления навыков социально-политическое примирение в преддверии парламентских и президентских выборов. В таких условиях Силы национальной

безопасности и обороны Афганистана вынуждены вести переговоры с Движением «Талибан», чтобы привести все заинтересованные стороны к переговорному столу для участия в национальном примирении и политическом процессе.

Примирение с талибами. Движение «Талибан» неистово стремится к созданию исламского халифата в Афганистане. Они не признают афганскую конституцию или избранное правительство и постоянно говорят о выводе иностранных войск в качестве предварительного условия для переговоров. Движение «Талибан» не участвовало в обновленной четырехсторонней координационной группе, состоящей из представителей США, Китая, Пакистана и Афганистана, 16 октября 2017 года в Маскате (столица Султаната Оман). Аналогичное происходит в отношении российской инициативы по примирению в Афганистане, так как Московский формат переговоров с талибами остается малоэффективным. Как и усилия Пекина по убеждению Движения «Талибан» занять место за переговорным столом.

В рамках «Кабульского мирного процесса» ключевые региональные и международные заинтересованные стороны (около 30 стран и международных организаций, включая НАТО, ООН и Европейский союз) в июне 2017 года и феврале 2018 года заключили в Кабуле соответствующие соглашения. Но талибы не отреагировали на уверения президента Афганистана Ашрафа Гани об установлении режима прекращения огня, что позволило бы обеим сторонам укреплять доверие и признать Движение «Талибан» как политическую организацию для участия в предстоящих выборах.

Мирное предложение по урегулированию афганской проблемы обусловлено правовой базой, которая включает пересмотр конституции страны, справедливость и разрешение жалоб, вывод согласившихся на диалог лидеров талибов из-под санкций, безопасность для лидеров талибов и их семей, возвращение беженцев и реабилитация тех, кто выступает против насилия. В ходе обсуждения Кабульского мирного процесса 27 марта 2018 года в Ташкенте талибам было предложено принять это мирное предложение и прекратить насилие.

Ныне в Афганистане действуют около восьми групп талибов, самая крупная и мощная из них — «Сеть Хаккани». Следует признать, что; во-первых, талибы не склонны к диалогу. Во-вторых, необходимы длительные военные операции для ослабления движения «Талибан». В-третьих, роль Пакистана в отказе от убежища и поддержки Движения «Талибан» имеет решающее значение для мира в Афганистане. В-четвертых, даже с ослабленным Движением «Талибан» насилие в Афганистане будет продолжаться отколовшимися другими группами джихадистов, «Исламским государством провинции Хорасан» и филиалами «Аль-Каиды».

Геополитика борьбы с терроризмом

Поддержка мирного процесса в Афганистане самими афганцами. Международное сообщество поддержало инициативу афганского руководства в мирном процессе в рамках Варшавского саммита НАТО, на международной конференции доноров Афганистана в Брюсселе (2017 год), вышеуказанной конференции «Сердце Азии», саммитах БРИКС и ШОС.

Теоретически существует консенсус в отношении необходимости принятия «Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме» под эгидой ООН, содействия усилиям по примирению под руководством правительства Афганистана, наращиванию потенциала сил национальной безопасности и обороны ИРА и осуществлению совместной борьбы с наркобизнесом, кибертерроризмом, ядерным терроризмом, торговлей оружием и финансированием терроризма. Одновременно было достигнуто общее согласие по гармонизации роли ШОС, БРИКС, ОДКБ, НАТО и соседних стран в целях содействия миру в регионе. Однако на практике крупные игроки используют противоречивые подходы к борьбе с талибами и взаимоотношений с Пакистаном.

Энергетическая политика. После вступления в должность президент Дональд Трамп изложил свою политику в Южной Азии, в которой, в частности, он заявил о новых усилиях и устойчивом участии в борьбе с терроризмом, укреплении сил национальной безопасности и обороны Афганистана. Особенно внимание он обратил на укрепление афганских спецслужб и военно-воздушных сил, а также оказание давления на Пакистан для демонтажа инфраструктуры террористов. Было также озвучено предложение об оказании поддержки со стороны Индии в миростроительстве и экономическом развитии в Афганистане.

Как это ни парадоксально, в Вашингтоне утверждают, что Россия, Китай, Пакистан и Иран бросают вызов усилиям США по налаживанию диалога с талибами. Действительно, в течении многих лет Москва выступала против талибов, называя их террористами и поддерживая против них «Объединенный исламский фронт спасения Афганистана» (Северный альянс). Но Замир Кабулов, специальный представитель президента В.В. Путина по Афганистану, назвал ИГ в Афганистане большей угрозой, чем талибы²⁶. А в декабре 2015 года высокопоставленный российский дипломат заявил, что «интерес талибов объективно совпадает с нашими интересами».

Китай воспринимает безопасность в регионе с точки зрения смягчения угрозы для Синьцзяна со стороны «Исламской партии Туркменистана», реализации инициативы «Один пояс, один путь», создания энергетических коридоров, обеспечения инвестиций в проекты добычи и разведки нефти в Айнеке и на Северной Амударье. Известно, что Китай играет роль посредника между Афганистаном и Пакистаном в налаживании диалога с талибами.

Иран поддерживал «Северный альянс» и США против талибов, но теперь выступает за привлечение талибов в мирное урегулирование. Большинство афганцев считает, что Движение «Талибан» и Силы национальной безопасности и обороны Афганистана являются звеньями одной цепи, идеологически согласованными, однако конкурирующими между собой за контроль над территорией и финансовыми средствами. Антиамериканское лобби связывают рост влияния сторонников ИГ с США, в то же время Командующий группировкой американских войск в Афганистане генерал Джон Николсон утверждает, что Россия поставляет оружие талибам.

Консенсус в ШОС

ШОС является важной региональной организацией, способной играть значительную роль в борьбе с терроризмом и укреплении мира в Афганистане. Восемь государств-членов ШОС, а также Афганистан и Иран в качестве наблюдателей Организации являются непосредственными заинтересованными сторонами в стабильности в рассматриваемой стране. Декларация ШОС, подписанная 9 июня 2017 года на саммите Организации в Астане, предусматривает:

- раскрытие потенциала интеграции для совместного решения проблем безопасности, поддержания стабильности, содействия экономическому и культурному сотрудничеству;

- содействие добрососедству, дружбе и сотрудничеству, суверенитету и территориальной целостности;

- нераспространение ОМУ;

- сотрудничество для борьбы со всеми формами терроризма, преступлениями, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой и другими нетрадиционными угрозами безопасности;

- принятия «Всеобщей конвенции ООН о борьбе с терроризмом»;

- обмен разведывательной информацией Региональной антитеррористической структурой (РАТС) ШОС;

- проведение совместных антитеррористических учений;

- противодействие пропаганде терроризма;

- эффективный контроль над границами;

- поддержание мира в Афганистане;

- развитие внутренней и межрегиональной инфраструктуры;

- стремление к государственно-частному партнерству, совместной финансовой инфраструктуры;

- укрепление связи в области здравоохранения, науки и техники;

- межличностное общение.

Контактная группа ШОС по Афганистану. 20 сентября 2017 года Совет министров иностранных дел ШОС постановил разработать проект в отношении предоставления Контактной группе по Афганистану ведущей роли в урегулировании этого конфликта. 11 октября 2017 года, после девятилетнего перерыва, Контактная группа на уровне заместителей министров иностранных дел стран-членов Организации и Афганистана провела встречу в Москве для подготовки «дорожной карты» по сотрудничеству между ШОС и Афганистаном.

В рамках ее проведения заместитель министра иностранных дел ИРА Хекмат Карзай изложил пять конкретных путей взаимодействия Контактной группы с Афганистаном.

Во-первых, он выступил за предоставление постоянного сопредседательства Афганистана на совещаниях Контактной группы. Во-вторых, подтвердил заинтересованность Афганистана в получении членства в ШОС. В-третьих, Хекмат Карзай обозначил проблему терроризма как ключевую угрозу безопасности и попросил ШОС присоединиться к Афганистану в этой борьбе. В-четвертых, он подчеркнул важность мира и примирения на основе афганского управления и формы собственности, призвав государства-члены ШОС использовать их рычаги влияния на вооруженные формирования, чтобы привести их к мирным переговорам, ориентированным на достижение конкретных результатов. Наконец, он отметил важную роль ШОС в оказании помощи Афганистану в раскрытии его экономического потенциала, а также интеграции Афганистана с государствами-членами ШОС за счет расширения торговли, транзита и инвестиций.

Совет национальных координаторов ШОС. Его представители встретились с 30 января по 2 февраля 2018 года в Пекине, чтобы обсудить правовые рамки Контактной группы, в том числе ее сотрудничество с ЮНЕСКО, Управлением ООН по наркотикам и преступности и Международным комитетом Красного Креста. Согласно имеющейся информации на саммите ШОС в Циндао ожидается принятие контрнаркотической стратегии по борьбе с трафиком героина из Афганистана. Так, 9 марта 2018 года на пресс-конференции министр иностранных дел КНР Ван Ёи сказал, что в ходе саммита ШОС будет завершен пятилетний план реализации Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а также приняты резолюции или документы, касающиеся безопасности, экономического, культурного и экологического сотрудничества. Несмотря на то, что в рамках ШОС существует консенсус о необходимости стабилизации Афганистана, часто все ограничивается риторикой. И вряд ли это перерастет в ощутимые результаты для Афганистана.

Ключевые факторы для поддержания мира в Афганистане

Роль ООН в построении мира. Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА) была создана в соответствии с резолюцией 1401 Совета Безопасности (СБ) ООН в марте 2002 года и обновлена в марте 2017 года в резолюции 2344 СБ ООН. Специальному представителю Генерального секретаря по Афганистану поручено возглавить и координировать деятельность международного сообщества в целях содействия миру, управлению и развитию на благо всех афганцев. В Миссии насчитывается более 1,5 тыс. сотрудников, в том числе 1150 афганских граждан, 350 международных сотрудников и 75 добровольцев ООН. Усилия МООНСА призван активно поддерживать Региональный центр ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии, созданный в Ашхабаде резолюция S/2007/280 от 16 мая 2007 года. Этот центр уполномочен оказывать помощь и поддержку правительствам стран Центральной Азии в предотвращении конфликтов и осуществлении мер по укреплению доверия.

Роль государств Центральной Азии. Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан, которые граничат с Афганистаном, являются основными заинтересованными сторонами в поддержании мира. Таджикистан связан дорогой с северным Афганистаном через «Мост дружбы» (река Пяндж). Афганистан имеет железнодорожное сообщение от Мазари-Шарифа до Хайратана (Узбекистан). Туркменистан снабжает Афганистан электроэнергией. Казахстан также вносит свой вклад в развитие инфраструктуры Афганистана и предоставление ему продовольствия. Государства Центральной Азии должны тесно сотрудничать в области обмена разведывательной информацией, эффективного контроля над границами и упрощения торговых, транзитных и таможенных правил для содействия более тесному экономическому сотрудничеству. В связи с этим необходим центральноазиатский консенсус о мерах по установлению и поддержанию мира в Афганистане.

Роль Индии. Взаимодействие Индии с Афганистаном регулируется Соглашением о стратегическом партнерстве (2011 года), реализация которого осуществляется Советом министров иностранных дел. На многостороннем уровне Индия активно участвует в Контактной группе ШОС-Афганистан, РИК (Россия-Индия-Китай), БРИКС, конференции «Сердце Азии», российской инициативе «5+1», в трехстороннем соглашении Индия-Иран-Афганистан, США, Трехстороннем диалоге по Афганистану и в рамках других международных форумах.

Индия полностью поддерживает «мирный процесс, возглавляемый Афганистаном», а также усилия Правительства национального единства по политико-этническому

примирению со всеми заинтересованными сторонами, проведению выборов и осуществлению административных реформ. Индия инвестировала в Афганистан 2 млрд долл. на строительство плотины Сальма, сооружение дорог и линий электропередач, строительство парламента и создание телекоммуникационной инфраструктуры. При этом помощь предоставляется путем развития телевизионной промышленности, сельского хозяйства, ирригации, здравоохранения и транспорта, а также предоставления бесплатных вакансий для афганских студентов в академических учреждениях Индии. Предоставляются визы в медицинских целях для лечения афганцев в индийских больницах.

В Дели пообещали помощь Кабулу в размере 1 млрд долл. на реализацию 116 эффективных проектов по развитию местной инфраструктуры в 31 провинции. Кроме того, было запущено 6 новых проектов по строительству недорогого жилья для возвращения афганских беженцев в провинции Нангархар. А также предусмотрено проведение дороги к Банд е-Амир в провинции Бамиан, строительство национального парка, сооружение плотины Шахтут, реализация мер по водоснабжению г. Кабул и Чарикар в провинции Парван, создание завода по производству гипсокартона в Кабуле, строительство поликлиники в Мазари-Шарифе.

В Дели также состоялась конференция при участии представителей Индии США и Афганистана в области торговли и инвестиций, в которой приняли участие 200 афганских и 800 индийских бизнесменов. А для устранения препятствий, созданных Пакистаном в области торговли через Вагах — единственный населенный пункт, через который можно пересечь границу между Индией и Пакистаном, Индия и Афганистана не только создали воздушный коридор, но и ввели в действие иранский порт Чахбахар для поставки зерна и других продуктов через ось Зарандж-Деларам.

В ходе церемонии подписания трехстороннего соглашения (Индия — Иран — Афганистан) премьер-министр Индии Нарендра Моди отметил: «Экономические результаты соглашения «Чахбахар» позволят расширять торговлю, привлекать инвестиции, строить инфраструктуру и создавать рабочие места для молодежи. Соглашение укрепит нашу взаимную поддержку против тех, чей девиз состоит в том, чтобы калечить и убивать невинных. Успех этого соглашения станет положительным голосом за мир и стабильность в регионе. С возвращением мира и нормальной жизни в Афганистане Индия намерена сформировать консорциум компаний в партнерстве с афганскими и иностранными инвесторами, чтобы инвестировать около 11 млрд долл. в железорудные месторождения в Хаджигаке.

Что касается помощи в области безопасности, то Индия предоставила нелетальную военную технику и четыре боевых вертолета. В стадии рассмотрения находятся просьбы Афганистана по ремонту 11 вертолетов МИ-35 и 7 транспортных самолетов, поставке другой военной техники. Около 1 тыс. военнослужащих и большое число государственных служащих, полицейских и других специалистов проходят подготовку в Индии. 100 вакантных мест предоставлены для специалистов по оказанию помощи раненым в военных госпиталях. Индия также предоставит 500 стипендий для получения образования для детей служащих Сил национальной безопасности и обороны Афганистана в 2018–2019 годах.

Индия может использовать свой богатый опыт в борьбе с терроризмом путем обмена данными с Региональной антитеррористической структурой ШОС в Ташкенте и активно участвовать в антитеррористических учениях «Мирная миссия».

В заключение я хотел бы привести несколько положений из доклада (2015 года) Центра стратегических и международных исследований: «Стабильная, процветающая Центральная Азия, полностью интегрированная в глобальную торговую сеть, не станет питательной средой для транснациональных проблем, таких как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, незаконный оборот наркотиков и организованная преступность. А также перенимать амбиции своих более влиятельных соседей».

В.И. БАТЮК,
руководитель Центра военно-политических исследований
Института США и Канады РАН,
доктор исторических наук
(Россия)

РОССИЯ И КИТАЙ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА

Утвержденная президентом Д. Трампом в декабре 2017 года Стратегия национальной безопасности США (СНБ-2017) следующим образом характеризует основные вызовы национальной безопасности США: «Китай и Россия бросает вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание... В то же время диктаторские режимы Народно-Демократической Республики Корея и Исламской Республики Иран намерены дестабилизировать свои регионы, угрожать американцам и их союзникам, и притеснять свои собственные народы. Транснациональные группы, несущие угрозу, от террористов-джихадистов до международных преступных организаций, предпринимают активные усилия, направленные на нанесение ущерба американцам»²⁷.

Национальная оборонная стратегия Соединенных Штатов, которая была утверждена 19 января 2018 года министром обороны Дж. Мэттисом, призвана обеспечить реализацию — посредством военных инструментов — целей стратегии национальной безопасности США. Соответственно, национальная оборонная стратегия США 2018 года следующим образом определяет характер военных угроз Соединенным Штатам: «Центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является восстановление долгосрочного стратегического соперничества со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится все более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью»²⁸.

Соответственно, новая американская оборонная стратегия на первый план ставит противостояние военным державам — прежде всего КНР и РФ, в меньшей степени КНДР и ИРИ. Что касается террористических группировок и организованной преступности, то борьба с данными вызовами американской национальной безопасности рассматривается в данном документе как второстепенная задача.

Авторы документа не скрывают своей тревоги по поводу того, что американские вооруженные силы утрачивают свое некогда неоспоримое и абсолютное превосходство. «На протяжении нескольких десятилетий Соединенные Штаты обладали неоспоримым или внушительным превосходством в любом операционном пространстве, — указывается в национальной оборонной стратегии. — Мы могли размещать наши войска там, где хотим, собирать их там, где хотим, и действовать так, как мы хотим. Сегодня же в любой сфере мы сталкиваемся с противоборством — в воздухе, на земле, на море, в космическом и киберпространствах»²⁹.

Говоря о современном военном потенциале России, американские аналитики указывают на российское превосходство в таких элементах военной мощи, как дальнобойная артиллерия, радиоэлектронная борьба, кибернетический потенциал и возможности «гибридной войны»³⁰. Особую тревогу у американской стороны вызывает то обстоятельство, что на востоке Европы ВВС США и военно-воздушные силы их натовских союзников могут утратить столь привычное для них превосходство в воздухе. Размещение в Калининградской области системы ПВО С-400 «Триумф» означает, что в случае вооруженного конфликта в Прибалтике Москва сможет установить бесполетную зону над всей территорией Литвы и третью территории Польши. Командующий ВВС США в Европе генерал Ф. Горенч выразил в связи с этим серьезную озабоченность³¹.

В свою очередь, госдепартамент США также выразил озабоченность по поводу ракетных комплексов С-400 и «Искандер», переброшенных в Калининградскую область, подчеркнув, что они являются фактором, который «дестабилизирует европейскую безопасность»³². Американское военно-политическое руководство опасается того, что в случае широкомасштабного вооруженного конфликта на востоке Европы российская сторона может воспрепятствовать подходу американских подкреплений, реализовав в данном субрегионе стратегию anti-access/area denial³³.

Как подчеркивается в Обзоре ядерной политики США, утвержденном в феврале 2018 года, «Россия рассматривает США и организацию Североатлантического договора (НАТО) в качестве главных угроз своим современным геополитическим амбициям. В российской стратегии и /военной/ доктрине подчеркивается возможность... применения ядерного оружия. В этой доктрине ошибочно указывается, что угроза ядерной эскалации или фактического применения ядерного оружия первыми послужит «деэскалации» конфликта на выгодных для России условиях. Такое ошибочное восприятие увеличивает вероятность опасных просчетов и эскалации. Россия стремится обеспечить реализацию своей стратегии и доктрины путем всеобъемлющей модернизации своего ядерного арсенала... Помимо модернизации «унаследованных» советских ядерных систем, Россия разрабатывает и развертывает новые ядерные боеголовки и пусковые установки. Эти усилия включают многократную модернизацию каждой части российской ядерной триады: стратегических бомбардировщиков, ракет морского базирования и ракет наземного базирования. Россия также разрабатывает по меньшей мере две новые системы межконтинентальной дальности, гиперзвуковой глиссандный аппарат и новую межконтинентальную ядерную подводную автономную торпеду с атомной силовой установкой. Россия обладает значительными преимуществами в производстве ядерного оружия и в нестратегических ядерных силах над США и союзниками. Она также создает большой, разнообразный и современный набор нестратегических систем, которые обладают двойным потенциалом (могут быть вооружены ядерным или обычным оружием). Эти системы театра действий и тактической дальности не подотчетны в соответствии с Новым договором о СНВ, и модернизация нестратегических ядерных вооружений России увеличивает общее количество такого оружия в ее арсенале, значительно улучшая ее возможности доставки. Это включает производство, обладание и летные испытания крылатых ракет наземного базирования в нарушение договора о РСМД. Москва считает, что эти системы могут предоставить полезные варианты для преимущества эскалации. Наконец, несмотря на частую критику Москвы в адрес США по проблеме ПРО, Россия тоже модернизирует свои давние ядерные системы противоракетной обороны и разрабатывает новые баллистические перехватчики»³⁴.

В последние годы Китай также начал быстрыми темпами наращивать свой наступательный потенциал. Китайские военные теперь способны проводить в отношении США стратегию «ограничение доступа/воспреещение присутствия» (Anti-Access/Area Denial). Тем самым они сумели радикальным образом изменить привычное для США соотношение сил в регионе.

К тому же КНР сумела добиться количественного роста и качественного совершенствования своих стратегических ядерных сил. Как отмечается в докладе Министерства обороны США «Развитие военного потенциала и потенциала в области безопасности Китайской Народной Республики», опубликованного в апреле 2016 года, в настоящее время арсенал китайских МБР, способных достичь территории континентальных Соединенных Штатов, насчитывает от 75 до 100 единиц, включая жидкотопливные DF-5 и DF-5B (последняя — с РГЧ ИН), и твердотопливные DF-31 и DF-31A с мобильным стартом. В настоящее время в КНР ведутся НИОКР по созданию твердотопливной ракеты DF-41 с мобильным стартом и РГЧ ИН. Кроме того, на вооружении ВМС КНР находятся 4 ПЛАРБ «Джиуланг» (модель 094), оснащенные БРПЛ JL-2 с дальностью стрельбы 7,2 тыс. км³⁵.

Иными словами, китайские атомные субмарины нового поколения будут способны нанести удар по Соединенным Штатам, находясь вблизи китайских берегов, под защитой ВМФ и ВВС КНР. Кроме того, осуществляется программа по переоснащению китайских МБР разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) и средствами прорыва противоракетной обороны. Тем самым Китай демонстрирует свою способность к ядерному сдерживанию США.

Очевидно, что абсолютному американскому военному превосходству в АТР брошен серьезный вызов, и с этим не могут не считаться американские военные.

Меняющееся соотношение сил в регионе заставило многих американских экспертов задуматься о возможности широкомасштабного военного американо-китайского конфликта и о его возможных последствиях. Так, летом 2016 года был опубликован доклад, подготовленный сотрудниками американской корпорации «РЭНД», посвященный будущей войне между США и КНР³⁶.

«Война между США и Китаем может быть такой разрушительной для обеих стран, для Восточной Азии, и для всего мира, что может показаться немыслимой, — говорится в предисловии к этому докладу. — Но это не так: Китай и США уже конфликтуют из-за несколько региональных проблем, которые могут привести к военной конфронтации между ними или даже применению оружия. Обе страны сконцентрировали мощные военные силы, действующие в непосредственной близости друг от друга. В случае инцидента или обострения обстановки обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы нанести удар по вражеским силам, прежде чем испытать удар с их стороны. И если начнутся военные действия, у обеих сторон будет в наличии достаточно сил, технологий, производственных мощностей и персонала для ведения вооруженной борьбы на огромных пространствах суши, моря, воздуха, космоса и киберпространства. Таким образом, китайско-американская война, которая, возможно, будет большой и дорогостоящей, не является немыслимой: напротив, она нуждается в дополнительном осмыслении»³⁷.

При этом в докладе подчеркивается та мысль, что военные действия в случае американо-китайского конфликта могут пойти совсем не так, как это планировалось в Пентагоне, где еще совсем недавно не было и тени сомнений в американской победе в случае войны с Китаем: «Укрепление военного потенциала Китая, особенно в рамках осуществления стратегии «ограничения доступа/воспреещения присутствия» (A2AD), означает, что Соединенные Штаты не могут рассчитывать на получение оперативного контроля, уничтожения обороны Китая, и достижение решительной победы в случае войны»³⁸.

У американских экспертов имеются веские основания для столь пессимистических оценок. Так, по данным Пентагона, в настоящее время ВВС НОАК являются крупнейшими в Азии и третьими по мощи в мире, насчитывая 2,8 тыс. самолетов (без учета беспилотников), из них 2,1 тыс. ударных (включая истребители, бомбардировщики, истребитель-бомбардировщики и штурмовики). Военно-воздушные силы КНР стремительно сокращают разрыв с западными ВВС КНР имеют широкий спектр возможностей: от самолетов боевого управления и связи до самолетов систем радиоэлектронной борьбы (РЭБ). В настоящее время численность самолетов четвертого поколения в ВВС НОАК составляет около 600, и в ближайшие несколько лет они составят большинство среди ударных самолетов. В докладе министерства обороны США обращается особое внимание на то обстоятельство, что в ближайшее время на вооружение китайских военно-воздушных сил должны поступить 24 истребителя-бомбардировщика Су-35 российского производства с усовершенствованной РЛС. Кроме того, в 2015 году в Китае начались испытания истребителей пятого и шестого поколений³⁹.

Серьезную озабоченность американских военных вызвало переоборудование китайских бомбардировщиков типа Н-6 (аналог советского Ту-16) в носитель крылатых ракет большой дальности. Бомбардировщики такого типа, оснащенные ракетами «воздух-поверхность», способны нанести удар по любому объекту в западной части Тихого океана. Боевые возможности этого самолета еще больше расширятся после того, как он будет оснащен системой для дозаправки топливом в воздухе.

Что касается китайской системы ПВО, то, по оценкам Пентагона, последняя является одной из самых мощных в мире. Ее основу составляют импортированные из РФ системы С-300ПМУ1/2 (натовское обозначение — СА-20) и системы ПВО китайского производства CSA-9 (HQ-9). Стремясь к дальнейшему улучшению своих систем ПВО, Китай планирует импортировать российский С-400 «Триумф», а также развивать собственные аналоги. Так, будет усовершенствоваться свой аналог системы ПРО HQ-19. В этой связи американские военные аналитики обращают внимание на то обстоятельство, что С-400 и CSA-X-19 могут создать основу для системы противоракетной обороны КНР⁴⁰.

Китайская Народная Республика в последние годы добилась серьезного прогресса и в количественном наращивании и качественном совершенствовании своих управляемых ракет «поверхность-поверхность», способных наносить удары высокоточными боеголовками, в том числе по надводным судам. Противокорабельная баллистическая

ракета «Дунфэн» 21 (модификации С и D) обладает дальностью от 800 до 1000 км. На вооружении НОАК имеются и крылатые ракеты наземного базирования CJ-10, которые имеют дальность стрельбы более 1,5 тыс. км и обладают высокой точностью. Эти ракетные системы дают НОАК возможность атаковать корабли, включая авианосцы, в западной части Тихого океана⁴¹.

В последние годы ВМС КНР были оснащены новейшими образцами надводных и подводных кораблей, как китайского производства, так и импортированных из России (эсминцы класса «Современный» и их китайский аналог «Луюань», всего шесть единиц), подводные лодки (класса «Кило» и их китайский аналог — подлодки типов «Сонг» и «Юань», всего 38 единиц). Эти подводные и надводные корабли оснащаются противокорабельными крылатыми ракетами (класса SS-N-22 «Солнечный ожог» и их китайские аналоги), а также системами ПВО, что позволяет им проводить операции вдали от родных берегов⁴².

Наконец, вооруженные силы КНР смогли существенно увеличить свои возможности в таких высокотехнологичных сферах вооруженной борьбы, как космос и киберпространство. Помимо разработки систем вооружений направленной энергии и спутниковых «глушилок», Китай разрабатывает противоспутниковые системы и, как полагают американские военные эксперты, испытал противоспутниковую систему в июле 2014 года. Китай также в 2013 году продемонстрировал свою способность запускать объекты на геостационарную орбиту.

Противоспутниковый потенциал КНР вызывает серьезную озабоченность у высокопоставленных американских военных. Так, выступая в Стэнфордском университете 26 января 2017 года, командующий Стратегическим командованием США генерал Дж. Хайтен заявил, что уже в недалеком будущем китайцы смогут угрожать любому американскому космическому аппарату, находящемуся на любой, в том числе и геостационарной, орбите. «Чтобы предотвратить это, мы должны быть готовы к войне, — подчеркнул Дж. Хайтен. — И все должны знать, что мы готовы к войне»⁴³.

НОАК продолжает укреплять свои военно-космические возможности, которые включают в себя спутниковую систему навигации «Байдоу» и космические средства наблюдения, способные отслеживать объекты по всему миру и в космосе. Китай стремится использовать космический потенциал для развития систем разведки, наблюдения и оповещения, работающих в реальном времени, что позволяет поднять на более высокий уровень командование и связь в ходе межвидовых операций.

Чтобы противостоять этим вызовам, американское военно-политическое руководство считает необходимым осуществить широкомасштабные инвестиции в национальную оборону, с тем чтобы «восстановить боеготовность и обеспечить боевую мощь... Страна должна обладать достаточными и боеготовыми силами для нанесения поражения врагам и достижения таких результатов, которые обеспечат надежную безопасность американскому народу и защиту нашим жизненно важным интересам»⁴⁴.

Для достижения этих целей американская национальная оборонная стратегия 2018 года предусматривает модернизацию ядерных сил, инвестиции в силы и средства, предназначенные для проведения операций в космическом и киберпространствах, дальнейшее развитие систем связи, вычислительных устройств, боевого управления, контроля, разведки и рекогносцировки (command, control, communications, computers and intelligence, surveillance, and reconnaissance (C4ISR)), развитие систем ПРО, борьбу с мобильными боевыми платформами в сфере действия вражеских систем ПВО и ПРО, увеличение возможностей американских вооруженных сил по осуществлению маневра и обороны в условиях неприятельского нападения, инвестиции в автономные боевые системы с использованием элементов искусственного интеллекта и, наконец, укреплению устойчивости и надежности боевого снабжения и обеспечения⁴⁵.

При выработке Обзора ядерной политики Соединенных Штатов, утвержденного министром обороны США в феврале 2018 года (ОЯП-2018), американское военное ведомство руководствовалось, в первую очередь, ключевыми положениями новой Стратегии национальной безопасности, которую президент Д. Трамп одобрил в декабре 2017 года, а также Национальной оборонной стратегии США (январь 2018 года). В соответствии с этими переменами в американской стратегии национальной безопасности и оборонной стратегии, ОЯП-2018 предусматривает серьезные перемены в ядерной политике США. Как подчеркивается в данном документе, «со времени последнего ОЯП, подготовленного в 2010 году, ситуация в плане глобальных угроз, в том числе все более явных ядерных угроз со стороны потенциальных противников, заметно

ухудшилась. Сегодня Соединенные Штаты оказались перед лицом ядерной угрозы, более сложной и разноплановой, чем когда-либо, когда потенциальные противники весьма активно реализуют свои программы разработки и развертывания ядерного оружия и средств его доставки»⁴⁶.

Соответственно, ОЯП-2018, в отличие от ОЯП-2010, предусматривает не сокращение роли ядерного оружия в американской военной стратегии, а, напротив, увеличения этой роли. Как говорится в документе, «в то время как Соединенные Штаты продолжают сокращать количество и снижать значимость ядерных вооружений, другие страны, в том числе Россия и Китай, движутся в противоположном направлении. Они пополняют свои арсеналы новыми видами ядерных средств, усиливают роль ядерных сил в своих стратегиях и планах и ведут себя все более агрессивно, в том числе в космическом пространстве и в киберпространстве»⁴⁷.

В этих условиях Пентагон готовится не сокращать, а наращивать и совершенствовать американский ядерный арсенал, развивая американскую стратегическую триаду (межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ), стратегическую авиацию). Кроме того, американское военно-политическое руководство предполагает серьезно укрепить нестратегические ядерные силы США, а также системы боевого управления и связи.

Таким образом, новая американская администрация выработала свою стратегию национальной безопасности, основные положения которой радикальным образом отличаются от стратегии предшествующей администрации. Америка больше не уверена в своем глобальном лидерстве; она вынуждена вести ожесточенную борьбу с великими державами-противниками Соединенных Штатов, прежде с Китаем и Россией. И решающую роль в этом противостоянии должна сыграть американская военная, в том числе и ядерная, мощь.

Р.Н. МУСАБЕКОВ,

депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики,
член комитета по международным отношениям
и межпарламентским связям,
доктор философских наук
(Азербайджан)

АЗЕРБАЙДЖАН НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ВЕКТОРОВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ

Азербайджанская Республика в прошлом году отметила 25-летний юбилей своей независимости. Наше государство прочно утвердилось на политической карте мира и приобрело международный авторитет, свидетельством чему стало избрание на период 2012-2013 годов первым среди постсоветских стран непостоянным членом Совбеза ООН. В Азербайджане обеспечивается внутренняя стабильность, общественная безопасность, успешно осуществляется социально-экономическое развитие. За последнее десятилетие реализованы многомиллиардные, выходящие по своему масштабу и значению за пределы региона, энергетические и транспортные проекты, такие как нефтепровод «Баку-Тбилиси-Джейхан», «Южный газовый коридор», железная дорога «Баку-Тбилиси-Карс». Начаты работы по железнодорожному транспортному коридору «Север-Юг» с участием России, Азербайджаном и Ираном, причем именно Баку выступает драйвером этого проекта, построив мостовой переход и терминалы на границе с Ираном, дополнительно выделив 500 млн. долларов на строительство в ИРИ недостающего сегмента «Решт-Астара».

Очевидно, что в современном мире изолированное существование государств, даже самых крупных и богатых, невозможно. Азербайджан ориентирован на сотрудничество на основе равноправия и взаимной выгоды. При этом делается упор на развитие отношений со странами, с которыми Азербайджан граничит и с которыми на протяжении столетий нас связывают исторические и культурные связи. Наряду с двусторонними отношениями, которым отдается приоритет, Баку в последние годы выступил инициатором многостороннего сотрудничества в различной конфигурации: Азербайджан-Грузия-Турция, Азербайджан-Россия-Иран, Азербайджан-Турция-Туркменистан, Азербайджан-Турция-Иран.

Единственная страна, с которой Азербайджан граничит, но не имеет никаких связей — это Армения. Причина заключается в том, что Армения оккупирует Нагорный Карабах и еще семь районов Азербайджана и не желает выполнить 4 резолюции Совбеза ООН, две резолюции Генассамблеи ООН, призывы других авторитетных международных организаций, требующих незамедлительного и безусловного их освобождения. Из-за проводимой Ереваном политики территориальных претензий, агрессии и вражды Армения лишила себя выгод участия в масштабных энергетических и коммуникационных проектах, реализованных в регионе Азербайджаном совместно с другими партнерами. Но в случае мирного урегулирования карабахского конфликта в соответствии с нормами международного права, двери для возобновления сотрудничества Азербайджана с Арменией открыты.

Проблемы региона не исчерпываются локальными военными и политическими конфликтами. Южный Кавказ часто ассоциируют с Балканами и некоторыми другими регионами мира, которые исторически являлись и остаются до сих пор объектами глобального соперничества великих и региональных держав. Южный Кавказ географически представляет собой мост между Каспийским и Черным морями, а в более широком контексте между Азией и Европой. В этом его главная геополитическая функция. Здесь соприкасаются христианский и мусульманский миры, пересекаются Восток и Запад, Север и Юг. Начиная с XIX века, Южный Кавказ стал полем так называемой «Большой игры», которая велась европейскими державами в борьбе за

колониальный раздел и передел мира. А сегодня регион лежит на так называемой «Дуге нестабильности», идущей от Дальнего Востока вдоль побережья Индийского океана, через Центральную Азию и Ближний Восток, вплоть до восточных границ Турции.

С географией не поспоришь. Ее следует принимать как данность. География — это судьба, говорил Наполеон. Однако вовсе не приговор. Если адекватно оценить плюсы и минусы геополитическое положение своей страны, выстроить реалистичную политику и последовательно ее проводить, можно минимизировать риски и пользоваться выгодами и преимуществами как для развития, так и укрепления безопасности. Пока Азербайджану удастся развивать отношение сотрудничества по всему периметру своих границ без того, чтобы сковывать свой выбор преференциальным включением в замкнутые военно-политические или же торгово-экономические союзы.

Конституционных норм о постоянном нейтралитете Азербайджан не принимал, но вступив в «Движение неприсоединения», обозначил свой внеблоковый статус. В политике безопасности Баку опирается на собственные силы и не ставит цель интегрироваться ни в НАТО, ни в ОДКБ. За последние десятилетия Азербайджан полностью перевооружил свою армию, которая на сегодня является сильнейшей в регионе. Приобретено оружие и военной техники на сумму более 10 млрд долл., половина из которой пришлось на закупки у России, а оставшаяся часть на Израиль, Турцию, Украину и Белоруссию. Параллельно развивается и собственная военная промышленность.

Азербайджан остается участником программы НАТО «Партнерства ради мира», вносит посильный вклад в осуществление операции антитеррористической коалицией в Афганистане. Мы приняли техническую и финансовую помощь США по программе Caspian Guard Initiative для установления контроля над своими морскими и сухопутными границами. Однако твердо отклонил все попытки Вашингтона вовлечь в себя в действия, которые могут быть восприняты как враждебные со стороны соседних России и Ирана. Отмечу также и то, что вопреки прямому недовольству Тегерана и некоторых арабских стран, Азербайджан поддерживает и развивает взаимовыгодное сотрудничество с Израилем в сфере вооружений и безопасности.

Баку в 2010 году заключил с братской Турецкой Республикой двустороннее «Соглашение о стратегическом партнерстве и взаимопомощи». Одновременно Азербайджан укрепляет стратегическое партнерство и с Москвой. Офицерский состав мы готовим преимущественно в собственных военных учебных заведениях, а также в Турции. Но некоторое количество военных специалистов проходит обучение и в России, главным образом для квалифицированного обслуживания приобретенной в этой стране новейшей военной техники. Отмечу и налаженное трехстороннее сотрудничество между Азербайджаном, Грузией и Турцией для обеспечения безопасности стратегических трубопроводов, обеспечивающих экспорт каспийской нефти и газа на внешние рынки, а также построенного при финансовой поддержке Баку железнодорожного маршрута Баку — Тбилиси — Карс.

В экономической сфере основным торговым партнером Баку является Евросоюз. Западные страны являются для Азербайджана главным источником инвестиций, современных технологий и техники, а также эффективного менеджмента. Однако, в отличие от Грузии, Украины и Молдовы Баку не стал заключать типовое для всех участников программы ЕС «Восточное партнерство» соглашение об Ассоциации, фактически превращающее эти страны в экономический и политико-идеологический придаток Евросоюза, а настоял на подготовке двустороннего соглашения о партнерстве, работа над которым интенсивно продвигается. Кстати, аналогичное соглашение с Брюсселем ранее подписал Казахстан.

Успешно развиваются торгово-экономические отношения Азербайджана с Турцией, Россией и Казахстаном. После выхода Ирана из режима санкций в связи с ядерной программой, партнерские отношения Азербайджана со своим южным соседом развиваются высокими темпами, особенно в сфере экономике и транспорта. Продолжавшиеся на протяжении почти 20 лет переговоры по статусу Каспия подходят к завершению и предположительно в текущем году на саммите президентов «Каспийской пятерки» в Казахстане будет подписана соответствующая Конвенция. Этим будут сняты препятствия для двустороннего и многостороннего сотрудничества на Каспии. Азербайджан располагает для этого большими возможностями. Мы имеет самый большой торговый флот, специализированные суда и буровые платформы для разведки нефти и газа, проведения бурения, прокладки трубопроводов на Каспии. Мы завершаем строительство

современного и самого крупного торгового порта на Каспии в Алятах, где формируется особая экономическая зона.

В заключение отмечу, что, хотя нахождение на пересечении геополитических векторов для малой страны, каковой является Азербайджан, весьма неуютным, но за четверть века независимости мы освоились со своим положением и выработали адекватную внешнеполитическую линию. Если коротко, она заключается в следующем: «Равноправному и взаимовыгодному партнерству говорить — да, а претензиям на патронство и диктат, откуда бы они ни исходили, вежливо, но твердо отвечать — нет». Шанхайская организация сотрудничества, как авторитетная международная платформа, на которой превалирует диалог, и не навязываются идеологические парадигмы, в которой крупные державы и малые страны выстраивают равноправные отношения на основе взаимной выгоды, представляет для Азербайджана большой интерес. Пока он реализуется посредством статуса наблюдателя. Но в перспективе может трансформироваться и в амбиции по полноценному членству. Тем более, что двусторонние отношения Азербайджана со странами, входящими в ШОС развиваются по восходящей линии и интерес к этой организации усиливается и у нашего союзника — Турции.

Б.М. ВОЛХОНСКИЙ,
доцент Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат филологических наук
(Россия)

ВСТУПЛЕНИЕ ИНДИИ И ПАКИСТАНА В ШОС: ЧТО НОВОГО ЭТО ВНОСИТ В ПОВЕСТКУ ДНЯ ОРГАНИЗАЦИИ?

Решение саммита Шанхайской организации сотрудничества в Астане в июне 2017 года о расширении состава организации за счет принятия в нее Индии и Пакистана в качестве полноправных членов имеет поистине историческое значение. Это значение выходит далеко за пределы региона, охватываемого территориями стран-участниц. Отныне численность населения стран — членов организации составляет 45% от численности населения мира, а совокупный ВВП превышает треть общемирового.

Уже этого достаточно, чтобы считать ШОС важнейшим фактором глобальной геополитики, влияющим на правила игры в изменяющемся многополярном мироустройстве. Вместе с тем одновременное вступление в ШОС государств, имеющих серьезные разногласия в двусторонних отношениях, чревато серьезными рисками для целостности самой организации и для безопасности всей Евразии — континента, который, по многим прогнозам, станет главной ареной глобальной геополитики в XXI веке.

Расширение ШОС было позитивно оценено и в новых странах-членах, и на международной арене. Председатель КНР Си Цзиньпин в связи с этим внес предложение о заключении договора о добрососедстве между странами — членами организации сроком на пять лет⁴⁸. Однако многие наблюдатели отметили, что одновременное вступление в ШОС Индии и Пакистана само по себе не гарантирует автоматического урегулирования существующих между ними разногласий. В связи с этим Китай даже предупредил Индию и Пакистан, что они не должны превращать ШОС в арену двустороннего противостояния.

Развернувшиеся в конце лета 2017 года события вокруг плато Доклам, когда из-за территориальных споров между Китаем и Бутаном Индия (поддержавшая Бутан) и Китай балансировали на грани открытого вооруженного конфликта, только подтвердили, что членство стран в одной организации не снимает остроту существующих между ними конфликтов. И если, скажем, Пакистан (стремящийся интернационализировать проблему Кашмира) поставит вопрос о своих двусторонних спорах с Индией на повестку дня ШОС, другие страны — члены организации будут вынуждены так или иначе реагировать, а это может еще больше усложнить ситуацию.

Поскольку охватить все новые моменты, возникающие в повестке дня ШОС в связи с вступлением в организацию Индии и Пакистана, в рамках одного краткого сообщения невозможно, остановимся лишь на нескольких. Это — ситуация в Афганистане; риски, связанные с возможностью интернационализации проблем в двусторонних индийско-пакистанских отношениях; будущее инфраструктурных проектов в Евразии; перспективы создания Банка ШОС; проблемы дележа водных ресурсов на континенте.

1. Ситуация в Афганистане — это сегодня, пожалуй, наиболее критическая проблема для безопасности — не только Южной и Центральной Азии, но также и Китая, России и всей Евразии. Западная коалиция во главе с США, вопреки прежним обещаниям, сохранила свое военное присутствие в Афганистане (так и не добившись реализации заявленных задач вторжения), и это проливает свет на истинные цели «глобального Запада». Задачей не была ни ликвидация терроризма или наркоторговли (и то, и другое расцвело именно в результате иностранного вторжения), ни установление мира и стабильности. Цель вторжения состояла в создании ситуации неопределенности и

хаоса, которая давала бы США повод для сохранения военного присутствия вблизи границ главных геополитических конкурентов — России и Китая.

Как неоднократно заявлялось, процесс урегулирования в Афганистане должен полностью находиться в руках афганцев и возглавляться ими (Afghan-led and Afghan-owned). Это не исключает конструктивного содействия соседей и региональных держав. В этом контексте роль ШОС возрастает многократно. Сейчас Афганистан имеет статус наблюдателя в ШОС, но, похоже, пора рассмотреть вопрос о повышении статуса Афганистана (наряду с Ираном) до полноправного членства.

При этом следует отметить, что внутри экспертного сообщества нет единого подхода к проблемам афганского урегулирования. Так, например, эксперты из Индии предлагают России, Индии и Ирану объединить усилия и создать некий тройственный союз для содействия Афганистану. Пакистанские эксперты тоже предлагают создание тройственного союза, но в ином составе — Россия, Китай и Пакистан. С одной стороны, такие предложения подчеркивают ключевую роль России, однако здесь есть и серьезный недостаток. Оба предложения исходят из принципа «игры с нулевой суммой», то есть предполагают получение односторонних преимуществ для себя за счет ослабления позиций конкурентов. Такой подход приведет только к повторению ситуации 1990-х годов, к войне всех против всех, результатом чего станет победа наиболее радикальных и антигуманных сил, как это было в 1996 году. Ситуация осложняется и тем, что так называемое «Исламское государство» (ИГИЛ, организация, запрещенная в России) не оставляет попыток закрепиться в Афганистане. Победа же ИГИЛ может создать в Афганистане режим, превосходящий по степени экстремизма тот, что существовал во времена правления «Талибана» (организации, также запрещенной в России)⁴⁹.

Складывающаяся ситуация диктует необходимость выработки коллективного всеобъемлющего подхода к проблемам Афганистана, основанного не на принципах «игры с нулевой суммой», а на принципах всеобщей выгоды («win-win» basis). В выработке такого подхода должны принять участие как Индия, так и Пакистан, несмотря на все существующие между ними разногласия. Обе страны имеют давние исторические связи с Афганистаном, и, хотя каждая из них опирается на различные этнические группы внутри Афганистана, даже это может рассматриваться как взаимодополняющий фактор. ШОС способна стать той площадкой, где можно усадить Индию и Пакистан за общий стол переговоров и наладить многосторонний диалог по проблемам Афганистана.

В экспертном сообществе разнятся также и взгляды на будущее афганского движения «Талибан» и на возможность его участия в системе власти в послевоенном Афганистане. Так, например, индийские эксперты категорически отрицают возможность переговоров с талибами, указывая на то, что «не бывает террористов хороших и плохих», и критикуя подходы, демонстрируемые российской стороной.

Впрочем, отрицать тот факт, что талибы представляют собой влиятельную силу в Афганистане, а их взгляды находят отклик у достаточно широких слоев населения, невозможно. Поэтому включение «Талибана» (разумеется, в случае отказа от террористических методов борьбы и наиболее радикальных программных установок) в систему распределения властных полномочий представляется неизбежным. А это подчеркивает важность роли Пакистана, который, используя рычаги влияния внутри движения, может способствовать превращению его в цивилизованную политическую силу. С другой стороны, Индия наряду с Ираном могла бы выступить в роли гаранта прав этнических и религиозных меньшинств Афганистана и межобщинной стабильности в этой стране.

2. Один из рисков, вытекающих из одновременного вступления в ШОС Индии и Пакистана, связан с возможностью переноса проблем в двусторонних отношениях между этими странами в повестку дня организации. Несмотря на периодически появляющиеся признаки «оттепели» в индийско-пакистанских отношениях в целом ситуация остается весьма напряженной, а иногда и балансирует на грани вооруженного конфликта.

Корнем разногласий между Индией и Пакистаном остается кашмирская проблема. При этом Пакистан стремится всячески интернационализировать ее, Индия же настаивает на том, что проблема носит исключительно двусторонний характер и должна решаться без привлечения сторонних сил.

Здесь нет возможности вдаваться глубоко в исторические причины спора и перспективы его решения — они столь же далеки от осуществления, как и 70 лет назад. Однако отметим, что только широкая интеграция и развитие сотрудничества по тем вопросам, где у обеих стран есть совпадающие интересы, способны привести к сглаживанию, если

не окончательному решению этой проблемы (как, например, произошло с Эльзасом в результате сотрудничества Германии и Франции в рамках Евросоюза). Пока преждевременно говорить о перспективах превращения ШОС в евразийский аналог Евросоюза. Однако статус ШОС сегодня намного превосходит уровень европейской интеграции в 1950-е годы, когда нынешний ЕС зародился как Европейское объединение угля и стали.

3. Решение проблем Афганистана и сглаживание проблем в двусторонних индийско-пакистанских отношениях способно дать импульс реализации масштабных инфраструктурных и транспортных проектов на пространстве Евразии. Не секрет, что в Китай зачастую рассматривает евразийскую интеграцию, как средство своей экономической экспансии и распространения влияния на весь континент, включая Западную Европу. На решение этих задач нацелена китайская инициатива «Один пояс, один путь». Одной из важнейших составляющих этой инициативы является Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), позволяющий Китаю получить прямой выход к Аравийскому морю, Персидскому заливу и доступ к минеральным ресурсам Ближнего Востока и Восточной Африки.

Также не секрет, что инициатива «Один пояс, один путь» вызывает настороженность в Индии, что было продемонстрировано в мае 2017 года, когда Индия отказалась участвовать в саммите Шелкового пути в Пекине. Негативное отношение Индии к китайской инициативе во многом связано с тем, что КПЭК проходит через контролируемую Пакистаном часть Кашмира, де-факто закрепляя статус Кашмира как разделенной территории.

Со своей стороны, Индия, Россия и Иран совместно выступили инициаторами проекта Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг», призванного соединить порты на западном побережье Индии с иранскими портами Чабахар и Бандар-Аббас, а далее сетью железнодорожных и автомобильных дорог, проходящих через Закавказье и Центральную Азию, связать регион Индийского океана с Россией и странами Северной Европы.

Иногда эксперты (особенно индийские и пакистанские) утверждают, что два проекта – КПЭК и МТК – конкурируют друг с другом. Однако на самом деле они не только не являются конкурентами, но и дополняют друг друга. Маршруты инициативы «Один пояс, один путь» проходят по оси «Восток – Запад», тогда как МТК – по оси «Север – Юг». Сопряжение этих двух проектов способно, среди прочего, помочь в решении логистических проблем, связанных, например, с накоплением пустых контейнеров в конечных точках маршрутов.

Интеграция «Большой Евразии» идет вразрез с интересами тех сил, которые заинтересованы в сохранении однополярного миропорядка. Отсюда – попытки дестабилизации обстановки в этой, и без того беспокойной, части Евразии. Примером подобных попыток могут служить периодически проводимые в Конгрессе США слушания по так называемой «белуджской проблеме» в Пакистане в поддержку сепаратистских настроений в провинции Белуджистан. Цель очевидна – создание напряженности вблизи порта Гвадар, одной из опорных точек проекта КПЭК.

Неслучайным было и обострение ситуации вокруг Нагорного Карабаха (апрель 2016 года и февраль 2017 года), случившееся незадолго до и вскоре после российско-иранско-азербайджанского саммита (август 2016 года), на котором обсуждались проблемы реализации МТК.

В этом же контексте можно рассматривать и обострение американо-иранских отношений в мае 2018 года, вряд ли случайно произошедшее вскоре после того, как по маршруту МТК прошли первые караваны грузовиков.

Из сказанного со всей очевидностью следует вывод: страны Евразии должны осознать, что они находятся «в одной лодке» и что к проблемам интеграции следует подходить не с позиций «игры с нулевой суммой», а на основе учета общих взаимовыгодных и взаимодополняющих интересов.

4. Вступление в ШОС Индии (второй при расчете по паритету покупательной способности экономике Азии и третьей – мира) позволяет по-новому рассмотреть идею создания Банка ШОС. Эта идея обсуждалась в течение нескольких лет, но затем сошла на нет. Опасения стран – членов ШОС в основном были связаны с тем, что Китай, как крупнейшая экономика Евразии и главный потенциальный инвестор банка, получил бы мощнейший инструмент усиления своего экономического (а значит, и политического) влияния на континенте. В итоге идея банка повисла в воздухе⁵⁰. Отказу от идеи банка ШОС способствовало и создание таких финансовых институтов, как Азиатский

банк инфраструктурных инвестиций (обслуживающий, прежде всего, интересы Китая) и Евразийский банк развития в рамках ЕАЭС.

Задачи осуществления масштабных инфраструктурных проектов диктуют необходимость возвращения к идее Банка ШОС. Присутствие же Индии создает необходимый баланс, позволяющий избежать доминирования в таком банке одной, экономически наиболее мощной державы.

5. В качестве перспективной задачи для расширившейся ШОС хотелось бы упомянуть о важнейшей проблеме дефицита водных ресурсов. Эта проблема несет в себе комплекс нетрадиционных угроз безопасности и многими экспертами именно борьба за водные ресурсы рассматривается как главная причина грядущих войн в XXI веке. При этом, по мнению экспертов, именно Азия выглядит наиболее вероятным полем грядущих битв за воду⁵¹.

Сегодня в мире не существует универсального механизма разрешения споров, возникающих в связи с водопользованием на трансграничных водотоках и водоемах. Как правило, проблемы решаются на двусторонней основе, причем страна, находящаяся выше по течению («верхняя»), стремится действовать как монополист, не учитывая интересы «нижних» стран.

Индийско-пакистанский договор о разделе вод Инда (1960 года) в течение многих лет рассматривался как образцовый, несмотря на все сложности в двусторонних отношениях. В последнее время хозяйственная деятельность Индии в верхнем течении притоков Инда ставит под сомнение эффективность этого договора. Попытки решить эту проблему на двусторонней основе не привели к положительному результату.

В контексте послевоенного урегулирования в Афганистане проблемы раздела трансграничных водных ресурсов приобретают новое звучание. Индия — один из крупнейших иностранных инвесторов в экономику этой страны, с участием индийского капитала осуществляется, в частности, проект строительства гидротехнического узла на р. Кабул (одном из главных притоков Инда). В Пакистане полагают, что этот проект может еще больше обострить водные проблемы страны.

Вместе с тем, будучи «верхней» страной по отношению к Пакистану или Бангладеш (в нижнем течении Ганга), Индия сама становится «нижней» страной по отношению к Китаю, реализующему свои проекты в бассейне реки Брахмапутра. Индия и Бангладеш оказываются зависимыми от китайской активности в верхнем течении этой реки. Китайские планы переброски вод с юга на север (в Синьцзян-Уйгурский автономный район, которому отводится роль главного узла на маршрутах инициативы «Один пояс, один путь») в Индии рассматриваются как угроза национальной безопасности.

При этом Китай, будучи удовлетворенным своим статусом естественного монополиста, контролирующего верхнее течение большинства крупнейших рек Евразии, не подписал ни один международный (или региональный) документ, регулирующий проблемы водопользования. И это касается не только китайско-индийских отношений. То же относится к позиции Китая относительно главной реки Юго-Восточной Азии, Меконга: многосторонний договор по водопользованию на этой реке Китай не подписал, а в дискуссиях участвует только тогда, когда это не противоречит его национальным интересам.

Точно так же, при обсуждении своей активности в верхнем течении Иртыша и на его притоках Китай готов вести переговоры с Казахстаном, но не с Россией, хотя именно Россия выступает как наиболее пострадавшая сторона. По мнению многих экспертов, активность Китая может привести к тому, что Иртыш вплоть до Омска превратится в череду мелких озер и болот.

Ситуация диктует необходимость выработки совместного подхода к решению проблем водопользования, и площадкой для обсуждения этих проблем естественным образом может стать ШОС. Это сильно повышает роль Пакистана, как страны, наиболее страдающей от своего «нижнего» статуса. Вместе с Россией, Узбекистаном и, возможно, другими странами-членами ШОС Пакистан мог бы выступить инициатором разработки региональной конвенции по проблемам водопользования. Здесь же может пригодиться и опыт Индии, как страны, имеющей в одних случаях статус «верхней», в других — «нижней».

Вывод: вступление Индии и Пакистана в ШОС в качестве полноправных членов поднимает статус и авторитет организации в целом. Одновременно оно связано и с серьезными вызовами для организации, выработка ответа на которые потребует от всех стран-членов — как старых, так и новых — проявления политической мудрости. Только в таком случае двусторонние проблемы и разногласия не помешают превращению ШОС в реальный центр силы в многополярном мироустройстве.

А.Е. ЧЕБОТАРЕВ,
директор Центра актуальных исследований
«Альтернатива»
(Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В КАЗАХСТАНЕ: ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Масштабы проявления терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане. Серьезным источником угроз для национальной и общественной безопасности Казахстана являются терроризм и религиозный экстремизм, возрастание проявлений которых наблюдается с 2010 года. Пик этого процесса пришелся на 2011–2012 гг., когда в разных регионах страны было совершено 14 экстремистских акций и вооруженных столкновений с силами правопорядка.

Впоследствии, по данным КНБ РК, с 2013 года на ранней стадии приготовления были предотвращены 38 террористических акций, в том числе 12 — в 2016 году и 11 — в 2017 году.

Вместе с тем даже раскрытые и предотвращенные преступления террористического и экстремистского характера свидетельствуют о достаточно высоком уровне рассматриваемых угроз. Соответствующая официальная информация показывает увеличение общего количества и формата проявлений рассматриваемых угроз.

К примеру, в январе–октябре 2015 года в Казахстане в Едином реестре досудебных расследований было зарегистрировано 165 соответствующих преступлений. В том числе 72 — пропаганда терроризма и/или публичные призывы к совершению терактов, 62 — создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности, 13 — финансирование и иное пособничество экстремизму и терроризму, 12 — вербовка, подготовка или вооружение с целью организации террористической и/или экстремистской деятельности, 6 — прохождение соответствующей подготовки.

Основные внутренние факторы, способствующие проявлению религиозного экстремизма в Казахстане:

- социально-экономические проблемы (снижение доходов и уровня жизни определенной части населения, рост безработицы при ограниченности социальных лифтов, цен на продукты питания и коммунальные услуги и т.д.);
- низкий уровень религиозной грамотности населения;
- недостатки морально-нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения;
- проявление коррупции и бюрократизма в государственных органах, особенно на местном уровне;
- распространение религиозной литературы и иных информационных материалов сомнительного содержания.

Основные внешние факторы, способствующие проявлению религиозного экстремизма в Казахстане:

- географическая близость Казахстана к очагам вооруженных конфликтов с участием радикальных религиозных группировок (Афганистан, Ирак, Сирия);
- пребывание в расположенных на территории иностранных государств лагерях подготовки боевиков отдельных казахстанцев, ставших приверженцами экстремистских идей;
- уязвимость республики в рамках миграционных процессов, особенно из-за внешней нелегальной миграции;

- возрастание объемов и интенсивности пропаганды экстремистских идей и организаций посредством Интернета;
- попадание казахстанцев, проходящих обучение в зарубежных теологических заведениях, под влияние экстремистских идей и организаций.

Основные тенденции в процессе проявления терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане:

- рост религиозного сознания среди населения страны, особенно в мусульманской среде, совпадает по времени с ухудшением в экономике и социальной сфере;
- ухудшение социального самочувствия населения с перерастанием во всевозможные формы протеста. Альтернативой последним является уход и погружение людей в определенную религию;
- распространение идей так называемого «чистого ислама», который его приверженцы противопоставляют традиционному исламу в силу откровенной конформистской позиции официального духовенства в отношении государства и проводимой им политики; на фоне идеологического вакуума и фактической «зачистки» властями рядов светской оппозиции соответствующие религиозные течения и группы достаточно активно позиционируют себя в качестве своего рода альтернативной социальной и духовной системы.
- вовлечение в экстремистскую деятельность представителей молодежи как наиболее уязвимую в социально-экономическом и духовном отношении часть населения страны; по оценкам научно-исследовательского центра «Молодежь», более 55% экстремистов являются молодыми людьми в возрасте 17–29 лет.
- взаимопроникновение и сращивание экстремизма и криминалитета; С одной стороны, криминальные методы часто используются представителями религиозных радикальных объединений в своей деятельности, особенно в интересах ее финансирования. С другой стороны, идеи «чистого ислама» активно распространяются среди криминальных элементов, что наиболее всего имеет место в местах лишения свободы. Кроме того, представители некоторых организованных преступных групп находят в религии определенное оправдание совершаемым ими преступлениям.
- проявление соответствующих угроз для военной безопасности Казахстана, о чем, в частности, свидетельствуют следующие инциденты:

1) нападение 5 июня 2016 года в г. Актобе группы вооруженных лиц в количестве 15 чел. на войсковую часть № 6655 Национальной гвардии РК с целью захвата оружия; Потери военнослужащих составили 3 чел. убитыми и 6 ранеными;

2) задержание 26 июня 2016 года в Карагандинской области в ходе спецоперации КНБ РК 8 членов радикальной группы, планирующих совершение терактов с использованием самодельных взрывных устройств и, в частности, взрывов на отдельном радиотехническом узле «Балхаш», который является объектом Вооруженных сил Российской Федерации на территории Казахстана;

3) задержание 18 августа 2016 года в Алматинской области в ходе спецоперации КНБ РК четырех граждан Казахстана и Кыргызстана, планирующих совершить вооруженные нападения на воинские части Министерства обороны и Пограничной службы КНБ РК;

- вооруженные конфликты в Ираке и Сирии, в которых активно проявляет себя экстремистская группировка «Исламское государство», как фактор притяжения приверженцев экстремистских идей из Казахстана и других стран Центральной Азии.

Следует отметить, что определенное число казахстанцев ранее участвовало в боевых действиях в Афганистане на стороне движения «Талибан» и других экстремистских структур. Однако с началом военных действий в двух арабских странах количество граждан республики, желающих повторить такой опыт, заметно увеличилось. Причем вместе с рядом мужчин на контролируемые ИГ территории выехали их жены и несовершеннолетние дети.

Согласно озвученной в июне 2015 года информации секретаря Совета безопасности РК Нурлана Ермакбаева, количество казахстанцев, выехавших в Сирию и Ирак, составило около 400 чел.

Вместе с тем, по данным КНБ РК, в 2013–2017 годах предотвращен выезд в зоны террористической активности 608 казахстанцев.

Основными факторами угроз в рассматриваемом случае являются, во-первых, прохождение данными людьми боевой подготовки в специальных лагерях и в процессе участия в боевых действиях в Афганистане, Ираке и Сирии.

Во-вторых, возвращение указанных боевиков в страны исхода для осуществления здесь экстремистской деятельности. По информации спецслужб Казахстана и Кыргызстана, в течение 2013–2016 годов наблюдалось проникновение в эти страны небольших и интернациональных по своему составу групп. При этом у тех людей, кого спецслужбам удалось задержать, были изъяты огнестрельное оружие и взрывные устройства, предназначенные для совершения терактов.

В целом, в Казахстане действуют подпольные экстремистские группировки исламистской направленности, в том числе связанные так или иначе с зарубежными единомышленниками. Уже само по себе это является серьезной угрозой национальной и общественной безопасности.

Что предпринято государством в процессе борьбы с терроризма и религиозного экстремизма:

- усиление системной основы соответствующей деятельности, включая принятие и реализацию государственных программ по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013–2017 и 2018–2022 годы;

- пересмотр некоторых официальных подходов и механизмов в противодействии данным угрозам; в частности, последние перестали рассматриваться как обусловленные чисто внешними факторами, включая влияние иностранных экстремистских структур и религиозных миссионеров. В связи с этим учитывается влияние указанных выше внутренних факторов.

- активизация работы спецслужб и правоохранительных органов по пресечению преступлений террористического и экстремистского характера;

- усиление механизмов государственного регулирования сферы религии и межконфессиональных отношений. Так, в 2016 году создано Министерство по делам религий и гражданского общества, которым осуществляется активное взаимодействие с экспертами, теологами, представителями духовенства и НПО по вопросам профилактики религиозного экстремизма. Кроме того, принята Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017–2020 годы.

Факторы, снижающие эффективность противодействия религиозному экстремизму и терроризму:

- отсутствие у казахстанских религиозных экстремистов единой организации или координирующего центра;

- низкий уровень профилактической работы по предотвращению соответствующих преступлений, особенно в молодежной среде;

- низкий уровень взаимодействия уполномоченных госорганов, включая особенно силовые структуры, с широкой общественностью с целью вовлечения ее в данную деятельность.

Что следует предпринять для улучшения противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Казахстане:

- усиление акцента на профилактику и обеспечение прозрачности в процессе рассматриваемой деятельности;

- совершенствование государственной молодежной политики; в данном случае государству, с одной стороны, следует отдать приоритет развитию системы доступного жилья, особенно для молодых семей, обеспечению доступного и качественного образования, созданию условий для трудоустройства молодых граждан и поддержке наиболее социально уязвимых категорий молодежи. С другой стороны, необходимо создать и поддерживать условия и стимулы для самостоятельного решения молодежью своих собственных вопросов.

- усиление информационно-просветительской деятельности посредством:

- проведения на системной основе проводить встреч учащихся старших классов средних школ, колледжей и студентов вузов с представителями различных религиозных объединений; это позволит подросткам и представителям молодежи ознакомиться с ценностями и практикой соответствующих религий и будет способствовать формированию у них уважительного и толерантного отношения к разным конфессиям.

- разработки и проведения в указанных учреждениях образования тренинговых занятий по психологической защите от влияния деструктивных религиозных организаций и экстремистских структур;

- создание Общественного совета по мониторингу выполнения Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы; в его состав наряду с представителями компетентных

госорганов должны войти ведущие эксперты в данных вопросах, представители заинтересованных НПО, СМИ, учреждений образования и т.д.

— организация и проведение под эгидой КНБ РК регулярных комплексных исследований ситуации по данным угрозам; на основе же результатов данной деятельности необходимо на ежегодной основе разрабатывать и издавать с последующим представлением руководству республики и публикацией в свободном доступе национального доклада «Экстремизм и терроризм в Казахстане».

— расширение формата и механизмов сотрудничества Казахстана с другими государствами по линии противодействия рассматриваемым угрозам, в том числе по линии Антитеррористического центра СНГ и Региональной антитеррористической структуры ШОС.

В.В. ЕВСЕЕВ,
 заместитель директора,
 заведующий отделами евразийской интеграции
 и развития ШОС и Кавказа Института стран СНГ,
 член Оргкомитета
 Второго Сочинского международного форума,
 заместитель Председателя
 Экспертно-консультативного совета
 при Комитете ГД РФ по делам СНГ,
 евразийской интеграции
 и связям с соотечественниками,
 кандидат технических наук,
 старший научный сотрудник
 (Россия)

А.А. КУЗНЕЦОВ,
 старший научный сотрудник
 отдела евразийской интеграции и развития ШОС
 Института стран СНГ,
 кандидат политических наук
 (Россия)

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Появление и развитие Шанхайской организации сотрудничества является наглядным признаком перехода к многополярной системе международных отношений. В основе работы ШОС лежат принципы «шанхайского духа»: взаимовыгодное сотрудничество, доверие, политическое, экономическое, гуманитарное и культурное взаимодействие народов и государств евразийского континента. Общая территория входящих в эту организацию стран составляет более 60% Евразии. Численность населения стран «шосовской семьи» достигает 3 млрд 40 млн чел. — половина населения планеты. Совокупный ВВП оценивается в сумму примерно 30 трлн долл. Весомым доказательством притягательности ШОС для народов и государств Евразии является присоединение к этой авторитетной организации в 2017 году Индии и Пакистана.

Дальнейшая успешная деятельность ШОС способна принести народам государств, входящих в ее состав, ощутимые политические и экономические достижения и преимущества. Представляется, что ключевыми государствами-членами ШОС в настоящее время являются Россия, Китай и Индия. Эти страны, обладающие наиболее мощным политическим и экономическим потенциалом, составляют первый уровень ШОС. Второй уровень этой международной организации образуют следующие по значению государства — Пакистан, Казахстан и Узбекистан.

Расширение ШОС создало не только серьезные преимущества, но и привело к появлению новых вызовов. Во-первых, государства «шосовской семьи» воспринимают ШОС как не западную организацию, но, с другой стороны, и не направленную против Запада. Более того, ряд китайских экспертов полагают, что Россия использует ШОС для реализации собственных национальных интересов и пытается переложить на Организацию собственные проблемы. Одна из причин этого состоит в том, что сейчас идут трудные американо-китайские переговоры в экономической сфере по недопущению взаимной торговой войны. Как следствие, Пекин стал достаточно осторожным в отношении любой критики Вашингтона.

На самом деле Китай порой использует ШОС в качестве своеобразного прикрытия для обеспечения реализации инициативы «Один пояс, один путь». При этом основное внимание уделяется двусторонним, а не многосторонним переговорам, что существенно ослабляет ШОС. В связи с этим Китай не всегда заинтересован в реальной интеграции на пространстве «шосовской семьи».

Во-вторых, большинство государств-членов ШОС уклоняется от обсуждения темы ключевых государств ШОС. Но не обсуждая в рамках ШОС тему ключевых государств Организации нельзя обеспечить ее внутреннего единства.

В-третьих, центральноазиатские государства считают, что именно их регион является базовым для ШОС. Но в реальности Организация после присоединения в качестве полноправных членов Индии и Пакистана уже вышла в Южную Азию. Это в Центральной Азии вызывает беспокойство, так как считается, что интерес к их региону ослабнет, в первую очередь со стороны Китая.

В-четвертых, стараясь не замечать военное присутствие США в Афганистане и их контроль над правительством этой страны, Китай фактически уклоняется от решения афганской проблемы, обеспечивая силовое прикрытие лишь собственной малопротяженной границы. Подобный подход наблюдается и в Узбекистане, где больше говорят об экономическом сотрудничестве на территории Афганистана. Одна из причин этого состоит в том, что Ташкент способен прикрыть собственную границу с этой страной, протяженность которой составляет всего 137 км. Более важным является то, что Узбекистан даже проводя независимую внешнюю политику пытается избегать дополнительных проблем с США.

В-пятых, Китай, Узбекистан и Таджикистан, скорее всего, пока не видят Иран в качестве полноправного члена ШОС. Но это соответствует российским национальным интересам, так как уравнивает вместе с Индией вес Китая. Как следствие, в Дели поддерживают членство в Организации Тегерана. Другое дело, что Иран к этому сейчас не готов, в том числе по внутривнутриполитическим причинам. Причем, в Иране снижается интерес к членству в ШОС.

В-шестых, Таджикистан все более становится инструментом китайского влияния. Это служит, например, одной из причин нежелания Душанбе вступить в Евразийский экономический союз.

Учитывая вышеизложенное, с целью укрепления внутреннего единства ШОС предлагается принять следующие меры по совершенствованию ее деятельности в трех аспектах: в сфере безопасности, экономики и культурно-гуманитарной области.

Безопасность. Стратегия развития ШОС, принятая на саммите в Уфе (2015 год), уделяет серьезное внимание сотрудничеству государств Организации в сфере безопасности. Поэтому в указанной стратегии на передний план выдвигаются общие принципы построения в Евразии комплексной, транспарентной архитектуры безопасности и устойчивого роста, основанной на принципах верховенства международного права, неприменения силы или угрозы ее применения, уважения территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости стран, открытого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. В связи с этим в Стратегии указывается, что «возрастает роль региональных объединений, одним из которых является ШОС».

Наиболее серьезными вызовами в сфере безопасности для государств-членов ШОС являются рост международного терроризма; угрозы, связанные с непрекращающимся конфликтом в Афганистане, превратившимся в зону перманентной нестабильности в Центральной Азии и на Среднем Востоке; деструктивное вмешательство в регионе иностранных сил, прежде всего США в политическую ситуацию в Евразии. При этом особое беспокойство вызывает ситуация в Афганистане.

По оценке Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, в Афганистане действует до 50 тыс. боевиков, объединенных более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности. Их основу составляет «Движение Талибан» численностью до 40 тыс. боевиков. В Афганистане также находится от 2 до 3 тыс. боевиков «Исламского государства», и их численность при поддержке со стороны США и проамериканского Правительства Исламской Республики Афганистан постоянно растет. И это не является случайным, так как военное присутствие в этой ключевой стране центральноазиатского региона позволяет США держать под угрозой соседние государства: Китай, Иран, Пакистан, а также осуществлять влияние на ситуацию в республиках Центральной Азии.

В связи с этим целесообразно, во-первых, реализовать миротворческих функций ШОС, что позволит на практике без вмешательства извне своевременно ликвидировать назревающие военные конфликты при помощи «превентивной дипломатии» или применять «силовое умиротворение» конфликтующих сторон, что соответствует положениям Устава ООН. Такая деятельность значительно повысит престиж и авторитет Организации на международном уровне.

Основываясь на опыте функционирования международных организаций по безопасности и сформулированном в Стратегии развития ШОС положении о неприемлемости придания ШОС функций военно-политического союза, не нужно содержать в ШОС миротворческий контингент на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве Организации и прошедшие подготовку в ходе совместных антитеррористических учений «Мирная миссия», могут находиться в местах их постоянной дислокации каждого из государств-членов ШОС. Они необходимы лишь на время проведения военных маневров (учений) и решения конкретных задач в области миротворчества. Для этого целесообразно проработать вопрос о структуре и системе управления миротворческим контингентом ШОС, апробировать их деятельность в ходе совместных учений, в том числе с Организацией Договора о коллективной безопасности, для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Во-вторых, следует существенно расширить территорию проведения совместных антитеррористических учений «Мирная миссия», которые уже проводятся ВС России, Китая и центральноазиатских государств (за исключением Туркменистана и при ограниченном участии Узбекистана). Проведение подобных учений создает оперативную основу для решения задач ШОС в сфере обеспечения безопасности. Ввиду расширения состава ШОС крайне необходимо подключение к этой деятельности силовых структур Индии и Пакистана, что способствовало бы снятию напряженности между этими странами. Инициатором обращения к Индии в этом контексте могла бы выступить Российская Федерация, учитывая большую степень доверия между Москвой и Нью-Дели.

В-третьих, создать или в составе Региональной антитеррористической структуры (РАТС), или в Секретариате ШОС небольшой группы военных специалистов. Эта группа могла бы составить основу некой структуры по координации военного сотрудничества и обеспечению руководства выделяемыми в ее распоряжение силами и средствами. Возможно, это будет аппарат национальных военных советников или же координационный комитет сотрудничества по безопасности. Он может быть ограниченным по количеству специалистов, со сменой руководства и оперативного состава по принципу ротации через определенный промежуток времени. В его задачи входили бы следующие функции: организация совместных мероприятий оперативной подготовки (командно-штабных тренировок и учений); мониторинг конкретных источников военных угроз на пространстве ШОС; выработка политических, военных и иных мер по их предупреждению/нейтрализации и разработка соответствующих планов; и, наконец, руководство операциями по нейтрализации угроз.

Экономика. Площадка ШОС должна служить базой сопряжения деятельности ЕАЭС, реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» и совместных проектов стран АСЕАН, особенно учитывая большие финансовые ресурсы КНР. В этом плане мы считаем желательным сопряжение национальных программ экономического развития и проектов китайской инициативы «Один пояс, один путь» с экономической стратегией ШОС, унификацию таможенного и финансового законодательств государств-членов ШОС.

Кроме того, желательно рассмотреть ряд конкретных мер в отдельных сферах экономики. В сфере торговли это подразумевает более рациональное использование имеющихся ресурсов и существенное расширение на территории ШОС свободного передвижения товаров и капиталов. Необходимо также более широко использовать возможности цифровых технологий и электронной коммерции (ярким примером подобной деятельности служит китайская компания «Алибаба»).

В финансовой сфере важным представляется поощрение и рост взаимных инвестиций. Для этого желательно развитие финансовых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ) и Фонд развития Шелкового пути. Целесообразно рассмотреть вопрос о создании Банка ШОС для финансирования совместных

проектов. На перспективу желательно наращивать взаиморасчеты в национальных валютах и создать общую систему платежей ШОС, альтернативную SWIFT.

В промышленной сфере большое значение имеет реализация на основе высоких технологий совместных проектов для обрабатывающей промышленности. Примером такого сотрудничества может служить взаимодействие России и КНР в области авиастроения. Необходимо расширять количество таких проектов. При этом важно, чтобы товарообмен в рамках ШОС не превращался в товарные потоки сырья в сторону Китая и исключительно высокотехнологичной продукции из КНР.

Учитывая значительное место, которое занимает топливно-энергетический комплекс (ТЭК) в экономике нашей страны для России представляет большой интерес энергетическое сотрудничество в рамках ШОС. Действующий в Организации Энергетический клуб ШОС не имеет четко прописанных механизмов, что связано с низким уровнем понимания его целей и функций. Научно-аналитические исследования по разработке конкретных механизмов функционирования Энергетического клуба позволит создать эффективную организационную структуру «Энергетический клуб стран ШОС», что станет базой формирования и реализации многосторонних проектов. В целом, представляется необходимым более серьезно подойти к экспертной работе в рамках Шанхайской организации сотрудничества путем, например, создания постоянно действующего экспертно-аналитического центра в рамках ШОС.

Важное значение имеет развитие сотрудничества стран ШОС в области транспортных коммуникаций. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» предусматривает строительство скоростных магистралей, соединяющих тихоокеанское побережье КНР с Европой. Было бы желательно, чтобы эти пути проходили через российскую территорию. Одновременно экономически выгодным и целесообразным представляется развитие транспортных коридоров не только по линии «Восток-Запад», но и по линии «Север-Юг» (от побережья Индийского океана до Балтики). Учитывая присоединение к ШОС Индии и Пакистана, а также то обстоятельство, что Иран является страной-наблюдателем этой международной организации, необходимо активизировать работу с этими странами по формированию Международного транспортного коридора «Север-Юг».

Культурно-гуманитарная сфера. Уникальность ШОС состоит в том, что эта международная организация объединяет в своих рядах представителей всех цивилизаций Евразии: православной, мусульманской, китайской и индуистской. Сохранение многообразного духовного богатства и культурного наследия должно стать одной из целей Организации. Народы наших государств должны обладать более полным знанием как друг о друге, так и об объединяющей их организации. Исходя из этого, предлагаем несколько конкретных рекомендаций в этой области.

Целесообразно актуализировать вопросы этнокультурного взаимодействия и реализовать проект «Культурный пояс ШОС» на основе изучения ценностных систем дружественных народов и выстраивания в соответствии с этим культурной политики государств, входящих в состав Организации. В его рамках нужно обеспечить присутствие культуры дружественных стран ШОС в информационном поле друг друга, прежде всего в области массовой культуры. В связи с этим видится продуктивным создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News), либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран — участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу.

Важным элементом укрепления горизонтальных связей между народами наших государств является расширение образовательных студенческих обменов, развитие отношений по линии государственного, частного и религиозного образования. Так, уже существует сетевой Университет ШОС, но мало кто из представителей стран, входящих в эту организацию, знает об этом.

В плане партнерства цивилизаций большую роль может сыграть межрелигиозный диалог с целью развития толерантности и терпимости и взаимодействия представителей духовенства.

В целях укрепления гуманитарных контактов считаем целесообразным активизацию туристических обменов в рамках ШОС, создание совместных туристических и курортных кластеров. В этом плане продуктивной представляются туристические программы по местам культурного наследия и памятникам мировых цивилизаций в России, Китае, Индии, Узбекистане и других странах.

Б.К. СУЛТАНОВ,
директор Института международного
и регионального сотрудничества
Казахстанско-Немецкого университета,
председатель Правления Экспертного клуба
«Один пояс и один путь»,
доктор исторических наук
(Казахстан)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ В ШОС И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ШОС в условиях ухудшения международной и региональной обстановки

В Астанинской декларации глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (Астана, 9 июня 2017 года) была подчеркнута важность формирования более справедливой, отвечающей интересам всех и каждого государства полицентричной модели мироустройства, которая будет опираться на нормы международного права и принципы взаимного уважения и учета интересов друг друга, взаимовыгодного сотрудничества, отказа от конфронтации и конфликтов, равной и неделимой безопасности⁵².

Единая позиция министров иностранных дел стран-членов ШОС о формировании полицентричной модели мироустройства была высказана и 23 апреля 2018 года на их совещании в Пекине.

При этом было подчеркнуто, что процесс формирования полицентричности происходит в условиях роста политической напряженности, региональных кризисов и конфликтов. А также продолжаются попытки использовать односторонние ограничительные меры в качестве инструмента политического и экономического давления на суверенные государства. В этой ситуации министры государств-членов ШОС считают целесообразным отвечать на угрозы и вызовы путем совершенствования глобального управления на коллективных принципах, строительства международных отношений нового типа, базирующихся на взаимном уважении, справедливости, равенстве, взаимовыгодном сотрудничестве, формировании общего видения сообщества единой судьбы человечества⁵³.

Китай возглавил ШОС в сложный период перехода от однополярной к полицентричной системе международных отношений. Мы надеемся, что Пекин, во время своего председательствования, опираясь на «шанхайский дух» (взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение к многообразию культур и стремление к совместному развитию), будет способствовать сохранению ШОС в качестве авторитетной международной организации нового типа и влиятельного участника системы международных отношений. Хотя, надо признать, что расширение ШОС несет определенные риски, связанные, в первую очередь, с неразрешимым противостоянием между Индией и Пакистаном, владеющим ядерным оружием, попытками Дели выйти из этого тупика при помощи внерегиональных игроков. К числу потенциальных рисков можно отнести и возможные претензии Индии на лидирующую роль в Организации.

Возможные трения внутри ШОС нежелательны в связи с нарастающей непредсказуемостью во внешней политике США и, вследствие этого, нарастающей геополитической напряженностью на Ближнем и Среднем Востоке, а также в странах, прилегающих к Центральной Азии.

Угроза ИГИЛ для Центральной Азии

Поражение ИГИЛ в Сирии и Ираке представляет прямую угрозу для стран Центральной Азии и Китая по следующим причинам.

Во-первых, по данным РАТС ШОС, на севере Афганистана появилось до 3 тыс. боевиков ИГИЛ, среди которых 80% иностранцев, в том числе выходцев из России, стран Центральной Азии и Китая⁵⁴.

Во-вторых, ИГИЛ, в отличие от Движения «Талибан», стремится создать в Центральной Азии и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР очередное исламское квазигосударство. Поэтому можно ожидать последующую инфильтрацию боевиков ИГИЛ в страны нашего региона.

Особую тревогу вызывает участие выходцев из Центральной Азии в боевых действиях на территории Сирии и Ирака. По мнению американских экспертов, Центральная Азия являлась третьим крупнейшим источником иностранных боевиков для «Исламского государства» (ИГ), «Фронта ан-Нусра» и других террористических организаций в Ираке и Сирии. По их данным, более 4 тыс. боевиков из Центральной Азии приняли участие в конфликте в Ираке и Сирии с 2012 года⁵⁵.

Согласно данным Генпрокуратуры Таджикистана, в составе ИГ находилось 1094 таджикских граждан, 300 из которых уже погибло⁵⁶. В рядах ИГИЛ воевало более 500 граждан Кыргызстана. По данным ГКНБ Кыргызстан в 2015 году на территории республики была выявлена и пресечена деятельность 50 религиозно-экстремистских группировок⁵⁷. Не меньшее число волонтеров в ИГИЛ прибыло из Казахстана. По данным Комитета по делам религий Республики Казахстан (РК), в составе ИГИЛ воевало около 500 граждан республики⁵⁸.

К ИГИЛ примкнули многие выходцы из Синьцзян – Уйгурского Автономного района КНР. По данным американского эксперта Адама Тейлора, к ИГИЛ присоединилось не менее 300 «китайских мусульман» из СУАР КНР в возрасте от 10 лет до 80 лет⁵⁹. Другого мнения придерживается итальянский эксперт Джордано Стабиле, утверждавший, что в Сирию только из СУАР КНР приехало от 4 до 5 тыс. уйгуров, поселившиеся в горных деревнях, покинутых алавитами в провинции Идлиб⁶⁰.

Вызывает обеспокоенность деятельность в Центральной Азии эмиссаров стран Персидского залива, действующих традиционными методами — сначала появляются исламские миссионеры, потом собираются деньги на реконструкцию мечетей, затем выделяются стипендии для обучения местных студентов в зарубежных исламских учебных заведениях. В результате появляются радикальные исламисты, объединяющиеся со временем в подпольные группы. Так, по данным российского эксперта Игоря Панкратенко, в 1961–2001 годах в странах Персидского залива прошли обучение 652 уйгурских сепаратиста из СУАР КНР⁶¹.

Необходимо учитывать и то, что в Казахстане (в г. Алматы и в Алматинской области) проживает компактно 251,5 тыс. чел., представляющих уйгурскую диаспору. В настоящее время ни одна из многочисленных уйгурских организаций, зарегистрированных в Казахстане, не заявляет о создании суверенного уйгурского государства на территории СУАР КНР. Их сфера деятельности ограничивается решением языковых и культурно-гуманитарных проблем, лоббированием национальных бизнес-проектов. Но необходимо иметь в виду, что под внешним воздействием ситуация в некоторых уйгурских национально-культурных организациях по этому вопросу может измениться.

На Западе сейчас наблюдается усиление интереса к Центральной Азии. На наш взгляд, главная причина этого заключается не в Афганистане, а в географическом расположении Казахстана и стран Центральной Азии между Россией и Китаем. Напомним, что в соответствии с Новой стратегией национальной безопасности США Д. Трампа, Россия и Китай, наряду с Северной Кореей и Ираном, а также транснациональными террористическими организациями и преступными синдикатами, объявлены соперниками США, «бросающими вызов американским интересам, ценностям и благосостоянию»⁶².

Более жесткая позиция в отношении России и Китая сформулирована в очередном «Обзоре ядерной политики» (Nuclear Posture Review) Министерства обороны США, в котором Россия и Китай обвиняются в том, что они, пополняя свои арсеналы новыми видами ядерных средств, ведут себя все более агрессивно, в том числе в космосе и киберпространстве. В результате США «оказались перед лицом ядерной угрозы, более сложной и разноплановой, чем когда-либо»⁶³.

Результаты выполнения американских стратегических программ налицо: усиление санкционного давления на Россию, подготовка к торговой войне с Китаем, выход из ядерного соглашения с Ираном с последующим введением санкций против этой страны. Цель ясна — ухудшение социально-экономического положения и последующее

свержение правящих режимов в вышеназванных странах путем «цветных революций» и, в конечном итоге, сохранение однополярного мира.

Такие действия не могут не вызвать соответствующих ответных мер. Так, в Астане 17 мая 2018 года были подписаны следующие документы:

а) Соглашение между ЕАЭС и КНР о торгово-экономическом сотрудничестве;

б) Временное соглашение между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран о снижении импортных таможенных пошлин во взаимной торговле сроком на 3 года.

На Западе не может не вызывать беспокойства сближение Китая с Россией, в частности, программа сопряжения Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути». Вследствие этого, нами не исключается попытки срыва этого процесса путем дестабилизации ситуации в Казахстане и других странах Центральной Азии, а также в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе КНР с помощью «цветных революций» (как это было неоднократно в ряде постсоветских стран). Нами не исключается и попытки дестабилизации в регионе путем насаждения «зоны управляемого хаоса» с использованием технологий политического ислама (с учетом уже отработанных политехнологий в Ливии, Сирии, Ираке).

Тем более, что социально-экономическое положение в Центральной Азии сложное и противоречивое. И общественно-политическое равновесие в регионе может быть «раскачано» внерегиональными игроками. Так, по мнению таджикского эксперта М. Олимова, ситуация в Таджикистане может быть дестабилизирована извне на фоне активизации террористических группировок в Афганистане, контролирующих 65% территории этой страны. Учитывая, что 16% молодых таджиков-мусульман допускает в отдельных случаях применение религиозно мотивированного насилия и тактику смертников⁶⁴, нельзя исключать, считает М. Олимов, дестабилизацию ситуации в этой стране.

Финансовые ресурсы ИГИЛ делают его привлекательным спонсором для пока разрозненных подпольных радикальных исламистских групп в Центральной Азии. Поэтому странам региона необходимо принимать координированные меры по пресечению каналов внешнего финансирования таких групп. Проблема заключается в том, что, помимо зарубежных спонсоров, идею исламского халифата начинают поддерживать некоторые бизнесмены в самом регионе: одни выплачивают «налог на джихад» добровольно, другие — вследствие запугивания и шантажа со стороны исламских радикалов.

Активизации и последующему объединению вышеназванных подпольных групп может способствовать возвращение на родину граждан стран Центральной Азии и СУАР Китая, прошедших военную подготовку и идеологическую обработку в рядах ИГИЛ. Первое подтверждение этому — взрыв автомашины, начиненной взрывчаткой на территории посольства КНР в Бишкеке 30 августа 2016 года, организованный террористом-смертником.

Надо признать, в Центральной Азии наблюдается рост популярности идей радикального ислама, растет число небольших подпольных организаций, пропагандирующих такие идеи. Главная причина этого — ухудшение социально-экономического положения (бедность, безработица, коррупция, поляризация общества), несправедливость при приеме на работу или при поступлении в ВУЗы, а также отсутствие «социальных лифтов». В этих условиях радикальный ислам выступает у части обездоленных людей в качестве единственной надежды на восстановление социальной справедливости и улучшение социально-экономического положения.

И местные радикалы-исламисты могут представлять реальную опасность. Так, некоторые американские эксперты считают, что доморощенные террористы в странах Центральной Азии, вдохновленные «Исламским государством», могут устроить террористические атаки «одиноких волков». Но успокаивает американский эксперт по Центральной Азии Ной Такер: такие атаки могут произойти в любом месте в мире. «Точно также, как это не ведет к широкой нестабильности в Лондоне или Мадриде, — полагает Н. Такер, — это не обязательно приведет к нестабильности в Алматы, Бишкеке или Душанбе»⁶⁵.

Количество преступлений, совершенных в Казахстане террористами, особенно в последние годы, показывает их нарастающую динамику, как в количественном, так и в качественном отношении. Так, первый террористический акт в Казахстане произошел летом 2000 года в Алматы, когда сотрудники миграционной полиции случайно столкнулись с вооруженными боевиками одной из уйгурских сепаратистских организаций СУАР КНР. Оба преступника были убиты. Летом 2011 года было совершено вооруженное нападение уже на двух полицейских в Актюбинской области.

Затем наступило определенное затишье. Но после девальвации тенге в августе 2015 года и, следовательно, ухудшения социально-экономического положения основной части населения, в республике вновь наблюдается нарастание террористической активности. Так, 5 июня 2016 года в Актобе 26 человек, из числа так называемых самозанятых, совершили вооруженные нападения на два оружейных магазина и воинскую часть Национальной гвардии (7 погибших, 40 раненых, убито 18 преступников, задержано — 20 подозреваемых). Месяц спустя, 18 июля 2016 года, в Алматы безработный преступник-одиночка совершил вооруженное нападение на здание одного из районных отделений полиции (8 сотрудников силовых структур и 2 гражданских лиц было убито). Преступник был арестован и приговорен к смертной казни.

2017 год не был отмечен терактами, но подпольные ячейки исламских боевиков продолжили свою антиправную деятельность. Вот несколько фактов. В январе в Атырау осудили на один год лишения свободы троих мужчин и женщину за пропаганду терроризма. Как было доказано в суде эти лица участвовали в деятельности запрещенной в Казахстане международной экстремистской организации «Ак-Такфир уаль-Хиджра»⁶⁶. 24 ноября в Актобе было задержано 4 жителя этого города, у которых было изъяты обрез охотничьего ружья, травматический и газовый пистолеты, а также литература и электронные носители информации с деструктивным религиозным содержанием. Данные жители занимались агитацией в поддержку запрещенной в Казахстане международной террористической организации ИГИЛ⁶⁷. 28 декабря в Астане были задержаны три жителя столицы по подозрению в пропаганде терроризма. Данные лица в своем окружении распространяли призывы к поддержке международных террористических организаций и выезду за границу для участия в их деятельности⁶⁸.

Всего в 2013–2018 годах в Казахстане было предотвращено 38 террористических актов⁶⁹.

Необходимо учитывать такой факт, как участие казахстанских граждан в ИГИЛ. В частности, в зоны террористической активности был пресечен въезд 546 рекрутов-казахстанцев (в 2013 году — 168 чел., в 2014 году — 136 чел., в 2015 году — 151; в 2016 году — 91 чел.).

Из лагерей международных террористических организаций, а также из пунктов опорной инфраструктуры в третьих странах возвращено или вернулись 79 казахстанских граждан.

Полагаем, что основной причиной, толкающих граждан Казахстана и региона в целом к участию в данных преступных деяниях является ухудшение социально-экономического положения представителей уязвимых слоев населения (безработных, самозанятых, молодежи). Именно эта прослойка населения служит основной базой для вербовки боевиков, приверженных джихадизму.

На научно-практической конференции «Студенческая молодежь: состояние, проблемы, перспективы», состоявшейся в Алматы в январе 2017 года, была представлена информация спецслужб о том, что в ИГ воюет 400 казахстанских граждан. Из них юноши и девушки в возрасте от 16 до 23 лет составляют 65%, от 23 до 30 лет — 9%, от 30 лет и старше — 26%. То есть 2/3 боевиков находятся в возрасте до 30 лет. В том числе среди казахстанских игиловцев, лиц с высшим образованием — 21%, со средним специальным образованием — 16%, с незаконченным средним специальным образованием — 39%, со средним и незаконченным средним образованием — 12%.

По семейному положению: в официальном браке состоят 25%, не замужем (не женаты) — 60%; в религиозном браке, не оформленном официально, — 13%, разведенных — 2%. У 66% нет детей; у 23% — 1–2 ребенка; у 11% — 3 и более детей. 80% казахстанских игиловцев — безработные. Из всех женщин, присягнувших боевикам, казашек — 59%; русских — 33%; немок — 4%, чеченок и башкирок — по 2%.

Среди казахстанских игиловцев — большинство составляют выходцы из сельской местности. Сейчас в алматинских вузах обучается 130 тыс. студентов, из них иногородние составляют более половины (72 тыс. чел.). Зарегистрированная безработица среди молодежи в Алматы составляет 7,4%. В 2015 году в Алматы было 23,3 тыс. безработных молодых людей⁷⁰.

Как уже указывалось, уязвимые слои населения (безработные, самозанятые, молодежь) служит основной базой для вербовки боевиков, приверженных джихадизму. И надо понять простую истину, если социально-экономический протест приобретет религиозную форму, то это может дестабилизировать ситуацию в регионе.

Рост религиозности населения региона

Псевдоидея «Исламского государства», основанного, на шариатских принципах, якобы, социальной справедливости приобретает все большую популярность не только в глобальной мусульманской умме, но и среди части мусульман Центральной Азии. По мнению экс-министра по делам религий и гражданского общества РК Н. Ермакбаева, опережающий рост религиозности по отношению к формированию соответствующей культуры привел к бездумному, буквальному восприятию и применению религиозных догм некоторыми гражданами. При этом наблюдается усиление внешнего негативного влияния на религиозную аудиторию страны. Прикрываясь религиозными понятиями, подчеркивает Н. Ермакбаев, различные деструктивные силы стали манипулировать человеческим сознанием, распространять фундаментализм и устаревшие религиозные догмы, пытаясь политизировать религию, распространить ее влияние на все сферы общественной жизни. В результате возникло реальное беспокойство, что на смену достижениям светского демократического государства могут прийти средневековые порядки и смута⁷¹.

В Казахстане в течение 11 месяцев 2015 года экспертами было рекомендовано закрыть около 400 Интернет-ресурсов из-за того, что в них имелась информация, призывавшая к религиозному экстремизму, показывались массовые казни людей либо размещались пропагандистские материалы нетрадиционных религиозных организаций⁷². Как следствие, в 2017 году специалистами Министерства по делам религий и гражданского общества РК было изучено около 3 тыс. сайтов. Из них почти половина распространяла незаконный контент. К сожалению, официальное духовенство, органы власти стран региона пока неэффективно противодействует пропаганде ИГИЛ.

Хотя политический ислам в Центральной Азии (ЦА) в настоящее время находится на стадии становления, тем не менее, он расширяет ресурсную базу и готовит социальную почву для позиционирования в качестве альтернативы светскому вектору развития. Так, в Узбекистане в феврале 2018 года Аккурганский районный суд по уголовным делам Ташкентской области приговорил гражданина А. Касымова к 10 годам лишения свободы за вербовку сторонников ИГИЛ. В апреле 2018 года Наманганский областной суд по уголовным делам приговорил 8 местных жителей к лишению свободы на срок от 6 до 14 лет — за вербовку и участие в боевых действиях на стороне террористических группировок в Сирии⁷³.

В Кыргызстане по данным китайской газеты «Жэньминь жибао», в 2017 году было закрыто 159 сайтов экстремистской направленности. 10 апреля 2018 года в ходе оперативно-розыскных мероприятий в городе Бишкек был задержан 22-летний киргизский гражданин, признанный идейным членом религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир». В ходе обыска по месту жительства задержанного, у него были обнаружены и изъяты ноутбуки, мобильные телефоны, модемы, печатная и электронная литература экстремистского содержания⁷⁴.

Необходимость активизации сотрудничества по противодействию терроризму и экстремизму

В настоящее время работа по противодействию терроризму и экстремизму осуществляется не только на национальном уровне, но и в рамках соответствующих структур СНГ, ШОС, ОДКБ (Антитеррористический центр государств-участников СНГ, Региональная антитеррористическая структура ШОС и т.д.).

В результате активность зарубежных экстремистских и террористических организаций на территории государств Центральной Азии существенно сократилась. Тем не менее, на наш взгляд, сотрудничество правоохранительных организаций региона по борьбе с терроризмом и экстремизмом недостаточно эффективно.

Спецслужбам стран — членов ШОС не хватает региональной кооперации действий по нейтрализации международного терроризма, религиозного экстремизма, нелегальной миграции, контрабанды оружия, незаконного оборота наркотиков и прекурсоров. Причина этого заключается в том, что основная деятельность спецслужб расположена в регионе стран направлена в первую очередь на защиту существующих режимов. Поэтому затруднен допуск зарубежных специалистов и экспертов, в частности ШОС, к информации о внутреннем положении стран «шосовской семьи».

В результате сотрудничество спецслужб стран — членов ШОС сводится зачастую к проведению показательных учений, конференций, других мероприятий. Хотя назрела необходимость в выработке совместных действий против реальных угроз и вызовов, инспирируемых извне.

В свете усилившегося противостояния между коллективным Западом и Не-Западом по вопросу «однополярный — полицентричный мир» предполагаем, что западные страны будут противодействовать сотрудничеству России с Китаем, странами Центральной Азии, а также сопряжению ЕАЭС и ЭПШП. Поэтому представляется целесообразным в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, совместно с соответствующими организациями ШОС и ОДКБ, приступить к разработке Программы коллективных мер по нейтрализации попыток извне сорвать сопряжение ЕАЭС и ЭПШП. Было бы желательно, также, установить на постоянной основе соответствующее сотрудничество правоохранительных органов стран Центральной Азии с аналогичными службами России и Китая как в двустороннем формате, так и в формате ШОС.

Необходимо избавиться от иллюзий о возможной помощи Запада в борьбе против «трех зол» в Центральной Азии. Ракетный обстрел Сирии вооруженными силами США, Великобритании и Франции 12 апреля 2018 года со всей очевидностью показал двойные стандарты Запада в отношении международного терроризма и религиозного экстремизма. Более того, последние события еще раз подтвердили, что США и их союзники оказывают прямую помощь ИГИЛ. Причем Запад и далее будет исходить исключительно из своих собственных геополитических интересов, что, например, показали события в Узбекистане (2005 года), Киргизии (2010 года) и Таджикистана (2012–2013 годов).

Предложения по активизации деятельности ШОС

Полагаю целесообразным уделить внимание следующим направлениям углубления сотрудничества в рамках ШОС.

1. Содействовать проекту создания Большой Евразии.
2. Активизировать практическое сотрудничество в соответствии с подписанной Конвенцией ШОС по противодействию экстремизму, а также в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров.
3. Содействовать превращению Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), которое сегодня объединяет 26 государств, в Азиатскую организацию безопасности и сотрудничества.
4. В рамках ШОС перспективным представляется:
 - а) налаживание взаимодействия ШОС с Организацией исламского сотрудничества;
 - б) развитие регионального торгово-экономического сотрудничества в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП под эгидой ШОС;
 - в) создание благоприятных условий для международных автомобильных перевозок в соответствии с Соглашением между правительствами государств-членов ШОС, вступившим в силу в январе 2017 года;
 - г) развитие культурно-гуманитарного сотрудничества, включая функционирование университета ШОС, в соответствии с подписанным Соглашением;
 - д) развитие туризма в соответствии с Программой сотрудничества государств-членов ШОС в сфере туризма на 2017–2018 годы.

К. ИСКАНДАРОВ,
главный ученый секретарь Академии наук
Республики Таджикистан,
директор Общественного объединения
«Центр изучения Афганистана и региона»,
доктор исторических наук
(Таджикистан)

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В АФГАНИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРНОГО ПРОЦЕССА

Уважаемый председатель, уважаемые участники форума! Ситуация в Афганистане и проблема борьбы с терроризмом с каждым днем становится более запутанной и непредвиденной. Отсюда и перспективы мирных переговоров с талибами все еще не приобрели четкого характера. Несмотря на радикальные предложения и обещания президента М.А. Гани пойти на очень серьезные уступки талибам в ходе конференции «Кабульский процесс-2» в конце февраля 2018 г., и призывы участников Ташкентской конференции «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» в конце марта этого года к талибам включится в мирный процесс, мирные переговоры не вышли из тупикового положения. Создается впечатление, что ни «Талибан», ни внешние силы, задействованные в афганском конфликте, пока еще не могут или не готовы найти механизм прекращения 40 летней войны в этой страны.

Причины неудачи мирных инициатив и отказа «Талибан» от переговоров заключается в сложном характере афганского конфликта, в котором переплетены как внутренние (социальные, этно-племенные, идеологические, политические, культурно-языковые, противоречия) так и региональные и международные факторы.

В афганском обществе нет единого мнения по механизму переговорного процесса с «Талибан». Среди части политического истеблишмента сильны позиции проталибовски ориентированных групп, считающие талибов своими «обиженными братьями», политической оппозицией, с которой нужно договариваться и даже передать часть территории им, но в обществе не менее сильны политические группы, которые полны решимости защитить демократические завоевания постаалибовского периода. В обществе растет число тех, кто не согласен на любые условия мира с талибами и поэтому многие не одобряют беспрецедентные предложения М.А. Гани талибам в ходе конференции «Кабульский процесс». По их мнению, условия мира должны выработываться в ходе переговоров. В полиэтническом обществе следует учитывать интересы и мнения других политических сил и этнических групп. Формат переговоров «государство — «Талибан» не может гарантировать успех. Он должен включить представителей различных этнополитических групп Афганистана. Так как «Талибан», с одной стороны идеологическая организация, но с другой стороны преимущественно моноэтническая. Кроме того, движение «Талибан» сегодня не единая организация. Оно раскололась минимум на 8 групп, которые действуют самостоятельно и зачастую выполняют заказы тех и иных спонсоров.

Ситуация усугубляется и тем, что кроме групп, так или иначе позиционирующих себя с «Талибан», сегодня в Афганистане активно ведут свою деятельность более двадцати террористических групп. Возрождается «Аль-Каида» во главе с Хамзой бен Ладеном и из Сирии и Ирака ее сторонники, по некоторым данным перебираются на восток Афганистана.

Не менее тревожным и опасным фактором является усиление влияния террористической организации, так называемое «Исламское государство» (ИГ) или ДАИШ, точнее его афганское крыло — «Велайате Хорасан» в Афганистане. Многие эксперты и государственные деятели Афганистана считают, что идеи ИГ чужды афганскому народу и эта террористическая организация не может найти себе место в афганском политиче-

ском ландшафте. Да, действительно ИГ в арабском ее понимании нет в Афганистане. Однако никто не может отрицать существование афганского ИГ, которое называется «Велайате Хорасан», оно уже нашло свое нише в Афганистане. Опасность этой террористической организации заключается в том, что она сформирована из числа тех же талибов и имеет серьезный потенциал для усиления своего влияния из числа тех же талибов и в целом пуштунских племен Афганистана и Пакистана. Кроме того, клятву верности афганскому филиалу ИГ дали некоторые террористические группировки китайского, среднеазиатского и российского происхождения. Нет точных данных о численности ИГ в Афганистане, называются цифры в 4, 5 тысяч, 8 и даже 10–12 тыс. чел. Но очевиден тот факт, что ИГ усиливает свое влияние в Афганистане. Анализ ситуации в Афганистане показывает, что эта террористическая организация сегодня концентрирует свои силы в основном в трех регионах: на востоке (Нангархар, Кунар и Нуристан), Бадахшан и Северо-запад Афганистана (Джуджан, Фарьяб и Сари пул).

По сообщению агентства «Тасним» со слов «Ан-нахар» террористическая группа ИГ (филиал Хорасана) в своем 25 минутном видеообращении к сторонникам ИГ призывает их, если не могут поехать в Сирию и Ирак должны взять путь на Афганистан. «Те, кто мигрирует в Афганистан, должны ехать в Джуджан на север страны и в Нангархар на востоке, — обращается к ним боевик узбекского происхождения на узбекском, пашту и фарси языках, сопровождаемое титрами на арабском языке». Видеообращение сопровождается роликами, в которых показывают момент, когда рубят головы своих арестованных, а также военной подготовки детей.

По некоторым данным, террористы ИГ из Сирии уже прибывают в Бадахшан. Местные жители и некоторые эксперты сообщают о росте число иностранных боевиков в рядах ИГ в различных провинциях, в частности в Бадахшане и Джуджане.

Афганская провинция Бадахшан — это стратегический регион, имеющий границы с Пакистаном, Таджикистаном и Китаем. Через горные тропы Бадахшан имеет связи с восточными провинциями Афганистана, с Панджшером и другими районами. Боевики могут совершать террористические рейды в разных направлениях и вновь укрыться здесь.

Не менее опасной террористической организацией (запрещенной в Таджикистане, России и других стран) является «Хизбу-т — тахрир» также ратующая за создание Халифата. Эта партия, имеющая в странах ЦА сторонников и «спящих» ячейки, в последние годы активизирует свою деятельность на севере Афганистана.

Важнейшим фактором, препятствующим мирному процессу в Афганистане, является продолжающийся политический кризис в Афганистане, незавершенность процесса раздела власти, попытка определенных кругов в окружение президента монополизировать власть. Правительства национального единства за почти четыре года не могло сделать существенные шаги в области конституционной реформы: созыва Лоя джирги и узаконения поста премьер-министра. Наблюдается тенденция перехода политических противоречий на межэтническую плоскость, что может оказать серьезное влияние на процесс переговоров.

Безусловно, отсутствие продвижения в политическом решении конфликта и укрепление влияния террористических групп связано с позицией, как региональных, так и ведущих стран мира.

Некоторые страны региона в силу наличия интересов в Афганистане непосредственно вовлечены в афганский конфликт. Официальная власть Афганистана и администрация Д. Трампа обвиняют, прежде всего, Пакистан в поддержке терроризма в лице «Талибан».

Действительно на территории этой страны всегда находилось руководство «Талибан». Всем известно, что на территории Пакистана расположено несколько руководящих центров «Талибан». Это Шура Кветты (основной руководящий орган «Талибан» во главе с Хайбатулла Ахундзаде), Шура Мерамшаха (сеть Хакани), Шура Пешавара и Шура северного Пакистана, и т.д. Известно, что религиозные школы на территории этой страны всегда служили основными центрами вербовки боевиков для «Талибан». Однако официальные власти Пакистана всегда заявляли и заявляют о заинтересованности Пакистана в решении конфликта и прекращении войны.

Исламская Республика Иран, также имеет интересы в Афганистане и не редко на страницах СМИ сообщается о контактах Ирана с «Талибан», оказание талибам помощи. Однако нам думается, что Иран в стратегическом плане не заинтересован в усилении радикального суннитского движения «Талибан». Действия Ирана имеют

тактический характер и направлены на использование потенциала талибов против ИГ и присутствие США в Афганистане. Иран с одной стороны обеспокоен активизацией ИГ с крайним антишиитским содержанием ее политики и действий, а с другой стороны перспективой постоянного военного присутствия США в Афганистане.

Другим внешним фактором, оказывающим влияние на результат борьбы с международным терроризмом в Афганистане, безусловно, служит присутствие иностранных войск в Афганистане, которое в определенной степени легитимизирует вооруженную борьбу оппозиционных сил. Лидеры «Талибан» говорят о полном выводе иностранного военного контингента как основное условие включения в мирный процесс. В то же время США и союзники полны решимости победить терроризм в Афганистане. Однако ситуация в Афганистане свидетельствует, что признаков победы над терроризмом в Афганистане пока не наблюдаются. Несмотря на то, что с приходом к власти в США Дональда Трампа, объявившего новую американскую стратегию в Афганистане и Южной Азии, американский военный контингент в Афганистане увеличивается. В этих условиях некоторые страны региона в военном присутствии США и НАТО в Афганистане видят угрозу своей безопасности. Более того, некоторые эксперты в транзите боевиков ИГ из Сирии и Ирака подозревают западных стран. Считается, что определенные страны могут использовать террористические группы как инструмент борьбы за свои интересы на пространстве ШОС.

Передислокация боевиков террористических групп с территории Пакистана и южных регионов Афганистана на север, а также с Сирии и Ирака в Афганистан оценивается как часть стратегии по дестабилизации ситуации в Центральной Азии.

Немаловажным внешним фактором, препятствующим мирным переговорам служит глобальная джихадистская идеология, которая сегодня превратилась в международную проблему. Движение «Талибан» и другие террористические группы являются частью международного джихада, Ал-Каиды и радикальных исламистских организаций в Пакистане и в арабских странах. Организационные связи этих группировок в сетевой форме весьма устойчивые и порвать эти связи очень трудно.

Радикализация идеологии, культуры, религиозных ценностей в последние три десятилетия в Афганистане не могут не оказывать влияние на мирный процесс. Талибы являются продуктом этой ситуации. Под влиянием идеологии салафизма и деобандизма в афганском обществе появилось новое поколение духовенства, которое прочно заняло место в мечетях и других традиционных социальных структурах. Представители этого поколения сами являются талибами или имеют близкие с талибами идеи и создают благоприятные культурно-пропагандистские предпосылки для талибовского фундаментализма.

Таким образом, как было выше указано, несмотря на то, что достаточно долгое время на официальном и неофициальном уровне продолжают контакты с представителями «Талибан», однако между политическими группами не только не достигнуто согласие о механизме ведения переговоров и их цели, но возросла уровень недоверия друг к другу.

Поэтому в процессе мирных переговоров с «Талибан» необходимо добиться прекращения военно-политической поддержки талибов. Либо переговоры и консультации с Пакистаном и другими региональными странами должны вестись параллельно с усилением давления на спонсоров, оказывающих военно-политическую помощи «Талибан». В результате прекращения военно-политической помощи «Талибан», эта организация может потерпеть стратегическое поражение и будет вынуждена согласиться на переговоры и мирного решения конфликта. Или талибы до того, как столкнутся с военно-политическим поражением, в целях самосохранения будут вынуждены примкнуть к мирным переговорам.

Если официальное правительство и международное сообщество не смогут прекратить каналы военно-политической помощи талибов и талибы сохранять свой потенциал для ведения войны, то их привлечение на мирный исход конфликта будет очень длинной и с трудными последствиями. Опыт программы национального примирения президента Наджибуллы показывает, что включение вооруженных антиправительственных групп в мирный процесс, в условиях, когда они имеют военно-политическую поддержку очень трудно. В таких условиях остается сценарий силового решения проблемы, т.е. без переговоров. Однако в настоящее время стратегия афганского государства не основывается на этот принцип, в то время как есть большая вероятность, что талибы и их спонсоры придерживаются этой сценарии в борьбе против афганского правительства.

Тем не менее, официальная власть при любых сценариях будет вынуждена, продолжать войну, чтобы обеспечить свое существование и предотвратить победы талибов на поле боя.

Д.А. СУЛЕЕВ,
председатель Общественного объединения
«Аналитическо-информационное бюро «ПИК»,
главный редактор сайта Диалог.кз и «МК в Казахстане»
(Казахстан)

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА ДЛЯ КАЗАХСТАНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ШОС

Проблемные вопросы мировой безопасности как таковые – основные тренды

Главной мировой проблемой в настоящее время является постепенное разрушение глобалистской модели мирового устройства. Мы видим, как рушится ВТО, как ООН не может контролировать мировое развитие и как все больше людей и государств стремятся к регионализации, возвращая ситуацию в начало XX века. Это связано с тем, что США, являясь единственной сверхдержавой, тем не менее, не может в одиночку управлять миром или даже просто вмешиваться в наиболее вопиющие конфликты. С одной стороны, речь идет, конечно, о возникновении многополярного мира, однако, я бы не сказал, что другие центры силы к этому готовы. Те же Китай и Индия до сих пор не могут справиться с внутренними проблемами, не говоря уже о том, чтобы контролировать какую-то группу стран. Их экспансия базируется на очень шатком основании, которая при малейших проблемах может рухнуть. В такой ситуации, разумеется, в наибольшем выигрыше оказываются различные экстремистские группировки, которые как ИГИЛ могут контролировать практически целые страны.

При этом, надо понимать, что аналоги ИГИЛ есть и в Южной Америке, и в Африке, и в Азии. Просто они не настолько радикальны и успешны. Поэтому им и позволяют существовать. Следовательно, главной проблемой и опасностью сейчас является крах государственности в одной из стран третьего мира и переход там власти к экстремистским движениям, хоть религиозного, хоть политического толка. Если мировое сообщество хочет вернуть страну к нормальному существованию, она может это сделать. Но видно, что с каждым разом это становится все проблематичнее. Важно и то, что с каждым годом становится вероятнее применение тактического ядерного оружия. Это связано как с расширением ядерного клуба, так и с более качественным изучением последствий применения ядерного оружия.

Основная проблема нынешней борьбы с терроризмом состоит в том, что такая борьба по расходам бюджетов и затрачиваемым усилиям абсолютно неадекватна с наносимым терроризмом и экстремизмом ущербом. Допустим, в ряде постсоветских стран количество потенциальных и действующих террористов не превышает пары сотен человек, а тратится на противостояние им сотни миллионов долларов. Более того, ради борьбы с этой сотней людей ограничиваются права всего населения страны. Это значит, что политически терроризм уже победил, потому что он изменил систему и поменял жизнь страны. Самое интересное, что эти огромные суммы становятся объектом коррупции и тратятся на борьбу с последствиями, а не причинами терроризма. Ведь все мы понимаем, что причиной терроризма является бедность, неравенство, беззаконие, коррупция и безработица. И именно на это надо пускать бюджет, а не силовые меры. Тем более, что как показывает печальная практика, коррумпированные силовики очень и очень слабо могут противостоять даже начинающим террористам, не говоря уже о тех, кто имеет какой-либо боевой опыт. И в борьбе с возможным усилением роли ИГИЛ в регионе надо всерьез об этом задуматься.

В условиях наблюдаемого процесса обострения международной обстановки вопросы мировой и национальной безопасности актуализируются как никогда прежде. Особенно в контексте явно вызревающей новой гонки вооружений между главными ядерными державами — США и Россией. Оружие массового поражения и особенно средства его доставки совершенствуются уже на качественно ином уровне, и в этом кроется самая главная угроза для мира. Неспроста же Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш призвал восстановить предупреждающие механизмы эпохи холодной войны. А уж он-то такие заявления не будет делать просто так. Из этого можно сделать хоть и предварительный, но весьма печальный вывод — процессы эскалации международной напряженности вот-вот могут пройти точку бифуркации. Значит, похороны холодной войны были преждевременными. Увы...

И если раньше между США и СССР велись бесконечные и изнурительные переговоры о сокращении объемов и качества гонки вооружений, то в нынешних условиях доводить дело до этого не стоит в принципе. Лучше всего уже сейчас начать поиск консенсуса в этом вопросе. При любом ином сценарии развития событий, вторая холодная война имеет намного больше шансов перерасти в третью мировую. А после нее договариваться уже будет некому.

Здесь очень важен информационно-идеологический аспект. Многие говорят об обострении отношений, но почти никто не объясняет простым гражданам к какой черте в этом плане подошло мировое сообщество. Многие даже не придали особого значения заявлению Генерального секретаря ООН. А тут следовало бы бить во все колокола.

Но внимание международной общественности занято другими вещами, которые в принципе тоже имеют свой уровень актуальности — международный терроризм, сирийский кризис, проблемы беженцев из стран Африки. Да, они в определенной мере дестабилизируют международную обстановку. Но гонка вооружений, если она начнется, это гораздо хуже и непредсказуемо. Во всяком случае, мне эта ситуация видится именно так...

Текущие, основные тренды сквозь призму интересов Казахстана относительно ШОС

Казахстан не является ни мировой, ни региональной державой. Но это вовсе не означает, что нашу страну не заботят проблемы международной безопасности. Скорее наоборот, как страна, зависящая в этих вопросах от мнения ключевых геополитических игроков и состояния отношений между мировыми центрами силы, мы заинтересованы в этом как никто другой. В такой постановке вопроса нет никакого самоуничтожения, поскольку в ее основе лежит трезвый расчет и рациональный прагматизм социума, вставшего на путь созидания своей новой государственности. Поэтому вопросы обеспечения международной безопасности для нашей страны всегда будут на первом плане.

Так вот, уж коли мы объективно констатируем факт реанимации блокового противостояния, то нам (Казахстану и России) следовало бы, говоря образно, почаще сверять часы. Холодная война эпохи СССР и США и ее реанимированная версия в формате сегодняшней России и тех же США — это явно уже не одно и то же. При всей военной мощи РФ, продолжать линию конфронтации со сверхдержавой ей будет сподручнее, имея проверенных союзников (кто бы и что бы по этому поводу не говорил). И в этом смысле Казахстан практически ни разу не давал повода усомниться в верности союзническим обязательствам. А вот вопросы встречного характера у нас имеются...

К примеру, союзнические обязательства предполагают не только верность и последовательную приверженность договоренностям, но кое-что еще. Например, соблюдение норм политеса по отношению к союзникам. И как раз в этом направлении в наших двусторонних отношениях не раз возникали казусы не самого приятного свойства. К примеру, некорректные высказывания в плане территориальных претензий со стороны некоторых депутатов Государственной Думы ФС РФ и руководителей отдельных субъектов РФ. При этом ни разу ни одно из них не было дезавуировано на официальном уровне. Такой странный подход не просто омрачает двусторонние отношения и временами смахивает на банальные провокации с вполне конкретными целями.

Это одна сторона вопроса, а другая заключается в том, что такие выпады генерируют антироссийские настроения внутри казахстанского общества вообще и в казахском социуме в частности. Последнее обстоятельство не может не отражаться на восприятии интеграционных проектов, типа ЕАЭС. Возможно, с российской колокольни это может

показаться не столь уж и важным, но для нас это приобретает весьма принципиальное значение в плане дальнейшего углубления стратегического партнерства и ставит под вопрос их перспективное развитие.

Жесткую риторику по отношению к Западу, как ответная мера на его антироссийскую риторику и политику санкций, понять можно. Но когда аналогичные подходы начинают практиковаться по отношению к ближайшим союзникам, это уже ни в какие рамки. Пора понять, пришло время избавляться от стереотипов прошлого и выстраивать отношения на принципах паритетного сотрудничества. И стремление к этому должно быть обоюдным, а не односторонним. Союзникам не пеняют, не указывают как вести себя, а проявляют стремление к пониманию его позиции, тревожащих его проблем, и не игнорируют его мнение в случае возникновения каких-то разночтений по тем или иным вопросам двухсторонних отношений.

К сожалению, некоторые тенденции последнего времени свидетельствуют, что вышеприведенные принципы не всегда соблюдаются по отношению к Казахстану. Хотя никаких поводов усомниться в нашей надежности как союзника, мы не давали.

Учитывая, что нарастающее противостояние между западным миром и Россией явно берет крен в сторону «блокового» подхода, когда против последней выступает «коллективный» Запад (страны Европы, США и Канада, а также Австралия), то есть резон предположить, что Кремль также возьмет курс на создание некоего антизападного союза, в который будут вовлекаться все потенциально возможные союзники. Понятно, что в первую очередь речь идет о странах так называемого «ближайшего зарубежья». В контексте такого вероятного внешнеполитического курса особую значимость приобретают такое объединение как ШОС. Но тут кроется один весьма непростой по деликатности аспект. Речь идет об одном из ключевых членов этой организации — КНР. Ее присутствие в этом объединении значительно «утяжеляет» политический вес Организации и потенциальную военную составляющую. И потому ШОС в условиях стремительно нарастающих трендов не самого позитивного свойства начинает восприниматься совершенно иначе. Также, как и участие и роль каждого участника этой организации, в том числе и Казахстана.

Следовательно, вся последующая эволюция ШОС и наше участие в ней становится одним из ключевых направлений казахстанской внешней политики на ближайшие полтора-два десятилетия. Как ни странно, может показаться, но наш взгляд, именно «блоковая» тенденция развития международных отношений дня сегодняшнего может, с другой стороны, возможно стать хоть какой-то гарантией относительной стабилизации международных отношений. Что-то вроде старой ситуации «балансирования на грани». Не самый хороший вариант, но все лучше открытой конфронтации, от которой всего один шаг к еще более худшему сценарию.

Такое гипотетическое развитие событий оставляет надежды для сохранения какого-то подобия международной стабильности, и мировая политическая история имеет в этом смысле кое-какие наработки, к которым можно будет вернуться, чтобы попытаться создать предпосылки для новой разрядки международной напряженности.

Казахстан, будучи активным членом ШОС получает возможность определиться со своей долей коллективной ответственности в качестве субъекта международной политики. Какой она будет, как мы ею сможем распорядиться, какие дивиденды извлечь, и каким окажется наш вклад в тот или иной сценарий развития событий в геополитике, покажет время...

Однако, с другой стороны, необходимо поставить следующий вопрос: а что в настоящее время делает Шанхайская организация сотрудничества? ШОС пытается осуществить проекты, задуманные еще много лет назад, причем безрезультатно, и все старается гнуть консервативную линию, поддерживать действующие международные институты вроде ООН. При этом оба этих вида деятельности крайне тесно связаны друг с другом. Так как ничего из задуманного не удастся, то и вес призывов ШОС поддерживать Совет безопасности ООН со временем очень легковесно.

После включения в состав ШОС Индии и Пакистана не вижу никаких действий, которые бы говорили о том, что ШОС стала сильнее. Даже если просто взять единственно действующее подразделение ШОС — РАТС, то ему конкуренцию составляет объединение Китая, Таджикистана, Афганистана и Пакистана в борьбе с терроризмом. То, что отмечали еще пару лет назад на Первом Сочинском форуме евразийской интеграции, стало полной и окончательной реальностью — ШОС зашла в тупик. Поэтому, следует вспомнить основы организации и то, зачем она была придумана.

Не отвлекаться там на проект банков развития или права женщин, а вспомнить то, ради чего ШОС и была создана — снизить приграничную напряженность и улучшить добрососедство. Нужна простая работа по строительству дорог и мостов, улучшению пограничных переходов, оптимизации визовой и регистрационной политики, одновременно улучшая взаимодействие пограничных, таможенных и правоохранительных органов. Конечно, это не обеспечивает должный уровень помпезности для чиновников, но зато приносит реальную пользу жителям стран «шосовской семьи» и именно на этом надо сделать свой акцент.

Д.А. ПАХОЛКОВ,

старший преподаватель кафедры общегуманитарных
и естественно-научных дисциплин
Международного юридического института
(Россия)

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА ЕС В ИНТЕГРАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С середины 2000-х годов в пространстве СНГ, особенно в западной его части, нарастала сначала негласная, а впоследствии публичная конкуренция между европейским и евразийским интеграционными проектами, выраженными, соответственно, в Европейской политике соседства (ЕПС) и программе Восточного партнерства (ВП), с одной стороны, и механизмах Таможенного / Евразийского экономического союза, с другой. С самого начала между данными проектами как в концептуальном, так и в практическом плане, наблюдалась значительная степень асимметрии. ЕПС и Восточное партнерство представляли собой модель так называемой «мягкой интеграции», т.е. подключения восточных соседей Евросоюза к евроинтеграционным процессам путем проекции на них значительной части регуляторных норм ЕС, формирования двусторонних углубленных и всеобъемлющих зон свободной торговли и включения в общее энергетическое пространство ЕС. С этой точки зрения, Восточное партнерство выступало вторичным интеграционным механизмом, производным от состояния интеграции в Евросоюзе, его политической воли и практической готовности включать третьи страны в свой «ареал». Тогда как ТС/ЕАЭС являлся самостоятельным интеграционным проектом, нацеленным на становление полноценного экономического объединения с общим рынком и четырьмя экономическими свободами.

Но несмотря на подобную институциональную асимметрию, между двумя проектами развернулась прямая конкуренция за включение стран СНГ, ставшая триггером наиболее острого в постбиполярный период военно-политического кризиса в Европе. Одним из итогов этого кризиса стало подписание Евросоюзом соглашений об ассоциации с тремя странами Восточной Европы — Украиной, Молдавией и Грузией — и включение их в описанный механизм «мягкой интеграции» в полном объеме. Это означает, что модель «мягкой интеграции» при всей своей вторичности обладает преимуществами, позволяющими успешно конкурировать с более полновесным и экономически обоснованным проектом евразийской интеграции. Вместе с тем, подобный результат нельзя назвать оптимальным для Восточного партнерства, поскольку принятия его нормативного подхода во всем пространстве СНГ, включая Россию, на которое эта программа была рассчитана изначально⁷⁵, не произошло. Также вместо заявленной цели стабилизации восточного соседства и снижения его конфликтогенного потенциала Восточное партнерство привело к возникновению новых очагов конфликтности в регионе, что свидетельствует о наличии серьезных дефектов в его конструкции. Оценка преимуществ и недостатков Восточного партнерства и других форматов «мягкой интеграции», используемых Евросоюзом в пространстве СНГ, является целью данной статьи.

Актуальность этой задачи обусловлена, среди прочего, тем обстоятельством, что в отечественной литературе с самого начала доминировали поляризованные и недостаточно объективные взгляды на форматы ЕПС и Восточного партнерства и их способность составлять конкуренцию механизмам евразийской интеграции. С одной стороны, происходила явная идеализация европейской социально-экономической

модели и ее политической привлекательности для постсоветских обществ, вследствие чего ЕС считался априори лидером любой интеграционной конкуренции в СНГ, независимо от конкретного формата его политики. А с другой стороны, наблюдалось не менее явное нивелирование интеграционного потенциала и политических преимуществ Восточного партнерства ввиду того, что ЕС сейчас не может и не желает предлагать восточным соседям перспективу полноценного членства и включать их в свое объединение на полноправной основе, поэтому особой угрозы для евразийской интеграции от Восточного партнерства не исходит. Если вторая точка зрения преобладала на начальной стадии становления данной программы, то первая приобрела популярность на исходе кризиса вокруг Украины 2014 года, постфактум предоставляя убедительное объяснение итогам данного кризиса и их мнимой неизбежности в силу изначальной привлекательности ЕС как цивилизационной модели.

Обе точки зрения не совсем адекватно отражают реальную картину, гиперболизируя либо преимущества, либо недостатки Восточного партнерства и не позволяя сформировать эффективную стратегию конкуренции со стороны евразийских структур. Сейчас, по прошествии почти десятилетия с момента запуска Восточного партнерства, мы можем проанализировать его сильные и слабые стороны в интеграционной конкуренции в пространстве СНГ и оценить их не в гипотетической плоскости, а в плоскости тех реальных результатов, которые были достигнуты за прошедшие годы.

«Украинский пакет» в основе Восточного партнерства

Инициирование Восточного партнерства само по себе стало одним из поворотных моментов в становлении конкуренции интеграционных проектов в пространстве СНГ как таковой. Если Европейская политика соседства была ориентирована на становление отношений добрососедства как отдельного формата взаимодействия с внешними партнерами (о чем говорилось даже в проекте Европейской Конституции), то Восточное партнерство, фактически, переносило на постсоветскую почву в несколько видоизмененном варианте модель отношений, сложившуюся у Евросоюза с постсоциалистическими странами Центрально-Восточной Европы в первой половине 90-х годов, что само по себе повышало степень потенциального политического присутствия и практического вовлечения ЕС в дела восточного соседства.

Немалую роль в этом сыграли перипетии взаимоотношений Евросоюза и Украины, ставших моделью для формата Восточного партнерства. Именно администрация В. Ющенко накануне начала переговоров о новом базовом соглашении на смену Соглашению о партнерстве и сотрудничестве 1994 года выдвинула формулу политической ассоциации и экономической интеграции в качестве его концептуальной основы⁷⁶. При этом под политической ассоциацией украинская сторона подразумевала в первую очередь предоставление перспективы членства в евроинтеграционном объединении, а под экономической интеграцией — включение в общий рынок ЕС с распространением четырех свобод. Европейская сторона восприняла эту формулу положительно, наполнив ее несколько иным содержанием: вместо перспективы членства на первом плане выходило признание европейской идентичности и европейских устремлений Киева, а вместо включения в общий рынок — углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли, предполагающая ликвидацию не только тарифных, но и нетарифных барьеров на пути движения товаров и услуг.

Кроме того, Киев упорно отказывался принимать статус нового базового соглашения как соглашения о соседстве, лоббируя предоставление ему статуса соглашения об ассоциации по аналогии с документами, подписанными ЕС со странами ЦСЕ в первой половине 1990-х годов. И хотя, по свидетельствам очевидцев, руководство Германии намеревалась приберечь эту уступку до финальной стадии переговоров, дабы преподнести ее как равноценную замену перспективы членства, президент председательствующей в тот период в ЕС Франции Николя Саркози в качестве политического жеста анонсировал предоставление новому соглашению с Украиной статуса соглашения об ассоциации на саммите Украина — ЕС в сентябре 2008 года⁷⁷.

При этом и сам Саркози и многие представители коммунитарных структур подчеркивали, что новое соглашение будет устанавливать наиболее амбициозный уровень сотрудничества, на который когда-либо шел Евросоюз с третьими странами. Эта формулировка во многом была сугубо символической и была призвана компенсировать неготовность европейских лидеров к предоставлению Украине перспективы членства,

но вместе с тем она создавала иллюзию готовности ЕС к далекоидущему сближению с Украиной.

Еще одной немаловажной для будущего Восточного партнерства деталью стал отказ Киева рассматривать возможность отдельного подписания политической и экономической частей соглашения. Хотя с европейской стороны подобные предложения звучали как минимум дважды, — в конце каденции В. Ющенко и сразу после избрания В. Януковича — украинский МИД был твердо нацелен на подписание единого «пакетного» документа с максимально строгими обязательствами для украинской стороны в плане имплементации европейских норм и стандартов⁷⁸.

Неудивительно, что на момент выдвижения польско-шведской инициативы о Восточном партнерстве у Евросоюза не было иной модели взаимоотношений с восточными соседями, нежели та, что постепенно формировалась на украинском треке, причем во многом под влиянием политических запросов Киева, нежели заранее выработанного стратегического плана Евросоюза⁷⁹. Эту модель он распространил в качестве желаемого образца и стимула для всех шести стран Восточного партнерства, дополнив ее региональным измерением в виде четырех тематических платформ и шести флагманских инициатив. Украинское правительство отнеслось к подобному распространению его модели отношений с ЕС неодобрительно, считая, что это лишает его эксклюзивности как государства с европейской идентичностью и признанными евроинтеграционными амбициями. Однако с точки зрения европейских лидеров, такой шаг повышал его политическое присутствие в восточном соседстве и позволял структурировать отношения со странами-участницами на базе четко определенных стимулов и приоритетов.

Нормативно-ценностная платформа как ключевое преимущество Восточного партнерства

Стартовые характеристики Восточного партнерства обусловили его преимущества и недостатки в интеграционной конкуренции с евразийским объединением.

Прежде всего, как и Европейская политика соседства, Восточное партнерство имело нормативную направленность. Его ключевым инструментом являлась проекция норм и правил ЕС в пространстве восточного соседства, и что самое главное, нормативность Восточного партнерства имела эксклюзивный характер: возможностей сближения с ЕС вне нормативной повестки дня данный формат не допускал. Партнеры, на словах, могли выбирать желаемый уровень сотрудничества с евроинтеграционным объединением, но все равно были обязаны принять соответствующие этому уровню нормативные обязательства⁸⁰. Вариант абстрагирования от нормативной плоскости и развития сотрудничества на сугубо прагматической основе в отношениях с восточными соседями отбрасывался. Причем это касалось не только участников Восточного партнерства, но и России: выдвинутая европейской стороной в 2010 году инициатива «Партнерство для модернизации» представляла собой попытку применить к отношениям с РФ адаптированную версию нормативной модели ЕПС. Более того, взяв за основу «украинский пакет» в качестве единого шаблона для всех шести стран Восточного партнерства, Евросоюз тем самым увязал вопросы нормативного влияния и экономической интеграции, не предоставив возможностей странам, стремящимся к сотрудничеству с ЕС, но участвующим в иных интеграционных проектах, выработать более гибкие форматы взаимодействия.

Нормативное воздействие в рамках восточной политики Европейского союза опиралось на три взаимосвязанные дискурсивные «точки опоры», обеспечивающие его легитимность, — европейскую идентичность, нормативно-ценностную ориентацию и трансформационную направленность. Евросоюз намеренно позиционировал себя как монопольного «обладателя» европейской идентичности, который вправе признавать или не признавать европейскую идентичность третьих стран в соответствии с собственными критериями «европейскости». Также в документах ЕПС и Восточного партнерства декларировалось, что политика ЕС в восточном соседстве направлена в первую очередь на утверждение в этом пространстве принципов и ценностей, ассоциируемых с европейской идентичностью и социально-экономической моделью, а основной целью этой политики является стабилизация сопредельных государств путем стимулирования их европеизации — трансформации общественно-политического устройства в сторону приближения к европейским ценностям⁸¹. Эта триада

«европейская идентичность — европейские ценности — европеизация» составила аргументационную основу, с помощью которой проекция норм и стандартов ЕС представлялась объективной необходимостью и интересом самих стран восточного соседства, а Евросоюз представал в качестве нормативно мотивированного игрока, исходящего в своем поведении из ценностных соображений, а не из соображений геополитической экспансии или практической утилитарности⁸². Тем самым обосновывалась претензия на априорное моральное превосходство Евросоюза как «силы, действующей во благо»⁸³ по сравнению с другими, более эгоистичными и менее ценностно мотивированными акторами в международной системе. Более того, при таком подходе Евросоюз получал право выступать в своем восточном соседстве в качестве морального авторитета и незаангажированного арбитра в отношении как внутривосточных процессов в соседних странах, так и их взаимодействий друг с другом.

При этом функции, связанные непосредственно с генерированием норм, мониторингом их имплементации в третьих странах и санкциями за их нарушение, нередко передавались отдельным международным структурам, либо специальным органам ЕС, либо неправительственным организациям. Так, массив базовых политических норм, фактически, был отдан на откуп Совету Европы, соблюдение стандартов избирательного процесса осуществляло Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, в экономической и финансовой сферах зачастую шла отсылка к требованиям МВФ или ВТО, выполнение которых часто фигурировало в качестве прелиминарного условия для сотрудничества с третьими странами, в сфере прав человека ЕС нередко опирался на оценки известных неправительственных организаций, таких, как Human Rights Watch и Amnesty International. Отдельного упоминания в этом контексте заслуживает деятельность европейских парламентских структур, — Европарламента, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Парламентской ассамблеи ОБСЕ — используемых для продвижения нужных нормативных установок от имени как бы представительского, незаангажированного органа.

Тем не менее, нормативная направленность выступала ключевым преимуществом Восточного партнерства и других форматов «мягкой интеграции» ЕС в конкуренции с евразийским интеграционным проектом. В то время как ЕС акцентировал ценностную основу своих инициатив в восточном соседстве и задачи его политической трансформации, евразийские интеграционные механизмы строились главным образом на дискурсе о возможных практических выгодах интеграции для их участников и не содержали требований относительно их политико-институциональной трансформации. Сторонники евразийского проекта могли критиковать ЕС за стремление включить страны Восточной Европы в свою сферу влияния⁸⁴, но не могли противопоставить ему своей ценностной платформы, которая бы позволяла проецировать нормативную силу в том же объеме, что и Восточное партнерство.

Если исходить из рациональных соображений и соотношения практических выигрышей и затрат, евразийская интеграция предоставляла участвующим государствам более выгодные и менее обременительные условия участия, позволяя им сохранять значительную часть национального суверенитета и свободы действий во внутренней и внешней политике.

Однако в конкуренции с ценностно ориентированным дискурсом Евросоюза это не только не принесло желаемых результатов, но и оказалось серьезным недостатком ТС/ЕАЭС. Задействуя идентификационную и ценностную риторику, ЕС способствовал формированию и мобилизации в странах Восточного партнерства влиятельных общественных групп, для которых европейская интеграция выступала самоценностью вне зависимости от ее практического значения и экономических последствий для страны⁸⁵. Это было во многом связано с заинтересованностью данных общественных групп в той трансформационной повестке дня, которую продвигал ЕС, и их расчетом на усиление своих политических позиций в результате реализации этой повестки. При этом те силы в постсоветских обществах, которые были способны составить конкуренцию, как правило, немногочисленным проевропейским группам, не имели подобного статусного стимула, хотя они не менее своих проевропейских визави были заинтересованы в политических и институциональных преобразованиях, способных преодолеть структурные дефекты неэффективных постсоветских режимов. С точки зрения политической конкуренции и мобилизации общественной поддержки, более требовательная нормативная линия ЕС оказалась эффективнее политически нейтрального «экономизма» евразийского проекта.

Однако и с нормативным аспектом у Восточного партнерства возникали серьезные проблемы⁸⁶. Главным объектом критики со стороны значительной части академической среды и представителей гражданского общества стран восточного соседства выступала недостаточность заложенных в ЕПС и ВП стимулов, то есть форматов и преимуществ, которые Евросоюз был готов предоставить восточным соседям «в награду» за выполнение его нормативных требований⁸⁷. Камнем преткновения была, несомненно, перспектива членства, отсутствие которой среди предложенных стимулов, по мнению ряда экспертов, лишало соседние страны существенной части мотивации выполнять нормативные требования ЕС⁸⁸. Восточное партнерство было призвано решить эту проблему, предоставив восточным соседям наиболее амбициозные стимулы, которые ЕС мог предложить на тот момент, помимо перспективы членства. Но в то же время европейские лидеры не особо стремились и к слишком тесной интеграции с этими странами. Интеграция как таковая с самого начала выступала в восточной политике ЕС лишь стимулом для побуждения нестабильных и неблагополучных соседей проводить необходимые преобразования. Поэтому интеграционное наполнение Восточного партнерства осталось весьма ограниченным и выражалось, по украинскому образцу, в виде предложения о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли. Этот механизм не означал полноценного включения соседних стран в общий рынок ЕС⁸⁹, но позволял Брюсселю наложить на них наиболее широкий объем нормативных обязательств в части имплементации регулярных стандартов и адаптации принципов государственной экономической политики к нормам и правилам ЕС⁹⁰.

Проще говоря, Восточное партнерство не приводило к полномасштабному включению стран-участниц в европейский интеграционный проект, но в случае принятия предлагаемой им схемы закрепляло асимметричную модель отношений, где ЕС выступал генератором нормативных импульсов, а соседние страны — их реципиентами, превращало евроинтеграцию в магистральный фактор внутренней и внешней политики этих стран и блокировало их участие в других интеграционных проектах⁹¹. По замыслу, этого было вполне достаточно для выполнения той геополитической задачи, которая возлагалась на Восточное партнерство в рамках конкуренции с евразийским проектом.

Но как показали уже первые годы функционирования Восточного партнерства, добиться подобного эффекта было весьма проблематично. И причиной этого была не столько недостаточность заложенных в нем интеграционных стимулов, сколько специфика внутривосточного контекста стран восточного соседства, от которого в первую очередь зависело принятие трансформационной повестки дня, продвигаемой ЕС⁹². Местные элиты охотно использовали евроинтеграционную риторику как инструмент укрепления своей власти и повышения собственного статуса в международном масштабе⁹³, однако не спешили полностью выполнять все пожелания Брюсселя, нередко ссылаясь на конкуренцию со стороны евразийского проекта как препятствие на пути нормативной конвергенции⁹⁴. При этом они не отвергали и не оспаривали подобную асимметричную конфигурацию отношений с ЕС и легитимность европейской нормативной модели как таковой. То есть те объективные политические и практические затраты, которые влекла за собой модель Восточного партнерства, для местных обществ практически не артикулировались, а в некоторых случаях даже превозносились как необходимые и желательные для проведения коренных преобразований и преодоления структурных дефектов политико-институциональной системой.

Слабость нормативного влияния ЕС в рамках Восточного партнерства стала особенно заметна на примере уголовного дела против экс-премьер-министра Украины Юлии Тимошенко, осужденной осенью 2011 года за превышение полномочий при подписании газовых контрактов с «Газпромом» вопреки возражениям со стороны Евросоюза. Именно под воздействием этого излишне политизированного дела⁹⁵, совпавшего с финализацией переговоров по соглашению об ассоциации с Украиной, Евросоюз, с одной стороны, начинает оказывать прямую поддержку оппозиционным политическим силам Украины, объявившим о своей проевропейской ориентации, а с другой, идя на поводу у этих сил, компенсирует слабость своего интеграционного проекта усилением риторики в духе геополитического и цивилизационного выбора, перед которым якобы стоит Украина и другие восточные соседи ЕС в вопросе подписания ассоциации. Тем самым европейские лидеры усугубили интеграционную конкуренцию и, фактически, свели на нет возможность компромиссного решения порожденных ею противоречий.

Подписание подготовленных соглашений об ассоциации с Украиной, Молдавией и Грузией без каких-либо изменений в тексте или новых переговоров стало рассматриваться как абсолютный императив и главный символ политической дееспособности ЕС в своем восточном соседстве. И если решение Армении отказаться от подписания ассоциации и вступить в евразийское объединение в сентябре 2013 года не вызвало серьезных возражений со стороны европейских структур⁹⁶, решение правительства Украины двумя месяцами позже приостановить процесс подписания стало толчком для полномасштабного регионального политического кризиса.

Прогрессирующая геополитизация Восточного партнерства способствовала дальнейшей деградации его нормативного измерения. По мере того, как успех данной программы ассоциировался с приходом к власти в соседних странах «роевропейских» политических сил, объем нормативных требований к этим силам снижался, а явный их отход даже от базовых европейских ценностей едва получал какое-либо символическое осуждение⁹⁷. Несмотря на то, что ЕС предпринял две попытки радикальной ревизии Европейской политики соседства с намерением усилить ее нормативную составляющую и прописать прямую связь между принятием норм и получением стимулов в виде принципа «большее за большее»⁹⁸, на практике ситуация оставалась прежней: геополитическая лояльность выступала индульгенцией в отношении невыполнения нормативных обязательств даже после подписания соглашения об ассоциации⁹⁹. Аналогичным образом игнорировались и дестабилизирующие эффекты, исходящие от провокационной политики подобных политических сил, и их деструктивные последствия для региональной безопасности¹⁰⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что в конкуренции с евразийским интеграционным проектом Восточное партнерство обладало весомыми преимуществами, прежде всего спектром нормативных инструментов воздействия на местные элиты и общества соседних стран. Опираясь на дискурс о европейской идентичности и европейских ценностях и на привлекательность европейской социально-экономической модели, ЕС с помощью адресной политики сумел мобилизовать на поддержку своего интеграционного проекта ряд общественных групп, связывающих свои политические ожидания с реализацией продвигаемой Евросоюзом трансформационной повестки дня. Используя данные инструменты, европейские функционеры целенаправленно легитимизировали собственный интеграционный проект, объективно более затратный для стран СНГ, и делегитимизировали евразийский проект как якобы противоречащий той ценностной основе, которая необходима для успешного реформирования постсоветских режимов.

Вместе с тем, ряд существенных недостатков ограничивал политический потенциал Восточного партнерства.

Во-первых, слабость его реального интеграционного наполнения и ограниченность тех реальных практических выгод, которые могли получить соседние страны от участия в Восточном партнерстве и предлагаемой им зоне свободной торговли. Компенсировать эту слабость функционерам ЕС пришлось за счет усиления геополитической и цивилизационной риторики и противопоставления предлагаемых ими форматов «мягкой интеграции» якобы диаметрально противоположной, антагонистичной евразийской модели. Это привело к тому, что геополитическая лояльность и наличие условно проевропейских сил у власти в странах Восточного партнерства частично затмила нормативные задачи и ту трансформационную повестку дня, реализация которой провозглашалась основной целью Восточного партнерства. Тем не менее, с точки зрения интеграционной конкуренции такая тактика оказалась вполне выигрышной и позволила ЕС одержать тактическую победу, пусть и ценой усиления общей геополитической напряженности на континенте.

Во-вторых, недостаток гибкости и отсутствие концептуальных рамок для сотрудничества со странами, не готовыми принять нормативную гегемонию ЕС или участвовать в его интеграционном проекте. После того, как в 2014 году были подписаны соглашения об ассоциации с Украиной, Молдавией и Грузией, Евросоюзу пришлось преодолевать этот недостаток и вырабатывать новые механизмы нормативного влияния за рамками Восточного партнерства для тех стран, которые участвовали в евразийском объединении. Тот факт, что новые соглашения ЕС с Казахстаном и Арменией содержат значительный нормативный компонент¹⁰¹, указывает на то, что Европейский союз может вырабатывать оптимальные форматы взаимодействия со странами-участницами ЕАЭС, не вступая в конфликт с их интеграционными предпочтениями. Это означает,

что интеграционная конкуренция как таковая не исчерпала себя и принимает новые формы, пусть и не настолько острые, как в 2013–2014 годах.

В-третьих, зависимость от внутривнутриполитического контекста стран восточного соседства. Поскольку восточная политика ЕС в целом была направлена на стимулирование желаемых внутренних перемен в соседних странах, ЕС неизбежно становился участником их внутривнутриполитических процессов, возможно, в большей степени, нежели хотели его лидеры. Отсутствие должного опыта в этой сфере приводило к тому, что евроинтеграция зачастую превращалась в инструмент манипуляции со стороны тех политических сил, которые заявляли о своей проевропейской ориентации. Как показала практика, этот недостаток тоже не является для Восточного партнерства фатальным: договорные рамки соглашений об ассоциации и механизмы вовлечения ЕС в процессы управления сконструированы таким образом, что позволяют поддерживать нужную степень влияния даже в условиях серьезных внутривнутриполитических пертурбаций в соседних странах и падения доверия к европейской интеграции в местных обществах.

Из этого можно заключить, что главным преимуществом Европейского союза в интеграционной конкуренции с евразийским проектом в пространстве СНГ является его способность исправлять имеющиеся недостатки своей модели, усиливая ее политическую и практическую эффективность. Благодаря этой способности, ЕС удалось реализовать основные задачи Восточного партнерства в условиях жесткой конкуренции с ТС/ЕАЭС и вовлечь в свой интеграционный проект ключевые страны восточного соседства даже без предоставления им перспективы полноценного членства.

СЕКЦИЯ 2.

ШОС И ЭКОНОМИКО-ИНТЕГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ.
ЭКОНОМИКА, ЭНЕРГЕТИКА, ТРАНСПОРТ
И МИГРАЦИЯ

Чжан НИН,
начальник отдела Центральной Азии
и Кавказа Института России,
Восточной Европы и Центральной Азии
Китайской Академии общественных наук
(Китай)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙСЫ «КИТАЙ – ЕВРОПА» В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

I. Эксплуатационное положение

Проект «Грузовые рейсы Китай-Европа» — это международные грузовые экспрессы, эксплуатирующиеся Китайской железнодорожной корпорацией и курсирующие по всему евразийскому континенту. С 8 июня 2016 года все поезда по маршруту Китай — Европа следуют под единым официальным логотипом «Китайско-европейский экспресс» (China Railway Express).

Первый тестовый поезд прямого сообщения Китай — Европа отправился 19 марта 2011 года по железной дороге Чунцин — Синьцзян — Европа, но официальное открытие этого маршрута состоялось 18 июля 2013 года. С момента запуска рассматриваемого проекта, благодаря его стремительному развитию, активному расширению сферы охвата и товарных категорий и повышению качества функционирования наблюдается взрывной рост сети прямых железнодорожных путей сообщения из Китая в Европу через центральную часть Евразии. Согласно статистике, за четыре года число контейнерных поездов из Китая в Европу увеличилось до 500, затем еще 500 составов было отправлено всего за семь с лишним месяцев, а затем еще 500 — уже за пять месяцев. В итоге по этому маршруту прошло 1500 поездов.

Под единым управлением китайского контейнерного оператора CRCT (China Railways Container Transport) за период с 2011 по 2012 год по маршруту Китай-Европа было отправлено 59 поездов, в 2013 году — 80, 2014 году — 308, 2015 году — 815. В 2016 году было совершено 1702 рейса товарных составов (в том числе 1130 — в Европу; 97,3 тыс. контейнеров), 572 состава прибыли в Китай (48,4 тыс. контейнеров); в 2017 году — 3271 рейс, что превышает общее количество рейсов, совершенных за прошедшие шесть лет.

На конец 2017 года маршрут Китай-Европа на территории КНР охватывал 35 городов, соединенных с 34 городами из 12 европейских стран. Если изначально из Китая экспортировались, главным образом, телефоны, компьютеры и другая IT-продукция, то затем ассортимент товаров постепенно расширился: одежда, обувь, головные уборы, автомобили и запчасти, продовольственные товары, вино, кофейные зерна, древесина и мебель, продукция химической промышленности, механическое оборудование и др. При этом возрастает количество рейсов в обратном направлении, их количество составляет почти половину от числа составов, следующих из Китая в Европу.

1. Транспортные маршруты

На базе развития Нового евроазиатского континентального моста и Сибирского континентального моста из Китая в Европу проложены три железнодорожных коридора для товарных поездов (западный, центральный и восточный железнодорожные коридоры) и задействовано пять контрольно-пропускных пунктов (КПП): Суйфэньхэ, Маньчжурия, Эрэн-Хото, Алашанькоу и Хоргос. Всего открыто 51 железнодорожный маршрут.

Западный коридор проходит через КПП Алашанькоу (Синьцзян — Уйгурский автономный район), Хоргос и другие КПП (после завершения строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан маршрут будет пересекать КПП Иркештам). Этот коридор на территории Центральной Азии проходит в северном направлении через территорию России или в южном через Иран и Турцию до Европы. Центральный коридор пересекает Внутреннюю Монголию (КПП Эрэн-Хото), Монголию, затем входит в Россию и далее на территорию Европы. Восточный коридор пересекает КПП Маньчжурия (Внутренняя Монголия) или КПП Суйфэньхэ (провинция Хэйлунцзян), затем входит в Россию и на территорию Европы.

Конечными пунктами прямых маршрутов за пределами Китая являются: в Германии — г. Гамбург, Дуйсбург и Нюрнберг; в Испании — Мадрид; в Нидерландах — Роттердам; в Польше — Варшава и Лодзь; в Чехии — Пардубице; в России — Москва, Томск и Забайкальск. Пункты отправления на территории Китая: Западный район — Чунцин, Чэнду, Сиань, Ланьчжоу и Урумчи; Центральный район — Ухань, Чжэнчжоу, Хэфэй, Наньчан, Чанша и Тайюань; Восточный Китай — Сучжоу, Иу, Ляньюньган, Циндао и Цзинань; дельта реки Чжунцзян — Дунгуань и Сямэнь; столичный регион (Пекин, Тяньцзинь и провинция Хэбэй) — Тяньцзинь; Северо-восток — Шэньян, Инкоу, Чанчунь, Далянь и другие города.

2. Время движения поездов и тарифы

Грузовой состав по маршруту Китай — Европа должен состоять как минимум из 41 условного вагона или 40-футовых контейнеров. Так, поезда, отправляющиеся из Синьцзяна, состоят из 55 условных вагонов, на полном маршруте длина поезда обычно включает 80 условных вагонов. Маршрутная скорость движения по территории Китая составляет 1,3 тыс. км/сутки, за пределами Китая — 1 тыс. км/сутки. В результате путь протяженностью 10 — 13 тыс. км поезда проходят за 13-14 дней (минимальный срок — 11 дней, максимальный — 15-16 дней, задержки в основном возникают при перегрузках контейнеров). С улучшением инфраструктуры (объектов таможенного оформления, мощностей по перегрузке контейнеров, дорожного полотна, локомотивов, платформ, организации графика движения и т.д.), на железной дороге Китай — Европа появятся определенные возможности для увеличения скорости движения поездов. И в будущем время следования поездов между Китаем и Европой будет сокращаться.

По продолжительности маршрут Китай — Европа — это более быстрый способ доставки грузов, по сравнению с морскими перевозками (30-45 суток). При этом время следования груза сокращается на более чем 20 суток. К примеру, время движения поезда по маршруту Алашанькоу — Москва — Гамбург составляет около 18 суток (в том числе от Уханя до Алашанькоу — около 3 суток, от Алашанькоу до Москвы — 9 суток, от Москвы до Гамбурга — 6 суток). Тогда как маршрут по внутренним рекам сначала до Шанхая, затем через Малаккский пролив, Суэцкий канал, пролив Гибралтар и до Гамбурга занимает около 41 суток (в том числе по территории Китая — 4 суток, по морю — 37 суток), то есть на 23 суток дольше маршрута Китай — Европа.

Время транспортировки и ценовая ориентация в значительной степени определяют ассортимент перевозимых по данному маршруту товаров. Как показывает практика, перевозка товаров с высокой стоимостью или коротким сроком годности, в основном, осуществляется воздушным транспортом, а товары с высокой стоимостью и более долгим сроком годности перевозятся морским транспортом. В сравнении с морскими и авиаперевозками, по маршруту Китай — Европа перевозятся товары, занимающие промежуточное место между морскими и авиаперевозками, с определенными требованиями к себестоимости, времени и достаточно высокой добавленной стоимостью. В настоящее время из Китая в Европу экспортируются такие товары, как IT-продукция, автомобили и автозапчасти, механическая продукция, одежда, обувь и головные уборы, предметы повседневного обихода, изделия художественной промышленности и т.д.; из Европы в Китай поезда везут, в основном, полностью собранные автомобили и автозапчасти, механическое оборудование, товары повседневного спроса, косметику, продукты питания и т.д.

3. Организация и управление

В данный момент основными участниками проекта международных грузовых перевозок Китай-Европа являются эксплуатационные компании, местные органы самоуправления, Китайская железнодорожная корпорация, отечественные и зарубежные железнодорожные компании, работающие на данном маршруте, китайский контейнерный оператор CRCT и другие логистические компании. При этом эксплуатационной деятельностью занимаются компании с китайским и иностранным капиталом.

Согласно соответствующим документам Госкомитета по реформе и развитию, в дальнейшем перевозки по маршруту Китай-Европа будут осуществляться под единым управлением Китайской железнодорожной корпорации, которая будет заниматься и вопросами международного сотрудничества. Так, 20 апреля 2017 года железные компании России, Китая, Беларуси, Германии, Казахстана, Польши и Монголии подписали семистороннее соглашение об углублении сотрудничества по организации контейнерных перевозок по направлению Китай – Европа, а 26 мая был создан Координационный комитет по грузовым перевозкам по маршруту Китай – Европа. При этом китайская железнодорожная корпорация активно укрепляет связи и координацию с местными органами власти и железнодорожными отделами вдоль этого маршрута, оптимизирует организацию перевозок, совершенствует меры по обеспечению гарантийных услуг, а также стремится снизить общую стоимость логистики.

По маршруту Китай – Европа осуществляются рейсы прямого и транзитного сообщения. Прямые рейсы – это перевозки из одного пункта в другой без выгрузки товара в промежуточных пунктах, как правило, это контейнерные перевозки или полностью загруженные вагоны, в основе которых «пять фиксированных показателей»: пункт назначения, маршрут, рейс, время и тарифы. Транзитные грузовые перевозки подразумевают транспортировку грузов с перегрузками на промежуточных пунктах.

Организация перевозок по маршруту Китай – Европа, являющаяся платформой логистических услуг, затрагивает различные звенья, в том числе, техническое и программное обеспечение. Главным образом это:

- железная дорога (одноколейная или двухколейная, ходовая скорость, вагоны, тип контейнеров);
- КПП (перегрузка контейнеров, платформы, складские площадки, таможня, инфраструктура и оборудование пограничного контроля, инспекции и карантина, укомплектование штата);
- складские и логистические распределительные центры (бондовая зона, индустриальный парк, мультимодальные перевозки);
- информационная система (средства связи и т.д.);
- система управления логистикой;
- таможенное оформление и институциональная система (товарная экспертиза, санитарный контроль, пограничный контроль, таможня и т.д.);
- система безопасности.

II. Оценка эффективности рейсов Китай – Европа

Как показывают реальные достижения проекта «Грузовые рейсы Китай – Европа», такие как стремительное и систематическое расширение масштабов перевозок и ассортимента перевозимых товаров, а также увеличение объема перевозимого груза, потребности в сотрудничестве по развитию сухопутных перевозок в Евразии, они действительно огромные. И сегодня функции и значение данного проекта уже не ограничиваются лишь одной только сферой логистики. Его анализ и оценку необходимо проводить исходя из таких аспектов, как региональное развитие, регулирование экономической структуры, содействие либерализации международной торговли и др.

1. Активизация развития внутренних районов

Многokратно увеличивающиеся по частоте рейсы «Китай – Европа» (в 2016 году количество отправленных рейсов за неделю в 15 раз превысило показатель 2013 года) и стремительно растущий экспорт оказывают стимулирующее влияние на экономический рост друг друга. Это оказывает эффективное воздействие на развитие региональной экономики и рост занятости местного населения.

Благодаря международным рейсам «Китай – Европа» удалось существенно сократить разницу в себестоимости перевозок по внутреннему западному региону Китая и восточному прибрежному региону.

2. Оказание содействия развитию стран, пролегающих вдоль «Один пояс, один путь»

Отсталая и слабая инфраструктура является главным сдерживающим фактором (слабым звеном), ограничивающим экономическое развитие стран вдоль китайской инициативы «Один пояс, один путь». При этом следует учитывать, что пять стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан и др.) не имеют выхода к морю, в связи с чем их внешние связи осуществляются за счет железнодорожных и автодорожных пе-

ревозок. В таких условиях грузовые перевозки по маршруту «Китай — Европа», ставшие для внутриконтинентальных стран одним из важных условий развития и привлечения инвестиций, сегодня весьма эффективно обеспечивают взаимосвязь и взаимный доступ между Китаем и странами вдоль «Экономического пояса Шелкового пути». Открытие и эксплуатация железных дорог по маршруту «Китай — Европа» оказывает содействие странам вдоль «Пояса и пути» в ускорении темпов наращивания внутренней торговли, расширении масштабов внешней торговли, использовании преимуществ для взаимодополнения и достижения взаимовыигрышного развития.

3. Повышение уровня обеспечения национальной безопасности, снижение рисков от использования одного торгового канала

Сегодня внешняя торговля Китая в основном опирается на судоходство. Однако на весьма загруженных морских маршрутах, соединяющих Китай и Европу; в районах морской акватории Юго-Восточной Азии, Западной Азии, Восточной Африки и др. часто встречаются случаи пиратства; имеет место военная напряженность в регионах, а в связи с чрезмерной частотой движения судов в проливах и каналах возникают очереди. И если чрезмерно полагаться на морские перевозки, особенно в ситуации, когда имеется лишь один водный путь, создается определенная угроза транспортной безопасности.

Открытие международных рейсов «Китай — Европа» позволило изменить ситуацию с чрезмерной зависимостью международной торговли евразийских стран от морских перевозок. Функционирование их в нормальном режиме станет мощным рычагом китайской инициативы «Один пояс, один путь», что позволит эффективно укрепить взаимосвязь и взаимный доступ между странами вдоль «Экономического пояса Шелкового пути».

4. Практика и содействие упрощению процедур таможенного оформления

Проект «Грузовые рейсы Китай — Европа» уже успешно присоединился к пилотному проекту «Умные и безопасные торговые пути Китай — Европа». Это показательный проект, реализуемый двумя сторонами в рамках проекта Всемирной таможенной организации «Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли». Сотрудничество китайских и европейских таможен позволит осуществлять мониторинг контейнеров и грузов на всем маршруте. В результате сформируется безопасная, удобная и умная сеть международных торговых перевозок.

III. Ключевые проблемы

Во-первых, при недостаточных объемах грузов перевозки едва ли могут стать безубыточными. Тарифы на железнодорожные перевозки обычно формируются в соответствии с количеством контейнеров. Согласно расчетам, если объем перевозок груза в обратном направлении превышает 60% от объема груза в прямом направлении, то такие перевозки считаются безубыточными. Несмотря на то, что данный проект функционирует уже много лет, однако лишь с 2014 года удалось превысить нулевую отметку, а в 2017 года количество рейсов в обратном направлении составило лишь половину от числа рейсов в прямом направлении.

Во-вторых, недостаточная пропускная способность контрольно-пропускных пунктов. Так, в 2015 году, согласно статистике, на КПП центрального коридора (через КПП Эрэн-Хото) в среднем время задержки составило 30% от общего времени перевозки, из них 18% пришлось на проверку документов и таможенный досмотр, оставшиеся 12% — на другие причины. Нужно выделить также и следующие три аспекта:

- на пограничных КПП весьма ограниченные мощности для перевалки контейнеров;
- инфраструктура на некоторых станциях влияет на скорость перевалки контейнеров;
- некоторые участки железных дорог — однопутные.

В-третьих, нет единообразных унифицированных правовых норм и правил для организации и осуществления международных железнодорожных перевозок. На международных сквозных железнодорожных перевозках по Евразии нет четких стандартов передачи товара согласно «Международных правил толкования торговых терминов «Инкотермс 2000». И дело здесь в том, что эти базисные условия поставки товаров формировались на основе морских перевозок, тогда как международные железнодорожные сквозные грузовые перевозки имеют свои особенности, и их произвольное применение может породить возможность неоднозначной интерпретации.

В-четвертых, организация и управление транспортными перевозками на территории Китая нуждаются в улучшении.

В-пятых, существует повсеместная зависимость от правительственных субсидий. Открытие и функционирование международных грузовых перевозок по маршруту «Китай — Европа» в большинстве своем осуществляются при содействии местных органов власти. На данный момент еще не сформирована полноценная рыночная среда. При этом сегодня Китай субсидирует от 10 до 40% транспортных расходов. Субсидии создают дополнительное финансовое бремя для Правительства КНР, а также могут достаточно легко деформировать роль рынка в распределении ресурсов и привести к некоторым явлениям недобросовестной конкуренции, в частности к «захвату товаров», и, следовательно, должны быть прекращены.

IV. Ответные меры

1. Внедрение интегрированной системы эксплуатации, создание «сборочного центра».

Это включает организацию и строительство в узловых пунктах или на приграничных КПП Синьцзяна, Внутренней Монголии и провинции Хэйлунцзян «сборочных центров рейсов Китай — Европа». При этом концентрацию грузов должна осуществлять Китайская железнодорожная компания (China Railway). Товары, экспортируемые в Европу, следует сначала транспортировать на внутренних рейсах в «сборочный центр», развернуть работу по группированию рейсов, и после объединения товаров отправлять их в пункты назначения на территории Европы.

2. Создание интерактивного механизма координации на всех маршрутах, и в конечном итоге, осуществление централизованного управления. Это подразумевает реализацию единого планирования, формирование региональных связей, а также создание механизмов сотрудничества в области функционирования рейсов, содействие организации рейсов с полной загрузкой.

3. Укрепление мультимодальных перевозок, то есть наземных и морских и наземных и воздушных грузоперевозок. К примеру, к следующему по маршруту грузу могут быть присоединены товары из Японии, Южной Кореи, Юго-Восточной Азии и других стран, которые после транспортировки до портов Китая могут быть отправлены в Европу рейсом Китай-Европа. В обратном направлении товары из Европы доставляются в китайскую бондовую зону, где происходит их сортировка (без таможенного оформления импорта), после чего осуществляется их перевозка воздушным транспортом в Гонконг, Тайбэй, Сингапур, Бангкок, Токио, Осака, Сеул и другие города Азии.

4. Активное расширение двусторонних товарных потоков. В качестве мер по решению такой проблемы, как нехватка товарных ресурсов на обратном направлении, важно развивать рыночный потенциал стран СНГ, активнее привлекать Беларусь, Россию и Казахстан к использованию грузоперевозок по маршруту Китай-Европа. На обратном пути на узловых пунктах догружать товары для транспортировки их в места назначения на данном маршруте.

5. Использование возможностей развития «пяти связующих элементов» инициативы «Один пояс, один путь» (политическая координация, взаимосвязь инфраструктур, беспрепятственная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление связей между народами). Речь идет о расширении взаимных связей и взаимного доступа исходя из сильнейшей инфраструктурной потребности проекта «Грузовые рейсы Китай — Европа», осуществлении единого планирования функционирования рейсов «Китай — Европа», строительстве нового Евразийского континентального моста и высокоуровневом планировании, содействии усилению на правительственном уровне опоры на транзитные транспортные коридоры «большого сухопутного моста», централизованном планировании развития международных контейнерных рейсов Китай — Европа на территории Китая.

Ш. ВИЗАРАТ,
профессор Университета
делового администрирования г. Карачи,
доктор экономических наук
(Пакистан)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Введение

Территория стран — членов ШОС богата природными ресурсами: нефтью, природным газом, водой, плодородными землями, минеральными и людскими ресурсами. Причем там имеется мощная индустриально-технологическая база и развитой оборонно-промышленный комплекс. Интеграция экономик стран-членов ШОС, богатых ресурсами, способна сделать весь регион самодостаточным в обеспечении продовольствием, водой, энергией и вооружением. Мощная промышленная база и технологические ноу-хау могут способствовать стабильному процветанию рассматриваемого региона. Однако существуют угрозы и проблемы для интеграции на пространстве ШОС.

Угрозы интеграции пространства ШОС

Самая большая угроза для интеграции региона — это вооруженные конфликты. Так, существуют нерешенные проблемы, которые сознательно создавались вследствие вывода колониальных держав в форме проведения политики «разделить и уйти», чтобы сохранить регион в стадии вооруженного конфликта. Это стало источником стабильного получения дохода для военно-промышленного комплекса развитых государств. Но политико-социальная ситуация в последние годы значительно ухудшилась. Страны на пространстве ШОС стали источниками этнических распрей, сектантского насилия и конфликтов. Как следствие, в некоторых странах имеют место военные действия.

Вопрос о Кашмире был намеренно оставлен нерешенным Великобританией в 1947 году, чтобы сохранить Пакистан и Индию в стадии вооруженного конфликта. И поскольку Азия постепенно становится мировым центром влияния, произошло значительное усиление этого конфликта. Например, при открытии для Запада Мьянмы (Бирмы) Майнамара, которая была довольно мирным регионом под управлением диктаторов-генералов, внезапно там вспыхнула проблема народа Рохинджа (мусульмане). Китайско-японский спор вокруг островов Южно-Китайского моря, который был вялотекущим в течение нескольких десятилетий, сразу обострился, угрожая миру между очень важными азиатскими странами.

Конфликты порождают гонку вооружений в регионе, которая отвлекает ресурсы на закупку оружия, увеличивает задолженность стран, обостряет проблему безработицы, снижает темпы роста национальных экономик и существенно повышает в регионе уровень бедности. Так, в Южной Азии наблюдался резкий рост внешней задолженности со 150 млрд долл. в 2000 году до 637 млрд долл. США в 2015 году. Индия оказалась на вершине списка с общей внешней задолженностью в размере 480 млрд долл. Как следствие, военные расходы Индии выросли до 55,9 млрд долл. Далее следует Пакистан с военными расходами в размере 10 млрд долл. в 2015 году.

Наличие внешних региональных держав и их доверенных лиц, преследующих собственную повестку дня, оказало дестабилизирующее воздействие на регион. В отчете

Пентагона говорится, что американские партнеры и их союзники могут дать региону «дополнительные возможности и доступ к другим странам», но США не могут все делать сами, поэтому «нам нужно иметь возможность действовать совместно, быть более открытыми для взаимодействия, чтобы иметь возможность разделить миссии в конструктивном ключе».

Стратегические союзники США распространились в разных регионах, чтобы продвигать американскую повестку дня. И данный факт очень беспокоит, поскольку США проявляют большой интерес к региону ШОС, но физически не присутствуют на соответствующих конференциях и не участвуют в обсуждениях. Это означает, что американцы будут делегировать Индии все свои планы и амбиции, связанные с ШОС.

Более того, США даже стремились к «смене режимов» в некоторых странах региона. Недавние визиты в Пакистан Алисы Уэллс, бывшего посла США в Иордании, сводились к тому, чтобы внушить властям о назначении технократов с «тесными» связями с США в качестве премьер-министра, министра финансов и т.д. в новом правительстве. Уверена, что власти Пакистана не обратят внимания на такое вмешательство США во внутренние дела их страны. Но это отражает планы и намерения американцев.

Экономический потенциал ШОС

Большинство стран — членов ШОС производят пшеницу, а три крупные страны производят рис. Плоды и овощи также выращиваются в изобилии, в то время как мясо, субпродукты и шкуры имеются в большом количестве, они экспортируются одними странами и импортируются другими.

Природные ресурсы и минеральные ископаемые в регионе ШОС включают золото, серебро, медь, алюминий, уран, ртуть и драгоценные камни. Этот регион богат добычей угля, природного газа, нефти и электроэнергии. Несколько стран-членов Организации располагают базой тяжелой промышленности, производящей высокотехнологичную продукцию. По крайней мере, четыре страны-члены ШОС производят вооружения, включая таких передовых производителей, как РФ и КНР.

Российская оборонная промышленность является стратегически важной отраслью, использующей высокую долю рабочей силы. Так, она обеспечивает занятостью от 2,3 до 3,0 млн чел., что составляет 20% имеющейся рабочей силы. Россия является в мире вторым государством по величине экспортера обычных вооружений. Некоторые образцы вооружения, произведенные в России, пользуются большой популярностью: многоцелевые истребители Су-30, зенитные ракетные комплексы С-400 «Триумф», дизельные подводные лодки, корветы и фрегаты.

Китай является самой процветающей страной не только в регионе ШОС, но и на глобальном уровне, и он располагает большими валютными резервами. Индустрия вооружений Китая также совершает серьезные прорывы. В частности, Пекин приступил к реорганизации своих вооруженных сил и закупке передовых систем оружия. Его истребитель-бомбардировщик JF-17 Thunders очень популярен. Следовательно, регион ШОС богат людскими ресурсами и располагает высокообразованной и технически квалифицированной рабочей силой.

Четыре из восьми стран — членов ШОС являются ядерными державами.

Краткий обзор ресурсного потенциала стран ШОС показывает, что он может быть вполне самодостаточным в обеспечении пищевой, водной, топливной и энергетической сферах. Существует также большой потенциал для увеличения продовольственной сферы, поскольку входящие в Организацию страны богаты плодородными землями и водой, а также освоили технологии водосбережения. Причем регион ШОС имеет потенциал не только для собственного обеспечения в продовольственной сфере, но и для экспорта излишков в другие страны. В частности, существует внешний спрос на фрукты и овощи, выращенные в некоторых странах.

Перспективы торговли энергоресурсами стран-членов ШОС существенны, поскольку некоторые страны имеют избыточные ресурсы, в то время как другие испытывают недостаток в них. На самом деле, самодостаточность в энергоресурсах легко достижима, а излишки могут идти на экспорт.

Некоторые страны региона ШОС богаты запасами полезных ископаемых, но у них нет опыта и технологий для их безопасной добычи, обработки и использовании при производстве промышленных товаров. В то же время, другие страны располагают передовыми технологиями добычи и обработки минералов и драгоценных камней.

Более того, геополитическая и политическая ситуация в мире выдвигает на передний план проблемы безопасности для более, чем половине стран региона ШОС. Проблемы безопасности возникают из обстановки на глобальном уровне, когда страны, обладающие военной мощью, зачастую провоцируют друг друга, даже под ложными предложениями. Лишь ядерный зонтик государств-членов ШОС может устранить опасения ряда стран Организации.

Вызовы и проблемы Шанхайской организации сотрудничества

Существует множество препятствий и трудностей для дальнейшей интеграции стран региона ШОС. Во-первых, санкции, введенные в отношении России со стороны США и Европейского союза, могут стать таким препятствием. В частности, США ввели санкции в отношении предоставления России услуг в области финансов, энергетики и оборонной промышленности. Управление по контролю за иностранными активами казначейства США ввело секторальные санкции, которые запрещают определенную деятельность с теми гражданами РФ, которые внесены в соответствующие списки. Существенно расширились в отношении РФ и санкции ЕС, которые включают в себя запреты на поездки в европейские государства и замораживание активов, ограничение доступа к рынкам капитала и кредитам, товарам и технологиям двойного назначения. И они распространены на оборонно-промышленный комплекс РФ и ее нефтяную промышленность.

Во-вторых, Киргизия стала первой страной в регионе ШОС, которая в июне 2014 года запретила экспорт и импорт генетически модифицированных продуктов. В апреле 2016 года аналогичный запрет был введен и на территории Российской Федерации. Таджикистан также запретил использование таких продуктов, ГМО, в ближайшее время к этому собираются присоединиться в Узбекистане. Однако Китай, Индия, Пакистан и Казахстан позволяют производить и импортировать генетически модифицированные продукты. В частности, правительство Пакистана не приняло Закон о маркировке для разграничения органических, гибридных и других культур. В этом случае, даже если указанные страны будут производить излишнее количество продукции, потребители четырех стран — членов ШОС, в которых запретили генетически модифицированные продукты, заботясь о своем здоровье, будут избегать потребления этой продукции из других государств Организации.

Фитосанитарные стандарты в России высоки, но в некоторых странах-членах ШОС они смягчены. Смешивание генетически модифицированных продуктов, гибридных и органических культур и соблюдение высоких фитосанитарных стандартов происходит в некоторых странах, но смягчение стандартов в других странах означает, что торговля в сельском хозяйстве не будет значительно расширяться в регионе ШОС.

Политические рекомендации

Следующие рекомендации в области политики могут отвечать угрозам и вызовам, стоящим перед ШОС, и способствовать большей интеграции на пространстве Организации.

В отношении санкций мы должны разработать стратегию о том, как обойти санкции, наложенные на Россию со стороны США и ЕС, поскольку они стали препятствием для укрепления отношений в регионе ШОС. Создание и выход на рынок новых компаний, руководители которых не попали в соответствующие списки Управления по контролю за иностранными активами казначейства США, может стать выходом из сложившихся обстоятельств. Необходимо изучить, как Российская Федерация решает эту проблему с другими странами в области экономической деятельности. Та же стратегия может быть применена в регионе ШОС.

Бартерная торговля или торговля в местной валюте станут выходом из многих проблем, включая дефицит валюты. Так, Исламская Республика Иран и Российская Федерация успешно развивают свои экономические отношения с использованием бартера. Другие страны ШОС могут также использовать бартер или торговать в местных валютах для решения этой проблемы.

Единая сельскохозяйственная политика. Рост торговли сельскохозяйственной продукцией в регионе будет зависеть от экспорта, произведенного в стране, которая соответствует санитарным и фитосанитарным стандартам, установленным другими

странами ШОС. Странам Организации придется принять Картахенские протоколы по оценке рисков и биоразнообразию и принять Закон о маркировке органической, гибридной и другой продукции. Правительствам следует придерживаться политики, проводимой Россией, Киргизией и Таджикистаном по запрещению генетически модифицированных продуктов. А странам региона ШОС следует попытаться сделать свою территорию свободной от таких продуктов и привести свои фитосанитарные стандарты в соответствие с политикой ведущей страны в этом направлении (Россией). Это сделает регион ШОС полностью самодостаточным в отношении органической продукции.

Конфликт и урегулирование споров. Разрешение конфликтов принесет мир, освободит ресурсы для развития, поможет в экономической интеграции и принесет процветание региону. Российская Федерация сыграла позитивную роль в разрешении конфликтов в прошлом. Президент Владимир Путин стал мировым лидером, который может возглавить инициативы по разрешению споров и ограничить роль внешних региональных держав в делах региона. Эти усилия могут быть реализованы при содействии других региональных держав, такими как Китай. Создание центра урегулирования конфликтов и споров в регионе ШОС принесет большие плоды в регион и за его пределами.

Б.А. ХЕЙФЕЦ,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ,
доктор экономических наук
(Россия)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА И ТРАНСРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Трансрегионализация – новый тренд развития глобальной экономики

Отличительной особенностью развития глобальной экономики последних десятилетий стало развитие двух определяющих тенденций — глобализации и регионализации. При этом глобализационные процессы доминировали — в первую очередь благодаря мощному развитию финансовой глобализации.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008—2009 годов принципиально изменил картину мировой экономики. Произошло серьезное замедление процессов глобализации, активизировались процессы регионализации, которые охватывают отдельные группы стран, стремящихся к более тесному экономическому взаимодействию путем создания дополнительных институциональных предпосылок.

Правила ВТО не только не препятствуют образованию преференциальных торговых союзов, но и утверждают желательность расширения свободы торговли посредством заключения добровольных соглашений о более тесном объединении стран — участниц подобных соглашений. Однако эти правила формулируют жесткое условие: создание таможенного союза или зоны свободной торговли не должно вести к ухудшению условий торговли участников таких союзов и других членов ВТО¹⁰².

Подавляющее большинство региональных торговых соглашений (РТС) было заключено в последние 25 лет (см. рис. 1). На декабрь 2017 года было зарегистрировано 669 РТС. Правда, в силу вступили лишь 455 РТС, из которых к 2009–2017 годам относится 203 соглашения (45% всех РТС).

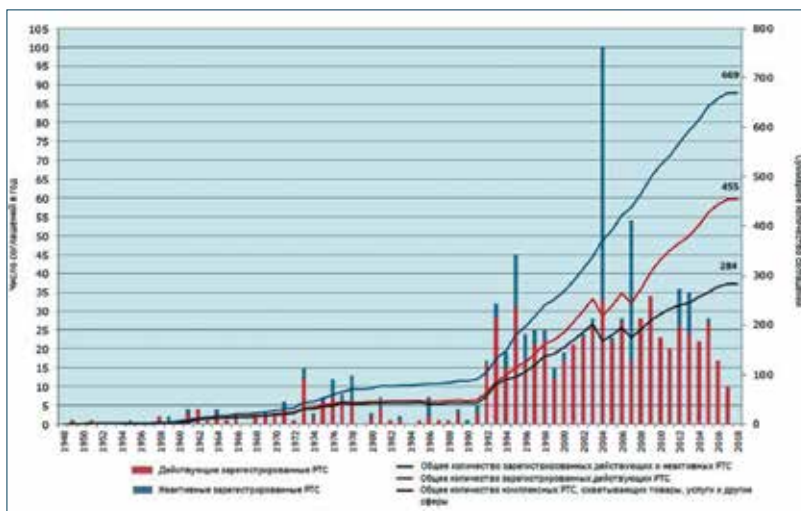

Рис. 1. Увеличение числа РТС в мире в 1948—2017 годах¹⁰³

Новой тенденцией глобальной экономики стало формирование крупных экономических мегапартнерств, в рамках которых объединяются государства, расположенные на разных континентах, то есть имеющих трансрегиональный характер. Ряд таких соглашений уже был подписан: 12 странами (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония) – Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) и ЕС и Канадой – Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (ВЭТС). Если ВЭТС ЕС-Канада уже вступило в законную силу, выход из ТТП самого крупного участника – США сделал невозможным такое развитие событий для уже заключенного ТТП. В то же время остальные 11 участников ТТП решили реанимировать это соглашение, изменив его название на «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства» (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership – СРТТП).

ВЭТС ЕС – Канада стало усовершенствованным форматом сотрудничества Евросоюза с третьими странами в форме соглашений о глубокой и всесторонней ЗСТ (Deep and Comprehensive Free Trade Area), которые являются отличительным признаком новых экономических мегапартнерств. Следует отметить, что еще в 2010 году было заключено Соглашение о свободной торговле между ЕС и Южной Кореей, которое было временно применено с июля 2011 года, а официально ратифицировано всеми государствами Евросоюза в декабре 2015 года. Хотя в этом соглашении были сделаны определенные шаги по сравнению с предыдущими соглашения об отмене торговых барьеров, оно явилось только «пробным шагом» более продвинутых соглашений о ЗСТ, первым из которых стало ВЭТС ЕС – Канада. В декабре 2015 года было подписано соглашение о ЗСТ ЕС с Вьетнамом, а в декабре 2017 года ЕС с Японией успешно завершили переговоры о создании экономического партнерства. В стадии завершения находятся переговоры о ЗСТ с МЕРКОСУР (Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой и Уругваем). ЕС собирается заключить подобные соглашения с Китаем, Мексикой, Колумбией, Перу, Ганой, Грузией, Молдавией, Украиной, со странами Сообщества развития стран Южной Африки и с участниками Средиземноморской арабской ЗСТ (Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом).

В стадии завершения находятся переговоры по Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП) между 10 странами АСЕАН и Китаем, Японией, Индией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией. Возобновились прерванные переговоры ЕС и США по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТАТИП), которое может стать крупнейшим экономическим мегапартнерством. При этом подписание ВЭТС ЕС – Канада повышает вероятность заключения подобного соглашения, имеющего, помимо экономического, огромное геополитическое значение.

За счет взаимного пересечения (вхождения в разные союзы одних и тем же стран) доля отдельных мегапартнерств в мировом ВВП (по номинальному валютному курсу) составляет 30–45%, в мировой торговле – 20–35%, в накопленных ПИИ – 20–40%. Это огромные части глобальной экономики.

Развитие трансрегионального взаимодействия позволяет говорить о появлении нового явления в мировой экономике – трансрегионализма, который отличается от традиционного межгосударственного регионализма. Его приоритетом является в первую очередь общность экономических интересов, а не территориальная близость и наличие общих границ. Именно согласованные экономические интересы и соответствующие межгосударственные договоренности определяют эффективность такого взаимодействия, тогда как экономическая роль географического соседства в условиях развития новых видов транспортных сетей и других коммуникаций отходит на второй план.

Понятие экономического мегапартнерства

В данной связи целесообразно остановиться на понимании самого термина «экономическое партнерство» как новой перспективной формы межгосударственных альянсов. Дело в том, что в русском языке термин межгосударственное партнерство имеет широкое толкование. Они используются фактически как синоним сотрудничества более тесного и доверительного характера и распространяющегося на разные направления такого взаимодействия, включая экономику, политику, общество, культуру и т.п. Достаточно распространен термин «стратегическое партнерство», который

обычно применяется для обозначения более высокой стадии отношений государств или их союз. Подобное понимание партнерства позволяет часто использовать этот термин в дипломатических документах, а также для обозначения масштабных будущих проектов. Хотя фактически оно ничего не говорит о реальных намерениях, и ни к чему не обязывает участвующие в партнерстве государства. Этой позиции придерживаются и многие ученые, которые считают возможным использовать термин «партнерство» для обозначения межгосударственных крупных проектов сотрудничества. Однако, по моему мнению, термин экономическое мегапартнерство в современном понимании характеризует новый тип интеграционных объединений, отличных от традиционных интеграционных региональных союзов.

Исходя из классической пятистадийной теории экономической интеграции Б. Балаши экономические партнерства можно отнести к первой интеграционной стадии – ЗСТ с элементами третьей стадии, подразумевающей создание регулируемых по общим правилам зон свободного движения товаров, услуг, отчасти капиталов, в первую очередь инвестиций¹⁰⁴. Партнерства не предполагают создания таможенных союзов (вторая стадия), т.е. проведения единой таможенной политики по отношению к третьим странам. Таким образом, для третьих стран теоретически остаются возможности устанавливать отношения разного уровня и в различных форматах с отдельными участниками партнерств.

Новые экономические мегапартнерства не предусматривают образования валютных союзов с их строгими правилами и ограничениями в макроэкономической и валютно-финансовой сфере. В расчетах будут использоваться разные валюты, прежде всего эмитируемые самыми мощными в экономическом отношении игроками (доллар, евро; в партнерствах с участием Китая все более прочные позиции завоевывает юань и другие национальные валюты).

В случае создания экономических мегапартнерств также не идет речи о формировании надгосударственных органов, т.е. они не требуют создания мощного бюрократического аппарата, не позволяющего чутко реагировать на постоянно возникающие вызовы мирового развития. Фактически единственными межгосударственными институтами, регулирующими деятельность экономических партнерств, являются соответствующие межгосударственные соглашения о создании таких партнерств.

Отсутствие необходимости делегировать элементы своего суверенитета на наднациональный уровень и жестких требований по унификации макроэкономической и валютно-финансовой политики делает новые мегапартнерства более устойчивыми элементами новой модели глобального экономического пространства по сравнению с традиционными региональными интеграционными объединениями. У последних наблюдается усиление противоречий и нарастание дезинтеграционных тенденций именно в связи с необходимостью выполнения некоторых навязываемых наднациональных решений¹⁰⁵.

Проект Большая Евразия

Задача создания в рамках Большой Евразии современного экономического мегапартнерства, о понимании которых говорилось выше, представляется малореалистичной. То, что кажется хорошим для политиков и пропагандистов, для объективного экономического анализа не подходит.

Собственно говоря, термин партнерство применительно к Большой Евразии прикрипился позже, чем появилась сама идея. Впервые о Большой Евразии заявил в 2016 году В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме, назвав это проектом «Большая Евразия», который открыт для всех: как для Китая, так и для ЕС. Хотя эта идея коррелировала с тенденцией к трансрегионализации и рассматривалась как альтернатива новым экономическим мегапартнерствам. Как отмечал В.В. Путин, мир меняется, идет технологическая революция, и нужно не создавать замкнутые пространства, а, наоборот – встречать ее вместе¹⁰⁶.

Большая Евразия охватывает несколько региональных альянсов и региональных объединений, которые характеризуются разным уровнем развития и разной степенью вовлеченности в глобальную экономику. Действительно, какая интеграция может быть между такими союзами как ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, ШОС и т.п.

Важным фактором, который нельзя не учитывать при реализации проекта является то, что на пространстве Большой Евразии существует немало привлекательных альтер-

натив, прежде всего в виде новых мегапартнерств и старых региональных интеграционных альянсов. Они создают естественную конкуренцию для развития каждого нового экономического объединения. Лозунг «интеграция интеграций» крайне привлекателен с политической точки зрения, но сложно реализуем на практике.

Действительно, ЕС, как отмечалось выше, стремится создавать всеобъемлющие и глубокие экономические партнерства по всему миру, которые снимают практически все барьеры на пути межгосударственного движения товаров, услуг, капиталов. Например, соглашение об экономическом партнерстве ЕС и Японии предусматривает устранение тарифы на более чем 90% экспорта из ЕС в Японию, а в перспективе это коснется уже 97% импортных европейских товаров. Соглашение позволит европейским производителям освободиться от значительного количества таможенных пошлин и платежей, ежегодно достигающих 1 млрд евро. Это соглашение коснется 600 тыс. работников в ЕС и 74 тыс. компаний, связанных с экспортом в Японию, а также 550 тыс. работников японских компаний в Евросоюзе¹⁰⁷. Указанное соглашение устранит также многие нетарифные меры в торговле, что очень важно, так как японские технические стандарты, а также фитосанитарные нормы создают дополнительные препятствия для европейских компаний.

Не менее активен в этом отношении Китай. Он является основным драйвером проекта РВЭП, в котором участвуют 16 государств и где либерализация должна коснуться 90–92% импортных пошлин.

Китай уже дважды предлагал сформировать ЗСТ с ШОС. Последний раз такое предложение прозвучало в декабре 2015 года в выступлении премьера Госсовета КНР Ли Кэцян на расширенном заседании Совета глав правительств государств-членов этой организации¹⁰⁸. Помимо экономических проблем в ШОС имеются серьезные противоречия политического характера, например, касающиеся взаимоотношений Индии и Пакистана.

Первоначально предполагалось, что идея сопряжения проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь», выдвинутая еще в мае 2015 года, будет реализовываться путем создания ЗСТ. Однако создание такой зоны столкнулось с серьезными трудностями, что значительно затянуло реализацию этого проекта. Вероятно, это будет не ЗСТ, а Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение, которое будет распространяться на ограниченный круг отраслей и товаров.

Как отмечают некоторые эксперты, трансформация российских подходов в сторону всей «неевропейской» части Евразии, включая Средний Восток и Южную Азию, вызывает определенные сомнения. Этот проект довольно аморфный, есть определенный скептицизм относительно совместимости экономик и политических целей государств, расположенных на огромном массиве Евразии. Объединить их в одну структуру крайне сложно¹⁰⁹.

Поэтому ряд экспертов считает, что не надо ставить перед Большой Евразией серьезных экономических задач. Т. Бордачев пишет, что политическая идея Большой Евразии может в перспективе трансформироваться в появление некоего международного сообщества, отношения между участниками которого будут теснее и доверительнее, чем их отношения с другими странами. Но сначала необходимо не допустить формирования в Большой Евразии новой многополярности с соперничающими или даже просто конкурирующими центрами силы¹¹⁰.

Альтернативное партнерство

Однако, по моему мнению, Большая Евразия может стать экономическим мегапартнерством, но особого типа. Я бы назвал его гибридным (смешанным) мегапартнерством. Оно предполагает различные пути развития интеграционных процессов без формирования общих правил для всего макрорегиона.

В частности, можно отметить следующие направления трансрегионализации в рамках Большой Евразии:

- 1) развитие общей транспортной инфраструктуры;
- 2) реализация других инвестиционных проектов в экономике, представляющих общий интерес;
- 3) снятие административных барьеров и более глубокая либерализация торгового и инвестиционного сотрудничества, в том числе путем создания двусторонних и многосторонних ЗСТ и зон свободных инвестиций;

4) создание совместных финансовых институтов и т.п.

Некоторые из этих направлений уже реализуются на практике или намечаются государствами мегарегиона.

Многое в становлении Большого евразийского партнерства будет зависеть от взаимодействия ЕАЭС и Китая. Дело в том, что Китай не только выступает серьезной объединительной силой в азиатском регионе, но и активно стремится расширить свое политическое и экономическое влияние в Европе. При этом экономическое доминирование Китая быстро усиливается в постсоветских государствах Центральной Азии. Здесь большое значение будет иметь не только заключение и реализация масштабного торгово-экономического соглашения между ЕАЭС, о котором говорилось выше, но и умное и активное подключение к проекту «Один пояс, один путь».

Собственно говоря, предложенная выше схема трансрегионализации Большой Евразии во многом повторяется в китайском проекте «Один пояс, один путь». Однако в отличие от проекта Большой Евразии «Один пояс, один путь» имеет серьезную финансовую подпитку, прежде всего в виде Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Этот проект уже поддержали почти 60 стран и международных организаций¹¹¹.

Кроме того, для развития трансрегиональных интеграционных процессов в Большой Евразии большое значение имело бы стимулирование неформальной интеграции «снизу» в самых различных областях — торговля, связь, туризм, образование и т.п. На современном этапе именно эти связи становятся отличительной характеристикой нового этапа экономической глобализации.

Интеграции «снизу» не требует межгосударственного согласования, создания специальных надгосударственных институтов. Она основывается на экономических интересах, на инициативе отдельных акторов рынка и на неформальных связях, часто сетевого характера. Неформальная интеграция не предполагает определенной последовательности развития интеграционных процессов.

Уже сейчас наблюдается значительное усиление неформальной глобализации «снизу», драйвером которой выступает потребительская глобализация. В свою очередь материально-технической базой для глобализации потребления выступает Интернет и цифровизация. Если в 1995 году было 15 млн пользователей Интернет (0,39% всех жителей Земли), в 2007 году — 1,15 млрд (17,2%), то к июлю 2017 года насчитывалось 3,89 млрд пользователей (51,7%)¹¹².

Цифровизация создает специфические цепочки поставок во всех секторах глобальной экономики, которые с минимальными издержками преодолевают трансграничные барьеры. Например, в конце 2015 года у цифровых платформ Facebook, YouTube WhatsApp, WeChat число активных пользователей в месяц было выше 500 млн чел.

В настоящее время по каналам Интернет осуществляется до 12% международной торговли товарами и около 50% — торговли услугами. На платформе Facebook размещали информацию 50 млн мелких и средних предприятий (в 2013 году было 25 млн, то есть прирост за два года составил 100%), при этом 30% их потенциальных потребителей находятся за рубежом¹¹³.

Как заявил президент Alibaba Group Майкл Эванс, в ближайшие 50–60 лет возникнет 60 млн предприятий малого и среднего бизнеса, которые будут работать через Интернет, и лидирующее место в мировой торговле перейдет к ним. По его словам, на смену этикеткам «Сделано в Китае» (России, Индии или США) придет этикетка «Сделано в Интернет»¹¹⁴.

О развитии международных связей «снизу» свидетельствуют следующие данные. В 2016 году международные поездки совершили 1,2 трлн чел., 361 млн чел. сделали покупки за рубежом по каналам Интернет-торговли, 244 млн чел. жили в странах, гражданами которых они не являются, число пользователей социальных сетей, у которых был, по крайней мере, один иностранный «друг» составило 914 млн чел., 44 млн чел. работали on-line за рубежом, 13 млн студентов обучалось on-line и 5 млн непосредственно в зарубежных университетах¹¹⁵.

Именно развитие подобных неформальных потребительских связей станет основой для дальнейшего прогресса трансрегионализации Большой Евразии.

Ж.С. БАЙГУТТИЕВ,
советник Совета директоров
ЗАО Акционерный коммерческий банк
«Толубай»
(Киргизия)

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен...*

А.С. Пушкин

События последних лет, а это, прежде всего, перманентные санкции против России, начавшаяся (и пока не получившая продолжение) торговая война с Китаем, все больше убеждает, что Запад, раздосадованный перспективой потери глобального лидерства, всеми возможными способами препятствует процессам становления многополярного мира. Надежды Запада на пятую колонну и на, так называемую, «мягкую силу» тают на глазах и в ход все чаще идут прямые угрозы. В обиходе не только пропаганда и обличение, но и откровенная дезинформация мировой общественности, последующее смещение власти в отдельных странах под «соусом» демократизации, порабощение на современный лад посредством установления финансового контроля над национальными центральными банками (контроль за эмиссией) и контроль за логистикой (транспортными артериями). Примененные к России санкции вкупе с сумасбродством Д. Трампа постепенно размывают принципы деятельности ВТО, и все больше возвращают стороны к блоковому мышлению времен холодной войны.

Затянувшийся на долгие годы Дохийский раунд переговоров, проводившейся в рамках Всемирной торговой организации с 2001 года, подчеркивает растущую линию разлома между развитыми и развивающимися странами. Мировые державы вкупе с региональными лидерами последовательны в своем желании доминировать на большем чем ранее пространстве, обеспечивая для себя преференциальный режим торговли на доминируемой площади и, прежде всего, с сопредельными странами. В условиях экспоненциально растущей непредсказуемости, отсутствия четких ориентиров и надвигающегося неизбежно хаоса, каждая плывущая по течению страна, не желая вовлечения в конфликты, ищет спокойную для себя гавань.

В этом случае не столь явное обременение в виде союзных обязательств отходит, как правило, на второй план. Отбросив возможные обиды, зададимся вопросом — почему же такое происходит раз за разом? Причин, как водится, много. Остановимся на каждой из них отдельно.

1) **Разность потенциалов и интересов.** У стран, плывущих по течению, не формируются правила игры, зачастую мало общего по интересам со странами, доминирующими на мировой арене. Интересы же последних выходят далеко за пределы того или иного союза, членами которого они состоят.

2) **Инстинкт самосохранения.** Понимая, что основным принципом международного права во все времена является сила — да прибудет с нами сила — малые по интересам страны, ведомые инстинктами самосохранения, решают повседневные задачи собственного развития собственными же силами, которых, к сожалению, немного. Способности же элит для достижения поставленных целей соразмерны силе. И пока лишённые инстинкта самосохранения мировые державы бряцают оружием — массовым и не очень — им приходится решать проблемы в условиях недостатка ка-

питала как такового, к тому же всячески уворачиваясь от удушения международными финансовыми институтами.

3) **Несоответствие элит поставленным задачам.** Ответственная (национально-ориентированная) элита, как плодородный слой, призвана вести за собой страну к свершениям, в числе которых: растущий уровень жизни, адекватный территориальным возможностям рост населения, внутренняя и внешняя безопасность, светлые перспективы, связанные с переходом к новому технологическому укладу. В самодостаточных экономиках с большой емкостью рынка такие элиты имеют место и в порядке приоритетности решают задачу развития и последующего доминирования в регионе и на мировой арене. У малых по емкости рынка стран, элиты подвержены влияниям извне и едва справляются с возложенной на них ролью.

Когда-то в условиях холодной войны, когда мир был разделен на два противоборствующих лагеря, сопоставимость сил делала бессмысленным любой конфликт. И союзники тех времен, за редкими исключениями, были верны своим обязательствам. Возможно ли такое ныне и при каких условиях? Несмотря на некоторую дискуссионность вопроса, изложу свою версию ответа.

Во-первых, любая нация хочет сохранить себя как этнос и состояться как государство. Небольшой этнос этого жаждет несоизмеримо больше. Стремление поглотить либо манипулировать малыми странами станет причиной растущего недоверия. Как тут не вспомнить ленинское «право наций на самоопределение».

Во-вторых, малое (по интересам, размерам, территории, ресурсов, емкости рынка) государство надеется на режим благоприятствования в экономических отношениях со страной-лидером (или странами).

В-третьих, от страны лидера, союзника ждут твердых гарантий безопасности от угроз извне. Кроме того, важна помощь по организации сил самообороны — собственной армии.

В-четвертых, страна-лидер должна быть не только лидером в союзе, но и демонстрировать такие темпы роста экономики, которые станут локомотивом для всех членов союза. Очевидно, что все хотят быть вместе с победителем, неотвратимо шествующим ввысь. Страна-победитель — это страна, у которой передовое все: экономика, здравоохранение, социальные гарантии, образование, наука, армия и прочее. В связи с этим памятные слова президента США Джона Ф. Кеннеди: «Мы проиграли космос русским за школьной партой».

Полагаю, именно при выполнении четырех вышеизложенных условий союзы будут крепки и долговечны. Если же говорить на примере ЕАЭС, то роль России — основополагающая. И все же, при столь очевидном лидерстве, заведомо путеводной и безоглядно притягательной для нас, она еще не стала. Да, мы во многом полагаемся на Россию, прежде всего, в вопросах безопасности, изучаем ее опыт, но видим, что, несмотря на большие и в целом последовательные шаги по суверенизации экономической политики, отдельные направления находятся под несомненным влиянием западной матрицы, причем не лучшей версии.

Как политик, возможно, я не имею права указывать на те или иные несовершенства экономической (социальной) модели России, но как исследователь, считаю обязанным высказать свою точку зрения. Тем более, что Россия потенциально способна (и есть) быть отдельной от западных стран системой координат, иной полярностью, как это не раз было в истории.

Остается невысокой роль науки, за исключением связанной с ОПК. И дело не только в размере финансирования 1,1% от ВВП (948 млрд руб. в 2016 году, майские указы 2018 года Президента РФ потребовали доведения финансирования науки до 1,8%, но во времена СССР на нее тратили 5%), а, прежде всего, в недостаточных механизмах по реализации смычки «заказчик — исполнитель». Такое отношение к науке не может радовать, тем более нашу страну — Кыргызстан, наука которой, по сути, появилась в советское время и при масштабном участии России. Можно ли в таком случае догнать и обогнать США или Китай, которые тратят на науку 502 млрд долл. и 408 млрд долл. соответственно? С учетом нелинейного подхода и имеющихся традиций задача для России более чем подъемная. Трудности Россию только закаляют.

Другой важной на наш взгляд задачей является дальнейшая суверенизация финансовой системы России. Если кратко, а это не задача данного доклада, необходимо заново овладеть искусством эмитировать собственную валюту для развития экономики и ее потребностей. Собственно, для спасения крупных банков без риска разогнать

инфляцию и снизить покупательную способность рубля Центральный банк России это делает. А ведь речь может идти о масштабных экономических проектах. И надеюсь не только в России, но и в союзных ей странах.

Ну и следующей задачей являются социальные гарантии для жителей России. Понятно, что уже были майские указы Президента РФ, и, понятно, после инаугурации будут еще, для реализации которых потребуются ресурсы. И вот тут уместны рекомендации Тома Пикетти, пусть и в умеренных дозах. По Т. Пикетти рост капиталов существенно опережает рост экономический. Не облагая капитал, есть смысл отказаться от плоской шкалы налогообложения, которая выполнила свою миссию. Назрел дрейф в пользу прогрессирующей шкалы обложения доходов физических лиц.

Таким образом, Россия, как государство с высокими социальными стандартами и растущей на дрожжах экономикой (и емкостью рынка), будет по-настоящему привлекательна не только для постсоветских стран. Но именно постсоветские страны первыми почувствуют преимущество такого союза.

И по-новому зазвучит Forward to the USSR...

П.В. СВОИК,
заместитель председателя
Общенациональной
социал-демократической партии «Азат»,
кандидат технических наук
(Казахстан)

ЕАЭС ВНУТРИ ШОС: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ, ВЗГЛЯД ИЗ КАЗАХСТАНА

Шанхайская Организация сотрудничества создавалась во времена неоспоримой однопольной глобализации, однако вся ее деятельность и развитие проходят в контексте столь же неоспоримо начавшейся глобальной фрагментации, существенным участником-катализатором чего она же и выступает. По существу, ШОС — это транзитное объединение потенциальных бенефициаров будущего многополярного мироустройства, чего они активно (Россия) добиваются, стратегически (Китай) планируют, либо готовятся к такому будущему с большим или меньшим желанием и опаской.

Из чего и вытекают основные вызовы и угрозы для ШОС как таковой и для ее участников.

Что касается выгод, то на нынешнем этапе укреплению взаимодействия и расширению состава участников способствует организация внутри ШОС аналогов-заменителей ВТО и Всемирного банка, а также уже и МВФ. Это помогает коллективному преодолению сопротивления со стороны выгодополучателей однопольной глобализации и снижению риска адресных санкций.

Однако транзитный характер нынешнего мироустройства определяет и переходную судьбу ШОС — по мере оформления монетарной, экономической, технологической и культурно-информационной многополярности Шанхайская организация сотрудничества, по всей видимости, сохранится, но в переоформленном качестве после согласования все более расходящихся интересов глобальных игроков.

Собственно говоря, интересы расходятся уже и сейчас. Так, Индия перехватила лидерство у Китая по темпам экономического роста, зато Китай — единственный не только в ШОС, но и во всем мире — имеет глобального значения проект «Один пояс — один путь», и способность его инвестировать. В чем — в способности планировать и осуществлять национальное инвестирование — явно отстает Евразийский экономический союз в целом, как и все его участники.

Тем не менее, именно Россия является фактическим лидером ШОС — в том смысле, что она, вступив в недвусмысленную политическую оппозицию США, объективно актуализирует тот самый переход из однопольного мироустройства в многополярное, потенциальными бенефициарами которого являются остальные члены Шанхайской организации сотрудничества.

Решающе важно, что в противостоянии Россия — США обе стороны объективно лишены возможности отступления. Применяемые США санкционные механизмы для достижения главной цели — смены режима президента Владимира Путина, фактически подрывают институты той самой свободной глобальной торговли, которая и сделала Штаты мировым экономическим лидером. Тем более это касается финансов: поскольку валюта США приобрела глобальный характер, постольку Соединенные Штаты имеют возможность блокировать транзакции ВПК и нефтегазовых компаний России в банках почти всего мира. Но ровно в силу тех же причин «вычленение» России из мировой платежной системы разрушает универсальность и целостность такой системы. Финаль-

ным ударом может стать замораживание уже государственных активов РФ в западных банках, но обратная отдача вполне может стать сильнее, нежели удар по цели.

Так и для России: все те санкционные меры, которые ее не убьют, сделают сильнее и ее экономику, и политическую систему. Несомненно, что нынешнее обострение холодной войны сменится новой разрядкой — но не раньше того (еще не близкого) времени, когда США придется признать неосуществимость их планов по смене режима. Причем Россия на таких новых переговорах будет выступать с более сильных, нежели сейчас, позиций, а США — отойдут еще дальше от роли мирового гегемона.

В таком контексте чрезвычайно важна роль евразийской интеграции, причем она обоюдно важна для России, Казахстана и для других участников. Это так, поскольку только в постсоветской кооперации возможно выдержать внешнее давление и обеспечить совместное развитие. Прежде всего, важно позаботиться о собственной — внутри Евразийского экономического союза — самодостаточности таких определяющих реальный суверенитет институтов, как монетарно-инвестиционный и научно-образовательный.

Надо понимать, что состоявшаяся уже трансформация страновых экономических и политических элит в наднациональные имеет необратимый характер, с той только разницей, что ориентация на глобальный капитал и транснациональные компании будет перенацелена на такие же наднациональные интересы внутри сформировавшихся страновых блоков. Соответственно, многополярное мироустройство будет напоминать уже завоевавшую мировую известность русскую «матрешку» — с пока еще не определенным местом России и, шире, всех постсоветских государств, внутри нее. Ныне ШОС играет роль как бы внешней оболочки, и относительное единство этой организации пока еще обеспечивается именно тем, что она создана вне воли и участия остающихся единственным мировым гегемоном Соединенных Штатов. Однако заведомо понятно, что по мере формирования новой многополярности, ШОС тоже будет расползаться по своим географическим, историческим и цивилизационным швам. Невозможно ведь представить в одном цивилизационном, а, значит, экономическом и геополитическом блоке, Китай и, например, Индию. Или Индию и Пакистан. Да и партнерство России с Китаем по определению не может перерасти в естественный цивилизационный союз. Поэтому то, как в самом уже недалеком будущем станут соотноситься Китай и Россия, кто кого более включит внутрь своих торговых, монетарных и инвестиционных интересов, как распределятся постсоветские республики — пока под вопросом.

Для России, непосредственно находящейся под все более ужесточающимися санкциями, вопрос ухода от внешней монетарной и инвестиционной зависимости встает буквально ребром. Да, замена либеральной команды, например, после президентских перевыборов будет означать объявление прямой финансовой и экономической войны США и их европейским союзникам. Но эта война, собственно, все равно уже ведется и перспективы все равно только на ужесточение.

И в этом смысле определяющей является перспектива как раз Евразийского экономического союза. С самого начала образования еще Таможенного союза, он, как недвусмысленно политический проект, вызвал сильнейшее внешнее, и не только, сопротивление. Киевский майдан, Крым, ДНР — ЛНР, санкции и контрэмбарго — его прямые производные. Однако и по сию пору ЕАЭС — как бы только торговый союз, без механизмов совместного внутреннего развития. Россия, до сих пор зависимая от внешнего инвестирования и кредитования, осуществляет в «ручном режиме» лишь целевую поддержку попавших под санкции «оборонки» и сельского хозяйства. И, не имея собственной инвестиционной политики, она не может предложить планов совместного развития и своим партнерам.

Характерный пример, прямо с этого Форума: российские специалисты, докладывая об ориентации стратегических газовых поставок на Китай, перспективная потребность которого существенно превышает европейскую, подробно анализировали только две схемы поиска инвестиций в строительство газопроводов: если это не США с ЕС, то — Китай. О возможности и необходимости создания национальной стратегической экспортной газовой инфраструктуры за счет национального же финансирования речи вообще как-то не ведется. И подобная инвестиционная «Китае-центричность» ШОС грозит нашим странам так и остаться в периферийном — сырьевом и монетарном — положении, только уже относительно не Евросоюза, а Китая. Точнее — грозит «раздвоением» нынешнего периферийного положения сразу и в европейском, и в китайском метропольных направлениях.

Что же касается нынешней официальной цели деятельности ЕАЭС — взаимной торговли, то она не составляет определяющий интерес на постсоветском пространстве. После развала СССР практически все республики (начиная с России) так переориентировали свои внешнеэкономические связи, что ни для одной из них евразийское направление не является главным. Для Казахстана, например, торговля с Россией, замыкаемая с многомиллиардным дефицитом, вообще является одним из главных обременений внешнего платежного баланса.

В результате все «подвешено» в состоянии ожидания. Так, экономика Казахстана формально развивается и даже неплохими темпами — 4% за 2017 год (не мудрено: стоимость нефти за этот год выросла на 30%). Но, если в долларах, то в закончившемся году мы имеем всего 148 млрд, против 237 млрд в 2013 году. Ключевые для нашей сугубо внешне-ориентированной экономики показатели экспорта и импорта находятся сейчас на уровне докризисного 2006 года, при том, что внутренняя экономика с той поры существенно (товарооборот, уровень жизни, да и просто численность населения) «разбухла». Устойчивость поддерживается фактически за счет перевода (в том же 2013 году) Национального фонда из накопительного в расходный режим. В лучшем случае, его запасов в таком темпе хватило бы еще на пять-семь лет, но замораживание 40% все средств по иску молдавского бизнесмена, с очевидно политической подоплекой, показывает, что времена «многовекторности» заканчиваются.

Потенциала для самостоятельного выхода из исчерпывающейся экспортно-сырьевой и монетарно-зависимой модели Казахстан не имеет, хотя, несомненно, встроится — если вектор такого выхода будет задан Россией. В случае же затягивания двойственного положения — политическое противостояние с США-ЕС при сохранении внешне-монетарной зависимости в самой России — ситуация в ней будет усугубляться возможными негативными сценариями по периметру ЕАЭС.

Так, в Казахстане, помимо отсутствия собственно экономического развития и умножения социальных проблем, мы могли бы выделить такой сдвоенный и опасный для евразийской интеграции фактор, как формирование политической и бизнес-элит по моноэтническому принципу и отсутствие институтов преемственности во власти. На сегодня на важных государственных постах республиканского и регионального уровня фактически не осталось ни одного не казаха, местные органы и аппарат имеют тот же уклон. При этом сами эти властные институты вторичны относительно сложившейся вокруг бессменного президента неформальной иерархии власти-собственности.

Состоявшаяся этнократическая конструкция, понимая опасность для себя открытых конкурентных выборов, ищет иные пути своего закрепления и продолжения. Объективно вынужденно используя при этом много-векторную риторику, а подчас и действия. С одной стороны, подчеркивается важность русского языка и движение от этнического к гражданскому принципу формирования нации. С другой — предпринимается целенаправленная «модернизация сознания», достаточно ясно направленная на утверждение казахских национальных ценностей и дистанцирование от «русского мира». Таков, прежде всего, перевод государственного языка с кириллицы на латиницу.

Стоит напомнить, что при всем своем несменяемом в течение трех десятков лет правлении, президент Назарбаев практически не имел периодов, когда бы ему не приходилось отражать попытки лишения его власти со стороны «демократической оппозиции», в лице высокопоставленных представителей его же режима. Так, в оппозицию главе государства последовательно переходили председатель Верховного Совета, затем премьер-министр, потом целая группа членов правительства и ведущих банкиров, затем опять председатель Мажилиса. И это, не считая почти непрерывной цепочки уголовных преследований членов и руководителей высших государственных органов.

В результате такой фактически клановой борьбы за неразделенную персональную власть более всего пострадала как раз институализация политической системы. Парламент оказался законсервирован в своем придаточном положении, политические партии — полностью управляемыми, местного самоуправления так и не появилось.

К тому же, обеспечение заранее заданного результата любых выборов привычно производится в Казахстане в самих избирательных комиссиях, более сложные электоральные технологии не развиты, например, политические ток-шоу на телевидении, как в России, вообще отсутствуют. Такая, основанная на приписках явки и голосов избирателей технология обеспечивает устойчивость власти при централизованном применении, но способна сама стать раскачивающей — в разных регионах в разные

стороны — силой при возникновении реальной конкуренции на президентских или даже парламентских выборах.

Поэтому надвигающийся персональный транзит чреват возобновлением и значительным обострением все той же кланово-олигархической борьбы. Которая, будучи даже обличенной в современные партийные и «демократические» формы, способна при определенных обстоятельствах, нарушить общую политическую и экономическую устойчивость.

Что тоже есть серьезный риск и вызов для партнеров Казахстана по ЕАЭС и ШОС.

Г.С. ПАНОВА,
заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение
и кредит» МГИМО (У) МИД РФ,
действительный член
Российской академии естественных наук,
лауреат Премии Президента Российской Федерации,
профессор,
доктор экономических наук
(Россия)

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕАЭС – ШОС

1. Постановка проблемы

Вопрос о финансовой интеграции стран – членов ЕАЭС – ШОС в современных условиях рассматривается нами исключительно как перспективное направление взаимодействия на финансовых рынках.

Для анализа современной ситуации на рынках, проводимой странами денежно-кредитной, финансовой, банковской политики целесообразно оценить необходимость и предпосылки подобного рода интеграции.

Вопрос формирования единого платежного пространства стран ЕАЭС – ШОС можно рассматривать как долгосрочную перспективу. Однако факторы взаимодействия в этой сфере наблюдаются уже сегодня.

Первым этапом в этом направлении можно считать развитие расчетов в национальных валютах стран ЕАЭС. Анализ их проведения позволил выявить ряд барьеров (см. табл. 1).

Для ответа на вопрос о возможности преодолеть существующие барьеры обратимся к современной теории и практике.

2. Дискуссия о введении единой валюты в странах ЕАЭС

Вопрос о введении единой валюты в странах ЕАЭС имеет сторонников и противников. Одна группа экономистов справедливо полагает, что Россия имеет крупнейшую экономику в ЕАЭС и исторически во всех странах, которые в настоящее время входят в состав объединения, основной валютой был советский рубль, что дает основания предлагать ввести в этих странах российский рубль в качестве национальной валюты; либо по аналогии со скандинавской моделью, национальные валюты этих стран могут следовать в его фарватере или «привязываются» к рублю (как, например, крона к евро), т.е. расчеты в этих и между этими странами осуществляются в рублях, кредиты предоставляются в рублях и т.д. Например, А.Ю. Кнобель и А.К. Миронов считают, что в последнее время на пространстве СНГ все активнее развиваются собственные интеграционные процессы, и одним из возможных и логичных вариантов дальнейшего их развития может стать создание валютного союза некоторыми странами – членами Содружества [3].

Другая группа экономистов считает, что создание единой валюты ЕАЭС – потеря времени и средств в силу серьезных различий макроэкономического плана, слабой координации денежно-кредитной политики стран-членов объединения и др. Например, по мнению О.В. Буториной, общая экономическая политика необходима, чтобы сформировать единое экономическое пространство, в рамках которого компании и население имели бы идентичные условия для хозяйственной деятельности. Для этого нужна единая денежно-кредитная политика и единая валюта. Вместе с тем, единая валюта не может существовать, если темпы инфляции и процентные ставки в странах валютного союза будут значительно отличаться. Эта проблема решается за счет прове-

дения общего экономического курса и регулирования главных макроэкономических показателей стран ЭВС [1].

Таблица 1

Основные препятствия на пути региональной интеграции

Экономика стран (национальный и наднациональный уровень)	Финансовые рынки	Сфера национального и наднационального законодательства
- Низкая диверсификация внешней торговли (товары, направления) - Асимметрия макроэкономических шоков - Небольшое количество межстрановых проектов - Высокие транзакционные издержки - Недостаточная согласованность макроэкономической политики - Офшорные схемы финансирования операций - Недостаточные мотивационные механизмы для замены действующих инструментов расчетов (доллары США и др.)	- Низкая емкость финансовых рынков (низкая ликвидность, высокие спрэды) - Отсутствие сегментов, позволяющих снизить транзакционные издержки (хеджирование, ПФИ) - Инфраструктура финансового рынка: - различия в технологиях торговых систем и бирж; - недостаточное развитие инфраструктуры финансового рынка и платежных систем в национальных валютах - Структурные диспропорции финансового сектора - Неустойчивость рынков - Волатильность? - Дополнительные расходы по сравнению с СКВ: - отвлечение средств на поддержание остатков на корсчетах; - дополнительные расходы на оплату услуг банков-контрагентов; - необходимость поиска банков-контрагентов для проведения операций; - более высокие транзакционные издержки при открытии счетов в банках-резидентах государств-членов ЕАЭС по сравнению с аналогичными процедурами в развитых странах; - недостаточность информации о возможности расчетов в национальных валютах; - невыгодные курсы конвертации национальных валют; - волатильность курсов национальных валют. - Неравномерное развитие финансовых рынков стран	Регулирование расчетов в национальных валютах - Прямые и косвенные законодательные ограничения - Неопределенность стратегии интеграции - Недостаточная скорость создания единого финансового рынка (гармонизации национальных законодательств) - Статус валют стран-участниц ЕАЭС не приоритетен по сравнению с валютами третьих стран - Различия в валютном регулировании

СЕКЦИЯ 2. ШОС И ЭКОНОМИКО-ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ.
ЭКОНОМИКА, ЭНЕРГЕТИКА, ТРАНСПОРТ И МИГРАЦИЯ

Анализ потенциальной готовности стран ЕАЭС к созданию валютного союза предполагает оценку соответствия стран основным критериям теории оптимальных валютных зон, которые определяют готовность стран к созданию валютного союза и некоторые выгоды и издержки от валютного союза.

В современных исследованиях по валютной интеграции также поднимается вопрос взаимодействия центра и периферии в валютном союзе. Этот вопрос стал особенно актуальным после усиления дисбалансов и нарастания экономических проблем в ряде периферийных стран зоны евро.

На основе теории оптимальных валютных зон А.Ю. Кнобель и А.К. Миронов провели сравнительный анализ стран СНГ по базовым критериям теории ОВЗ: асимметричность реальных шоков, асимметричность денежных шоков и инфляции, размер экономики, объем внешней торговли и денежных переводов, мобильность труда и уровень развития финансового сектора, — в результате которого было проведено ранжирование стран относительно их готовности к созданию валютного союза с Россией как со страной — якорем.

В результате анализа был сделан вывод, что валютная интеграция с Россией будет наиболее привлекательной с экономической точки зрения для Молдовы, Украины, Таджикистана, Беларуси и Казахстана, поскольку экономики этих стран во многом схожи с экономикой России, и поэтому валютный союз с ними будет сопряжен с меньшими издержками и большими выгодами. При этом отмечалось, что и в этих странах по многим показателям наблюдается разносторонняя динамика макроэкономических процессов, что повышает риски более высоких издержек в случае создания валютного союза. Таким образом, при дальнейшей интеграции с этими странами, России необходимо учитывать недостаточную конвергенцию российской экономики с экономиками стран СНГ. При достижении большей синхронизации бизнес-циклов представляется возможным снизить издержки и увеличить потенциальный выигрыш от валютной интеграции со странами СНГ, а также добиться стабильного развития валютного союза в будущем.

Согласно полученным результатам близость Беларуси с точки зрения синхронизации макроэкономических циклов осталась примерно на том же уровне, что и до середины 2000-х годов, причем мешает сближению в этом направлении существенно иная денежно-кредитная и валютная политика белорусского государства. Одновременно с этим Казахстан демонстрирует отдаление от России с точки зрения критериев оптимальной валютной зоны по сравнению с ситуацией середины 2000-х годов, что, как и в случае с Беларусью, связано, прежде всего, с отличной от российской денежно-кредитной и валютной политикой. Из всех партнеров по ЕАЭС экономика Армении остается в наименьшей степени синхронизированной с экономикой России, что в той же степени относится и к Кыргызстану [3].

3. Современная практика

Для стран ЕАЭС целью интеграционного объединения является свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между странами-членами. Естественно, что это ведет к необходимости создания единого платежного пространства с последующим внедрением системы мультивалютных операций или ускоренному переходу на платежное пространство единой валюты.

В настоящее время законодательных барьеров на территории стран-участниц для организации расчетов в национальных валютах нет. Поэтому для расширения использования национальных валют во взаимных расчетах, в первую очередь, требуется системная работа по снижению валютных рисков, повышению ликвидности валют, увеличение востребованности расчетов в национальных валютах со стороны государства и бизнеса, а также мероприятия по сокращению транзакционных издержек в операциях с национальными валютами.

В настоящее время важной задачей валютной интеграции является постепенное замещение в качестве валюты платежа доллара США и евро. Действенной мерой в этой области может стать внедрение практики использования национальной валюты платежа той страны, резидентом которой является экспортер, при осуществлении внешнеторговых операций в рамках ЕАЭС. Это обусловит необходимость заключения соглашений о валютных свопах между странами — участницами ЕАЭС, а также позволит отказаться от использования кросс-курсов национальной валюты к доллару США для установления курсов валют стран — участниц ЕАЭС.

Помимо увеличения доли расчетов внутри Евразийского экономического союза в национальных валютах, создание Интеграционного валютного рынка потребует решения ряда текущих и перспективных задач национальных экономик стран — участниц ЕАЭС, включая:

- осуществление согласованной бюджетной, в т.ч. фискальной политики;
- установление единой валютной политики по отношению к третьим странам;
- создание инфраструктуры общего платежного пространства, а также обеспечение совместимости национальных платежных систем стран — участниц ЕАЭС.

В настоящее время однозначно говорить о возможности для рубля стать международной валютой преждевременно. Для этого валюта должна быть устойчивой, а здесь главным фактором является стабильность экономики. В сложившихся условиях, когда рубль зависит от динамики рынка энергоносителей, он остается высоковолатильной валютой. В такой ситуации ее использование в международных расчетах несет повышенные риски, что отталкивает контрагентов. Негативным фактором для рубля в свете использования его для международных расчетов выступает также наличие санкционного давления на Россию. Поэтому в ближайшие 5–10 лет говорить о возможности превращения рубля в международную валюту преждевременно.

В настоящее время приоритетом для стран ЕАЭС и ШОС является не создание валютного союза, не единая валюта, а сильные национальные валюты.

В качестве главных мер по усилению роли национальных валют можно назвать расширение рынков капитала, доступность кредитования в национальных валютах и совместные проекты стран ЕАЭС — ШОС в реальном секторе и инфраструктуре.

Акцент должен быть сделан не на торговую, а на инвестиционную интеграцию (общие рынки капиталов); приоритет необходимо отдавать экономическим стимулам и структурным изменениям в экономике; для этого нужны стратегические и проектные решения.

Необходимость дальнейшей либерализации взаимного доступа на национальные валютные рынки, усиления взаимодействия между национальными регуляторами, более широкого использования инструментов страхования валютных рисков, обеспечения взаимных котировок национальных валют. Формирование общего финансового рынка откроет возможности для дальнейшей интернационализации национальных валют государств-членов ЕАЭС — ШОС.

Главными препятствиями для расчетов между странами в национальных валютах являются высокие транзакционные издержки при таких расчетах, высокая волатильность валют, а также макроэкономическая неопределенность, что приводит к дополнительным издержкам участников внешнеторговой деятельности и создает для них дополнительные риски. Интеграция в монетарно-финансовой сфере стран ЕАЭС — ШОС должна идти вслед за экономической основой интеграции.

К расчетной валюте есть два требования: во-первых, все должны быть уверены, что страна-эмитент не ограничит движение капитала и не предпримет других действий, затрудняющих расчеты, и, во-вторых, поскольку расчеты занимают время, все участники сделки должны быть уверены, что за этот период валюта не обесценится.

Преодолеть эти препятствия можно не только и не столько директивными методами, а созданием благоприятных условий для расчетов в национальных валютах.

Нужны меры, которые помогли бы развитию финансовых рынков стран ЕАЭС — ШОС и углублению их интеграции. Этому может способствовать создание банка стран ШОС, развитие практики частичного предоставления межгосударственных кредитов в национальных валютах (сейчас такие кредиты предоставляются преимущественно в долларах).

Дальнейшими направлениями работы можно считать:

- 1) активизацию торговых и финансовых потоков между странами — членами.
- 2) расширение взаимной торговли, в т.ч. дополнительных эффектов, ожидаемых от снижения нетарифных барьеров.
- 3) формирование общих рынков и трансформацию механизмов ценообразования, использование национальных валют в расчетах как части данных механизмов.
- 4) интеграцию валютных рынков и либерализацию условий доступа на них, что в более широком контексте означает интеграцию финансовых рынков государств — членов ЕАЭС — ШОС.

Анализ действующей практики позволяет сделать вывод, что текущее состояние финансовых рынков стран ЕАЭС — ШОС не способствует повышению роли национальных валют. Факторами, препятствующими использованию национальных валют, являются: низкая емкость финансовых рынков; низкая ликвидность, высокие спрэды; отсутствие ряда сегментов, позволяющих снизить транзакционные издержки; неустойчивость рынков; структурные диспропорции финансового сектора.

4. Направления развития финансовой интеграции стран ЕАЭС – ШОС

Для повышения роли национальных валют стран ЕАЭС предлагается принять систему мер, направленных на:

- разработку перспективного плана развития интеграции (в т.ч. валютной);
- повышение согласованности макроэкономической политики стран ЕАЭС, повышение устойчивости национальных экономик;
- разработку и реализацию совместных инвестиционных проектов (в первую очередь инфраструктурных);
- координацию стратегий повышения экспортного потенциала стран;
- развитие приграничного сотрудничества;
- гармонизацию подходов по поддержке малого и среднего бизнеса;
- разработку и реализацию мер по развитию и гармонизации финансовых рынков;
- повышение уровня защиты прав предпринимателей, акционеров и инвесторов из стран ЕАЭС;
- перевод взаимных межгосударственных обязательств и трансграничных бюджетных трансфертов в рамках ЕАЭС на национальные валюты;
- внедрение экспериментальных механизмов многостороннего клиринга и хеджирования валютных рисков;
- расширение мандата ЕАБР и других финансовых институтов, в т.ч. за счет расширения кредитования в национальных валютах.

Решение проблемы перехода на расчеты в национальных валютах в рамках ЕАЭС – ШОС предполагает преодоление существующих проблем:

- разрыв в уровне национальных экономик;
- различия в темпах инфляции, макроэкономическая нестабильность, волатильность курсов национальных валют
- экспортно-сырьевая зависимость экономик
- неразвитый международный финансовый сектор, отсутствие единой и эффективной расчетно-платежной системы.

Важно также согласовать налогово-бюджетную политику, обеспечить совместимость национальных платежных систем стран-партнеров.

Повышение спроса на национальные валюты ускорит процесс развития финансовых рынков стран – партнеров.

В настоящее время представляется целесообразным разработать региональную стратегию развития финансового рынка на ближайшую и более отдаленную перспективу, что будет способствовать улучшению условий привлечения денежных ресурсов национальными компаниями, расширению перечня доступных для инвестирования инструментов. Для привлечения прямых и портфельных инвестиций из стран – партнеров региональным компаниям не потребуется проходить ныне действующие сложные процедуры, что позволит сократить транзакционные издержки (комиссии, выплачиваемые компаниями инвестиционным банкам и пр.)

Повышение эффективности регионального финансового рынка приведет к формированию нового качества финансовой устойчивости экономики (повышенный иммунитет к внешним шокам) благодаря углублению и расширению возможностей государства и монетарных властей в сфере управления экономикой, в т.ч. стимулирования экономического роста, снижения системных рисков и обеспечения прозрачности деятельности рыночных агентов.

Гармонизация основных принципов сотрудничества позволит расширить возможности экспансии национального бизнеса на рынки стран – партнеров (снижение издержек, расширение финансирования и т.д.) и сформировать современные механизмы трансформации сбережений в эффективные и долгосрочные капиталовложения, в т.ч. в развитие пространственной инфраструктуры.

Для расширения использования национальных валют ЕАЭС – ШОС в обеспечении денежно-кредитных и финансовых отношений, важно разработать принципы согласованных действий; сформировать алгоритм взаимодействия; определить поэтапный план развития системы межгосударственных платежей и расчетов в национальных валютах стран – партнеров.

Важным направлением международного сотрудничества является льготное (при поддержке государства) кредитование инновационных и наукоемких проектов и социально – значимых экономических программ по защите окружающей среды, развитию инфраструктуры, транспорта, медицинского обслуживания населения и др.

Существенную роль в формировании единого экономического пространства играет государственная поддержка программ модернизации производства, машиностроения, энергетики и пр. в рамках совместного использования межгосударственных синдицированных кредитов в национальных валютах. При этом российский рубль сможет укрепить позиции резервной региональной валюты (РРВ), если возрастет доля российской экономики в глобальном ВВП и мировой торговле, а спрос на российскую валюту в качестве валюты платежа в странах—партнерах будет относительно стабильным.

В рамках ЕАЭС страны стремятся к переходу на расчеты в национальных валютах к 2025—2030 годам. Предполагается создание инфраструктуры общего платежного пространства, позволяющего производить платежи с учетом совместных национальных платежных систем. В этой связи важен курс на развитие стабильной экономической и политической конъюнктуры, позволяющей проводить необходимые масштабные реформы в системе международных расчетов на наднациональном уровне, в государствах-членах объединений и в банковских системах этих стран. Для содействия развитию в этой сфере важно провести детальный анализ функционирования банковских систем стран — участниц, обратив особое внимание на корреспондентские сети банков и возможность проводить платежи в свободно конвертируемых валютах, минуя валюты-посредники (доллар). Каждая страна, стремящаяся осуществлять расчеты в национальной валюте с другими странами, должна оценить возможные валютные, операционные и страновые риски.

5. Перспективы финансовой интеграции стран ШОС

Вопросы финансовой интеграции стран ШОС, безусловно, носят характер долгосрочной перспективы. Вместе с тем, в мире в настоящее время наблюдаются общие тенденции развития финансовых рынков.

Мировая денежная система «дрейфует» от системы, объединяющей национальные денежно-кредитные системы, в основе которых лежат национальные валюты, к мультивалютной денежной системе, основанной на широком применении передовых информационных технологий и современных ЭВМ.

Для обоснования данной тенденции в сфере цифровых услуг приведем данные Банка России:

- в мире к 2020 году 35—50% клиентов банков будут пользователями мобильного банка;
- 82% финансовых организаций в мире ожидают увеличения числа партнерств с финтех-компаниями в ближайшие 3—5 лет;
- 56% финансовых организаций в мире включили цифровую трансформацию в основу стратегии своего бизнеса;
- инвестиции в финтех-компании в мире в 2016 году составили 24,7 млрд долл., в 2017 году объем инвестиций остался на том же уровне;
- 65% крупнейших банков мира в ближайшие три года освою технологию блокчейн и внедрят новые коммерческие продукты на основе распределенного реестра;
- активы на 10% мирового ВВП к 2027 году будут храниться с использованием технологий распределенного реестра.

Обращение криптовалют — новое явление, — прообраз принципиально новой системы денежного обращения.

В мире существует более 1500 видов криптовалют.

Общую капитализацию рынка криптовалют характеризуют следующие данные¹¹⁶:

- а) 1 февраля 2016 года — 6,9 млрд долл.;
- б) 1 февраля 2018 года — почти 511 млрд долл.;
- в) 2 февраля 2018 года — 420,7 млрд долл.;
- г) 5 февраля 2018 года — 385,5 млрд долл.

В России на законодательном уровне использование денежных суррогатов запрещено. Однако существует возможность децентрализованной эмиссии криптовалют.

Россия входит в число топ—10 стран-пользователей Интернет в Европе и находится на 2 месте после Германии.

В сентябре 2015 года российские СМИ распространили информацию о возможной эмиссии первой в России виртуальной валюты — битрубля. Платежная система Qiwi заявила о готовности к выпуску криптовалюты «битрубль». Компания «Яндекс.Деньги» тоже заинтересована в участии в транзакциях с криптовалютой, если ЦБ РФ разрешит ее обращение в России.

В странах Запада наиболее активно биткойны используются в Испании, Швеции, Германии и Аргентине. В Швейцарии криптовалюты используют на уровне отдельных муниципалитетов.

В Великобритании компания Coinbase открыла для своих британских и испанских клиентов возможность мгновенного приобретения биткойнов с помощью кредитных и дебетовых карт с технологией 3D Secure, что позволяет обеспечивать дополнительную безопасность платежей, осуществляемых через интернет. Комиссия за услугу составляет 3% [4].

С другой стороны, власти Китая в 2018 году ввели запрет на производство биткойнов, указав на необходимость прекратить в стране майнинг биткойнов из-за «потребления огромного количества электроэнергии и подогревания спекуляций виртуальными валютами»¹¹⁷.

Правительство Индии объявило о намерении полностью запретить использование криптовалют на территории страны, поскольку считает их незаконными платежными средствами. При этом власти страны будут активно применять технологию блокчейн для развития цифровой экономики.

В Южной Корее планируют принять закон о легализации криптовалюты; с 30 января 2018 года введены новые правила торговли криптовалютой: каждый трейдер обязан идентифицировать себя с помощью банковского счета.

Япония — единственная страна мира, где действует государственный контроль на проведение операций с криптовалютами и эти операции облагаются подоходным налогом.

В мире активно обсуждается вероятность появления государственных криптовалют. Банк Англии может стать первым, выпустив неограниченное количество валюты RScoin.

В настоящее время в странах ЕАЭС на государственном уровне и усилиями бизнес-ассоциаций с участием регуляторов финансовых рынков ведется работа по созданию криптовалют¹¹⁸.

Президент Белоруссии А. Лукашенко в конце 2017 года подписал декрет «О развитии цифровой экономики», который призван создать благоприятные условия для развития информтехнологий.

В июне 2017 года Нацбанк Украины заявил о возможности создания электронного аналога гривны с использованием технологии блокчейн.

Киргизия готовит эмиссию национальной криптовалюты GoldenRock. Принято решение, что каждая единица (токен) будет обеспечена золотым эквивалентом, а после разработки месторождения владельцы GoldenRock смогут обменять ее на металл. Создание криптовалюты в Киргизии рассматривается как первый государственный проект в странах ЕАЭС¹¹⁹.

Премьер России Д. Медведев предлагает ввести правовое регулирование применения криптовалют на уровне международных конвенций¹²⁰.

Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил создать глобальную криптовалюту G-Global, которая позволит избавить мир от валютных войн, спекуляций, избежать перекосов в торговых отношениях, а также снизить волатильность на рынках. Предлагается введение глобальной валюты путем создания пула центральных банков при специально созданном Комитете ООН. Эта инициатива фактически может рассматриваться как призыв к трансформации мировой финансовой архитектуры. В качестве возможного пути трансформации предлагается введение международной платежной расчетной единицы в виде криптовалюты¹²¹.

Банк России продолжает изучение вопроса обращения криптовалют с учетом сопутствующих им рисков:

- возможность проведения сомнительных операций. Использование криптовалют, которые можно обменять на реальные деньги, несет риски в сфере борьбы с отмыванием преступных доходов;

- граждане, не обладающие высокой финансовой грамотностью, не всегда понимают, накапливая биткойны, они могут потерять свои деньги, т.к. они не застрахованы (например, в России — в Агентстве по страхованию вкладов);

- в экономике с высокой долей теневого оборота центральный банк может утратить контроль над денежной массой, что чревато серьезными негативными экономическими и политическими последствиями.

В Правительстве Российской Федерации обсуждается проект закона о криптовалютах, но учитывая, что мировых стандартов обращения и регулирования криптовалют

пока не существует, в этих условиях начинать регулировать эту сферу имеет смысл только когда будет устойчивая мировая практика.

Перспективы:

- пока единого решения по дальнейшей стратегии развития криптовалют в мире не существует;
- конкурентное развитие различных систем электронных денег с большим количеством эмитентов должно находиться под контролем регуляторов финансовых рынков;
- в странах с развитой экономикой и устойчивой денежно-кредитной системой, со сложившейся традицией расчетных операций, криптовалюты займут свою нишу, в которой их использование будет наиболее эффективно;
- количество внедряемых систем должно быть ограничено и по возможности унифицировано;
- в развивающихся странах с молодой и пока неустойчивой денежно-кредитной системой необходим жесткий контроль при их внедрении;
- в России огромная территория, относительно дешевая электроэнергия, высокий уровень образования населения позволяют рассматривать вопросы создания Международного финансового центра кибервалют;
- анализ ситуации с возможностью внедрения цифровых валют в странах ЕАЭС – ШОС показал, что для создания национальной криптовалюты государствам потребуются даже не годы, а скорее десятилетия.

Литература

1. Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. 720 с.
2. *Еремина Н., Фаляхов Р.* Криптовиром поразил СНГ. «Газета.Ru»/Shutterstock. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/rustem_falyahov.shtml.
3. *Кнобель А.Ю., Миронов А.К.* Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза с Россией // А.Ю. Кнобель, А.К. Миронов. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 76 с.
4. *Панова Г.С., Стратан П.* Криптовалюты в современном мире // Topical areas of fundamental and applied research VII: Proceedings of the Conference. North Charleston. 2015. October 19–20. Vol. 2. North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2015, p. 198–206.

П.А. ЯХМЕНЕВ,
руководитель Центра мировой экономики
Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии
Министерства иностранных дел РФ,
кандидат экономических наук
(Россия)

О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Эволюция ШОС проходит на фоне сложного этапа развития международных отношений. Его современные тенденции серьезно трансформируют контуры мировой экономики. В условиях становления полицентричного миропорядка формируются принципиально новые рынки капиталов, товаров и услуг, меняются позиции стран в международном разделении труда, происходят кардинальные изменения технологий, обостряется соперничество в глобальной бизнес-среде. Отличительной чертой современной ситуации является межгосударственное противоборство. В ход идут любые формы давления и недобросовестной конкурентной борьбы. Давление коллективного Запада, проявляющиеся в повышении таможенных пошлин, санкционных ограничениях и запретах, испытывают и страны ШОС. Нарастают вызовы и угрозы безопасности, отмечается усиление неопределенности и нестабильности в различных точках мира.

Убеждены, дискуссия на полях «экономической» секции Форума является хорошей возможностью обменяться точками зрения по направлениям укрепления наших общих интересов в сфере экономики на пространстве ШОС.

Повестка Организации все больше насыщается экономическим содержанием. Важным и востребованным аспектом является кооперация в сфере транспорта. Правильно выстроенные механизмы транспортной логистики позволят эффективно реализовать естественные конкурентные преимущества стран-членов ШОС, наблюдателей, партнеров по диалогу. На это в немалой степени направлено формирование новых транспортных коридоров на широком ШОСовском пространстве.

Под международными транспортными коридорами понимаем совокупность магистральных транспортных коммуникаций с соответствующим обустройством, как правило, различных видов транспорта, обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов на направлениях, связывающих различные страны и имеющих вследствие этого высокое международное значение.

Позвольте лишь тезисно, без детализации остановиться на некоторых аспектах заявленной темы. Без сомнения, широкой и актуальной.

Первое. В качестве одной из предпосылок успешного развития транспортных коридоров на пространстве ШОС считаем реализацию идеи сопряжения потенциалов самой Организации, Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Важным документом, на наш взгляд, стало заключение соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой, переговоры по которому завершились полгода назад, в октябре 2017 года. Координация транспортной деятельности ШОС, ЕАЭС, Шелкового пути как ключевых элементов формирования нового интеграционного контура могла бы способствовать скорейшему созданию Большого евразийского партнерства, и что немаловажно, с участием и стран АСЕАН.

Центральным звеном такого построения, на наш взгляд, мог бы стать ряд крупномасштабных международных проектов, объединенных в рамках уже многократно

упоминаемой сегодня китайской инициативы «Один пояс, один путь». По сути, идея, выдвинутая Си Цзиньпином осенью 2013 года, объединяет в себе два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». «Экономический пояс Шелкового пути» включает три экономических коридора: Северный (Китай – Центральная Азия – Россия – Европа), Центральный (Китай – Западная Азия – Персидский залив и Средиземное море) и Южный (Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – Индийский океан).

«Морской Шелковый путь XXI века» предполагает создание двух маршрутов. Первый из них идет от побережья Китая через Южно-Китайское море и Южно-Тихоокеанский регион, второй – соединяет приморские районы Китая и Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан.

По китайским данным к настоящему времени главными сухопутными «артериями» «Экономического пояса Шелкового пути» являются 57 железнодорожных маршрутов, соединяющих 34 города на территории Китая и 34 города в 12 странах Европы.

Часть заявленных экономических коридоров подразумевает транспортную составляющую стран-членов ШОС. Представляется, что построение огромного логистического коридора на пространстве Организации должно быть направлено на формирование таких механизмов экономического развития, которые содействовали бы более эффективному распределению ресурсов всех стран региона, укреплению рыночной интеграции между государствами Европы и Азии. Новое развитие и новые изменения подразумевает политика Синь ши дай – «Новая эпоха» – понятие, недавно введенное в политическую и экономическую терминологию октябрьским (2017 года) XIX съездом КПК. Полагая, ее реализация лишь увеличит взаимную выгоду и общий выигрыш партнеров, участвующих в интеграционных, в том числе транспортно-логистических процессах на широком ШОСовском пространстве.

Второе, о чем хотелось бы сказать. Экономическое развитие, совершенствование и координация транспортной политики, развитие транспортных путей требуют учета массы конкретных факторов, множества пересекающихся экономических интересов. Представляется, в немалой степени, речь может идти о центральноазиатском факторе. Именно здесь, в Центральной Азии, соприкасаются интересы внешних ключевых участников, решающих свои коммуникационные проблемы – Китая, ЕС, России, Ирана, Афганистана, Турции, США.

Центральная Азия является точкой интересов трех больших интеграционных проектов: Евразийской интеграции, Экономического пояса шелкового пути КНР и Нового шелкового пути США. Как показывает мировой опыт, реализуемые крупные международные транспортные проекты задают вектор регионализации. В настоящее время на евразийском пространстве складывается такая модель транспортной системы, при которой трансконтинентальная доставка грузов возможна сразу по нескольким маршрутам. Этому способствует политика большинства государств региона, предусматривающая развитие альтернативных коридоров. Для России – это Транссиб и такие направления как Казахстан – Китай и Иран – Индия, для Казахстана – это транспортировка грузов от китайской границы в направлении России, стран Центральной Азии, Закавказья (через Актау на берегу Каспийского моря) и Ирана.

Ведущая роль в развитии международных транспортных коридоров через Центральную Азию принадлежит программе Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС, Central Asia Regional Economic Cooperation), созданной еще в 1997 году. Программа продвигает идею укрепления торговых связей южных стран СНГ с приграничными государствами. Сегодня в объединение входят 10 участников (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Афганистан, Китай, Пакистан и Монголия). Их партнерство в рамках ЦАРЭС поддерживают шесть международных финансовых институтов: Азиатский банк развития, Всемирный банк, ЕБРР, Исламский банк развития, МВФ и ПРООН. До 2020 года финансовые институты планируют направить на проекты ЦАРЭС более 22 млрд долл.

Евросоюз в масштабах другой межгосударственной программы «Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия» (ТРАСЕКА) предложил для региона транспортный мост от Амударьи до Дуная.

К настоящему моменту ТРАСЕКА имеет 64 завершенных и 6 текущих проектов по техническому содействию, в каждый из которых вовлечено, минимум, 10 стран-участниц. Проекты охватывают безопасность автомобильного дорожного движения, мультимодальные перевозки, морскую защиту и безопасность, гражданскую авиацию, логистические процессы.

Проект ТРАСЕКА «Шелковый ветер», например, направлен на расширение транзитных перевозок железнодорожными и морскими путями по направлению «граница Китая — Казахстан — Грузия — Азербайджан — западная граница Турции». Смысл данной и иных инициатив ЕС видим в намерении построить транспортные коммуникации «в обход России». И если проекты ЦАРЭС в основном преследуют экономические цели, то проекты ТРАСЕКА имеют негативную для нашей страны геополитическую составляющую.

Продолжая разговор о транспортном потенциале стран Центральной Азии, хотелось бы отметить и июньскую 2017 года инициативу Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на саммите ШОС в Астане о формировании «Центральноазиатской системы интегрированного управления транспортными перевозками». Она, по мнению узбекской стороны, предусматривает создание правовых и институциональных основ системы сквозных транспортных тарифов, единых таможенных и иных процедур, унифицированных норм безопасности грузопотока, информационного обеспечения передвижения транспортных средств и грузов. В этих целях в текущем году планируется провести в Ташкенте международную конференцию «Центральная Азия в системе международных транспортных коридоров: стратегические перспективы и нереализованные возможности».

Применительно к Центральноазиатским республикам неоднократно заявлялось, например, о новых проектах транспортной инфраструктуры в Казахстане, строительстве железной дороги Киргизия — Китай, укреплении транзитного потенциала Таджикистана, создании в Туркмении на пересечении торговых путей «Север—Юг» и «Восток—Запад» международного транзитно-транспортного узла при участии Китая. Пекин в целом активно разрабатывает и кредитует различные проекты в странах Центральной Азии, в том числе в сфере транспорта. И это, в свою очередь, формирует определенную привязанность их к нему.

Но следует отметить, что сдерживающим фактором превращения ряда центральноазиатских государств в транспортный хаб является ситуация недостаточной безопасности и стабильности некоторых территорий, например, Афганистана. Представляется, что в перспективе удастся гармонично вписать азиатскую транспортную систему в Панъевропейские транспортные коридоры. Важны разработка и принятие общерегиональной программы развития транспортных коммуникаций. Видим определенное участие в них и России.

Третий тезис, заслуживающий, на наш взгляд, внимания в контексте обсуждаемого вопроса. Речь идет о широком использовании возможностей ШОС в качестве площадки для диалога по вопросам развития трансконтинентальных маршрутов. Со вхождением в Организацию Индии, Пакистана транспортный потенциал ШОС существенно увеличился, а в перспективе еще больше расширится, благодаря Ирану. Уже сегодня, несмотря на санкционный режим Вашингтона в отношении Тегерана и Москвы, можно говорить о вводе в действие евроазиатского транспортного коридора «Север — Юг» по доставке контейнерных грузов из Индии в Россию через иранский порт Бендер Аббас на побережье Индийского океана и Азербайджан. Коридор «Север — Юг» — это сеть, объединяющая морские, паромные, железнодорожные и автомобильные пути. По сравнению с маршрутом через Суэцкий канал — Босфор — Дарданеллы — это направление сокращает стоимость на 20% и время доставки грузов из Индии в Россию с 35 до 17 дней. В перспективе объемы перевозки могут составить до 20 млн тонн в год, причем без учета транзита нефти и нефтепродуктов. Очевидны не только экономические (прежде всего, транзитные доходы), но и геополитические преимущества данного коридора.

В построении крупных инфраструктурных проектов с быстрой экономической отдачей у России имеется значительный исторический опыт. Потенциал российских возможностей крайне широк. И это следующий тезис, на который хотелось бы обратить ваше внимание.

Так, использование Транссибирской магистрали позволяет кратчайшим путем связать Центральную Европу, Китай, Корейский полуостров и Японию. Ожидается, что в ближайшие шесть лет пропускная способность Транссиба в совокупности с БАМом вырастет в полтора раза — до 180 млн тонн. При этом основной объем перевозок, по прогнозам, придется на контейнерный железнодорожный транзит. Его увеличение по российским железным дорогам прогнозируется почти в четыре раза.

Хорошо известно, что до 2015 года 99% мирового оборота контейнеров шло по морю. Крупнейшие морские контейнерные линии имеют американские «корни». При этом

сроки доставки грузов из Азии в Европу по морю составляют 45–55 суток. Доставка же по железной дороге через Россию — всего лишь 10 дней. В 2015 году Китай начал восстанавливать контейнерное железнодорожное сообщение между Азией и Европой через Казахстан и Россию.

Применительно к Российской Федерации видим три варианта контейнерных перевозок. Во-первых, в сторону Санкт-Петербурга и Ленинградской области, где в российских портах на Балтике, в том числе в новом порте Усть-Луга, грузы перегружаются на суда-контейнеровозы и развозятся по Европе. Второй вариант движения — через Россию в Белоруссию (транспортно-логистический комплекс «Великий камень») и далее на территорию Польши и в государства Евросоюза. И наконец, третий, недавно опробованный вариант, — через Калининградскую область в Европу. Завершение строительства причала нового терминала в г. Пионерском, способного принимать до 80 тыс. единиц Ro-Ro грузов, создаст возможность, например, переориентировать часть накатных грузов с зарубежных портов Прибалтики. Инфраструктура Калининградской железной дороги позволяет осуществлять перевалку контейнеров, следующих в Европу, через станции Черняховск и Дзержинская-Новая в бесперебойном режиме. Идет разработка проекта «сухого порта» на базе индустриального парка «Черняховск», ориентированного на китайский контейнерный транзит.

Именно Северо-Западный округ, как подчеркивал президент России Владимир Путин, является одним из ключевых логистических центров страны. Здесь сосредоточено более 40% ее портовых мощностей.

Существующая российская транспортно-логистическая инфраструктура железнодорожных коммуникаций и морских портов (портовые мощности в 2017 году впервые в истории преодолели совокупную отметку в 1 млрд тонн, увеличившись на 400 млн тонн по сравнению с советским периодом), уже сегодня позволяет справиться с объемом заявленных перевозок.

В России и далее будут наращивать транспортный потенциал, в том числе увеличивать пропускную способность железнодорожных подходов и к портам Азово-Черноморского бассейна. Ожидается, что их мощность возрастет более чем в полтора раза, до 131 млн тонн.

Глобальной конкурентной транспортной артерией должен стать Северный морской путь. К 2025 году его грузопоток увеличится в десять раз, до 80 млн тонн. Укрепляется навигационная, логистическая инфраструктура, в России идет строительство новых современных атомных ледоколов.

Касательно совершенствования железнодорожных сообщений из Азии в Европу, полагали бы возможным изучить, например, вопрос строительства железнодорожного перехода через неширокий западный участок российской-китайской границы, разделяющей Алтай и Джунгарию. Это позволило бы значительно сократить транзитный маршрут доставки грузов, способствовало бы развитию территорий внутреннего Китая.

Видим также резервы и необходимость в мощном развитии евразийских автотранспортных артерий. На пространстве ШОС идет строительство автомобильной дороги, которая станет важной частью коридора «Европа — Азиатско-Тихоокеанский регион». Наши партнеры из Китая и Казахстана — мы делаем это вместе с ними — свою часть работы выполнили. Их участки уже эксплуатируются. И нам следует серьезно ускориться.

Убеждены, именно использование транспортных коридоров через территорию Российской Федерации может обеспечить многим участникам внешнеэкономической деятельности, прежде всего в странах ШОС, кратчайший доступ на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы, позволит иметь стабильный доход от транзита зарубежных грузов между КНР, странами ЕС и Ближнего Востока. У России есть объективные основания стать ключевым транспортно-логистическим узлом ШОС.

Дальнейшее расширение морских и железнодорожных коммуникаций, а также развитие автомобильных сообщений способно переформатировать сложившуюся карту транзитных перевозок, составить здоровую конкуренцию нынешним монопольным игрокам.

И в заключение хотелось бы особо подчеркнуть: формирование надежных транспортных коридоров и логистических центров — это не только создание единого транспортного пространства в формате ШОС, но и важный рычаг роста благосостояния народов стран-участниц Организации. Считаем, что для успешной реализации совместных ШОСовских транспортных проектов требуется обеспечения единой политики в транспортной сфере. Это означает координацию действий по устранению

административных, технологических, технических барьеров. Необходимы гармонизация законодательства, стандартизация, системное планирование.

Приоритеты формирования транспортной политики, построения транспортных коридоров на пространстве ШОС не должны быть узко фрагментарными для отдельно взятых стран, а прорабатываться исходя из солидарных принципов в интересах всех членов Организации, создающих весомое интеграционное объединение. Во избежание естественных конкурентных противоречий необходимы действенные механизмы экономических согласований внутри ШОС.

Уверены, единая согласованная политика Организации должна быть также сопряжена с интересами экономически и географически сопредельных международных региональных объединений ЕАЭС, СНГ, проекта «Один пояс, один путь» на широкой многосторонней основе. Необходимо активно использовать потенциал взаимодействия с БРИКС, в том числе возможности привлечения инвестиций Нового банка развития в транспортно-логистические проекты на пространстве ШОС в рамках инструмента ООН по Содействию международному развитию. Созданию межнациональных институтов развития способствовало бы и взаимодействие с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Евразийским и Азиатским банками развития.

Уважаемые участники секции, обсуждая в рамках Второго Сочинского форума вопросы расширения экономического партнерства, мы понимаем, насколько важно максимально эффективно использовать каналы взаимодействия. В этой связи рассчитываем на конструктивный диалог, результативность решений Форума, их имплементацию в повседневную практику ШОС.

Д. ПЕТРОСЯН,
независимый эксперт
(Армения)

ИРАН И ЕАЭС. СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Буквально десять дней назад правительство США ввело в действие очередные санкции против России, которые прежде всего направлены против ряда состоятельных в финансовом плане граждан этой страны, а также ряда глав компаний работающих в энергетической и оборонной сферах, а также в металлургических отраслях. Желание решать международные проблемы не через переговорный процесс, а систему давления, выстроенную через различные рода санкции парадоксальным образом, делает Вашингтон противником глобализации, рыночной экономики и свободной честной конкуренции, т.к. с помощью выстраивания административных барьеров делается попытка нейтрализации конкурентов и подрывают правила Всемирной торговой организации. Самым большим парадоксом происходящего является то обстоятельство, что еще 10 лет назад США выступали флагманом процесса глобализации и беспощадными критиками всех тех и лидеров, которые выстраивали высокие таможенные барьеры и, таким образом, пытались защитить своих производителей от внешних конкурентов.

Лидерство США в мировом процессе глобализации перестало быть неоспоримым. Как полагают армянские эксперты¹²², на первый план в процессах глобализации выдвигается сетевая глобализация, подразумевающая формирование многополярного мира, основными полюсами и субъектами которого станут крупнейшие мировые державы (США, Китай, Индия) и региональные объединения – Евросоюз, ЕАЭС и, возможно в перспективе, МЕРКОСУР, АСЕАН и т.д.

Россия – не единственная страна, элиты которой с разной степенью активности стремятся избежать поглощения национальной экономики глобальным рынком, но, пожалуй, единственная из стремящихся к суверенности постсоветских стран, позиция которой достаточно значима в геополитическом масштабе. Следовательно, поиск и обретение Россией и группой взаимосвязанных с ней евразийских стран суверенной и эффективной экономической модели становится не просто способом выживания, но и их развития.

Россия и Китай подтвердили готовность создавать вместе с другими странами всеобъемлющее партнерство в Евразии, Россия поддержала «Одни пояс, один путь», который сможет вместе с другими проектами стать экономическим каркасом партнерства.

Альтернативами глобальной экономической теории становятся концепты многополюсной модели глобализации мировой экономики и региональной экономической интеграции. А в данном контексте ЕАЭС – это региональный проект, задачами которого становятся защита внутренних рынков группы постсоветских стран от наступления глобального и агрессивного мегарынка. В контексте вышеизложенного, вполне естественной частью геоэкономической линии ЕАЭС стал поиск как глобальных так и региональных партнеров. При этом, если партнерство Китая уже заявлено и обговорено по многим параметрам, то, казалось бы, естественное партнерство со странами ЕС представляется проблематичным, прежде всего по геополитическим и политическим причинам. В сложившейся ситуации достаточно логичным было бы обратить свои взоры на юг и здесь, безусловно, одним из таких потенциальных партнеров для ЕАЭС может стать Иран. Но при этом необходимо

учитывать то обстоятельство, что Иран — страна, ориентированная на протекционистскую производительность своего рынка.

Согласно статистическим данным даже на сегодняшний день на страны ЕАЭС приходится всего 2% торгового оборота Ирана, приблизительно 1,3 млрд долл.¹²³, в то время как торговый оборот Ирана с Китаем в 2017 году составил 40 млрд долл.¹²⁴, а со странами ЕС — 13 млрд долл.¹²⁵ Вполне естественно, что в условиях сложившихся диспропорций Тегеран должен был предпринять усилия по наращиванию объемов торговли на северном направлении и укрепить экономические отношения в целом. Однако, эта линия не только результат сложившихся диспропорций во внешней торговле Ирана, но и непрекращающегося давления со стороны Вашингтона, который постоянно делает заявления о выходе из ядерной сделки и необходимости ввести новые санкции против этой страны. Кроме того, в этом вопросе Вашингтон оказывает системное давление на страны ЕС, требуя от них поддержки своей новой линии на изоляцию Ирана. Эти обстоятельства также подталкивают Тегеран к поиску новых партнеров на северном направлении.

По инициативе Армении, Иран и страны ЕАЭС, запустили механизм по формированию зоны свободной торговли (ЗСТ). Долгие годы Ереван является региональным партнером Тегерана и между сторонами нарабатан солидный опыт взаимодействия в различных сферах экономики, торговли, культуры и ряде других сфер, поэтому лоббирование Ереваном ЗСТ между ЕАЭС и Ираном в интересах Армении.

Действия Еревана в этом процессе являются примером того, как небольшая страна, используя взаимную заинтересованность ЕАЭС и Ирана, а также собственные интересы, продвигает линию на взаимодействие. Отчасти, этот процесс может стать иллюстрацией того, что именно могут получить малые страны в рамках интеграционных объединений, в данном случае ЕАЭС. Напомним также, что проект соглашения между Ираном и ЕАЭС был подытожен в Ереване 5 июля 2017 года после более чем года переговоров о взимании льготных таможенных тарифов. Соглашение было подписано Моджабабом Хосротаджем, который также является председателем Организации по содействию торговле Ирана и министром торговли Евразийской комиссии Вероникой Никишиной.

По мнению известного армянского эксперта Севака Саруханяна, которое было высказано еще несколько лет назад, Иран будет идти по пути либерализации собственной экономической и торговой системы. В этом контексте Иран и ЕАЭС — потенциальные партнеры не только и не столько ввиду углубления российско-иранских отношений, но и из-за того, что Иран является очень важным экономическим партнером также для других стран ЕАЭС, в частности Казахстана. Как полагает эксперт, возможности сотрудничества Иран — ЕАЭС намного шире, чем между Турцией и ЕАЭС¹²⁶.

Структура торговли между Ираном и странами — членами ЕАЭС на конец 2017 года была следующей:

- основными экспортируемыми из Ирана в ЕАЭС товарами были сельскохозяйственные продукты, такие как фрукты и овощи, орехи, фисташки и изюм, фармацевтическая продукция и медицинское оборудование, нефтехимическая продукция и нефть;
- основными товарами, импортируемыми в Иран из стран ЕАЭС являются кормовые продукты и стальные изделия, а также нефтехимическая продукция, которые не производятся на местном уровне или их производственные мощности ограничены.

Весьма важным в переговорном процессе было согласовать вопросы тарифов, именно здесь наибольшая разница между ЕАЭС и Ираном. При этом следует учесть, что:

- а) страны ЕАЭС, за исключением Беларуси — члены ВТО (Минск ведет переговоры о вступлении), Иран — нет, но заявил о намерениях присоединиться к этой организации;
- б) у сторон разные тарифные системы, а в самом Иране есть много нетарифных барьеров (высока вероятность того, что по сельскохозяйственным товарам можно договориться быстрее, чем по промышленным);
- в) переговоры идут не только между Москвой, как ведущей страной ЕАЭС и Тегераном, но и между всеми членами ЕАЭС. При этом Россия, Казахстан и Иран являются крупными экспортёрами энергоносителей и им нужно время для того, чтобы договориться по согласованию позиций в этой сфере. Весьма вероятно, что будет сделать легче при масштабном региональном сотрудничестве.

Вышеупомянутый проект соглашения, подписанный в Ереване, предусматривает, что экспорт в страны — члены ЕАЭС будет либо полностью освобожден от таможенных пошлин, либо такие пошлины будут существенно сокращены. В частности, предполагается, что экспорт иранских строительных материалов, включая плитку и керамику,

в ЕАЭС будет освобождаться от таможенных пошлин на 80%; нефтехимические продукты, кабели и трубы также будут экспортироваться с более низкой пошлиной, а изделия из металла и стекла должны обладать рядом налоговых послаблений или быть освобождены от пошлин. Аналогичное, то есть освобождение от таможенных пошлин, предполагается для иранских бисквитов и шоколада.

В свою очередь, Иран готов пойти на тарифные льготы по широкому спектру сельскохозяйственной продукции, за исключением пшеницы (по этому товару Иран уступок не делает ни одному партнеру, так как реализует программу по полному самообеспечению) и нефтепродуктов, а также минеральной воды и сигарет. Последнее обстоятельство не очень устраивает Ереван, так как сигареты и минеральная вода являются одними из важнейших позиций экспорта Армении в страны Среднего Востока, в частности, в Ирак. Однако, в целом, это обстоятельство никоим образом не влияет на позицию Еревана в вопросе формирования ЗСТ между ЕАЭС и Ираном.

Активно лоббируя подписание соглашения между ЕАЭС и Ираном, 15 декабря 2017 года Ереван открыл СЭЗ «Мегри» на границе с Ираном. Работающие в ней компании будут освобождены от налога на прибыль, налога на добавленную стоимость, акцизного налога и от таможенных пошлин. Работающим там предпринимателям предстоит платить лишь подоходный налог. Организатором СЭЗ признано учрежденное правительством Армении ЗАО «Свободная экономическая зона «Мегри» со сроком действия 50 лет¹²⁷. Согласно официальным армянским оценкам, в ближайшие годы в СЭЗ планируется вовлечь 50–70 компаний, которые осуществят инвестиции на сумму в 100–130 млн долл. В результате будет создано 1,5 тыс. рабочих мест, а уровень экспорта товаров и услуг достигнет 250 млн долл. Аналогичные оценки приводят и китайские источники¹²⁸. Надо отметить, что это будет единственная приграничная СЭЗ ЕАЭС с Ираном, что при определенных обстоятельствах может дать Еревану особые выгоды как от членства в ЕАЭС, так и от ЗСТ с Ираном.

Ряд компаний, причем не только из стран ЕАЭС: Армении, Грузии, Беларуси, Украины, России, Китая и Ирана — проявляют активный интерес к СЭЗ «Мегри». Так, в начале марта 2018 года в Москве находилась делегация Ирана во главе с министром экономики Масудом Карбасианом. Тогда состоялась ее встреча с первым вице-премьером РФ Игорем Шуваловым, в рамках которой было заявлено, что зона свободной торговли между ЕАЭС и Ираном может быть учреждена до мая 2018 года. «Это было бы большим продвижением по нашей экономической повестке, и хорошим итогом этого политического цикла, который заканчивается в мае», — отметил Игорь Шувалов¹²⁹. С формальной точки зрения стороны к подписанию уже готовы и при своевременном выполнении технических процедур можно ожидать, что соглашение в мае будет подписано.

А.В. ГАЙДАМАКА,
нефтегазовый аналитик,
член Экспертного совета корпоративного управления
Центрального Банка РФ,
ранее – заместитель Председателя ПАО «ЛУКОЙЛ»
(Россия)

КИТАЙ, КАК ОСНОВНОЙ РЫНОК ПРИРОДНОГО ГАЗА

Как человек, который всю жизнь проработал в транснациональных корпорациях, начиная с Объединенного банка Швейцарии, потом Морган Стенли, а затем Лукойл, который тоже является транснациональной корпорацией, я считаю, что организация крупных экономических процессов и проектов подвластна, в основном, крупным компаниям.

В своей презентации, я бы хотел обратить ваше внимание на несколько вещей. Первое — это спрос на энергоресурсы в Китае. Приведенный ниже рис. 2 отображает уровень спроса на газ, и мы видим, что темп роста спроса на энергоресурсы в Китае значительно выше в сравнении со всеми остальными странами. Речь идет о перспективном рынке, возможности которого на много шире, чем мы можем себе представить.

Рис.2. Общий спрос на энергоресурсы в Китае

Как человек, который проработал всю жизнь в финансировании энергетического сектора, я считаю, что нашей основной экономической концентрацией должно быть наше региональное сотрудничество как раз в энергетическом секторе и, в частности, в сфере поставок природного газа на рынок Китая.

Китай, помимо высокого темпа роста спроса на энергоресурсы, постоянно закрывает угольные станции. Только в области Пекина было закрыто порядка четырех гигаватт установленной мощности энергетики на угле за последние 6 лет. Это, в свою очередь, является дополнительным толчком для увеличения спроса природный газ и еще раз подтверждает перспективность данного направления.

Россия сегодня без разведки, без дополнительных инвестиций в инфраструктуру может производить на 100–120 млрд м³ газа больше, то есть мы можем в год иметь порядка 40 млрд долл. дополнительной выручки, которые не требуют высоких инве-

стиций в сфере геологоразведки и добычи. Другими словами, мы имеем абсолютно гигантские экономические возможности. И именно вот эти 100—120 млрд м³, которые мы можем дополнительно производить, мы должны поставлять в Китай, Индию, Пакистан и страны региона. Для того чтобы это реализовать необходимо уже сейчас заниматься новыми проектами по поставкам энергоресурсов в Китай, при этом развивая уже имеющиеся, работать на внутреннем рынке.

Рис. 3. План по переводу на газ угольной промышленности Китая

Второе, на что хотелось бы обратить ваше внимание, что в свою очередь вытекает из вышеизложенного, — необходимость создания национальных аналитических агентств. Для развития проектов поставки энергоресурсов в Китай, нам в первую очередь необходимо жить своим умом. Необходимо делать свои собственные расчеты, свою собственную систему обоснования инвестиций, которая будет привлекать средства частных инвесторов и их обратно возвращать.

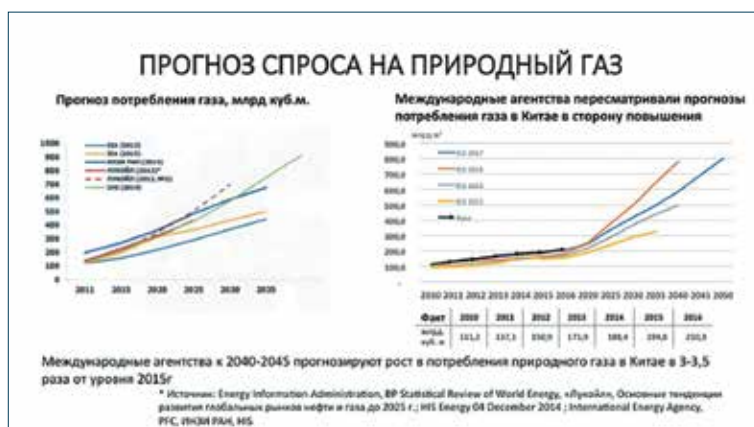

Рис. 4. Прогноз спроса на природный газ

Мы должны сами соображать, сами изучать, сами делать свою собственную аналитику. Слева на графике прогноза спроса на природный газ вы видите постоянное увеличение долгосрочного прогноза консорциума ведущих международных агентств, самых-самых знаменитых. Они постоянно повышают свой собственный прогноз, то есть они сначала его делают очень низким, потом все время повышают.

Вы можете заметить на рис. 4 прогноз, отображенный пунктирной линией. Это тот прогноз, который аналитическое подразделение ЛУКойла под руководством Гайдамаки А.В. опубликовало семь лет назад в публикации, которую Лукойл, единственный из всех российских компаний, делает и сейчас. А именно: публикует материал о долгосрочном видении развития энергетики не с точки зрения исследовательского института, а с точки зрения компании, которая сама за это отвечает деньгами. Лукойл инвестирует десятки миллиардов долларов в те вопросы, в которые верит, и публикует то, во что верит в форме прогноза.

На рис. 4 представлен прогноз, опубликованный семь лет назад. Прогноз был 700 — 900 млрд м³ по потреблению природного газа в Китае. Если вы обратите внимание на

график справа, то увидите средний прогноз всех уважаемых энергетических агентств, в том числе международного энергетического агентства Кембридж Энерджис Ресеч Ассосийтс (представлен синим). На тот момент средний прогноз этих агентств составлял порядка 230 млрд м³. Мы говорили 700–900, то есть треть потребления всего газа сегодняшнего мира, а они говорили 230. Это огромная разница, что меняет всю карту транспортировки. Это, в свою очередь, еще раз подтверждает необходимость создания национальных аналитических агентств, сфокусированных на нашем регионе.

Каждый раз, когда обвиняют Газпром в строительстве труб «из никуда в никуда», я все время стараюсь напоминать, что необходимо своими мозгами жить, нужно свои прогнозы делать, а не использовать постоянно прогнозы тех агентств, которым в общем-то не особо интересен наш регион. Здесь нет никакой теории заговора, просто они делают качественные исследования по своему региону, а по нашему региону мы должны их сами делать. Пока таких агентств с именем, которые можно назвать, в нашем регионе, к сожалению, нет. Давайте вместе их создавать.

М.А. ОЛИМОВ,
профессор
Таджикского национального университета,
доктор исторических наук
(Таджикистан)

С.К. ОЛИМОВА,
руководитель
Научно-исследовательского центра «Шарк» (ORIENS),
кандидат философских наук
(Таджикистан)

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ В ЕВРАЗИИ (РОССИЯ, ТАДЖИКИСТАН И КЫРГЫЗСТАН)

В последние годы выросло число исследований, в которых рассматриваются различные аспекты влияния миграции на развитие в странах ЦА. Одни считают, что миграция способствует развитию через трансфер знаний, навыков и технологий. Другие указывают на утечку мозгов и потерю человеческого капитала из-за нисходящей мобильности мигрантов. Третьи обеспокоены архаизацией социальной жизни и религиозными конфликтами.

Для того, чтобы продемонстрировать всю сложность и широту воздействия миграции на регион ЦА, стоит остановиться только на одном аспекте — на влиянии денежных переводов на развитие на примере Таджикистана и Кыргызстана. Как известно эти страны являются мировыми лидерами по соотношению денежных переводов к ВВП¹³⁰.

Денежные переводы как инструмент развития

Экономисты сравнительно недавно признали, что денежные переводы наряду с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и официальной помощью в целях развития могут служить инструментом развития. Диалог на высшем уровне ООН по международной миграции и развитию в сентябре 2006 года и Глобальный Форум по миграции и развитию в 2007 года признали связь между миграцией и развитием. Выступая 24 июля 2017 года на консультациях, посвященных разработке глобального договора по миграции, Специальный представитель Генерального секретаря ООН по международной миграции Луиза Арбур подчеркнула, что, несмотря на то, что общественное сознание во многих странах негативно воспринимает мигрантов, преимущества миграции значительно перевешивают затраты на нее¹³¹.

Эффективное управление трудовой миграцией увеличивает развивающее воздействие миграции, усиливает возможные выгоды, такие как финансовые потоки, передача технологии и стимулиция предпринимательства, а также смягчает отрицательные последствия, такие как потеря квалифицированных человеческих ресурсов («утечка мозгов»). Луиза Арбур отметила, что объем переводов, отправленных

мигрантами на родину, составил в 2017 году 429 млрд долл. Эти средства помогают миллионам людей выбраться из нищеты¹³².

Обычно, говоря о воздействии денежных переводов и иных материальных и финансовых трансфертов на развитие, имеют в виду их влияние на неравенство доходов и бедность, потребление и инвестиции, эффективность образования и здравоохранения на уровне домашних хозяйств, а также обменный курс, рост доходов, финансовое развитие и конкурентоспособность экспорта на национальном уровне.

Особым преимуществом экономисты считают тот факт, что денежные переводы обладают большей устойчивостью, чем ПИИ и помощь, направленная на развитие, поскольку динамика переводов не совпадает с экономическими циклами. Имея в виду кризисы 2008 и 2014 годов, следует признать, что, несмотря на довольно значительное кратковременное падение объемов переводов в кризисное время¹³³, в целом переводы в значительной мере поддерживали экономики стран — получателей переводов (Таджикистан, Кыргызстан).

Связь между денежными переводами и экономическим развитием не однозначна, т.е. наблюдается как положительное, так и негативное воздействие денежных переводов. При этом характер позитивных и негативных эффектов переводов различается в зависимости от того, является ли страна получателем или отправителем переводов. Как правило, наибольший интерес вызывают входящие денежные переводы и их роль в развитии стран-получателей. В то же время влияние оттока переводов на развитие стран-отправителей переводов обычно не привлекает внимание исследователей. Считается, что их объем слишком мал по сравнению с основными макроэкономическими показателями стран-получателей, поэтому отток переводов не оказывает существенное влияние на экономику и развитие стран, использующих иностранную рабочую силу¹³⁴. Тем не менее, немногочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что исходящие денежные переводы ослабляют экономический рост в краткосрочной перспективе, но не оказывают влияния в долгосрочном плане¹³⁵.

Кроме того, в странах, перечисляющих денежные переводы, отток переводов воздействует на денежную политику¹³⁶. Исходящие денежные переводы могут играть также положительную роль, снижая инфляцию в странах-отправителях¹³⁷. Если бы переводы остались бы в экономике стран, отправляющих переводы, то они увеличили бы местный спрос на товары и услуги, что соответственно повысило бы уровень цен.

Влияние на экономический рост в отправляющих странах (Таджикистан и Кыргызстан)

Говоря о влиянии переводов на страны-доноров миграции, все исследователи сходятся в том, что оно имеет сложный комплексный характер: переводы оказывают положительные краткосрочные эффекты и негативное долгосрочное влияние на экономику стран-получателей.

Рассмотрим влияние переводов на экономический рост, бедность и неравенство.

Действительно, в 2000-е годы денежные переводы внесли определенный вклад в экономическое развитие стран ЦА. Например, по оценкам Всемирного банка, денежные переводы обеспечили, по крайней мере, половину объема снижения абсолютной бедности в Таджикистане — с 72% в 2003 году до 53,5% в 2007 году. В целом, за период 1999 — 2014 годы уровень бедности в Таджикистане снизился с более чем 80% до 31,3%. Это один из самых впечатляющих показателей темпов сокращения бедности в мире. Денежные переводы также способствовали сокращению бедности в Кыргызстане — с 50% в 2003 году до 35% в 2007 году¹³⁸.

В то же время, несмотря на большой приток переводов и сокращение бедности, индекс человеческого развития в этих странах не улучшился. Для того, чтобы ответить на вопрос, как переводы влияют на бедность, надо сначала выяснить, какие группы населения посылают мигрантов, какие домохозяйства — обеспеченные или бедные, предпочитают отправлять своих членов на зарубежные заработки. Ряд авторов отмечают тот факт, что в бедных слоях населения значительно меньше мигрантов, чем среди обеспеченных слоев населения. Так, Али Мансур и Брюс Квиллин, основываясь на материале исследований в Таджикистане, указывают, что домохозяйства с очень низким уровнем благосостояния редко отправляют своих членов работать за рубеж¹³⁹. Авторы считают, что бедные группы населения имеют относительно низкий уровень образования, квалификации и языковых навыков, что препятствует успешной миграции.

Кроме того, начальный период миграции требует значительных затрат, включающих расходы на документы (оформление зарубежного паспорта, регистрации, патента или разрешения на работу в стране пребывания), покупку билета, оплату проживания и личные расходы в период поиска работы и трудоустройства. Бедным домохозяйствам трудно собрать средства, необходимые для трудоустройства за рубежом. Поэтому в миграции участвуют домохозяйства с достаточно высоким уровнем дохода.

Действительно, проведенные обследования показали, что существует связь между миграцией и доходом на душу населения. Проведенное автором исследование «Денежные переводы и бедность в Таджикистане», поддержанное АБР в 2007–2008 годах, показало, что доля мигрантских домашних хозяйств в бедных квинтилях существенно ниже, чем в богатых. Доля мигрантских домашних хозяйств в самом богатом пятом квинтиле превышает этот показатель для самого бедного квинтиля почти в три раза (56.4% и 19.5%, соответственно). Очевидно, богатые домашние хозяйства чаще участвуют в миграции, чем бедные. Кроме того, среди обеспеченных домашних хозяйств с мигрантами больше домашних хозяйств с несколькими мигрантами в составе. Почти 20% домашних хозяйств в самом богатом пятом квинтиле имеют двух и более мигрантов, в то время как в самом бедном первом квинтиле таких домохозяйств только 4.7%¹⁴⁰. Аналогичные результаты были получены и в более поздних исследованиях Всемирного банка.

Однозначная картина связи миграции и благосостояния общества заметно меняется, если мы изучим уровень доходов домашних хозяйств помимо денежных переводов. Это можно сделать если распределить домашние хозяйства по квинтилям, исключив доходы от миграции.

В этом случае, чем беднее квинтиль, тем больше в нем домохозяйств с мигрантами. В первом беднейшем квинтиле оказалось в 3,5 раз больше домохозяйств с мигрантами, чем в 5–м богатейшем. Кроме того, распределение домашних хозяйств по квинтилям без учета дохода от миграции показывает, что в бедных квинтилях число домохозяйств с более чем одним мигрантом значительно выше, чем в богатых.

Эти данные говорят о том, что переводы действительно позитивно влияют на уровень благосостояния домохозяйств, позволяя бедным домохозяйствам с большим числом трудоспособных членов участвовать в миграции и за счет переводов преодолевать бедность.

Эти же данные свидетельствуют о том, что переводы оказывают положительное влияние на неравенство по доходам. Переводы, особенно если в трудовой миграции участвует несколько членов домохозяйства, сокращают разрыв между бедными и богатыми домохозяйствами. Наиболее положительное влияние переводы оказывают на сельские домашние хозяйства.

Они позитивно влияют также и на гендерное равенство, так как в отсутствие мужей-мигрантов жены более активно участвуют в управлении семейным бюджетом. Это обстоятельство объясняет различия в отношении к питанию и образованию детей в домашних хозяйствах с мигрантами и без мигрантов. Так, в домашних хозяйствах, которые в отсутствие отцов-мигрантов возглавляют жены, дети получают лучшее питание по сравнению с домохозяйствами без мигрантов. Но в то же время в таких домохозяйствах предпочитают сокращать расходы на образование детей. В результате снижается только монетарная бедность, в то время как подавляющее большинство домашних хозяйств с мигрантами не могут справиться с хронической бедностью. Ее главными факторами, по данным Всемирного Банка, являются ограниченный доступ к образованию (среднему и высшему), системе водоснабжения, отопления, канализации и стабильного снабжения электроэнергией. Распределение доступа к этим услугам отличается крайней неравномерностью: уровень доходов определяет доступ к образованию, а также место жительства и соответственно, наличие постоянной электроподачи, водоснабжения, отопления и канализации¹⁴¹.

Переводы не всегда имеют стабильный характер в отдельных домашних хозяйствах. В случае экономического кризиса в принимающих странах, изменений миграционного законодательства, депортации, болезни и потери трудоспособности мигранта даже относительно высокие доходы от миграции не спасают мигрантские домашние хозяйства от периодического сползания в бедность.

Таким образом, приток переводов, каким бы большим он не был, не может компенсировать ряд негативных эффектов, связанных с трудовой миграцией. Кроме того, трудовая миграция в Таджикистане имеет дистрибутивный характер, так как самые

бедные домохозяйства и домохозяйства без трудоспособных молодых мужчин не могут в ней участвовать и в результате не могут выбраться из застойной крайней бедности.

Денежные переводы и инвестирование

Практика показала, что в Таджикистане переводы не стимулируют предпринимательскую активность и инвестиции. Это происходит прежде всего потому, что переведенные средства расходуются на базовые потребности — питание, одежду, медикаменты, жилище, отопление и т.п. При этом доля потребления в расходах домашних хозяйств, получающих переводы, выше, чем в не получающих домашних хозяйствах. Также выше расходы на товары длительного потребления, а расходы на образование и здравоохранение несколько ниже, чем в домашних хозяйствах, не получающих денежные переводы. Кроме того, получающие домашние хозяйства чаще экономят, чем не получающие¹⁴².

Хотя денежные переводы не стимулируют предпринимательскую активность и образование, переводы положительно влияют на производство продовольствия, в частности продуктов животноводства и птицеводства в сельских районах.

В целом домашние хозяйства, получающие денежные переводы, инвестируют сбережения главным образом в товары длительного пользования (15%), драгоценности (5%), недвижимость (3%)¹⁴³. Фактически денежные переводы не пополняют банковские депозиты, потому что домашние хозяйства предпочитают сразу же их забирать. Это неудивительно, так как при слабой банковской системе Таджикистана население сохраняет защитный тип экономического поведения и не доверяет банкам.

Говоря об инвестициях мигрантских домашних хозяйств в бизнес, следует признать, что они незначительны. В среднем они составляют 3,6% всех расходов домашних хозяйств, получающих переводы, что более чем в два раза меньше, чем у хозяйств, не получающих переводы. При этом разрыв в инвестиционном поведении получающих и не получающих домашних хозяйств различается в зависимости от локации. Наибольший разрыв наблюдается в городах. Например, в Душанбе не получающие домашние хозяйства вкладывают в бизнес и предпринимательскую активность в 6 раз больше, чем домашние хозяйства, получающие переводы¹⁴⁴. Таким образом, денежные переводы главным образом повышают уровень потребления и улучшают благосостояние домашних хозяйств, но слабо влияют на инвестиционное и технологическое развитие страны.

Тот факт, что домашние хозяйства, получающие переводы, предпочитают не инвестировать в бизнес, не открывать свое дело и не нанимать работников, во многом связан с половой структурой миграции из Таджикистана. За рубеж в основном уезжают мужчины — главы домашних хозяйств и их сыновья. Оставшиеся дома жены, дети и пожилые родители мигрантов, как правило, не начинают бизнес, но они могут работать в сельском хозяйстве и обустройства дом. Именно поэтому доля инвестиций в домашнее хозяйство и приусадебное сельское хозяйство в мигрантских домашних хозяйствах превышает аналогичные расходы в домашних хозяйствах, не получающих переводы. Повышенная доля сбережений в виде драгоценных металлов и камней объясняется характерными для гендерного порядка в Таджикистане ограничениями женщин по владению движимым и недвижимым имуществом и неуверенностью жен мигрантов в своем будущем. Они стремятся приобрести золотые ювелирные украшения в качестве страховой суммы на случай развода или гибели мужа-мигранта.

Существуют различия в использовании мигрантских переводов между Кыргызстаном и Таджикистаном. В Кыргызстане часть переводов инвестируется в малый и средний бизнес (швейная промышленность, торговля, агропроизводство, переработка сельхозпродукции), что обеспечивает рост производства местных товаров¹⁴⁵. Рост переводов стимулирует совокупный спрос, который удовлетворяют местные производители. Соответственно расширяется сфера занятости, растут стимулы для сферы образования и в целом роста человеческого капитала.

В Таджикистане, как уже говорилось выше, переводы в основном расходуются на потребление, они не инвестируются в бизнес и не поддерживают местное производство. Развитие малого и среднего бизнеса сдерживается неблагоприятным бизнес-климатом, повсеместной коррупцией и тяжелым налоговым бременем.

В результате, несмотря на то, что переводы положительно повлияли на рост ВВП, способствовали развитию сферы услуг, транспорта, связи, банковского сектора, строительства, а также снизили бедность и неравенство, они продолжают оставаться непродуктивными.

Рост переводов без создания возможностей для их инвестирования привел к росту потребления, соответственно — к быстрому росту импорта и увеличению дефицита торгового баланса в Таджикистане в период 2003—2007 годов. Это способствовало развитию «голландской» болезни, росту инфляции, расхождению между ростом оплаты труда и его низкой производительностью. Однако худшим следствием притока денежных переводов без возможности их инвестировать в местное производство стало негативное воздействие на занятость.

Исследования Всемирного банка в РТ показали, что рост денежных переводов на 1 % ведет к снижению занятости на 0,04¹⁴⁶. Таким образом переводы ведут к уменьшению экономической активности домашних хозяйств, парадоксальным образом способствуя росту детского труда и ухудшению человеческого капитала. Отсутствие возможностей вкладывать в местное производство не только ведет к снижению занятости, но и стимулирует трудовую эмиграцию.

Все это приводит к образованию замкнутого круга: переводы от мигрантов тратятся на импортные товары, а для того, чтобы их покупать, надо мигрировать и зарабатывать на внешних рынках труда. Таким образом, переводы оказывают положительный эффект на экономику страны, получающей переводы, в том случае, если они тратятся на местные, а не на импортные товары. В случае, если переводы используются на потребление импортных товаров, экспорт становится менее конкурентоспособным, а импорт получает дополнительное стимулирование и переводы в целом оказывают неблагоприятное воздействие на экономику.

Влияние на социальное сплочение

Исследования в Таджикистане показали, что переводы не оказывают положительного воздействия на развитие местных сообществ, включая деловую активность и социальное сплочение. Во многом это объясняется социальной структурой таджикского общества и типом связей, которые пронизывают общины.

Все обследования домохозяйств показывают, что подавляющее большинство домашних хозяйств — и те, которые получают, и те, которые не получают переводы, проживают в частных домах с приусадебными участками сельскохозяйственного назначения. Это означает, что домашние хозяйства в Таджикистане имеют низкую подвижность и характеризуются особенностями преобладающе сельского общества, т.е. аграрных общин. Будучи членами аграрных общин, хозяйства, получающие переводы и не получающие их, существенно различаются по типу включения в социальную структуру и сети.

Если не получающие хозяйства поддерживают отношения с родственниками и соседями, то получающие домашние хозяйства наряду с родственниками поддерживают отношения с мигрантскими сетями и мигрантскими сообществами в странах приема. Этот тезис можно обосновать анализом источников финансовой помощи, которую получают домашние хозяйства в случае форс-мажорных обстоятельств: домашние хозяйства, не получающие денежные переводы, в чрезвычайных случаях полагаются на родственные и коммунальные/общинные связи, тогда как для домашних хозяйств, получающих денежные переводы, главными источниками финансовой помощи в случае критического положения выступают родственники и друзья, проживающие в Таджикистане, и затем родственники и друзья, проживающие вне Таджикистана, т.е. мигрантские сети¹⁴⁷.

Поэтому рост переводов, так же как рост численности мигрантов снижает социальную интеграцию в общинах, формируя два различных сегмента общин — мигрантскую и немигрантскую часть, ориентированных на различные сети и сообщества. Как правило, сотрудники органов местной власти и ключевые лица в местных общинах принадлежат к не получающим переводы домашним хозяйствам, поэтому между мигрантами и их домашними хозяйствами с одной стороны и местными властями существует известная дистанция и определенное недоверие. Эту дистанцию не могут преодолеть ритуалы и обряды, совместная религиозная активность в рамках местных религиозных общин, так как пожертвования религиозным организациям и родственникам являются небольшими и не стимулируют социальное сплочение в общинах. Поэтому можно предположить, что переводы не оказывают сильного положительного воздействия на развитие местных общин.

Влияние на управление

Так же как государственная миграционная политика и законодательство воздействуют на миграцию, последняя в свою очередь оказывает заметное воздействие на государственное управление, меняя сферы традиционной ответственности и сокращая социальные услуги государства. На протяжении 15 лет развития трудовой внешней миграции в Таджикистане все более заметной становится связь между миграцией, переводами и развитием государственных институтов, государственной политикой, местным управлением. В Таджикистане под воздействием миграции и переводов протекает процесс изменений в представлениях об ответственности государства, элиты и лидеров. Меняется и сам комплекс представлений об ответственности государства перед гражданами, о легитимности власти. Домохозяйства переориентировались на мигрантские и родственные сети, требуя от властей только поддержания безопасности и стабильности. Они предпочитают использовать переводы, чтобы компенсировать отсутствие государственных услуг и не оказывают давление на правительство с целью улучшения его деятельности. Это позволяет правительству сокращать государственные расходы на здравоохранение, образование, социальную защиту и в то же время стабилизирует политическую ситуацию в стране, сохраняя плохое управление и откровенно слабые государственные институты.

Выводы

Действительно, миграция и денежные переводы являются одним из важнейших факторов развития для ЦА региона и в отправляющих мигрантов странах, и в принимающих. В то же время, их влияние неравноценно. Положительный эффект на развитие более выражен и имеет долгосрочный характер в принимающих странах, тогда как в отправляющих странах он имеет краткосрочный характер и сильно зависит от государственной политики, законодательства, бизнес-климата.

Хотя денежные переводы признаны одним из инструментов развития, их развивающий потенциал до сих пор не используется в полную силу. В отправляющих странах ЦА (Таджикистан, Кыргызстан) осуществляется преимущественно потребительская модель расходования переводов. С одной стороны, приток денежных переводов снижает уровень бедности и неравенства доходов, уменьшает количество бросивших школу, улучшает состояние здоровья населения за счет улучшения питания в домохозяйствах. Денежные переводы помогают домашним хозяйствам справляться с нехваткой денег, позволяя им больше тратить на потребление. Переводы также повышают государственные доходы за счет роста фискальных платежей с растущего импорта, способствуют финансовому развитию.

С другой стороны, приток переводов усиливает инфляцию за счет возросшего спроса, способствует проявлениям «голландской болезни», повышает реальный обменный курс, снижает экономическую активность населения и таким образом, препятствует экономическому росту. Кроме того, переводы снижают конкурентоспособность экспорта, сильно ухудшают эффективность образования и здравоохранения за счет развития коррупции.

Миграция и переводы меняют само общество, его структуру, а также систему взаимодействия между социальными и государственными институтами. В этих условиях необходима сильная миграционная политика государства, тесно увязанная с политикой в области занятости и развития малого и среднего бизнеса и в целом развития. Положительное воздействие денежных переводов на развитие может быть достигнуто, когда рост доходов за счет денежных переводов дополняется государственными мерами по развитию внутреннего производства, поддержке малого и среднего бизнеса, которые могли бы аккумулировать мигрантские инвестиции и инновации, привносимые возвращающимися мигрантами. Необходимы также соответствующие государственные инвестиции в сферу образования, здравоохранения, в создание инфраструктуры.

А.С. ГАЕВА,

старший научный сотрудник
отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ,
кандидат политических наук
(Россия)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Международная миграция в Евразийском экономическом союзе является один из основных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития стран в него входящих. С одной стороны, миграция компенсирует демографические потери и снижает нагрузку на пенсионную систему в странах Союза, сталкивающихся с риском депопуляции и дефицитом трудовых ресурсов, с другой стороны, она позволяет сохранять политическую и социально-экономическую стабильность в трудоизбыточных странах с высокими темпами естественного прироста населения и экономической стагнацией. В этой связи выработка единых подходов к регулированию миграционных процессов в ЕАЭС и формирование общего рынка труда, наряду с устранением барьеров к движению товаров, услуг и капитала, стала существенным достижением евразийского интеграционного процесса.

Поскольку ЕАЭС – прежде всего проект экономической интеграции, в которой важное место отводится функционированию единого рынка труда и занятости, фокус межгосударственного сотрудничества сосредоточен на управлении международной трудовой миграцией. Правовой основой для этого служит Договор о Евразийском экономическом союзе, раздел XXVI которого вводит ряд преференций для мигрантов из стран-участниц¹⁴⁸. В частности, на них не распространяются меры по защите национального рынка труда и правила миграционного учета, согласно которым они обязаны в 30-дневный срок зарегистрироваться и найти работу¹⁴⁹. Для трудоустройства в принимающей стране Союза им не требуется оформление соответствующих разрешительных документов: доступ к занятости осуществляется наравне с гражданами страны-реципиента, а срок пребывания работника и членов его семьи определяется сроком, на который заключен трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем. Если договор был расторгнут после окончания 90 дней, то иностранный работник без необходимости выезда в течение 15 дней имеет право на заключение нового договора.

Не менее важным пунктом является взаимное признание документов об образовании без проведения соответствующих процедур аккредитации. Это значительно упрощает выход мигрантов из стран-участниц ЕАЭС на рынок труда принимающего государства и позволяет мигранту получить рабочую позицию с более выгодными условиями, согласно его специальности и квалификации. Вне данного положения – сферы медицины, преподавания, юриспруденции и фармацевтики, что, вероятно, связано не только с повышенной социальной ответственностью специалистов данных областей, но и существующими различиями в образовательных и профессиональных системах стран ЕАЭС.

Поскольку в современном мире управление миграционными процессами базируется не только на реализации интересов государства, но и предусматривает защиту прав и свобод мигрантов, наряду с либерализацией условий пребывания и осуществления трудовой деятельности, Договором также предусмотрена их интеграция в социальную

систему страны-реципиента. Так трудящиеся из государств-участников ЕАЭС и члены их семей имеют право на равное с гражданами страны трудоустройства социальное обеспечение, за исключением пенсионного, и право на получение бесплатной неотложной и экстренной медицинской помощи¹⁵⁰. Это означает, что трудовые мигранты в рамках евразийского экономического пространства получают все виды пособий по случаю временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Также их дети включаются в систему дошкольного и школьного образования государства-реципиента. Это способствует развитию их социокультурных компетенций и интенсификации межкультурного обмена.

С целью повышения уровня социальной защищенности работников из ЕАЭС трудовой стаж, приобретенный в принимающем государстве, засчитывается в общий трудовой стаж. При этом эта норма также не распространяется на пенсионное страхование: сегодня задача выработки единых стандартов пенсионного обеспечения и «экспорта» пенсионных прав в рамках Союза остаются наиболее трудноразрешимой. Основная причина – значительные отличия пенсионных систем стран – членов ЕАЭС, как на структурном уровне (параметры начисления размера пенсии), так и в способах формирования и распределения пенсионных накоплений. В настоящее время проект Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза, предусматривающий выплату пенсии принимающим государством за период, который мигрант работал на его территории, находится на стадии обсуждения.

Таким образом, благодаря интеграционному процессу на евразийском экономическом пространстве были сняты основные барьеры, препятствующие доступу мигрантов из стран – участниц ЕАЭС на национальные рынки труда, и гарантирована их социальная защита. Данные нововведения закономерно отразились на миграционных процессах и на структуре миграционных потоков в государства, выполняющие роль основных реципиентов.

Страны ЕАЭС являются частью сложившейся на постсоветском пространстве Евразийской миграционной системы¹⁵¹. Это означает, что исторические, социокультурные, экономические, демографические факторы, обусловившие ее развитие и конфигурацию, оказывают влияние на структуру и направления движения миграционных потоков между государствами – членами ЕАЭС. Так, например, исторический опыт функционирования в составе единого политического образования не только определил наличие общих культурных, политических и экономических связей, способствовавших формированию устойчивых миграционных отношений между данными государствами, но и повлиял на создание безвизового режима въезда, положительно коррелирующего с миграционной мобильностью населения.

Одновременно с этим создание условий для совместного межгосударственного управления миграцией выделяет ЕАЭС на фоне Евразийской миграционной системы как более интегрированную подсистему с зоной свободного перемещения и занятости и, соответственно, новыми «переменными». В этой подсистеме определяющими для миграции факторами выступают неравномерность социально-экономического развития стран в нее входящих и демографический дисбаланс между ними.

В результате экономически активное население из государств, не обладающих возможностями для трудоустройства и стабильного заработка, перемещается в страны, испытывающие потребность в трудовых и демографических ресурсах и предлагающие лучшие условия труда. К первым относятся, прежде всего, Кыргызстан и Армения, которые среди стран – членов ЕАЭС имеют наиболее высокие уровни безработицы (7,2% и 18% соответственно) и бедности (25,4% и 29,4%). В этих условиях денежные переводы трудовых мигрантов, составившие в 2016 году 34,5% от ВВП Кыргызстана и 11,3% от ВВП Армении¹⁵², положительно влияют на уровень доходов населения и снижают уровень бедности, поддерживая социально-экономическую стабильность в данных странах.

Таблица 1
Отдельные показатели социально-экономического и демографического развития
стран ЕАЭС, 2016 год¹⁵³

	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
Безработица	5,5%	5%	0,8%	7,2%	18%
Бедность	13,4%	2,6%	4,2%	25,4%	29,4%
Естественный прирост/убыль	– 2,3	269,4	– 1,6	124,6	12,4
Миграционный прирост/убыль	262,0	– 21,2	7,9	– 3,9	– 24,8
Общий прирост населения	259,7	248,3	6,3	120,7	–12,4

Указанные социально-экономические показатели обеспечивают Армении и Кыргызстану в миграционной подсистеме ЕАЭС статус отправляющих, ориентированных на поддержание связей со своей диаспорой и использование трансграничных денежных переводов ее представителей для стимулирования экономического роста.

В случае Кыргызстана «выталкивающие» факторы бедности и безработицы сочетаются с демографическими – это высокие темпы роста численности населения и молодая возрастная структура¹⁵⁴, способствующие избытку рабочей силы. В случае Армении естественный прирост населения не способствует росту его численности при высоких показателях миграционного оттока, однако, также наблюдается дисбаланс спроса и предложения рабочей силы в пользу преобладания последнего, что стимулирует эмиграцию¹⁵⁵.

К экономически благополучным странам, с отрицательными показателями естественного воспроизводства населения и сокращением его трудоспособной доли, относится, прежде всего, Россия. Согласно прогнозам, ее потребность в иммиграции с течением времени будет нарастать: общая величина естественной убыли ее населения за период с 2017 по 2030 год составит более 4 млн чел.¹⁵⁶, а общая численность населения трудоспособного возраста без учета иммиграции с 2014 по 2030 год сократится на 11 млн чел.¹⁵⁷ Причем, если сегодня ежегодный миграционный прирост в размере 200–300 тыс. чел. способен обеспечить стабилизацию и рост численности населения России, то уже с 2020 года этого будет недостаточно даже для покрытия естественной убыли¹⁵⁸.

Благоприятная конъюнктура российского рынка труда, состоящая в преобладании спроса на рабочую силу над ее предложением¹⁵⁹, высокие показатели социально-экономического развития в совокупности с негативными демографическими тенденциями делают Россию центром притяжения долгосрочных и временных трудовых мигрантов не только из стран ЕАЭС, но и постсоветского пространства.

Здесь стоит отметить, что объем трудовой миграции в Россию из Узбекистана, Таджикистана и, в последние годы, – Украины, мобильность граждан которой возросла в результате эскалации военного конфликта на востоке страны, значительно превосходит объем трудовой миграции из всех стран ЕАЭС в совокупности. В 2017 году граждане Узбекистана и Таджикистана составили 56,8% общего трудового потока в Россию, на граждан стран – участниц ЕАЭС пришлось только 16,9%, из них на выходцев из Кыргызстана – 7,7%, Армении – 4,7% Беларуси – 2,5% Казахстана – 1,8%¹⁶⁰. В потоках долгосрочной миграции преобладают граждане Украины (25,5% от общего числа международных мигрантов), Казахстана (12,1%), Узбекистана (10,8%), Кыргызстана (6,9%)¹⁶¹.

Ухудшение экономической ситуации в России в 2014–2015 годы в результате снижения цен на энергоресурсы, возросшее миграционное давление граждан Украины и ужесточение российского миграционного режима показали, что рабочие из государств вне Евразийского блока оказались менее защищены от воздействия данных негативных факторов, в результате чего трудовая миграция в Россию практически из всех стран СНГ сократилась.

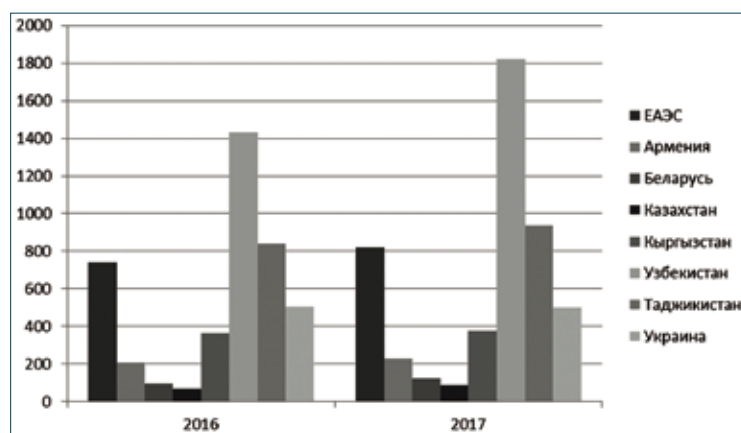

Рис. 1. Число ИГ, въехавших в РФ с целью «работа», 2016–2017 годы (тыс. чел.)¹⁶²

Особенно интенсивно валютный кризис и «сжатие» российского рынка труда в совокупности с финансовыми и временными издержками получения и оплаты патента отразились на иностранцах из Узбекистана и Таджикистана: в 2015 году общая численность работников из этих стран уменьшилась в среднем на 15–20%¹⁶³. Девальвация рубля по отношению к иностранным валютам способствовала и снижению личных трансграничных переводов мигрантов в Узбекистан и Таджикистан в 2015 году на 47% и 43%, соответственно.

Напротив, трудовая миграция из стран – участниц ЕАЭС в Россию или стабильно росла в период 2015–2016 годов, как в случае Казахстана и Беларуси, или росла в 2015, и незначительно снижалась в 2016, как в случае Армении и Кыргызстана. Причем в кризисный 2015 год численность иностранных трудящихся из Кыргызстана увеличилась более чем на 27%.

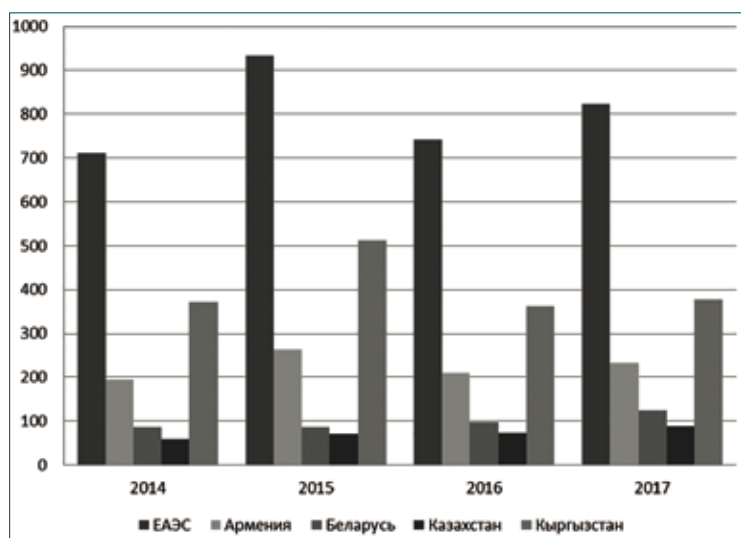

Рис. 2. Трудовая миграция из стран ЕАЭС в РФ (число въехавших с целью «работа»), 2014–2017 годы (тыс. чел.)¹⁶⁴

По сравнению с Узбекистаном и Таджикистаном, а также с другими странами СНГ, объем личных денежных переводов в страны ЕАЭС сократился меньше: в Беларусь на 41%, в Армению – на 33%, в Кыргызстан – на 32%, и в Казахстан – на 25%. Быстрее всех от кризиса оправились трудовые мигранты из Казахстана и Кыргызстана, о чем свидетельствует рост переводов в данные страны на 18,3% и 3,6%, соответственно, уже в 2016 году.

Таким образом, принадлежность к Евразийскому экономическому союзу позволила трудовым мигрантам из стран-участниц относительно безболезненно преодолеть кризисные явления в российской экономике, а также отрицательное влияние других факторов, вроде рестриктивных миграционных правил. В 2017 году трудовая миграция из стран ЕАЭС продолжила демонстрировать положительную динамику (на 9,8%), причем за счет увеличения миграции из всех стран-участниц. Параллельно стабилизации российской экономики временное снижение миграции из Узбекистана и Таджикистана сменилось

ростом, хотя ее показатели еще не вышли на докризисный уровень. В ближайшее время эти страны за счет значительных демографических резервов, высокой бедности и безработицы останутся основными донорами рабочей силы в Россию. Между тем возможности социально-экономической интеграции в российское общество, созданные посредством евразийских интеграционных процессов, повысили конкурентоспособность и социальную защищенность мигрантов из ЕАЭС, что особенно заметно в критичных условиях. В перспективе, при условии сохранения современного состава ЕАЭС, это может трансформировать этническую структуру трудовой миграции в Россию и повлиять на ее объемы.

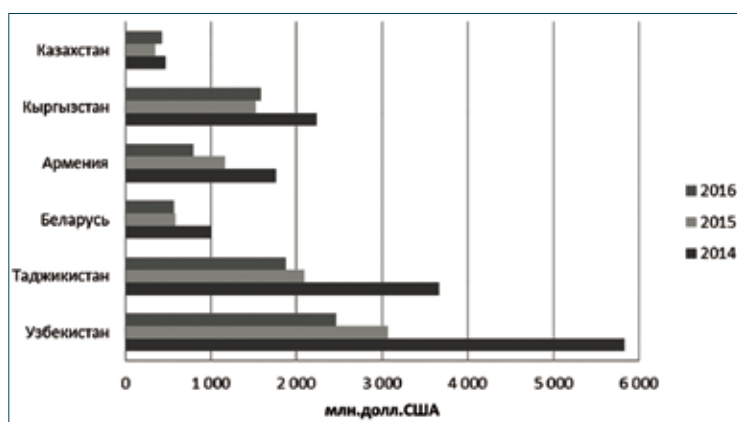

Рис. 3. Личные трансграничные переводы из РФ в страны ЕАЭС, Узбекистан и Таджикистан, 2014–2016 годы (млн долл.)¹⁶⁵

Уникальное промежуточное положение в Евразийской миграционной системе занимает Казахстан, являясь страной как экспортирующей, так и импортирующей рабочую силу. Такая роль обусловлена, с одной стороны, высокими темпами естественного воспроизводства населения и избытком труда в отдельных регионах¹⁶⁶ (например, Астана, Атырауская и Северо-Казахстанская области), что позволяет Казахстану экспортировать рабочую силу; с другой стороны, постепенным сокращением дистанции между Россией и Казахстаном по ряду социально-экономических параметров и показателей уровня жизни населения¹⁶⁷, что является благоприятным условием для привлечения трудовых ресурсов. Тем не менее, в рамках ЕАЭС Казахстан пока остается источником трудовых мигрантов, нацеленных в основном на российский рынок труда, однако, в миграционных отношениях с государствами Центральной Азии выступает реципиентом.

Так же, как и в России, в Казахстане основную массу иностранных работников составляют граждане Узбекистана, численность которых неуклонно растет с 2011 года, а в 2016 превысила миллион человек¹⁶⁸; более 300 тыс. человек получили разрешение на работу¹⁶⁹.

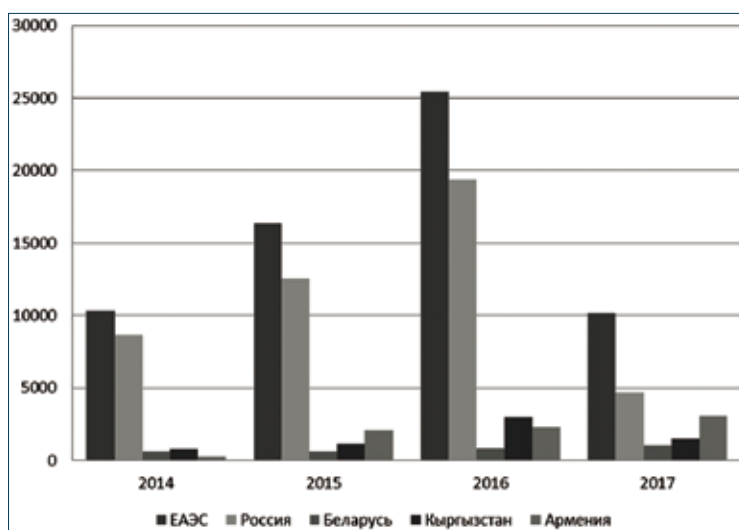

Рис. 4. Трудовая миграция из стран ЕАЭС в Казахстан (число въехавших с целью «работа»), 2014–2017 годы (чел.)¹⁷⁰

Интеграционные процессы в ЕАЭС способствовали увеличению трудового потока в Казахстан из Кыргызстана и России — в 2016 году на 60% и 35%, соответственно, хотя его объемы значительно уступают объемам потока из Узбекистана. Причем если в Россию в 2016 году трудовая миграция из Армении и Кыргызстана снизилась, то в Казахстан по всем странам ЕАЭС она увеличилась на 63,2% в 2015 и на 64,2% в 2016 году (см. рисунок 4). Вероятно, из-за экономического кризиса в России часть трудового потока из Кыргызстана в 2015–2016 году переориентировалась на Казахстан, а часть носила возвратный характер. По мере нормализации экономической ситуации в России показатели трудовой миграции в Казахстан начали снижаться.

Поскольку для республик Центральной Азии и, особенно Узбекистана и Кыргызстана, трудовая миграция в Казахстан обладает рядом материальных и нематериальных преимуществ, по сравнению с поездкой на заработки в Россию, Казахстан уже сегодня перенаправляет на себя часть миграционного потока, изначально нацеленного на трудоустройство в России. Снижение востребованности российского рынка труда во всех странах ЕАЭС (за исключением Беларуси) и ряде стран СНГ¹⁷¹ — доля желающих поработать в России в Кыргызстане с 38% в 2015 году снизилась до 30% в 2017 году, в Казахстане — с 23% до 21%, в Армении — с 27% до 25%, в Таджикистане — с 53% до 37%, — в совокупности с негативным отношением к трудовым мигрантам среди российских граждан¹⁷² также будут способствовать диверсификации миграционных потоков на постсоветском пространстве в пользу Казахстана. Чтобы не проиграть борьбу за человеческие ресурсы, Россия должна не только налаживать эффективное сотрудничество в миграционной сфере со странами отправления, входящими в состав ЕАЭС и СНГ, но и преодолеть в своей миграционной политике тенденцию к секьюритизации миграции (восприятие миграции исключительно в контексте проблем национальной безопасности) и снизить уровень внутренней ксенофобии¹⁷³.

Что касается Беларуси, то в миграционной подсистеме ЕАЭС так же, как и Казахстан, она занимает промежуточное положение, являясь донором трудовых мигрантов и одновременно реципиентом. При этом если в Казахстан направляются преимущественно мигранты-работники, то в Беларусь иммигранты, ориентированные на постоянное проживание.

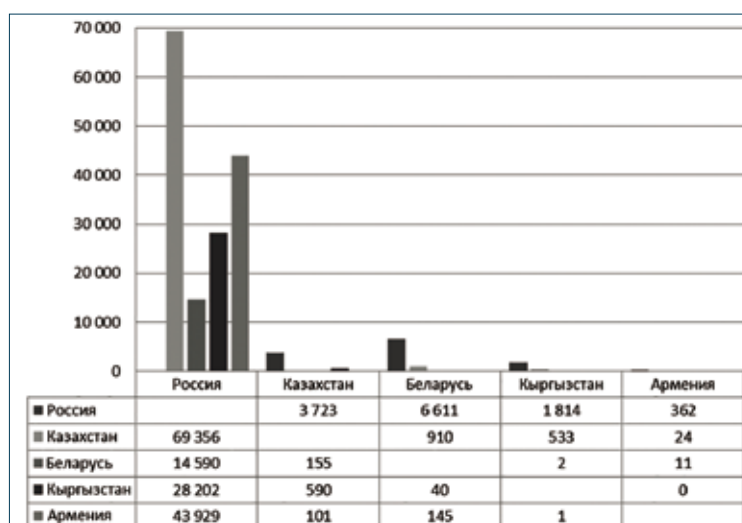

Рис. 5. Международная миграция в странах ЕАЭС, 2016 год (чел.)¹⁷⁴

Вероятно, это связано с тем, что в процессы долгосрочной миграции на пространстве ЕАЭС вовлечены в основном русские и русскоязычные, поэтому приоритетными государствами для иммиграции являются культурно и лингвистически близкие Россия и Беларусь. Этот тезис подтверждают и статистические данные: основными источниками долгосрочных иммигрантов в Беларусь из стран-участниц ЕАЭС являются Россия и Казахстан, на которых пришлось 86,7% и 11,9%, соответственно, от общей численности долгосрочных международных мигрантов, прибывших в Беларусь из стран-участниц ЕАЭС в 2017 году. Иммиграция с целью постоянного проживания отвечает демографическим потребностям Беларуси, поскольку для нее характерны аналогичные российским процессы депопуляции¹⁷⁵. В результате естественной убыли

с 2000 по 2017 годы страна потеряла более 500 тыс. человек¹⁷⁶, основным источником стабилизации и роста численности населения был и остается миграционный прирост. Согласно среднему варианту прогноза ООН, низкие показатели рождаемости, не обеспечивающие простого воспроизводства населения, будут способствовать тому, что население Беларуси к 2050 году сократится почти на миллион человек¹⁷⁷. В то же время демографическое старение и сокращение с 2013 по 2030 год численности лиц трудоспособного возраста на 777,6 тыс. человек¹⁷⁸ актуализируют необходимость привлечения трудовых мигрантов. Пока процессы трудовой миграции для Беларуси в контексте ЕАЭС характеризуются миграционным оттоком в пользу России, чему способствуют отсутствие культурного и языкового барьера, равенство прав при трудоустройстве, географическая близость, более высокий уровень заработной платы.

Таким образом, диспропорции в распределении демографического и социально-экономического потенциалов по странам ЕАЭС служат стимулами к миграционному перемещению населения в рамках Евразийского экономического пространства, создавая центры притяжения и выталкивания мигрантов. Указанные диспропорции сохранятся и в перспективе, что формирует объективную потребность в углублении и расширении евразийского интеграционного процесса, который будет способствовать «смягчению» демографического давления трудоизбыточных стран региона и снижать риски распространения бедности и неравенства.

Анализ миграционных процессов на Евразийском экономическом пространстве позволяет выделить следующие их особенности:

1. Доминирование трудовых миграционных потоков на долгосрочными, что соответствует распределению миграционных потоков по целям въезда на всем постсоветском пространстве: трудовая миграция также более интенсивна, чем долгосрочная.

2. Неравномерность распределения как временных трудовых, так и долгосрочных миграционных потоков. Основная их часть направлена в Россию, в то время как миграционный обмен между остальными странами-участницами ЕАЭС незначителен или практически отсутствует. При этом постепенно повышается миграционная привлекательность Казахстана для трудовых мигрантов из Кыргызстана и России, хотя по численности трудовых мигрантов из стран-участниц Союза ЕАЭС он все еще существенно уступает России.

3. Страновая структура трудовой миграции практически не отличается от структуры долгосрочной: и в первом и во втором случае наиболее популярным направлением является Россия, которая выступает как центром миграционной подсистемы ЕАЭС, так и всей Евразийской миграционной системы. В то же время, по объемам трудовой миграции второе после России место принадлежит Казахстану, а по объемам долгосрочной — Беларуси.

4. Наиболее масштабные потоки трудовой миграции в основные страны-реципиенты — Россию и Казахстан направляются из-за пределов миграционной подсистемы ЕАЭС, но в рамках постсоветского пространства, а именно из Узбекистана.

5. Основным донором трудовой миграции выступает Кыргызстан, на граждан которого приходится около 47% общего трудового миграционного потока в рамках ЕАЭС. Основным донором долгосрочной иммиграции — Казахстан, граждане которого составляют около 44% общего иммиграционного потока.

6. Общность языка межнационального общения и исторически сложившиеся тесные экономические, культурные, политические и, соответственно, миграционные связи, что увеличивает возможности миграции и положительно влияет на динамику и интенсивность миграционного обмена между странами-участницами ЕАЭС.

7. Взаимная заинтересованность в миграции и эффективном ее регулировании принимающих и отправляющих стран-участниц Союза, которая базируется на неравномерности их социально-экономического и демографического развития.

Резюмируя, можно сделать вывод, что посредством евразийского интеграционного процесса был создан эффективный с точки зрения обеспечения поступательного социально-экономического и демографического развития стран — участниц ЕАЭС механизм управления трудовой миграцией. Он упростил доступ мигрантов к национальным рынкам труда, повысил уровень их социальной защищенности, а также через снятие барьеров к занятости и проживанию легализовал часть миграционного потока на постсоветском пространстве. Все это способствовало интенсификации миграционного обмена между отправляющими и принимающими странами в рамках ЕАЭС и повысило адаптируемость к кризисным ситуациям, конкурентоспособность и

возможности миграционной «маневренности» иностранных работников из Киргизии, Армении и Белоруссии на рынках труда России и Казахстана.

Вместе с тем сегодня в миграционной сфере ЕАЭС существуют проблемные моменты, препятствующие повышению эффективности использования установившихся миграционных связей на евразийском пространстве и их социального, экономического и демографического потенциала. Среди таких проблем, по мнению автора, наиболее актуальными являются отсутствие инфраструктурных и информационных возможностей для организованного набора трудовых мигрантов и начала процесса трудоустройства еще на территории страны отправления и отсутствие совместных программ языкового обучения, профессиональной подготовки и повышения квалификации с учетом потребностей рынков труда принимающих стран ЕАЭС. Указанные проблемные моменты могут быть преодолены посредством дальнейшего развития сотрудничества между странами-членами ЕАЭС в области миграции

Л.В. ШЕНЕЦ,
директор Департамента энергетики
Евразийской экономической комиссии
(Россия)

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе.

Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

Площадь территории стран ЕАЭС – более 20 млн км² (14% мировой суши), численность населения стран ЕАЭС – 183,4 миллиона человек (см. рис.1).

Рис.1

Основными интеграционными ориентирами и приоритетами сотрудничества государств – членов Союза являются проведение скоординированной энергетической политики и создание общих энергетических рынков, которые включают рынки электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов. Это позволит более эффективно использовать мощный энергетический потенциал Союза и обеспечить устойчивое развитие экономик и повышение благосостояния населения государств-членов Евразийского экономического союза.

Основные направления взаимодействия государств-членов Союза в сфере энергетики:

- развитие долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики;
- проведение скоординированной энергетической политики;
- осуществление поэтапного формирования общих рынков энергетических ресурсов с учетом обеспечения энергетической безопасности.

Формирование общего электроэнергетического рынка происходит в несколько этапов: в мае 2015 года утверждена Концепция формирования ОЭР Союза; в декабре 2016 года – Программа; до 1 июля 2019 года должен вступить в силу международный договор (см. рис. 2).

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА (ОЭР)

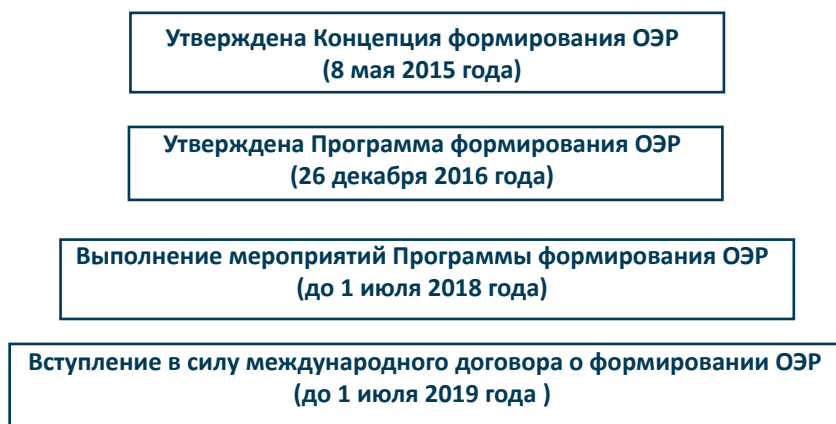

Рис. 2

Экономическим эффектом от создания ОЭР станут рост объемов трансграничной торговли электроэнергией внутри Союза, экспорт электроэнергии за пределы Союза, загрузка межгосударственных линий электропередач, загрузка генерирующих мощностей, дополнительный рост ВВП стран за счет синергетического эффекта, повышение энергетической безопасности государств – членов Союза.

Концепции формирования общего рынка газа и формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов утверждены в мае 2016 года. В настоящее время подготовлены программы формирования общего рынка газа и общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза. Далее последуют их принятие, выполнение мероприятий программ, а также заключение и вступление в силу международных договоров в рамках Союза. Для достижения полноценного функционирования общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов ЕАЭС необходимо провести серьезную, слаженную работу правительств, Евразийской экономической комиссии и бизнес-сообщества для обеспечения начала функционирования рынков не позднее 1 января 2025 года (см. рис. 3).

Однако, в современном мире немаловажной и актуальной задачей является также оптимизация потребления энергии, которая позволит не только снизить затраты, но не менее важно, – сэкономить углеводородные природные ресурсы.

Энергосберегающая политика и повышение энергоэффективности экономики, внедрение современных энергосберегающих технологий, являются важнейшим направлением повышения энергетической безопасности.

Во всех государствах – членах ЕАЭС приняты и реализуются

в настоящее время государственные программы, нацеленные по повышению энергосбережения и энергоэффективности, использование альтернативных источников энергии, улучшение экологической ситуации в сфере ТЭК и другие.

В ряде государств – членов ЕАЭС накоплен значительный практический опыт по реализации данных направлений, разработаны и внедряются новые технологии, производится соответствующее оборудование. Тем не менее, государства – члены ЕАЭС отстают в вопросах энергоэффективности от развитых стран (см. рис. 4). Это говорит о том, что имеются значительные резервы на снижение потребления топливно-энергетических ресурсов.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО РЫНКА ГАЗА

Утверждена Концепция формирования общего рынка газа
(31 мая 2016 года)

Разработка Программы формирования общего рынка газа
(2016–2017 годы)

Выполнение мероприятий Программы формирования общего рынка газа
(2018–2023 годы)

Подписание международного договора
по формированию общего рынка газа Союза (2021 год)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИХ РЫНКОВ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ

Утверждена Концепция формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов
(31 мая 2016 года)

Разработка и утверждение
Программы формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов
(2016–2017 годы)

Выполнение мероприятий Программы, разработка единых правил доступа к системам
транспортировки нефти и нефтепродуктов (2018–2023 годы)

Заключение и вступление в силу международного договора
в рамках Союза о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза
(2024 год)

Рис. 3

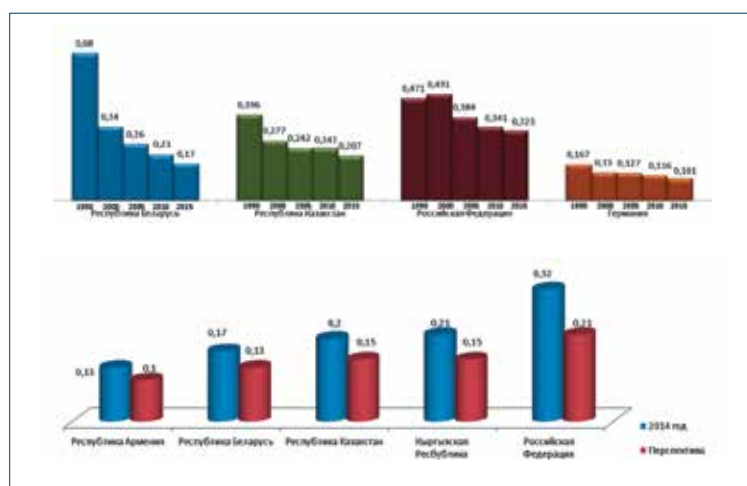

Рис. 4. Перспективы снижения показателей энергоемкости ВВП

В своем обращении к главам государств – членам Евразийского экономического союза Председатель Высшего Евразийского экономического совета, Президент Российской Федерации В.В. Путин от 18 января 2018 года подчеркнул необходимость обеспечения дальнейшего развития ЕАЭС: «Для этого необходимо взглянуть на интеграционный проект шире – ставить перед собой и реализовывать амбициозные интеграционные задачи, осваивать новые направления и сферы сотрудничества. Нужно сделать так, чтобы все граждане наших государств четко понимали и разделяли

стоящие перед Союзом цели, активнее подключались к их решению, напрямую увязывали свои перспективы и благополучие с Евразийским экономическим союзом..... Хорошие возможности для наращивания связей между странами «пятерки» имеются в таких областях, как атомная энергетика, возобновляемые энергоисточники, экология, медицина, космос, туризм, спорт. Сейчас эти направления взаимодействия в рамках ЕвразЭС практически не охвачены, но интерес к ним довольно высок — и со стороны бизнеса, и со стороны населения. Поэтому, как представляется, нам стоило бы вплотную заняться данными темами в многостороннем, союзном формате».

В Государственной Думе РФ 21 декабря 2017 года состоялись парламентские слушания на тему: «Трехлетие подписания Договора о Евразийском экономическом союзе и инициативы российского председательства в 2018 году», по итогам которых были приняты рекомендации по углублению евразийской интеграции с учетом российского председательства в 2018 году, среди которых «...-развитие сотрудничества в экологической сфере с учетом задач внедрения «зеленых технологий» и повышения энергоэффективности».

Также 15 февраля 2017 года Президент Кыргызской Республики

А.Ш. Атамбаев в своем обращении к главам государств — членов Евразийского экономического союза обозначил «важным реализацию Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС, формирование технологических платформ в научно-технической, инновационной и производственной сферах, наряду с внедрением современных технологий энергосбережения и энергоэффективности, возобновляемых и альтернативных источников энергии».

В этой связи Евразийской экономической комиссией ведется активная работа по совершенствованию положений Договора о Союзе. Итогом такой работы станут повышение энергоэффективности, увеличение использования возобновляемых источников энергии, энергетической безопасности. Все это позволит повысить благосостояние народов государств-членов Союза, а также получить значительный экономический эффект.

Прогнозируемый рост валового внутреннего продукта повлечет за собой увеличение спроса на топливно-энергетические ресурсы в государствах — членах ЕАЭС. При этом рост спроса возможно обеспечить не только за счет увеличения добычи/покупки топливно-энергетических ресурсов, но и за счет организации совместной работы, направленной на снижение их потребления (снижение затрат топлива на производство и транспорт тепловой и электрической энергии, оснащение приборами учета и системами регулирования промышленных предприятий и жилых помещений, оптимизация схем теплоснабжения и другие меры). Обеспечение прироста ВВП без увеличения потребления топливно-энергетических ресурсов и разработка механизмов стимулирования экономии топливно-энергетических ресурсов являются основными из задач повышения энергоэффективности.

Указанные меры приведут к снижению потребления топливно-энергетических ресурсов, позволят снизить себестоимость производимой продукции, повысить ее конкурентоспособность и приблизиться к уровню высокоразвитых стран.

Внедрение указанных мероприятий одновременно улучшит и экологическую ситуацию.

Особенно актуально проведение энергосберегающих мероприятий в бюджетных организациях, поскольку повышение эффективности использования энергетических ресурсов при непрерывном росте цен на них и, соответственно, росте стоимости электрической и тепловой энергии позволяет добиться существенной экономии как энергетических, так и финансовых ресурсов.

Так, например, к мероприятиям, способствующим снижению потребления энергоресурсов можно отнести оптимизацию потребления тепла и электроэнергии, холодной и горячей воды, использование сенсоров освещенности помещений, применение систем регулирования теплоэнергии, регулирование температуры в выходные и праздничные дни при отсутствии персонала, внедрение энергоэффективных технологий и другие.

Сэкономленные от указанных энергосберегающих мероприятий средства, могли бы быть использованы бюджетными организациями с учетом особенностей финансового обеспечения этого учреждения, в том числе часть средств может быть направлена на поощрение персонала.

Евразийская экономическая комиссия 1 марта 2017 года и 13 декабря 2017 года в Москве провела научно-практические конференции, на которых были рассмотрены

перспективы топливно-энергетического комплекса государств – членов Евразийского экономического союза в области энергобезопасности, энергосбережения, энергоэффективности и экологии. Со стороны научно-экспертного сообщества был проявлен возрастающий интерес к обсуждению данных вопросов.

Учитывая наличие потенциала углубления интеграции в области энергобезопасности, энергосбережения, энергоэффективности и экологии в рамках Союза, а также высокую заинтересованность Сторон Евразийская экономическая комиссия продолжит развивать дальнейшее сотрудничество по этим направлениям.

А.А. КУРТМУЛАЕВ,
 главный редактор журнала «Партнер ЕАЭС»
 (Россия)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ, КИТАЯ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ТЭК

Как мы знаем, направления экспортных маршрутов транспортировки углеводородов зависят от множества факторов: политической и экономической ситуации в мире, динамики отрасли и развития потенциальных рынков нефти и газа, идеологических и религиозных установок стран, участвующих, как в добыче, так и в транспортировке углеводородов. События на Украине это красноречиво подтверждают.

Буквально недавно украинские СМИ сообщили, что власти страны рассматривают возможность частичного или полного прекращения транзита российских энергоресурсов по своей территории. Не трудно догадаться, что это вызвало большой резонанс в Европе — перспектива остаться без газа в канун зимы пугает европейцев. Москва также ответила бурной реакцией. Ведь через Украину в Европу идут два главных экспортных товара России: нефть и газ. Доходы от их продажи в совокупности формируют около половины федерального бюджета.

Что касается нефти, то ее через Украину за год проходит 14 млн тонн. В случае закрытия транзита половину этого объема Россия сможет перебросить на порт Усть-Луга на Балтийском море, еще 7 млн. тонн — на северную ветку трубопровода «Дружба», проходящую по территории Белоруссии.

С газом ситуация сложнее. Через Украину идет до 50% европейского газового экспорта России. Если Киев перекроет транзит энергоресурсов, то и Европа, и Россия, окажутся в сложном положении: у первой дефицит топлива, у второй — его профицит.

В данных условиях для снижения зависимости от транзитных стран «Газпром» постепенно осуществляет переход на общепринятые в мировом газовом бизнесе принципы рыночного ценообразования, а также реализует газотранспортные проекты, нацеленные на диверсификацию экспортных маршрутов. Так, подписанный 21 мая этого года ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией CNPC 30-летний контракт на поставку 38 млрд м³ природного газа в Китай оценен международными экспертами как важный стратегический ход в условиях введения европейскими странами санкций в отношении Российской Федерации.

В запасе у «Газпрома» имеется еще ряд перспективных наработок. Например, вариант транзита российского газа по территории Республики Казахстан в КНР с использованием существующих и планируемых газотранспортных мощностей Казахстана, а также строительством новых газопроводов по территории Казахстана, учитывая растущие потребности КНР в газе.

Как известно, будучи одними из самых богатых ресурсами стран СНГ, Россия и Казахстан достигли в топливно-энергетической сфере уровня сотрудничества, который оценивается сегодня аналитиками как беспрецедентный. При этом к числу наиболее значимых направлений энергетического сотрудничества союзных стран относятся газовые проекты.

К примеру, в декабре 2006 года «КазРосГаз» — совместное предприятие «Газпрома» и его казахстанского аналога «КазМунайГаза» — и ООО «Оренбурггазпром» подписали договор о поставках на Оренбургский газоперерабатывающий завод природного газа,

добываемого на Карачаганакском месторождении. Ключевое предприятие проекта — «КазРосГаз» — начало свою деятельность 1 января 2007 года. Одним из главных условий его создания являлось заключение «длинных» контактов сроком не менее чем на 15 лет, ежегодная переработка 15 млрд м³ газа, добытого на Карачаганаке, его реализация в России и Казахстане, а также экспорт по каналам «Газпрома» в Европу.

Существующая схема газопроводов Казахстана протяженностью более 11 тыс. км, функционировавшая как составная часть бывшей единой общесоюзной системы, преимущественно обслуживает транзитные потоки природного газа из Средней Азии в Европейскую часть России, Украину и в государства Закавказья.

Транзит газа по территории Республики Казахстан осуществляется по основным магистральным газопроводам:

- «Средняя Азия — Центр» — в направлении Узбекистан — Казахстан — Россия (туркменский и узбекский газ);
- «Бухарский газоносный район — Ташкент — Бишкек — Алматы» — в направлении Узбекистан — Казахстан (узбекский газ);
- «Оренбург — Новопсков и МГ «Союз» — в направлении России (российский газ);
- «Бухара — Урал» — в направлении России (туркменский газ).

За 2013 год объем международного транзита российского газа по территории Казахстана составил 54,0 млрд м³.

И сегодня наши стратегические партнеры, протягивая нам руку поддержки в такой сложной геополитической ситуации, предлагают расширить сотрудничество и создать совместную рабочую группу на уровне ОАО «Газпром», АО «НК «КазМунайГаз» и китайской CNPC для проработки вопросов по транзиту российского газа в КНР через территорию РК.

Действительно, Казахстан имеет значительный транзитный потенциал, а отдельные из крупных газопроводов на территории Республики, могут быть эффективно использованы в наших интересах. К примеру, как считают в «Газпроме», вполне эффективно можно использовать крупные «газовые нитки» «Бухара — Урал» (8 млрд м³/год), «Бозой — Шымкент» (10 млрд м³/год), «Казахстан — Китай» (5 млрд м³/год).

Помимо этого, рассматривается вариант транзита со строительством новых газотранспортных мощностей на территории соседнего государства.

Маршрут № 1: (государственная граница РФ — РК) Ишим — Петропавловск — Астана — Караганда — Дружба (государственная граница РК — КНР). Протяженность трассы газопровода по территории РК — 1670 км. Производительность газопровода — 30 млрд м³/год.

Маршрут № 2: (государственная граница РФ — РК) Семей — Майкапчагай (государственная граница РК — КНР). Протяженность трассы газопровода по территории РК — 660 км, производительность — 30 млрд м³/год.

Маршрут № 3: (государственная граница РФ — РК) Семей — Актогай — Дружба (государственная граница РК — КНР). Протяженность трассы газопровода по территории РК — 850 км, производительность — 30 млрд м³/год.

К тому же, помимо всего прочего, в настоящее время в законодательство Республики Казахстан внесены изменения по созданию благоприятного инвестиционного климата.

Оценивая общие итоги сотрудничества России и Казахстана в энергетической сфере, их с полным правом можно назвать не имеющими аналогов на постсоветском пространстве. Главным результатом этого сотрудничества является возрастающая экономическая интеграция двух стран как пример взаимной поддержки в кризисный период и углубления сложившихся хозяйственно-технологических связей.

Д.А. ДИНЕЦ,
заведующая кафедрой «Экономика и управление
на железнодорожном транспорте»
Иркутского государственного университета путей сообщения,
кандидат экономических наук,
доцент
(Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ

Международные транспортные коридоры предназначены для обеспечения национального доступа к транспортной инфраструктуре на всем протяжении путей сообщения, пролегающих в разных странах и объединенных в общий маршрут. Развитие международных транспортных коридоров обусловлено тем, что повышение транспортной доступности обеспечивает рост товарооборота между странами, что, в свою очередь, стимулирует экономический рост. Сразу можно сделать оговорку о том, что, исходя из указанного свойства транспортных коридоров, в их развитии и укреплении в большей степени заинтересованы страны, испытывающие влияние кризиса перепроизводства. Для таких стран развитие финансово-торговых отношений является единственной возможностью наращивания темпов деловой активности.

Развитие международных транспортных коридоров осложняется тем обстоятельством, что техническое оснащение и нормативные ограничения пограничных и стыковых участков между различными видами транспорта определяют время прохождения груза по транспортному коридору в большей степени, нежели магистральная скорость.

По направлению Запад-Восток по территории России проходят международные транспортные коридоры ОСЖД, автотранспортные коридоры Европа — Западный Китай и Западная Европа — Западный Китай, морские транспортные коридоры Приморье 1 и Приморье 2 и коридоры Северной и частично Центральной веток Экономического пояса Шелкового пути. По направлению Север-Юг транспортные коридоры связывают порты Балтийского моря и Каспия (Балтийско-Волжско-Каспийский транспортный коридор), а кроме того, организуется сообщение между маршрутами СМП, Каспийским и Черным морями.

В современных условиях международный транспортный коридор становится одним из инструментов трансрегионализации — новой формы объединения государств. Если целью глобализации было усиление тенденций в международном разделении труда и сферах притяжения финансов и торговли, то трансрегионализация проявляется в стремлении к формированию единых экономических пространств вокруг центров мировой торговли и финансов.

Изменение принципов подчинения в торгово-финансовых связях обусловлено усилением влияния кризисов перепроизводства в странах и объединениях, претендующих на роль мировых финансовых центров. На фоне глобального сокращения спроса международное разделение труда становится непозволительной роскошью, а модель обращения глобальных финансов кардинально меняется — торговые и экономические союзы направлены на формирование рынков сбыта товаров, работ и услуг, производимых в странах, провозглашенных мировыми финансовыми центрами.

Иными словами, объектом управления становится не предложение и уровень издержек, а возможность формирования спроса на продукцию и услуги, предлагаемые

странами-лидерами мировой торговли. И в этом контексте важны два практических аспекта формирования общих рынков, в частности, энергетических, с участием России:

1) общий рынок предполагает наличие большего числа покупателей, нежели продавцов, на нем. Разрабатываемые в настоящее время модели общих рынков включают в основном продавцов сырьевых товаров и транспортных услуг. Такая модель нежизнеспособна, уровень издержек на конкурентную борьбу на таком рынке превысит все возможные выгоды от объединения;

2) в то время, как важнейшие игроки направили свои силы на управление спросом, как представляется, необходимо изыскивать резервы для управления издержками. Только экономическая эффективность позволит противодействовать глобальным изменениям в движении цепочек добавленной стоимости. Иными словами, если направления движения добавленной стоимости определяются тенденциями развития трансрегиональных группировок, то управлять уровнем добавленной стоимости в экспортных позициях необходимо за счет внутренних мер.

Более того, само время представляет неограниченные возможности для развития российской экономики: в отличие от торгово-экономических лидеров Запада и Востока в России нет кризиса перепроизводства или перенакопления капитала. В таких условиях управление предложением может стать залогом роста конкурентных преимуществ на начальных этапах развития нового технологического уклада.

Рост экспорта транспортных услуг за счет вовлечения в международные транспортные коридоры осложняется наличием геополитических противоречий между Россией и трансрегиональными блоками, находящимися на Востоке (Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство) и Западе (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство).

Ситуация осложняется тем, что и между этими блоками существуют серьезные политические споры, осложненные осознанием того, что прямые торговые войны за европейские рынки между Западом и Востоком приведут к разорению транснациональных корпораций, что противоречит интересам всех участников международной торговли.

В этих условиях поиск компромиссов в вопросах направления торговых и финансовых потоков становится единственной возможной стратегией всех сторон, вступивших в процесс передела власти в международной торговле.

Содержательно можно выделить следующие основные геополитические противоречия между Россией и ТТИП:

1) стремление североамериканских стран к расширению экспорта сланцевой нефти и СПГ в Европу и вытеснению России с соответствующих рынков;

2) формирование газовых хабов в Европе, приоритет хабоного ценообразования с установлением цен «здесь и сейчас» в зависимости от уровня спроса и предложения на соответствующие ресурсы, отказ от заключения долгосрочных контрактов с привязкой к ценам нефтяной корзины;

3) формирование свободного доступа для всех участников рынка к газотранспортной и передающей сетевой инфраструктуре, требование о передаче газотранспортной инфраструктуры и передающих мощностей независимым операторам (операторам магистральных сетей).

Перечисленные трудности диктуются нормами третьего энергопакета ЕС, где установлены требования к обеспечению свободного конкурентного рынка энергии с возможностью равного доступа на этот рынок для всех генерирующих и передающих компаний, при этом функции генерации, передачи и распределения энергии должны быть имущественно разделены между принципиально разными и независимыми компаниями. Иными словами, основной акцент противоречий между странами Трансатлантического партнерства и Россией делается на энергетические транспортные коридоры, которые должны стать международными, то есть, обеспечивать национальный доступ для резидентов других стран.

В табл. 1 представлены основные типы энергетических рынков в зависимости от моделей конкуренции, принятых на них.

Основные принципы конкурентной либеральной модели международного энергетического рынка:

- Разделение функций добычи (генерации), транспортировки и распределения энергии.
- Диверсификация поставок энергоносителей.

- Хабовая торговля и ценообразование, отказ от индексации газовых контрактов на цены нефти.
- Спотовый рынок, отказ от долгосрочных контрактов.
- Запреты и ограничения на формирование резервов продавцами энергии.
- Свободный доступ всех участников к газотранспортной или электросетевой инфраструктуре.
- Ликвидный рынок производных финансовых инструментов (торговля излишками, перегрузками, фьючерсы и т.д.).
- Отсутствие протекционизма.

Таблица 1

Типы энергетических рынков

Вид энергии	Конкурентный рынок	Смешанные формы конкуренции
Электроэнергия	СIEPAC (Центральная Америка), Рынок PJM (США), Рынок Nord Pool (Северо-Западная Европа), Единый рынок ЕС	Garabi (Аргентина – Бразилия), Общий рынок субрегиона Большого Меконга
Газ	Gaspoint Nordic (Северо-Западная Европа), Единый рынок ЕС, Рынок НАФТА	Рынок МЕРКОСУР

Разумеется, такая модель неприемлема для России, однако существует мнение, что требования ЕС о формировании свободных транспортных коридоров и биржевой торговле пропускной способностью не вполне последовательны. Действительно, при использовании хабового ценообразования риски для компаний, занимающихся строительством инфраструктуры для энергетических транспортных коридоров, крайне высоки, и вызывает сомнения стремление компаний расширять газотранспортную или сетевую инфраструктуру. Такие инвестиции способен осуществлять только Китай, который, вероятнее всего, не будет допущен на европейские рынки передачи и распределения энергии, тогда как российский Газпром за счет пресловутого эффекта масштаба не испытывает трудностей с окупаемостью инвестиций в газотранспортную инфраструктуру. Представляется, что при таком развитии событий для формального устранения противоречий с нормами третьего энергопакета стоит организовать международный энергетический хаб в Калининграде с ориентацией на европейских потребителей.

Дополнительные дисбалансы в развитие транспортировки энергоносителей вносит стремление американских компаний захватить европейские рынки газа за счет экспансии СПГ, добываемого из твердых пород. И вновь можно с осторожностью заметить, что «условное преимущество» находится на стороне России по причине непоследовательности применяемой западными странами политики. СПГ, ввозимый из США в Европу, существенно дороже, чем газ, поступающий по трубопроводам из России. При этом Европа за счет чрезмерной увлеченности финансовыми пузырями лишила себя механизма инфляции издержек, который позволял перекладывать экономическую неэффективность на плечи потребителей. Если же планы по масштабной экспансии американского СПГ на европейские рынки будут реализованы, то доля энергоресурсов в стоимости производимой в Европе продукции возрастет, тогда как рост цен на эту продукцию окажется ограничен ценами на более конкурентоспособные американские товары. В результате возникнет потребность в дополнительных финансовых ресурсах, которые, как нетрудно догадаться, придут на европейские финансовые рынки из Америки. То есть, в условиях перепроизводства американская сторона профинансирует приобретение европейцами своих товаров и услуг. Дальнейший сценарий хорошо известен: неэффективные при заданном уровне цен на энергоносители европейские компании, массово привлекающие финансовый капитал на рынке евродолларов, потеряют в рейтингах, капитализация европейских рынков сократится, надвигающаяся угроза дефолта будет подталкивать компании к конвертации обязательств в акции, и в конечном счете собственность на европейские капиталы будет перераспределена в

пользу американских ТНК. Однако борьба ведется именно с монополией Газпрома, а не с вероятностью схлопывания очередного финансового пузыря.

Что касается противоречий между Россией и странами, входящими во ВРЭП, то восточные страны, испытывающие влияние кризиса перепроизводства, реализуют инвестиционные проекты, обеспечивающие инфраструктуру для торговли своими товарами, и стремятся к сохранению контроля над этой инфраструктурой. В качестве платы за реализацию инвестиционных проектов по развитию международных транспортных коридоров устанавливается льготный режим и (или) доля в собственности на добытые в России энергоресурсы.

Помимо прочего, на азиатском направлении также реализуются проекты хабов для продвижения китайских товаров с меньшими издержками за счет эффекта масштаба. Представляется, что для достижения этих целей в планах китайской стороны и в рамках инициативы OBOR планируется развитие следующих хабов:

- 1) Сингапур, Южная Корея — торговля с АТР,
- 2) Казахстан — торговля с прикаспийскими странами, странами Персидского залива, Пакистаном, Индией, далее — странами Южной Америки,
- 3) Исландия — торговля с европейскими и североамериканскими странами.

Подобный режим инвестиционного взаимодействия угрожает национальному суверенитету и способствует стагнации российской экономики. Более того, инвестиционные ресурсы, получаемые страной в таком режиме, приводят к тому, что транспорт становится рентной отраслью и выпадает из системы расширенного воспроизводства общественного капитала, вовлекаясь в кругооборот финансового капитала, который без возможности реинвестирования становится капиталом фиктивным.

Формирование ренты в транспортной отрасли означает, что российская сторона получает свои доходы лишь от того, что на ее территории осуществляется транспортное строительство для перевозки грузов страной, которая финансирует проект. Иными словами, экономическое содержание таких отношений сводится к получению ренты от предоставления услуг по аренде земли. Далее, поскольку построенная инфраструктура без экспорта транспортных услуг азиатским партнерам является избыточной, возможности реинвестирования полученной ренты отсутствуют, следовательно, с высокой долей вероятности эти средства будут направлены на финансовые рынки, где формируется очередной финансовый пузырь. Ситуация осложняется тем, что многие расчеты по-прежнему осуществляются в долларах, то есть, зависимость от американской экономики проявляется даже в операциях с восточными партнерами.

Поэтому считаем, что действующая модель привлечения китайских инвестиций является дополнительным источником риска потери суверенитета над объектами транспортной инфраструктуры и интенсификации вывода капитала. Если транспортное строительство осуществляется с целью вовлечения в международный транспортный коридор, то и подход к оценке проектов должен отличаться от оценки строго инфраструктурных проектов, то есть, транспортное строительство должно окупаться за счет увеличения объемов экспорта транспортных услуг, без учета мультипликаторов ВВП, социальных эффектов и проч. Если проект некупаем, то его реализация приведет к выводу капитала.

В этом контексте мы также подходим к необходимости управления предложением, структурой издержек и экономической эффективностью как единственному способу сохранения суверенитета на добавленную стоимость вопреки общемировым тенденциям перераспределения ее с помощью, в том числе, международных транспортных коридоров и энергетических платформ.

Предварительный вывод состоит в том, что за счет реализации проектов строительства международных транспортных коридоров и энергетических платформ США и Китай формируют рынки для своих товаров и капиталов, причем явно можно проследить неокOLONIALИЗМ в попытках установления контроля над рынками несмотря на то, что в основе лежат разные инструменты. Есть и очевидное сходство — архитектура рынка офшорных юаней весьма близка с архитектурой рынка евродолларов. В обоих случаях это инструменты репатриации ликвидности инвестиционных проектов.

Уровень внутренней добавленной стоимости в американском экспорте неуклонно падает. Доступные данные по состоянию на 2014 год свидетельствуют о том, что США находятся на последнем месте среди стран — членов ОЭСР по уровню национальной добавленной стоимости в экспорте товаров¹⁷⁹. При этом доказано, что чем ниже уровень национальной добавленной стоимости во внешней торговле, тем ниже уро-

вень занятости в экономике¹⁸⁰. Что касается Китая, то низкий уровень добавленной стоимости в экспорте этой страны ранее воспринимался как конкурентное преимущество, тогда как на сегодняшний день страна изыскивает резервы для повышения уровня оплаты труда, а, следовательно, доли добавленной стоимости в экспортируемых товарах, для поддержания внутреннего спроса на приемлемом уровне.

Роль хабов, в том числе энергетических, и международных транспортных коридоров в достижении целей экспансии внутренней добавленной стоимости в продукции, произведенной в США, как представляется, состоит в возможности увеличения ликвидности соответствующих рынков с последующей передачей этой ликвидности на финансовые рынки, в том числе, для экспорта финансовых услуг. То есть, если китайская модель состоит в выкачивании ренты за счет финансирования ею приобретения китайских товаров и услуг, то американская представляет собой превращение энергетических и транспортных рынков в финансовые, на которых продаются унифицированные лоты, в которые «запакованы» комплексные транспортные решения, торгуемые через хабы (аналогично тому, как когда-то «упаковывались» синтетические ипотечные продукты). Это происходит за счет полной унификации транспортных и логистических услуг, дающей возможность торговли некоторыми обезличенными условными единицами — лотами унифицированных транспортно-логистических услуг, независимо от географии перемещения грузов или географии добычи природных ресурсов. Соответственно, унифицированные лоты могут быть перепроданы неограниченное число раз, формируя тем самым так называемый ликвидный и конкурентный рынок. К слову, на едином энергетическом рынке Европы установлено минимальное число перепродаж, при котором рынок считается ликвидным. Это число составляет 8 смен собственников до передачи конечному потребителю. При этом утверждается, что такая схема позволит установить меньшие цены для конечных потребителей, нежели по долгосрочным контрактам Газпрома.

Подводя итог сравнению западной и восточной моделей управления международными транспортными коридорами, следует заметить, что несмотря на различный инструментарий, итоговые цели во многом схожи — использование потенциала и экономических ресурсов других стран для преодоления внутренних кризисов. В случае Китая — за счет установления инфраструктурной зависимости и вывода ренты в обмен на китайские товары, в случае США — за счет перераспределения ликвидности и расширения возможностей спекуляций на рынках.

Выявленные особенности поведения ключевых фигур, определяющих процессы развития рынка услуг международных транспортных коридоров, позволяют сформулировать условия, которые позволят России стать активным игроком этого рынка, а не стороной, получающей земельную ренту, поскольку по ее территории проходят определенные транспортные нити. К таким условиям можно отнести.

1. Оценка экономической эффективности реализации проектов, ориентированных на экспорт транспортных услуг. Отказ от всех косвенных показателей, характеризующих эффективность инфраструктурных проектов. В условиях вовлечения в международные транспортные коридоры проект не может расцениваться как строго инфраструктурный.

2. Установление возможностей реинвестирования прибыли, полученной от реализации проекта транспортного строительства. Такая возможность должна подтверждаться наличием инструментов вложения средств в проекты, направленные на повышение числа переделов в связанных технологических цепочках. Выстраивание вертикальных связей при этом является обязательным условием.

3. Задействование потенциала коридоров «Север — Юг», порта Индига, Свяжского интермодального центра, Балтийско-Волго-Каспийского коридора. Формирование собственных хабов, позволяющих получить положительный эффект масштаба, а также вовлечь потенциальных покупателей на рынки природных ресурсов Арктики.

4. Формирование обратного логистического потока внутри страны и на Восток. Широкое вовлечение БАМа в интеграционные процессы (Тайшет — Комсомольск-на-Амуре).

5. Использование потенциала коридоров «Север — Юг» для транспортировки арктических энергоресурсов — устранение сезонной неравномерности и диверсификация поставок. Например, европейский регион потребляет большую часть энергоресурсов зимой, тогда как южные азиатские страны — летом, когда активно работают кондиционеры.

6. Формирование сети совместных энергетических хабов в рамках единого рынка, но с вовлечением ключевых покупателей. Предположительно, в Калининграде, Казах-

стане, на Ямале и во Владивостоке. Использование высокого уровня неопределенности изменения хабовых цен на энергоресурсы в Европе. Внедрение системы расчетов на основе расчетной единицы, привязанной к национальным валютам.

7. Установление энергетического и транспортного диалога не только с восточными странами, но и разрешение споров на традиционных рынках Европы с целью объединения усилий против экспансии американского фиктивного капитала.

Таким образом, представляется необходимым формирование собственной модели общего рынка транспортных услуг, в том числе, рынка транспортировки энергии. В сложившейся ситуации невозможно сделать однозначный вывод о приемлемости той или иной модели энергетического и транспортного рынка. Только за счет использования наиболее приемлемых элементов различных моделей можно противостоять процессам глобального перераспределения капитала трансрегиональными объединениями Востока и Запада.

А.А. МИГРАНЯН,
заведующая отделом экономических исследований
Института стран СНГ,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН,
доктор экономических наук,
профессор
(Россия)

Е.В. ШАВИНА,
доцент кафедры политической экономии
и истории экономической науки
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
старший научный сотрудник
отдела экономических исследований
Института стран СНГ,
кандидат экономических наук
(Россия)

ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ШОС: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В условиях усиления процессов глобализации и регионализации, турбулентности мировой конъюнктуры и развития интеграционных проектов ЕАЭС, китайской инициативы «Один пояс — один путь», центральноазиатского регионального сотрудничества возникает необходимость развития экономической составляющей Шанхайской организации сотрудничества.

Национальные интересы стран — участниц Организации, их совокупный потенциал обуславливает актуальность данной сферы сотрудничества и позволяет рассматривать ШОС как важную площадку экономической интеграции, объединяющую региональные проекты.

Ресурсный и экономический потенциал стран ШОС

Расширение сотрудничества стран ШОС основано на существенном ресурсном и экономическом потенциале стран-участниц. Общая территория государств-членов ШОС составляет 30,18 млн км², или 60% территории Евразии, страны Организации обладают четвертью мировых запасов нефти, 30% мировых запасов газа и 50% разведанных запасов урана¹⁸¹.

Страны ШОС обладают емким и перспективным рынком, с растущим спросом, так как объединяет 43% населения земного шара (см. рис. 1). Все страны содружества, за исключением России имеют положительную динамику прироста населения. Наибольший в относительных величинах рост населения наблюдается в Исламской Республике Пакистан и Республике Таджикистан, в абсолютных величинах лидерами являются Индия и Китай. Таким образом, ШОС обладает мощным потенциалом развития человеческих ресурсов, которые пока практически не используются.

Совокупный объем ВВП в текущих ценах в 2016 году стран ШОС составил 15 млрд. долл. и составляет 20,3% от мирового ВВП. Две страны Организации демонстрируют самые высокие темпы и объемы ВВП в мире (см. рис. 2).

При этом ВВП на душу населения распределен крайне неравномерно, лидерами по уровню подушевого валового продукта является Россия, Китай и Казахстан (см.

рис. 3). Неравномерность данного показателя, а также масштабов экономики создают условия для разнотемпной интеграции.

Рис.1. Численность населения стран ШОС в 2016 году, чел.¹⁸²

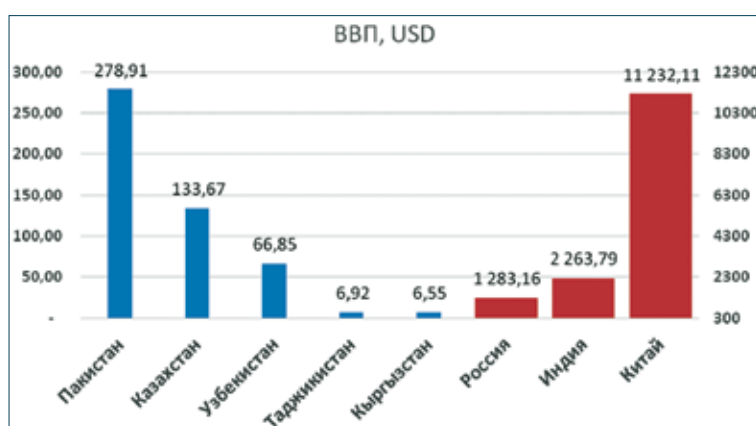

Рис. 2. Объем ВВП стран ШОС в 2016 году, млн долл.¹⁸³

Рис. 3. ВВП на душу населения в странах ШОС в 2016 году, долл.¹⁸⁴

Условия разнотемпной интеграции могут позволить ШОС стать платформой экономического интеграционного сотрудничества для формирования нескольких площадок решения вопросов взаимодействия: Китая со странами Центральной Азии, России со странами Центральной и Южной Азии (Индии, Пакистаном) и Ближнего Востока (Ираном), балансирования интересов стран за счет возможностей формирования различной архитектуры сотрудничества в рамках Организации. Расширение интеграционных связей в формате двусторонних и многосторонних связей позволит странам участникам решить проблему наращивания уровня благосостояния своего населения посредством роста и выравнивания ВВП на душу населения.

Различия в уровне экономического развития особенно заметны при оценке инвестиционного потенциала стран ШОС. Безусловный лидер по инвестициям – Китайская Народная Республика, за которой со значительным разрывом идет Индия, остальные

страны значительно отстают (см. рис. 4). При этом темп роста инвестиций в основной капитал практически во всех странах остается стабильно высоким за исключением периодов экономического кризиса. В большей степени кризисный спад затронул экономики России и Казахстана, что обусловлено высокой зависимостью этих стран от мирового спроса на энергоресурсы.

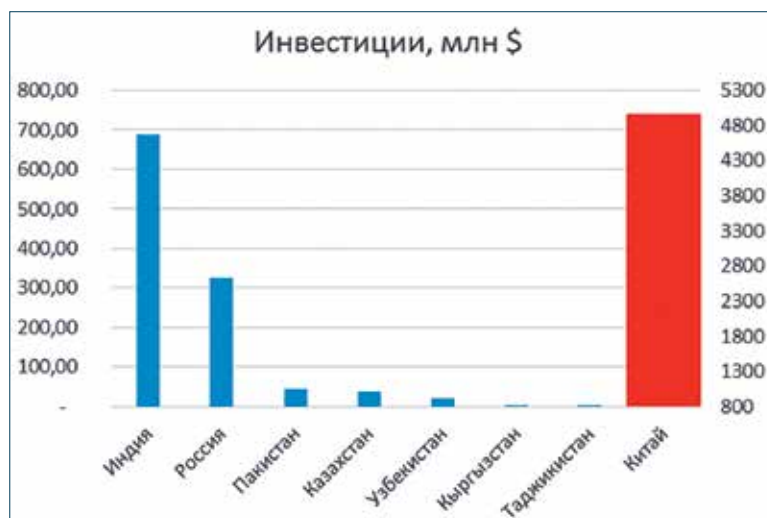

Рис. 4. Инвестиции в основной капитал стран ШОС в 2016 году¹⁸⁵

К 2016 году уровень инфляции всех стран ШОС опустился ниже 10%, более того экономика Кыргызской Республики показала дефляцию. Рост инфляции в 2016 году был только у трех стран Организации: Китай, Таджикистан, Пакистан (см. рис. 5).

Рис. 5. Уровень инфляции потребительских цен стран ШОС в 2016 году, %¹⁸⁶

Отраслевая структура экономик стран ШОС отличается высоким уровнем дифференциации, что создает объективную основу развития интеграционного взаимодействия по принципу комплементарности. Так Таджикистан и Пакистан имеют выраженную аграрную специализацию, в то время как Китай, Узбекистан, Россия, Казахстан имеют развитый индустриальный сектор (см. рис. 6), при этом промышленность указанных стран обладает различным уровнем технологичности и конкурентоспособности.

Велика доля сервисных отраслей, включая локальные инфраструктурные объекты и их обслуживание, а также финансовый сектор. Различия по структуре и качеству отраслевого потенциала, развитость инфраструктуры и финансового сегмента стран ШОС создают реальную основу для производственной кооперации и развития финансового, транспортного, энергетического сотрудничества.

Рис. 6. Отраслевая структура экономики стран ШОС в 2016 году, %¹⁸⁷

На современном этапе наиболее активно развиваются экономические отношения между странами ШОС в следующих основных направлениях: двустороннее сотрудничество, сотрудничество в сфере развития транспорта, инфраструктуры и финансового взаимодействия (см. рис. 7).

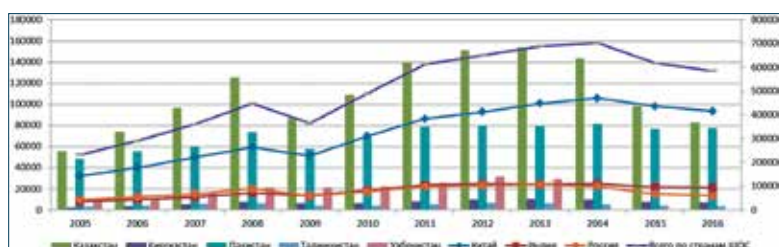

Рис. 7. Объем внешнеторгового оборота стран ШОС в 2005–2016 годах, млн долл.¹⁸⁸

Совокупный объем внешнеторгового оборота стран ШОС в 2016 году составил 5855,8 млрд. долл. или 28,5% от мировой торговли. При этом потенциал внешней торговли также, как и ВВП стран распределен крайне неравномерно, безусловным лидером является Китай (4146,5 млрд. долл.), что больше внешней торговли Индии в 4,4 раза и России в 7 раз, и в десятки раз больше торгового оборота оставшихся партнеров по ШОС. По данному критерию экономическая интеграция имеет центр в лице Китая, взаимоотношения с которым определяют общую картину торгово-экономического сотрудничества. Однако следует отметить, что несмотря на существенные различия в масштабах внешней торговли темпы роста сопоставимы (см. рис. 8), что свидетельствует наличии общих тенденций развития.

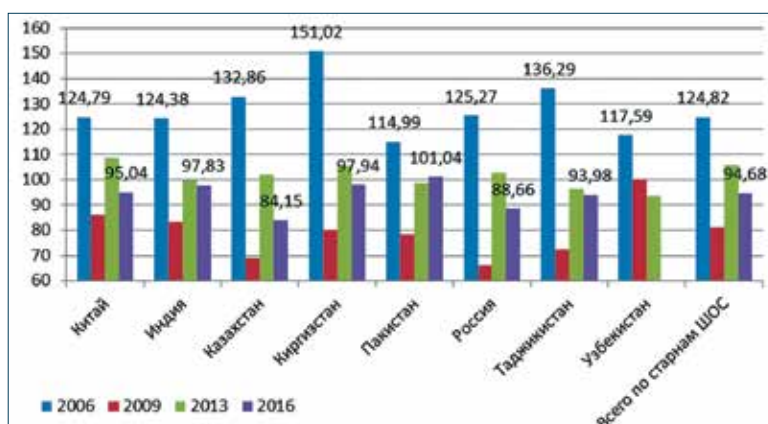

Рис. 8. Темпы роста внешнеторгового оборота стран ШОС, %¹⁸⁹

Двустороннее торгово-экономическое сотрудничество концентрируется на торговых связях между Китаем и странами ШОС, Россией и странами ЦА и Китаем, взаимный торговый оборот между странами пропорционален экономическому потенциалу стран в общем объеме (см. табл. 1). Двусторонний формат отношений достаточно эффективен, но способствует сохранению диспропорций в развитии. В этой связи переход на принципы проектного сотрудничества в транспортно-логистической сфере, формирование совместной финансово-экономической платформы взаимодействия может привести к более высоким темпам развития стран и интенсивности торгово-экономического сотрудничества с перспективами интеграции на основе промышленной, научно-технологической и финансовой кооперации.

Перспективы развития экономического сотрудничества стран ШОС имеют договорно-правовую основу, сформированную по результатам базовых положений функционирования Организации, поэтапно реализуемых в форме положений, разработанных по итогам саммитов ШОС: Меморандум об основных целях и направлениях сотрудничества, Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС¹⁹⁰.

Таблица 1

Торговля Китая и России с партнерами по ШОС в 2016 году, тыс. долл.¹⁹¹

	Объем торговли Китая с партнерами по ШОС в 2016 г., тыс. долл. США		Объем торговли России с партнерами по ШОС в 2016 г., тыс. долл. США
Индия	70161886	Пакистан	404994
Россия	69599749	Китай	66108232
Казахстан	13097400	Казахстан	13039106
Киргизстан	5676661	Узбекистан	2726008
Узбекистан	3614522	Таджикистан	687888
Пакистан	19145247	Индия	7710009
Таджикистан	1756329	Киргизстан	1196290
ИТОГО	183053810	ИТОГО	91872527

Учитывая содержание вышеназванных документов, можно выделить следующие перспективные направления экономического сотрудничества стран ШОС¹⁹²:

1. Энергетическая кооперация. Энергетическое взаимодействие является весьма важным и вместе с тем довольно проблемным компонентом многостороннего сотрудничества. ШОС объединяет крупных мировых поставщиков, потребителей и транзитеров энергоресурсов, что определило необходимость создания и функционирования в рамках ШОС специального института – Энергетического клуба ШОС, позволяющего более эффективно реализовывать проекты многостороннего сотрудничества в энергетической сфере¹⁹³.

2. Развитие транспортных коммуникаций. Ведущим проектом в данном направлении является создание индустриально-логистической инфраструктуры стран – членов ШОС «Китай – Европа» в рамках развития транспортного коридора. С 2011 года осуществляется строительство автомобильных дорог Волгоград – Астрахань – Атырау – Бейнеу – Кунград и Актау – Бейнеу – Кунград в составе международного маршрута Е-40 со строительством моста через реку Кигач, а также автотранспортного маршрута Ош – Сарыташ – Иркештам – Кашгар, Братство – Душанбе – Карамык – Иркештам – Кашгар со строительством в г. Кашгар перегрузочного терминала для организации перевозок. Создается Свободная индустриальная экономическая зона в Навои, что представляет важность не только для Узбекистана, но и для всего региона¹⁹⁴.

3. Научно-техническое сотрудничество. Сформирован механизм Совещаний руководителей министерств и ведомств науки и техники государств – членов ШОС и экспертная рабочая группа. 13 сентября 2013 г. на заседании Совета глав государств –

членов ШОС в Бишкеке было подписано Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве, которое регулирует взаимодействие в природоохранной, сельскохозяйственной, энергетической сферах, в области нанотехнологий, информационных и телекоммуникационных систем, геологии и сейсмологии и др.¹⁹⁵ Следует отметить, что Китай, Россия и Индия являются лидерами в инновационной сфере, что подтверждается международным инновационным рейтингом The Global Innovation Index 2017. Китай в нем занял 22 строчку, Россия — 45, а Индия — 60.¹⁹⁶ В связи с этим, опыт и инновационное сотрудничество с Китаем будет наиболее интересным для стран ШОС.

4. Сотрудничество в области трудовой миграции. Необходимость интенсивного экономического взаимодействия между государствами-членами ШОС в миграционной сфере вызвано глобализацией мирового хозяйства. Различия в обеспеченности трудовыми ресурсами является основой трудовой миграции в рамках ШОС. Если Россия и Казахстан представляют собой трудодефицитные страны, то Китай, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан относятся к категории трудоизбыточных.

Таким образом, экономическое сотрудничество является важным элементом обеспечения стабильности на пространстве ШОС, одним из инструментов достижения устойчивости самой Организации на длительную перспективу. Проанализировав экономический и ресурсный потенциал стран ШОС, мы можем сформулировать основные тенденции расширения экономического сотрудничества в рамках ШОС:

- а) интенсификация торговых отношений между странами ШОС с учетом новых членов Организации;
- б) формирование инфраструктуры и нормативно-правовой базы по переходу на расчеты в национальных валютах стран ШОС (базовые операции в юанях и рублях при расчетах между РФ и КНР);
- в) развитие транспортно-логистических инфраструктурных объектов между Россией и Китаем, Китаем и странами ЦА (автомобильные магистрали и железнодорожные пути в рамках китайского концепта Нового шелкового пути);
- г) высокие темпы расширения энергетического сотрудничества между Китаем и странами ЦА и Россией;
- д) ускоренный рост китайских инвестиций в инфраструктурные проекты и в сферу энергетического сотрудничества создает благоприятные условия для финансово-инвестиционной интеграции в ШОС.

Энергетический клуб ШОС

Энергетическое сотрудничество стран — участниц ШОС в сфере энергетики организовано на двух уровнях:

- в рамках совещаний министров и заседаний специальной рабочей группы по ТЭК;
- посредством деятельности Делового совета ШОС и Форума ШОС. Целью этих двух институтов является организация диалога между официальными лицами, деловыми кругами и экспертными сообществами государств — членов ШОС.

Проект создания Энергетического клуба ШОС как «дискуссионной площадки» впервые предложил российский президент В. Путин в 2006 году на саммите ШОС. Однако только 7 ноября 2011 г. в Санкт-Петербурге на заседании Совета глав правительств стран ШОС было принято окончательное решение о создании Энергетического клуба, меморандум о создании которого был подписан 6 декабря 2013 г. заместителями министров энергетики четырех государств — членов ШОС (Россия, Казахстан, Кита и Таджикистан), трех наблюдателей (Афганистан, Монголия и Индия) и партнеров по диалогу (Турция, Беларусь, Шри-Ланка). Причиной медленного продвижения проекта Энергетического клуба ШОС скорее всего было негативное восприятие любых инициатив, исходящих от России. Именно Россия возглавила с самого начала специальную рабочую группу ШОС по ТЭК и заняла лидирующие позиции в энергетическом секторе.¹⁹⁷

«Деятельность Энергетического клуба должна быть органично встроена в сферу межгосударственных отношений стран ШОС, включая формирование системы региональной безопасности и ее существенного элемента — энергетической безопасности. В условиях сохраняющейся нестабильности мировой экономики активизация энергетической политики ШОС сыграла бы заметную роль не только в обеспечении устойчивого роста самих стран-членов этой организации», — отметил Сергей Канавский, исполнительный секретарь Делового совета ШОС.¹⁹⁸

Несколько государств-членов ШОС — в частности, Россия, Казахстан и Таджикистан, Киргизия — обладают значительной частью крупнейших в мире запасов нефти, природного газа и угля, что еще больше «разогревает» интерес расширения сотрудничества в энергетической сфере между членами (см. табл. 2).

Таблица 2

Запасы энергоресурсов в странах ШОС¹⁹⁹

Страна	Запасы нефти млн. барр. 2017 год	Запасы газа трлн м ³ 2016 год	Запасы угля тыс. тонн 2016 год
Индия	4,621	1,2	94769
Казахстан	30 000	1	25605
Киргизия	13	6,5	1377486
КНР	25 620	5,4	244010
Россия	80 000	32,3	160364
за 2016 год			
Таджикистан	1,6	880	4,5
Узбекистан	0,6	1	1375
Пакистан	0,40	0,5	3064

Региональное сотрудничество в области энергетики осуществляется за пределами эгиды ШОС. Россия обеспечила соглашения с несколькими из своих соседей в Центральной Азии по строительству газопроводов. Энергетическая дипломатия Китая так же следует двустороннему курсу. Например, Центральная Азия — Китайский Газопровод состоит из нескольких линий, обе завершённые, так и до сих пор в стадии строительства, проходящие более, чем на 1100 миль через Узбекистан и Казахстан в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Пекин также пообещал фонд в размере 16,3 млрд долл. для интеграции региона, возрождения старых торговых путей в рамках экономического пояса Шелковый путь Китая. Хотя китайская внезапная активность немного вытеснила доминирующее положение России в регионе, энергетические сделки между Пекином и Москвой осуществляются и имеют тенденцию к расширению. Россия является выгодным партнером в рамках интеграционных и региональных объединений. В первую очередь, это обуславливается возможностью предоставлять транзитные пути в Европу для своих партнеров. Также Россия обладает обширным природно-ресурсным и рекреационным потенциалом в районе Сибири и Дальнего Востока²⁰⁰.

Россия и ШОС: направления взаимодействия

Следует отметить, что совокупная доля торгового оборота России со странами-участницами ШОС постепенно увеличивается: если в 2016 году она составляла 22,3%, то в 2017 г. достигла уровня в 28,1%. Однако основным партнером в торговле является Китай. На долю других стран приходится 8,2%. На современном этапе Россия рассматривает экономический потенциал стран ШОС как источник трудовых ресурсов из стран среднеазиатских республик, возможности использования энергоресурсов стран Средней Азии и инвестиционно-технологического сотрудничества с КНР.

Противоречия со стратегией КНР, которая использует членство в ШОС как единственный на современном этапе способ интеграции со странами Средней Азии, состоит в том, что китайская экономика нуждается в расширении экономических возможностей с помощью строительства транспортного коридора «Новый шелковый путь» и использования экономического и ресурсного потенциала региона для формирования новой точки роста национальной экономики. Однако ряд исследователей утверждают, что Китай был вынужден «развивать двустороннее сотрудничество под эгидой ШОС», в том числе в области энергетики, поскольку не мог заключить многостороннее соглашение с участием России²⁰¹.

Регулирование отношений в регионе происходит через взаимодействие с КНР: осуществление энергетических проектов, привлечение в инвестиционные проекты Дальневосточного региона для снижения рисков выхода инфраструктуры из транспортной системы, связывающей Восток с Западом. Совместный проект на территории стран ШОС возрождения Шелкового пути является важным для поднятия экономики региона. Россия может превратить свой транзитный участок трансконтинентальной магистрали на Шелковом пути в современный мощный транспортный коридор: модернизировать его материальную базу и логистику, урегулировать проблемы таможенного контроля и оплаты транзита. Сопутствующим эффектом может стать оживление развития по внутренним маршрутам, развитие прилегающих территорий. Кроме того, особое значение в национальной экономике приобрело развитие территорий Дальнего Востока, угроза выхода из логистической системы нового проекта должна стать стимулом для интенсивности развития территорий Дальнего Востока, что повлечет усиление эффекта присутствия России в Шанхайской организации сотрудничества.

Для России участие в ШОС определяется возможностями расширения и укрепления государственных интересов в военно-политическом и экономическом аспектах при взаимодействии с экономически сильным стратегическим партнером – КНР. Имея тесные связи с бывшими советскими республиками, экономический потенциал закрепляется в осуществлении проектов по созданию транзитных коридоров, торгово-экономического пространства, в том числе формирования каналов поставок энергоресурсов.

Заключение

Сотрудничество стран ШОС в экономической сфере является важным элементом обеспечения стабильности организации, одним из инструментов достижения устойчивости ШОС на долгосрочную перспективу. Учитывая значительный ресурсный потенциал стран ШОС, в частности, энергоресурсы таких государств, как Россия, Казахстан, Китай, Кыргызстан и Таджикистан, энергетика – одно из важнейших направлений расширения взаимодействия в рамках ШОС.

На современном этапе лидирующие позиции в ШОС занял Китай, что при слабой экономической политике России в регионе определяет дальнейшую роль российского государства: либо занять позицию противостояния, обладая политическими инструментами, либо стать равноценным экономическим партнером, что позволит ШОС выйти на новый уровень конкурентоспособности в международных отношениях. Актуальным для России сейчас является решение задач по изменению ситуации экономического доминирования Китая в ШОС без нанесения ущерба российско-китайским отношениям, а также содействие реализации социально-экономических проектов с российским участием для поддержания баланса интересов всех участников организации.

В.Г. ЕГОРОВ,
 первый заместитель директора
 Института стран СНГ,
 доктор исторических наук,
 доктор экономических наук,
 профессор
 (Россия)

Н.А. ВОЗОВА,
 аспирант
 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
 (Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Протекционизм, вызванный к жизни цивилизационным сдвигом от традиционного к индустриальному экономическому миропорядку, приобретает в наши дни новые коннотации. Справедливости ради, следует заметить, что с момента становления этот феномен экономической политики и практики имел ряд существенных черт, определивших его жизненность и динамику.

Во-первых, рождение протекционизма отражало две закономерные тенденции: реализации национальных интересов и глобализации рыночного хозяйства, и два соответствующих направления государственной политики. Разновекторность, темпоральность, естественная и историческая обусловленность закономерно определили национально особенные черты суверенных хозяйственных систем и диалектически противоположные составляющие экономической политики государств, направленные на их поддержку.

Либеральный дискурс, предполагающий полное устранение государства из сферы регулирования экономических отношений и абсолютизацию фритредерства, на протяжении более чем двухвекового периода не утвердился в качестве безусловно релевантного и безальтернативного. Напротив, мировая практика свидетельствует о том, что проявления протекционизма составляют органическую черту экономического мейнстрима, как и глобализация.

Во-вторых, с момента утверждения в экономической теории и практике, протекционизм не является «мертворожденным дитя» и адекватно встраивается в актуальный экономический процесс. На первом этапе (вплоть до середины XVI века) протекционизм имел целью поддержание денежного баланса и сохранение «запаса золота», на втором — обеспечение активного торгового баланса и рост товарного экспорта (что соответствовало задачам первоначального накопления капитала), а в период подготовки и реализации промышленного «переворота» — создание условий для национальных товаропроизводителей и рост индустрии.

Актуальный облик протекционизма определяется доминирующим трендом мирового социально-экономического процесса, придающим ему качество всеобщности. Глобализация как закономерное явление, обусловленное дематериализацией экономики, и сопровождающаяся расширением масштабов диффузии национальных хозяйств со-

впала с закономерной эволюцией мировой архитектуры капитализма, переживающего стадию явно затянувшегося финансового «ренессанса». Финансовый капитал, как полагал еще Р. Гильфердинг, стремится «преодолеть» национальные границы, рамки социальных и культурных идентичностей. В этих условиях протекционизм обретает содержание политики противодействия десуверенизации экономик и смысл механизма обеспечения национальной безопасности и конкурентных преимуществ.

Новая протекционистская реальность не только осознается мировым сообществом, но стала предметом рассмотрения и заявлений практически всех международных структур и форумов. О «новых формах» протекционизма заявил Президент РФ В.В. Путин. «Если прежде в ходу были классические формы протекционизма, — сказал он на ПМЭФ, — что, конечно, тоже вызывало сожаление, но все-таки: такие как дополнительные импортные пошлины, технические требования или скрытые субсидии, то сегодня речь идет о новом издании протекционизма — об использовании очевидно надуманных предлогов, о ссылках якобы на интересы национальной безопасности. Для чего? Для подавления конкурентов или вымогательства уступок»²⁰².

Очевидно, что современное «издание» протекционизма имеет качественную новеллу, значительно отличающую его целеполагание от прежних эпох. Турбулентность существующей миросистемы, смена или модуляция центров мировой силы наполняет экономический смысл протекционизма политическими коннотациями. Политизация традиционного содержания протекционизма тем более набирает «обороты», чем очевиднее становится попытка центра однополярного мира удержать свое доминирование.

Именно этот центр является законодателем еще одной актуальной черты протекционизма — комплекса мер государственной политики, направленного на реиндустриализацию.

Теоретическая и практическая несостоятельность господствовавшего на протяжении многих десятилетий утверждения о закономерности превращения экономики постмодерна в экономику услуг, привела страны, придерживающиеся такой установки, к серьезным проблемам, ставящим под вопрос материальную состоятельность их лидерства.

Не случайно инициатива актуального проявления протекционизма принадлежит государству, обладающему самым большим экономическим потенциалом. В американском стремлении регенерировать «новый» протекционизм сошлись несколько мотивационных трендов: желание сохранить статус политического и финансового гегемона, придать собственной экономике импульс ускоренного развития, не упустить лидерства в мировой конкуренции. Было не сложно предвидеть, что важнейшим «препятствием» на пути реализации стратегии, вытекающей из этих соображений, станет Китай, экономический рост которого стал, во многом, возможным, благодаря тем же мотивам поведения США, только в иной международной обстановке соперничества с другим безусловным центром силы — СССР.

В последние 15 лет пассив США в торговле с Китаем нарастал значительными темпами, и в настоящее время исчисляется гигантской суммой, превышающей 300 млрд долл. (см. рис. 1).

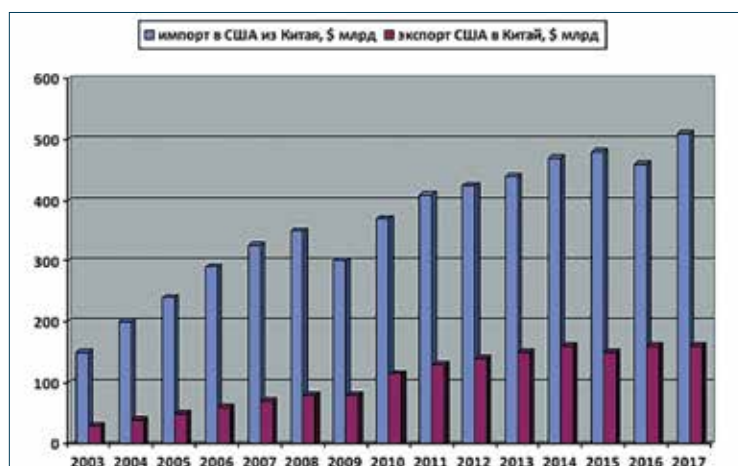

Рис. 1. Товарооборот Китая и США (2003–2017 годы)

Министерство торговли США опубликовало доклад, доказывающий нерыночный характер китайской экономики, что позволяет США вводить специальные пошлины на импорт китайских товаров²⁰³.

Проблему значительного дефицита²⁰⁴ во внешней торговле с Китаем администрация Вашингтона планировала решить двумя направлениями давления на Пекин. Во-первых, через установление ввозных пошлин на китайские товары, а, во-вторых, путем навязывания закупок американского сжиженного природного газа. Свое видение перспектив торгово-экономических отношений с Китаем администрация Трампа изложила в меморандуме «О борьбе с экономической агрессией Китая», подписанным президентом США 22 марта 2018 года.

Первым шагом на пути реализации протекционистской политики США в отношении Пекина должны были стать меры ограничения импорта из этой страны, наносящие ущерб китайской стороне, исчисляемый 60 млрд долл. На Китай распространилось действие введенных США в отношении всех стран, кроме Мексики и Канады, 25% пошлин на ввоз стали и 10% пошлин на ввоз алюминия.

Общий список Министерства торговли США подлежащих обложению торговыми пошлинами товаров из Китая включил 1,3 тыс. наименований, в том числе телекоммуникационное, аэрокосмическое, машиностроительное оборудование. «Мы не ведем торговую войну с Китаем, эта война была проиграна много лет назад глупыми или некомпетентными людьми, которые представляли США. Теперь мы имеем дефицит в 500 млрд. долл. в год. А кража интеллектуальной собственности уносит еще 300 млрд. Мы не можем допустить, чтобы это продолжалось!»²⁰⁵

Первый раунд торговых переговоров между США и Китаем в Пекине закончился безрезультатно. Американская делегация даже заострила точки противоречий с Поднебесной.

В ответ на действия Вашингтона, касающиеся ограничения режима свободной торговли, Пекин опубликовал свой список товаров, импортируемых из США, на которые также планировалось ввести повышенные пошлины (список состоял из 128 наименований, на которые могли быть введены пошлины от 15 до 25%). В случае введения ответных мер ущерб США мог составить несоизмеримо меньшую величину — 3 млрд. долл.

Попытка преодоления дефицита США в торговле с Китаем за счет закупки американского СПГ, могла покрыть лишь 1/20 его часть. В свою очередь, монополизация Америкой поставок СПГ в Китай неизбежно нанесет ущерб ее союзникам-экспортерам сжиженного газа Австралии и Катару²⁰⁶ и будет иметь в качестве последствий дальнейшее разрастание масштабов торговых войн.

Протекционистские меры Вашингтона в отношении Пекина предполагалось реализовать также за счет мер сдерживания китайских инвестиций и ограничения доступа Китая к технологиям.

Представители администрации США полагают, что Пекин субсидирует свои компании для создания конкурентных преимуществ в разработке полупроводников, искусственного интеллекта и робототехники. Однако любая попытка Вашингтона ввести ограничительные санкции без обращения во Всемирную торговую организацию вызывает противодействие со стороны большинства мирового сообщества²⁰⁷.

В соответствии с заявлениями американских властей об ограничении доступа Китая к интеллектуальной собственности США, одна из крупнейших китайских компаний ZTE лишилась до 13 марта 2025 года права приобретать комплектующие у американских предприятий. При этом доля американских компонентов в китайской радиоэлектронике составляет 30%. Ранее (2016 г.) компания ZTE попала в список с экспортными ограничениями по обвинению в перепродаже оборудования в Иран и Северную Корею. В марте 2017 года компания в суде признала свою вину и заплатила 890 млн. долл. штрафов. Однако в 2018 году дело ZTE было возобновлено. В феврале этого же года представители шести разведывательных организаций, в том числе ЦРУ, ФБР и АНБ высказались за ограничения в адрес ZTE и Huawei. В отношении последней было высказано обвинение в шпионаже за гражданами США.

На первые шаги в торговой войне США и Китая фондовые рынки отреагировали в конце марта 2018 года падением индекса Dow Jones на 2,9%, S&P500 — на 2,5%²⁰⁸.

Парадокс американских мер, направленных на сдерживание китайской экономической экспансии, заключается в том, что, во-первых, инициатором таковой являются США, а, во-вторых, попытка переформатировать «Кимерику» грозит обрушением

долларовой финансовой архитектуры гегемонии США. В арсенале защитных мер Китая имеется главное оружие — вброс на рынок части американских ценных бумаг (которыми располагает Поднебесная в объеме 1 трлн долл.)²⁰⁹.

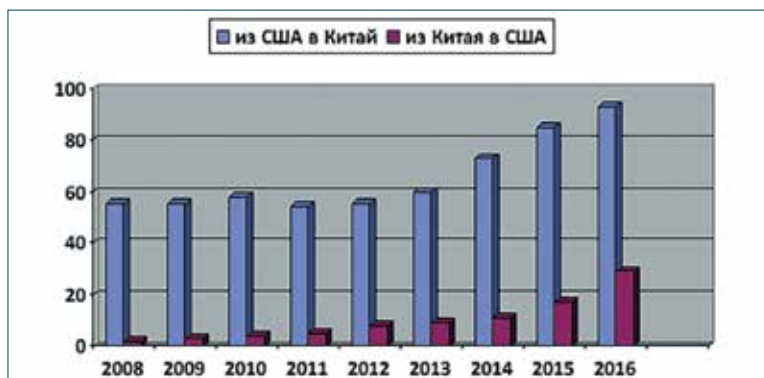

Рис. 2. Взаимные прямые инвестиции, млрд долл.

В случае состоявшейся торговой войны мог значительно ухудшиться климат американских инвестиций в китайскую экономику.

На азиатском экономическом форуме председатель КНР Си Цзиньпин сделал шаг на пути преодоления американско-китайского торгового кризиса. В своей речи китайский лидер заявил о снижении пошлин на автомобили, разрешении зарубежным фирмам (имелись в виду прежде всего американские) увеличить до 51% долю в авиа- и судостроительных СП. В ответ президент США в Twitter написал: «благодарен китайскому лидеру за добрые слова о тарифах и за доступ американских автопроизводителей, так же как за «просвещение» о политике в области интеллектуальной собственности. «Мы добьемся вместе огромного прогресса!»²¹⁰

Второй раунд переговоров США и Китая 19–20 мая 2018 года закончился беспрецедентными уступками Поднебесной. Китай согласился к 2020 году за счет расширения закупок у США на 35–40% продовольствия и энергоносителей уменьшить дефицит торговли на 200 млрд. долл.

Неразрешенным остается вопрос введения пошлин на ввоз алюминия и стали в Америку из Европейского Союза, отсроченный до 1 июня 2018 года. «Не хотите платить налог — переносите свою фабрику в США, и налога не будет, — заявил американский президент. — Я встаю на защиту национальной безопасности Америки и для этого ввожу пошлину на ввоз из-за границы стали и алюминия»²¹¹.

В качестве альтернативы пошлинам США предлагали режим торговых квот, покрывающих 63% фактических поставок в 2017 году, что равносильно практически 40% сокращению экспорта металлов из Европы. С новыми условиями торговли согласились Аргентина, Австралия, Бразилия и Южная Корея, ЕС надеялся на урегулирование проблемы на переговорах.

Однако реальное положение дел в американской алюминиевой и сталелитейной отраслях не вселяет уверенности в положительном исходе проблемы для Европы. Согласно материалам Всемирной ассоциации производителей стали (WSA) объем производства стали в США сократился с 102 млн. тонн в 2000 году до 78 млн. тонн в 2016 г. При этом ее потребление внутри страны увеличилось. Собственное производство стали покрывает менее 2/3 потребности США. Еще хуже обстоит ситуация с алюминиевой отраслью. По данным геологической службы США (USGS), общий объем производства алюминия сократился с 2004 года почти вдвое с 3,7 млн тонн до 700 тыс. тонн в 2017 году. При этом собственные производственные мощности загружены лишь на 35%²¹².

Учитывая опыт разрешения американско-китайского кризиса, при наличии у Китая значительно более веских оснований противостоять давлению США, шансов на благоприятный исход американско-европейской торговой войны значительно меньше.

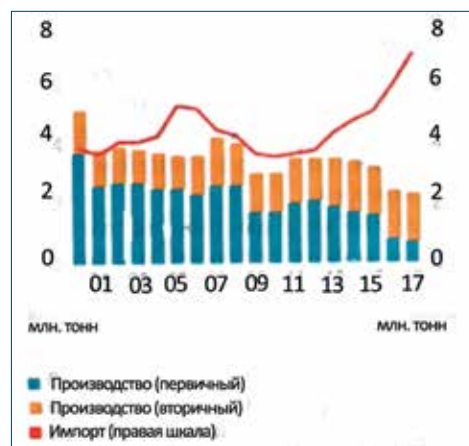
В своем мессендже в Twitter Д. Трамп написал, что ЕС, чьи «замечательные страны» ведут очень плохую политику, и в торговле с США жалуются на пошлины, но если европейцы отменят свои «чудовищные барьеры и тарифы» для американской продукции, то США сможет смягчить свою позицию. Иначе под специальные пошлины попадут автомобили из Европы. Замечательно, что второй вариант урегулирования

проблемы, озвученный министром финансов США Стивеном Мнучиным, заключается в повышении доли европейских государств в финансировании структур НАТО²¹³.

Выплавка стали в США

Производство алюминия в США

Для давления США на ЕС используется уже отработанная с Китаем тактика навязывания американских энергоносителей и прежде всего (СПГ) сжиженного природного газа. В случае положительной реакции Германии на ультиматум об отказе от проекта «Северный поток–2», США обещают начать переговоры по новому торговому соглашению. При этом выход Германии из соглашения «Северный поток–2» нанесет ущерб не только российско-германским интересам, но и интересам Украины, так как, выполняя пожелания других европейских партнеров, министр экономики и энергетики ФРГ Петер Альтмайер достиг соответствующих договоренностей с Москвой и Киевом о том, что новый маршрут газового транзита в Европу будет гарантирован поставками российского газа через территорию «независимой»²¹⁴. Таким образом, как и в случае с Китаем, США в обмен на сохранение режима свободной торговли продавливают своим трансатлантическим партнерам собственный неконкурентный продукт.

Ожидаемо, после 1 июня 2018 года, США отказались продлить отсрочку введения новых пошлин на ввоз стали и алюминия. По словам координатора по трансатлантическому сотрудничеству при канцлере Германии Петер Байер заявил, что «Европа поняла, что трансатлантические отношения радикальным образом изменились».

Министр финансов Франции Брюно Ле Мэр назвал пошлины на европейские металлы «необоснованными и опасными» для роста мировой экономики и предупредил, что у ЕС не будет выбора, кроме как «вступить в торговую войну». «Ответственность лежит исключительно на властях США. Только они должны решить, хотят ли они вступать в торговую войну со своими ближайшими партнерами»²¹⁵.

Еще одной мерой американского протекционизма стала налоговая реформа, закон о проведении которой Д. Трамп подписал в декабре 2017 года. Новые положения налоговой политики США, призванные вернуть производство и потоки прибыли в Америку, направлены прежде всего против европейских партнеров²¹⁶.

Реформа налоговой системы США предусматривает снижение налога на прибыль юридических лиц с 35% до 21% и на репатриацию прибыли до 15,5% для наличных средств и до 8% — для безналичных. Имея цель создать благоприятные условия для развития национального бизнеса, Д. Трамп фактически перекладывает трудности, связанные с дефицитом бюджета на плечи рядовых налогоплательщиков, а сокращение поступлений от обложения состоятельной верхушки финансовой элиты усугубляет проблемы нарастающего государственного дефицита бюджета и долга США.

Рутинным инструментом современной политики протекционизма становится практика введения санкций. Под предлогом (как правило надуманным как в случае с химатакой в Сирии), прежде всего власти Америки вводят меры ограничения в отношении стран, способных составить конкуренцию американским интересам. Так, последние и видимо будущие санкции США в отношении России преследуют цель нанести урон российскому ОПК.

Обычным явлением стало использование протекционистских мер для прямого политического давления. Так, например, США, фактически заинтересованные в продолжении нагнетания конфликтной ситуации на Корейском полуострове, навязывает

Южной Корее жесткую позицию в отношении Сеула, шантажируя угрозой выхода из соглашения о свободной торговле²¹⁷.

Противники политики протекционизма, ставшей доминирующей во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях США, утверждают, что «торговый дефицит возникает не из-за того, что мы импортируем тот или иной товар. Торговый баланс определяется прежде всего отношением общих затрат жителей и компаний США на товары и услуги к их производству. Если первое превышает второе, мы получаем импорт»²¹⁸. Так, замещение собственной добычей нефти импорта, создававшего в 2009 году половину торгового дефицита, не остановило рост последнего и напротив, рецессия 2009 года, сокращение потребления и рост сбережений, способствовали сокращению дефицита торговли с 709 млрд. долл. до 384 млрд. По мнению сторонников неолиберализма, торговый дефицит вообще не должен составлять предмет для беспокойства. Как утверждает главный экономист Manulife&John Hancock Asset Management Меган Грин, «в последнее десятилетие экономика развитых стран с дефицитом торгового баланса росла быстрее, чем стран с профицитом»²¹⁹.

Еще одна группа экономистов полагает, что урон от протекционистских мер превышает преимущества. Эксперт Корнеллского университета Эсвар Прасад утверждает, что перестройка мировых рынков может иметь негативные последствия в том числе для американской экономики²²⁰. Эксперты МВФ предупреждают, что протекционизм может стать серьезным фактором снижения темпов глобального экономического развития. Учитывая последние события, связанные с торговыми войнами Трапма, МВФ понизил свои прогнозы относительно роста мирового ВВП.

Как изменился прогноз МВФ

	Отличие от апрельского 2018 года прогноза, п.п.			
	2017	2018	2017	2018
Развитые страны	2	1,9	0	–0,1
США	2,1	2,1	–0,2	–0,4
Еврозона	1,9	1,7	0,2	0,1
Развивающиеся страны	4,6	4,8	0,1	0
Россия	1,4	1,4	0	0
Китай	6,7	6,4	0,1	0,2
Мировая торговля	4	3,9	0,2	0

Сказанное убеждает в том, что протекционизм как феномен экономической теории и практики, рожденный в Средневековье, не потерял своей актуальности. На протяжении обозримой истории мировой экономики меры поддержки национальных экономик являлись и являются неотъемлемым компонентом государственной политики. Его современное «издание» приобретает новое содержание, выходящее за экономические пределы, и становится одним из инструментов политической конкуренции в глобализирующемся мире.

М.А. СОКОЛЬНИКОВ,
научный сотрудник отдела экономических исследований
Института стран СНГ,
академический советник
секции Новых технологических укладов
Российской инженерной академии
(Россия)

РОССИЯ НА ПУТИ К НОВОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ: ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Человечество исчерпало возможности социально-экономического прогресса на базе технологий пятого технологического уклада (ТУ). Это означает, что падает отдача капитала от вложений в проекты, использующие технологии последнего ТУ, и происходит невосполнимый перерасход ресурсов, являющихся основой существования человечества²¹⁹. В таких условиях без смены технологий человечество идет к кризису. Причем, уходя из потерявшего отдачу производственного сектора экономики, капитал наполняет сектор услуг и затем ищет рост в финансовых инструментах, внося еще больший дисбаланс в экономику, создавая пузыри и провоцируя кризисы.

Нужно отметить, что страны находятся на разных ступенях своего развития (распространение технологий последнего и прочих ТУ неравномерно по странам мира), что обуславливает многообразие путей подготовки к новому технологическому укладу, необходимых целей и задач. Поэтому при смене технологических укладов необходимо разграничивать как действующие, так и перспективные технологии, среди которых можно выделить следующие.

1. Ключевые технологии составляют ядро технологического уклада. Оказывают влияние на все сферы материального производства, обеспечивают устойчивый рост производительности труда.

2. Альтернативные — в процессе становления нового ТУ на роль ключевых технологий могут претендовать несколько технологий. Данные технологии потенциально являясь ключевыми ведут активное противостояние с ними.

3. Обеспечивающие — это технологии, обеспечивающие создание и функционирования ключевых технологий. Эти технологии создают ресурсную и энергетическую базу на которой возможно развитие ключевой технологии.

4. Вытесняемые — это технологии, применение которых сокращается в результате распространения нового ТУ.

5. Переходящие (стабильные) — те технологии, которые сами не влияют на ключевую технологию. Но при этом могут быть как подвержены изменениям, так и сохраняться без них.

Учитывая представленную классификацию, необходимо произвести ревизию действующих и новых технологий. Причем достоверно предсказать ключевую технологию следующего технологического уклада сложно, но исходя из проведенного ретроспективного анализа, можно утверждать, что в новом технологическом укладе ключевой будет технология, решающая актуальные проблемы и обеспечивающая долговременный рост и развитие.

Связано это, с несколькими факторами. Первый из них обусловлен тем обстоятельством, что внедряются и развиваются технологии, применение которых экономически оправданно. Второй является следствием существующей экономической модели. Так,

человеческий капитал концентрируется на том, что может привести к получению максимального конкурентного преимущества. Это позволяет очертить круг возможных задач (проблем). Решением этих задач будут технологии, которые с некоторой вероятностью станут ключевыми в новом технологическом укладе.

Несмотря на то, что при государственной концентрации на определении и развитии ключевой технологии нового ТУ шансы выявить эту технологию многократно повышаются, гарантировать победу в технологической гонке невозможно. Более того, сама по себе технология, без благоприятной экономико-политической среды, не сможет развиваться внутри страны, что повышает вероятность ее утечки за границу.

Из этого следует, что для получения выгоды и минимизации рисков вовремя, когда человечество находится в преддверии нового технологического уклада, необходима системная стратегия. Целью этой стратегии следует принять — достижение стратегического превосходства России за счет разработки и внедрения технологий нового ТУ. Исходя из поставленной цели ее задачами будут в порядке значимости, но не исполнения:

- 1) определение возможных ключевых технологий;
- 2) концентрация ресурсов на разработке ключевых технологий;
- 3) создание внутригосударственной среды, способствующей распространению нового ТУ;
- 4) разработка действий на случай первичного внедрения технологий нового ТУ вне России;
- 5) подготовка к изменениям, которые может принести новый ТУ, для минимизации рисков и поддержания социальной стабильности.

Дополнительным условием по решению задач в рамках действующей экономической модели является обязательное привлечение частных ресурсов, составляющих значительную часть экономического и научного потенциала страны, что позволит как более полно реализовать данный потенциал, так и снизить нагрузку на государственный бюджет.

Первая задача — определение ключевых технологий

В рамках данного материала по этой задаче автор ставит перед собой цель показать систему методов выявления ключевых технологий нового ТУ, а не точное предсказание конкретной технологии.

Как уже было обозначено выше, технологии становятся ключевыми и запускают смену ТУ в процессе постепенного развития существующих отраслей производства. Научное открытие и изобретение, попадая резонанс с экономической оправданностью своего применения, трансформируется в выгодную для инвестиций технологию. По мере усиления инвестиционного и информационного давления, изобретение выходит за пределы сферы своего первоначального применения, расширяясь на многие значимые отрасли и создавая тем самым, совместно с обеспечивающими технологиями, ядро нового уклада.

Первый шаг — это ограничение круга отраслей хозяйства, определенных для изучения. При этом нужно исключать те отрасли, продвижение которых малозначимо, малоэффективно или нецелесообразно.

Как показала практика уже свершившихся переходов к новым технологическим укладам, все ключевые технологии служили развитию отраслей, которые являлись «локомотивом» экономической деятельности прошлого. В качестве примера можно рассмотреть создание парового двигателя (ключевая технология второго технологического уклада), появившегося впервые на угольных шахтах. Он получил распространения и стал ключевой технологией для ТУ, когда начал внедряться на фабриках, являвшихся передовым примером внедрения ключевой технологии первого технологического уклада — механизации труда. А еще ранее механизация труда в период рождения первого технологического уклада зародилась и распространилась в отрасли производства, во многом формирующей экономику мира того времени — текстильной промышленности.

Второй шаг по выявлению потенциальных ключевых технологий — определение узких мест или бутылочных горлышек прогресса. Под бутылочными горлышками понимаются те задачи, от решения которых зависит возможность реализации уже накопленного, но пассивного потенциала, содержащегося в существующих и распространенных технологиях.

Примером такого пассивного потенциала может служить развитие транспортных средств. Современные технологии позволяют реализовать существенное повышение потребительских качеств за счет применения разнообразных высокотехнологичных систем, но данные системы имеют проблемы с совместимостью с устаревшим по меркам XXI века двигателем внутреннего сгорания (ДВС), тем самым значительно увеличивая стоимость транспортного средства. Внедрение альтернативной ДВС — электрической двигательной установки возможно и уже практикуется, но за счет отсутствия адекватных по технико-экономическим требованиям элементов, запасующих электроэнергию, экономически и в большом диапазоне их применений технически необоснованно. Таким образом в развитии транспорта бутылочным горлышком являются аккумуляторы или нечто, способное их заменить. При этом, в случае появления соответствующей технологии, возможно значительное движение вперед.

Приведенный выше пример является поверхностным, реальное изучение бутылочных горлышек должно производиться отраслевыми специалистами, погруженными как в научный, так и в технологический прогресс своих отраслей.

Выделение ключевых отраслей и тех задач, которые на данный момент времени сдерживают их развитие, позволит государству сфокусировать имеющиеся ресурсы. Более того, получить одобрение от частного хозяйствования, выступив партнерами в решении актуальных вопросов.

Для получения итогового списка задач (бутылочных горлышек), что необходимо для дальнейшей работы, важно оценить их актуальность. Это нужно для того, чтобы не ввязываться в изобретение «велосипеда». Как уже указывалось выше, распространение технологий неравномерно и задачи актуальные для российской промышленности уже могут быть решены за границей.

Это означает, во-первых, невозможность получения ответов от собственных внутри-государственных компаний. Поэтому необходимо изучение зарубежной деятельности, что связано как с затратами, так и с проблемами, вызванными объективным нежеланием конкурентных структур делиться своими наработками и прогнозами. Во-вторых, ставит один из жизненно важных вопросов: необходимо ли сегодня, на закате текущего технологического уклада производства, осваивать уже практически устаревшие технологии? Ведь данные активы совсем скоро устареют, потребуют модернизации в рамках нового ТУ? Данные вопросы, которые становятся актуальными уже в этой задаче, будут глубже рассмотрены в задачах 3,4,5.

После определения узких мест (задач), которое в итоге можно произвести, используя как собственный, так заграничный опыт, государство должно перейти к следующему шагу:

Шаг три — оценка потенциала устранения бутылочных горлышек. Результатом данного шага должен стать ранжированный по совокупному эффекту список узких мест. Под совокупным эффектом понимается показатель, обозначающий способность устранения данного узкого места влиять на экономическую, политическую и социальную среду, исходя из силы и времени влияния. Оценивая потенциал каждого узкого горлышка, необходимо рассматривать вероятный совокупный эффект на систему современного мира в целом, а не только на отрасль непосредственного первичного распространения ключевой технологии. Изучение потенциального совокупного эффекта позволяет выявить направление ключевой технологии, относительно технологий сопутствующих и прочих.

Шаг четыре — определение технико-технологических решений, ранее выявленных задач (узких мест), а также оценка потенциала данных технологий. Исходя из ретроспективного анализа уже прошедших технологических укладов, можно сделать вывод, что основа технологий может быть заложена веками до непосредственного применения. Как, к примеру, принципы действия паровой машины были описаны в I веке, задолго до того, как они стали ключевым элементом второго технологического уклада. Или возможно уже теоретическое осмысление потенциального решения. Или уже созданы образцы и идет разработка технологии массового производства.

Необходимо произвести оценку научных открытий, изобретений, техник и технологий, или в общем всех возможных этапов, на которых, может находиться будущая ключевая технология перспективного ТУ. При этом оценка должна производиться по следующим параметрам:

- стадия разработки;
- вероятность получения положительного результата;

- время, необходимое на достижение результатов;
- наличие конкурентных структур, исследующих данную технологию;
- прогресс конкурентов относительно отечественного;
- вероятность опережения конкурентными структурами;
- ресурсы, необходимые для опережения конкурентов.

Результатом решения первой задачи, является описание «узких мест», эффекта их ликвидации, а также необходимых для этого технологий с их полной оценкой, ранжированных с учетом ресурсов государства и перспективами их использования.

Вторая задача: концентрация ресурсов на разработке ключевых технологий

Данная задача решается разработкой национальной программы, затрагивающей два основных направления:

а) прямое;

Государство дает указание связанным с ним структурам, осуществляющим научную и исследовательскую деятельность, предпринимать усилия по изучению и развитию технологий, содержащихся в ранее полученных списках. При этом государство должно оказывать финансовую поддержку и осуществлять контроль расходования средств относительно получаемых результатов с целью отслеживания опережения или отставания от конкурентов.

б) связанное с современной экономической структурой, при которой значительный потенциал страны не является прямым исполнителем указов государства.

Для реализации данных резервов необходимо создание обстановки максимального благоприятствования, что означает создание такой политической, экономической и правовой структуры взаимоотношений объектов с государством, в которой данные объекты сами осознают необходимость развития интересующих государство технологий и имеют понимание, что решение данных задач в физических и правовых границах данного государства принесет им максимальные выгоды. Этим государство мотивирует и привлечет как отечественные, так и зарубежные исследователей и компаний.

Для повышения шансов разработки такой технологии требуются существующие производства, имеющие потолок технологий, ограниченный «бутылочными горлышками». Тем самым в рамках непрерывного процесса по повышению своей конкурентоспособности указанные производства развивают или способствуют развитию новых технологий. А также гарантируется юридическая и политическая безопасность технологических достижений, позволяющая субъектам хозяйственной деятельности сосредоточиться на прямой деятельности и лишь ожидать положительный эффект от нее.

Результатом данной задачи должна быть система мотивации и стимуляции научно-исследовательской деятельности, осуществляемая в рамках задач по развитию потенциальных новых ключевых технологий.

Итогом выполнения первых двух задач, государство имеет систему повышающую вероятность разработки ключевой технологии. Но последняя сама по себе еще не дает преимуществ.

Смоделируем ситуацию, в которой государство имеет промышленность без распространения механизированного труда (ключевой технологии первого ТУ). Рассматривается заграничный опыт механизированного труда (страны с распространившийся технологией первого ТУ; схожее с сегодняшней ситуацией в России отставание, автор поддерживает позицию, описанную в статье «Россия: правда о прошлом и будущем»²²⁶) При этом выявляется теоретическая необходимость в появлении двигательной установки (положительный результат по решению вышеописанной задачи номер один). Пытается создать паровую машину (ключевой элемент второго ТУ) и даже, допустим, создает (положительный результат по решению вышеописанной задачи номер два). Но затем государство, встает перед вопросом, как имея технологию, получить от нее преимущество? Для ответа на этот вопрос необходимо перейти к следующей задаче.

Третья задача: создание внутригосударственной среды, способствующей распространению технологий нового ТУ

Отстающая от передовой, структура, естественным образом не ограниченная какое-то время «бутылочным горлышком», не будет способна самостоятельно осознать

положительный эффект внедрения новой технологии, без вмешательства извне и с высокой вероятностью не будет иметь собственных средств на модернизацию.

В связи с этим существует два возможных пути: создание конкурентоспособных структур на базе последних технологий существующего ТУ, либо ожидание значительного развития нового ТУ, и создание хозяйствующих субъектов на базе новых технологий.

Следует рассмотреть положительные и отрицательные стороны каждого варианта, выбор между которыми должен производиться за счет анализа конкретного направления (отрасли, структуры, производства). Общие характеристики вышеуказанных подходов приведены в табл. 1.

Данный важный вопрос не является единственным в решении рассматриваемой задачи. Новый технологический уклад, развиваясь своей ключевой технологией изначально в одной или нескольких отраслях, постепенно распространяет свое влияние на многие. Процесс распространения должен быть поддержан государством, аналогично системе поддержки научно-исследовательской деятельности, что опять же связано с отсутствием прямого влияния на все структуры хозяйств страны, обусловленного современной структурой общественных отношений. Государство, стимулирующее распространение технологий нового технологического уклада, повысит конкурентоспособность компаний и организаций на внешних и внутренних рынках, тем самым обеспечив экономический рост и безопасность.

По результатам решения данной задачи, должно быть определена стратегия по подготовке к созданию или непосредственное предварительное создание/актуализация отраслей, принимающих технологии нового ТУ. А также должна быть проработана и воплощена в реальность система максимального благоприятствования распространению технологий нового ТУ внутри страны.

В добавок к стимулированию распространения новых технологий, необходимо преодолевать сопротивление исходящие от вытесняемых технологий. Этой цели должна служить политика торможения вытесняемых технологий, основанная на создании среды экономической нецелесообразности их использования. Кроме этого, должны быть приложены усилия, соразмерные с значимостью рассматриваемой задачи по получению технологий нового ТУ.

Четвертая задача: разработка действий на случай первичного внедрения технологий нового ТУ вне России

Решение данной задачи пересекается с мерами, которые государство должно принять для решения предыдущей задачи в рамках создания благоприятствования по распространению технологий нового ТУ внутри страны.

Таблица 1

Сравнение подходов к созданию хозяйствующих субъектов

Создание хозяйствующих субъектов базирясь на:			
существующих технологиях (без ожидания)		новых технологиях (ожидание появления)	
кратко			
Риски ниже	перерасход средств	Риски выше	нет перерасхода
Быстрая модернизация ²²¹		Создание с нуля	
подробнее			
Положительное	Отрицательное	Положительное	Отрицательное
создание и отладка систем до наступления нового ТУ	необходима модернизация	нет перерасхода ресурсов на устаревающие технологии	повышенный риск ошибок (создание системы в режиме ограниченного времени)

качественная подготовка и обучение персонала, получение практического опыта	необходимо переобучение		создание кадров с нуля
наработка рыночной репутации			выход на рынок с нуля
	нет конкурентных преимуществ технологического превосходства	конкурентные преимущества технологического превосходства	необходима аккумуляция ликвидных ресурсов

Результатом решения данной задачи, должна быть способность государства, в случае появления технологии за его пределами, в краткие сроки иметь ее в своем распоряжении.

Пятая задача: подготовка к изменениям, которые может принести новый ТУ, для минимизации рисков и поддержания стабильности

Данная задача исходит из выводов ретроспективного анализа, который показывает значительные изменения, вызываемые распространением нового ТУ в экономических, а затем в социальных и политических отношениях. Рассматривая «бутылочные горлышки», необходимо оценивать последствия их устранения на вышеперечисленные отношения и сформировать систему, способствующую поддержанию стабильности и минимальной напряженности.

По результатам решения этой задачи должен быть разработан комплекс жестких мер по охране сферы социального обеспечения населения с целью исключения возможности сокращения ее материально-финансового обеспечения.

По исполнению всех вышеуказанных задач, повышается вероятность получения технологий нового ТУ за счет полного использования потенциала страны. Увеличивается скорость распространения технологий, что позволяет ускоренно получить выгоды и стратегические преимущества. Минимизируются риски, связанные как с разработкой технологии вне Российской Федерации, так и с нестабильностью экономических, социальных и политических отношений связанных с переходом к новому ТУ.

Литература

1. Конотопов М.В., Сметанин С.И. Из тупика. Экономический опыт мира и путь России. Русайнс, 2016.
2. Конотопов М.В., Сметанин С.И. Экономическая история. Учебник для вузов. 15-е изд. Дашков и К, 2015.
3. Очерки экономической теории. Под общей ред. Конотопова М.В. 2-е изд. Просвещение, 2016.
4. Экономическая история мира в пяти томах. Под общей ред. Конотопова М.В. 3-е изд. Алетейя, 2018.
5. Экономический прогресс: прошлое, настоящее, будущее. Под общей ред. Конотопова М.В. Русайнс, 2017.
6. Конотопов М.В. Россия: правда о прошлом и будущем//Инновации и инвестиции. № 2. 2018.
7. Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
8. Цикл статей Технологии и финансы//Инновации и инвестиции. 2016.

А.А. ИНШАКОВ,
аспирант
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова
(Россия)

РОЛЬ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Направления воздействия изменения климата на сельское хозяйство отражены в отчетах Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций [1]. В частности, это:

- 1) увеличение частоты и интенсивности экстремальных климатических событий, таких как тепловые волны, засухи и наводнения, приводящие к нарушению сельскохозяйственной инфраструктуры и утраты необходимых ресурсов;
- 2) сокращение запасов пресной воды, приводящих к дефициту воды в пахотных районах;
- 3) повышение уровня моря и прибрежные наводнения, ведущие к засолению земли и воды, и рискам прекращения рыболовства в этих районах;
- 4) проблемы гигиены воды, питания и санитарии;
- 5) повышение температуры и дефицит воды, влияющий на физиологию и продуктивность растений и животных;
- 6) пагубное воздействие повышенного содержания тропосферного озона на урожайность сельскохозяйственных культур;
- 7) изменение видов болезней растений, скота и рыбы, а также у вредителей;
- 8) ущерб лесному хозяйству;
- 9) подкисление океанов, ведущее к исчезновению видов рыб.

Проблема изменения климата сегодня приобрела особую известность после подписания Парижского соглашения по климату. Делегации со всего мира пришли к единому мнению, что для предотвращения необратимых последствий для экологии человечеству необходимо удержать рост средней температуры на планете в пределах 1,5–2°С по отношению к соответствующему показателю до индустриальной эпохи.

Рис. 1. Доля выбросов парниковых газов в секторах экономики в процентах в 2010 году

Для достижения этой цели участники соглашения обязуются:

- принять национальные планы по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу и пересматривать их в сторону усиления каждые пять лет (см. рис. 1);

— к 2020 году разработать национальные стратегии перехода на «зеленые» технологии и безуглеродную экономику;

— ежегодно выделять в Зеленый климатический фонд 100 млрд. долларов для помощи слаборазвитым и наиболее уязвимым странам. После 2025 года эта сумма должна быть пересмотрена в сторону увеличения «с учетом потребностей и приоритетов развивающихся стран».

Важно отметить, что документ не устанавливает единой для всех стран стратегии снижения количества парниковых газов. Каждая страна разрабатывает их самостоятельно. Отдельные ученые относятся к этому соглашению скептически, в связи с тем, что предложенные документом меры недостаточны для достижения таких целей. Россия Парижское соглашение подписала, но еще не ратифицировала. В Российском союзе промышленников и предпринимателей заявили, что реализация положений негативно отразится на темпах экономического роста страны. Следует отметить что, 19 апреля 2017 года Президент РФ утвердил Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Это первый стратегический документ экологической направленности, принятый в России после вступления в силу Парижского соглашения.

Важным событием является то, что 1 июня 2017 года президент США Дональд Трамп формально объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату, выполнив одно из своих главных предвыборных обещаний. Трамп привел оценки, по которым из-за новых ограничений к 2025 году в США могут сократить 2,7 млн рабочих мест, а потери для экономики оцениваются в три триллиона долларов к 2040 году. Следует отметить, что именно США является главным «загрязнителем» атмосферы двуокисью углерода, которую считают катализатором глобального потепления [2].

Такие организации как Всемирный банк, Международная организация труда, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций уделяют проблеме климата особое внимание в своих публикациях.

ФАО разработала ряд подходов для оказания помощи мелким фермерам в повышении производительности и адаптации к изменению климата с сохранением природных ресурсов. Они направлены на создание синергизма с естественной средой обитания и предотвращение истощения природных ресурсов, с целью повышения урожайности и эффективности использования ресурсов и укрепления стойкости хозяйств к внешним воздействиям. Устойчивость многих мелких систем производства продовольствия также будет зависеть от способности мелких производителей внедрять практические методы и технологии в рамках подхода «климатически оптимизированное сельское хозяйство» [3].

«Сохранить и приумножить». ФАО разработала модель устойчивой интенсификации растениеводства «Сохранить и приумножить», в основе которой лежит участие самой природы в выращивании сельскохозяйственных культур — использование органического вещества почвы, регулирование водотоков, опыление и биологические методы борьбы с насекомыми-вредителями и болезнями. Она предполагает применение таких вводимых ресурсов, как минеральные удобрения, в нужное время и в нужном объеме, в сочетании с использованием улучшенных сортов сельскохозяйственных культур, устойчивых к изменению климата, и более эффективное использование питательных веществ, воды и внешних факторов.

Ключевыми компонентами подхода являются повышение эффективности использования ресурсов, сокращение использования ископаемого топлива и непосредственных нежелательных последствий для окружающей среды. Он позволяет фермерам снижать расходы, при этом избегая негативных последствий чрезмерного использования внешних факторов производства. Этот подход был распространен на другие сельскохозяйственные отрасли.

Климатически оптимизированное сельское хозяйство (КОСХ) предлагаемый ФАО подход, направленный на устойчивое повышение производительности сельского хозяйства, повышение способности к адаптации и стойкости к климатическим потрясениям, а также по возможности снижение выбросов парниковых газов и повышение уровня связывания углерода. КОСХ опирается на сельскохозяйственные технологии и методы, которые страны уже поставили во главу угла при разработке мер политики и планировании в области сельского хозяйства. В рамках подхода проводится оценка продовольственной безопасности и возможностей адаптации этих технологий и методов к местным условиям и определяется, каким образом необходимо их корректи-

ровать. В частности, предлагаются следующие корректировки: использование сортов, устойчивых к жаре и засухе; расширение ассортимента продукции хозяйств; улучшение почвы и рациональное использование водных ресурсов; а также стимулирование занятости в несельскохозяйственных секторах. Зачастую одним из результатов применения методов, приносящих существенную выгоду с точки зрения адаптации и укрепления продовольственной безопасности, становится сокращение выбросов парниковых газов или повышение уровня связывания углерода.

По данным Всемирного Банка изменение температуры, которое кажется небольшим, уже мешает людям преодолеть нищету, и без быстрого, всеобъемлющего и климатосберегающего развития к 2030 году в состоянии бедности могут быть ввергнуты еще более 100 млн людей. Например, к 2030 году потери урожая сельскохозяйственных культур могут означать, что цены на продовольствие в странах Африки к югу от Сахары в среднем повысятся на 12%. Подобная нагрузка для бедных семей, которые тратят до 60% своего дохода на питание, будет значительной. В результате недоедания у детей в Африке может произойти задержка роста на 23%. В связи с этим Всемирный банк предлагает 12 мероприятий, направленных на сбережение климатической ситуации [4].

1. Устойчивое побережье: региональная инвестиционная платформа, направленная на привлечение финансирования для управления береговой эрозией и наводнениями в Западной Африке.

2. Страхование в области климата: программа страхования рисков может помочь укрепить усилия по оказанию помощи уязвимым странам и ускорить восстановление на Филиппинах.

3. Климатосберегающее ведение сельского хозяйства: страны и компании, производящие какао и шоколад, принимают меры для прекращения обезлесения.

4. Устойчивые города: программа укрепления жизнестойкости городов поможет привлечь к сотням городов финансирование, необходимое им, чтобы стать устойчивыми к изменениям климата.

5. Мобильность: система скоростного автобусного транспорта повысит мобильность городов, сократит загрязнение и ускорит экономический рост.

6. Леса и ландшафты: уникальное сотрудничество помогает кофейной промышленности в Эфиопии стать более устойчивой к изменению климата и восстановить жизненно важные леса.

7. Гидрометеорология: новые и модернизированные услуги гидрометеорологические службы активизируют системы раннего предупреждения и реагирования в Африке.

8. Зеленые облигации: крупнейший новый фонд зеленых облигаций, предназначенный для развивающихся рынков, расширяет финансирование для климатосберегающих инвестиций.

9. Установление цен на выбросы углерода: коалиция глобальных лидеров стимулирует борьбу с изменением климата проведением эффективной политики установки цен на выбросы углерода во всем мире.

10. Солнечная энергетика: 750 сверхмощных солнечных установок помогут управлять системой метрополитена Дели в Индии.

11. Геотермальная энергетика: новый объект приведет к развитию крупномасштабной геотермальной энергетике в Индонезии.

12. Энергоэффективность: компания энергетических служб снижает цены на светодиодные лампы и открывает потенциал развития энергоэффективности в Индии.

Говоря о роли отрасли сельского хозяйства в проблеме изменения климата, следует отметить, что сельское хозяйство отвечает примерно за четверть всех антропогенных выбросов парниковых газов (около 15% только из сектора животноводства, и около 10% от изменений в землепользовании и сокращении лесного покрова); в развивающихся странах влияние климатических стихийных бедствий в сельскохозяйственном секторе обуславливает 25% общего ущерба от изменения климата. Все это приводит к отсутствию продовольственной безопасности, и усилению миграционных потоков по всему миру. Изменение климата может привести к снижению урожайности и географическому сдвигу производства из-за повышения температуры и уменьшения осадков (см. рис. 2).

Большая часть последствий изменения климата считается произведенной человеком. Чрезмерная вырубка лесов в отдельной стране может изменить характер осадков в этом районе. Поэтому для сведения к минимуму этих последствий необходимо предпринять индивидуальные усилия с использованием стратегии сотрудничества и кооперации.

Изменение климата и стихийные бедствия являются текущей реальностью, и люди должны заранее подготовиться к тому, чтобы спасти себя, сельское хозяйство и природные ресурсы.

Рис. 2. Доля сельскохозяйственных выбросов CO₂ в процентах в 2014 году, по источникам, на глобальном уровне

На национальном уровне были предприняты некоторые инициативы по смягчению последствий изменения климата. Кооперативы являются общинными и ориентированы на своих членов организациями. Среди кооперативных принципов есть пункт «забота о сообществе». Поэтому кооперативы также несут ответственность за оказание помощи людям в подготовке к управлению рисками изменения климата. [5]

Роль сельскохозяйственных кооперативов в адаптации к изменению климата можно рассматривать через нижеследующие.

1. Осуществление программ повышения осведомленности о негативном воздействии процессов изменения климата на сельское хозяйство и подготовке к переменам в структуре посевов.
2. Принимать инструменты смягчения рисков, например, страхование сельскохозяйственных культур.
3. Принимать меры по сохранению природных ресурсов (восстановление лесного покрова, очищение воды).
4. Инициировать мероприятия, которые позволят сократить выбросы парниковых газов, на основе более качественной практики хозяйствования в растениеводстве.
5. Развивать связи со смежными учреждениями, с тем, чтобы фермеры могли быть проинформированы о возможных катастрофах.
6. Создание системы естественного оповещения, ее документирование и распространение.
7. Создать кооперативное сообщество для налаживания связей с уже созданными национальными и международными системами и распространение информации среди кооперативов первого уровня.

Распространенность кооперативов возобновляемых источников энергии растет на международном уровне в течение последних 25 лет. Пионерами здесь являются Германия и Дания. По данным Европейской Федерации возобновляемых энергетических кооперативов (Rescoop), по состоянию на начало 2014 года, в Европе насчитывалось около 3000 таких кооперативов, причем почти 80% из них находились в Германии и Дании, а остальные в Нидерландах, Франции, Соединенном Королевстве и Финляндии. Только в Германии в период с 2006 по 2014 год было создано 772 кооператива. Успех Германии и Дании в этой сфере связан с долгой историей законодательства и программ поддержки, главным образом с льготными тарифами.

Ряд государств — членов ЕС поддерживали использование возобновляемых источников энергии таким образом, что большая часть инвестиций поступила от граждан. Особенно это касается таких стран, как Дания и Германия, где более половины проектов финансируется таким образом.

В Германии тарифные ставки стимулировали граждан, фермеров и кооперативные энергетические структуры, такие как REScoops, инвестировать в энергетический переход. К концу 2012 года 46% от общей установленной мощности возобновляемой энергетики находилось в руках граждан, в том числе фермеров. Только 5% принадле-

жало энергетическим компаниям «Большой четверки» — (BASF, E.ON, RWE и Energie Baden-Wurttemberg).

Рис. 3. Распределение производства возобновляемой энергии в Германии в 2012 г. в процентах по источникам [6]

Структура членов энергетических кооперативов Германии достаточно стабильна. В среднем в новых энергетических кооперативах насчитывается 43 члена. Количество учредителей может составлять от 5 до 427. Членство, как правило, быстро растет после создания кооператива. Около 60% кооперативов имеют от 50 до 200 членов; только 16% имеют менее 50 членов. Большинство энергетических кооперативов принадлежит гражданам: более 90% членов кооператива — частные лица.

Рис. 4. Структура членства энергетических кооперативов в Германии в 2012 году [6]

Энергетические кооперативы Германии имеют средний стартовый капитал — 686,000 евро. В 2012 году кооперативы инвестировали в среднем чуть менее 1,9 млн евро в возобновляемые источники энергии. Энергетические кооперативы имеют сравнительно высокую среднюю долю собственного капитала — 54%. Почти каждый четвертый кооператив инвестирует без заемного капитала. 64% внешнего капитала заимствовано из кооперативных банков.

Кооперативы производят 830 тыс. МВт-ч электроэнергии, что достаточно для снабжения примерно 230 тыс. средних домашних хозяйств. Основываясь исключительно на цифрах, это означает, что новые энергетические кооперативы уже производят значительно больше электроэнергии, чем требуется для снабжения домохозяйств всех их членов.

В Канаде действуют 47 кооперативов по созданию энергии из возобновляемых источников, представляющих 53% всех кооперативов в энергетическом секторе. Около 72% этой деятельности осуществляется в Онтарио.

Таблица 1

Виды кооперативов в секторе возобновляемой энергии в Канаде [7]

Тип кооператива	Сфера деятельности
Кооперативы производителей	Производство электроэнергии, тепла и / или топлива из возобновляемых источников энергии
Кооперативы по возобновляемым видам топлива	Производство и поставка топлива для отопления, обычно биотоплива
Кооперативы распределения	Распределения электроэнергии из возобновляемых источников
Кооперативы централизованного теплоснабжения	Производство и распределение тепла из возобновляемых источников энергии
Кооперативы обслуживания	Предоставление услуг, связанных с возобновляемыми источниками и энергосбережением
Образовательные кооперативы	Предоставление образовательных и информационных услуг в отношении возобновляемых источников энергии.
Финансовые и инвестиционные кооперативы:	Финансирование проектов в области кооперации
Кооперативы по разработке отдельных проектов	Позволяют проектам о возобновляемых источниках энергии получить поддержку развития, а также пропаганду и разъяснительную деятельность

Наряду с принципами, установленными Международным кооперативным альянсом, кооперативы возобновляемых источников энергии обязуются поощрять и поддерживать экологические, социальные и этические ценности [8]:

Экологические принципы:

- снижение воздействия изменения климата путем поддержки эффективного использования энергии и внедрения технологий использования возобновляемых источников энергии;
- защита окружающей среды при минимизации воздействия установок по производству возобновляемой энергии;
- обеспечение сохранения качества возобновляемых источников энергии, воды и почвы.

Социальные и этические принципы:

- поддержка местной экономики путем стимулирования роста занятости;
- ограничение исключительного преследования финансовой выгоды;
- оптимизация затрат на энергоснабжение и управление через локальную энергетическую автономию и короткие петли распределения;
- обеспечение финансовой прозрачности;
- поддержка активного вовлечения пользователей (производителей / потребителей);
- поощрение свободной торговли (Fair Trade) в проектах возобновляемых источников энергии;
- обеспечение справедливого доступа к общественным товарам.

Ветроэнергетические и Фотоэлектрические установки обычно требуют высокого уровня первоначальных инвестиций, поэтому важным фактором их успеха является наличие конкретных кредитных линий от финансовых учреждений и/или поддержка со стороны государства или партнерство с государством [9].

Однако, в случае ветроэнергетики, инвестиции являются лишь одной из проблем. Важно, чтобы местные общины участвовали в процессе планирования, с тем, чтобы обеспечить их приемлемость для размещения и эксплуатации ветровых турбин. Кооперативная модель здесь особенно уместна. Дания, пионер в области ветроэнергетики, является живым доказательством того, что общинная власть имеет большой

потенциал для создания возобновляемой энергии будущего, с ветроэнергетическими кооперативами, созданными в настоящее время по всей стране.

Одним из наиболее часто приводимых примеров ветряного кооператива является Middelgrunden в Дании, некогда крупнейший в мире оффшорный ветропарк. Он основан на коллективной собственности. Десять турбин являются собственностью кооператива Middelgrunden и десять местной коммунальной компании, которая, в свою очередь, находится в собственности муниципалитета Копенгагена. Ферма обеспечивает около 4 процентов энергии, используемой в Копенгагене.

Датский закон о возобновляемых источниках энергии 2009 года налагает на все новые ветроэнергетические проекты обязательство предоставлять как минимум 20% в собственность местным жителям, с тем, чтобы стимулировать их участие в новых ветроэнергетических проектах. Поэтому создание кооперативов стало привлекательным вариантом. Региональные органы власти также оказали значительное влияние на жизнеспособность подобных инициатив на уровне общин. Более того, финансирование для приобретения акций кооператива легко получить, при этом некоторые местные банки почти автоматически предоставляют кредиты на данные цели. Однако, самым сильным стимулом для развития ветряных кооперативов является общая и решительная поддержка ветроэнергетики среди населения Дании.

Электрические кооперативы являются неотъемлемой частью отрасли электроэнергетики США объемом 393 млрд долл. Они обслуживают более 19 млн предприятий, домов, школ, церквей, ферм, ирригационных систем и других учреждений в 2500 из 3141 округов США. Почти 13% жителей страны являются клиентами электрических кооперативов. Каждый год они производят 11% от общего количества потребляемых в США киловатт-часов. В них работают 70 тыс. чел.

Электрические кооперативы это:

- а) частное, независимое, некоммерческое электроэнергетическое предприятие;
- б) принадлежат клиентам, которых они обслуживают;
- в) зарегистрированы в соответствии с законодательством штата, в котором они работают;
- г) создаются, чтоб предоставлять электричество по себестоимости;
- д) управляются советом директоров, избираемых из числа членов, который устанавливает политику и методику работы кооператива, реализуемые затем менеджментом предприятия.

В дополнение к обеспечению высококачественных энергетических услуг, электрические кооперативы сильно привязаны к своему сообществу. Они позволяют членам улучшать качество их жизни через проекты экономического развития и оживления, создание новых рабочих мест, улучшение систем водоснабжения и канализации, помощи в предоставлении медицинских и образовательных услуг.

Множество стартапов по всему миру работают над тем, как перенести выращивание хотя бы некоторых овощей и фруктов поближе к потребителю — в города, заодно сделав сбор урожая менее зависимым от перепадов погоды. Вертикальные фермы размещают в зданиях бывших складов и заводов. Под выращивание овощей и зелени приспособливают также грузовые контейнеры, парковки, балконы, крыши и стены домов. Некоторые системы позволяют использовать в качестве удобрения компост из пищевых отходов и собирать дождевую воду для полива растений [10].

Запуск городской фермы часто требует серьезных вложений, и выход на прибыльность может занять довольно долгое время. Некоторые стартапы уже были вынуждены закрыть свои городские фермы, оказавшиеся убыточными. По прогнозам экспертов, экономику городских ферм в будущем значительно улучшат технологические новинки. Использование новых сенсоров и камер, компьютерных программ и приложений для смартфонов поможет городским фермерам оптимизировать процесс выращивания и сбора урожая.

Немецкая компания Agrilution выводит на рынок специальный шкаф размером с небольшой холодильник, оборудованный светодиодной подсветкой и автоматической системой полива, управляемой со смартфона. Стартовая цена — 2 тыс. евро, но компания рассчитывает в дальнейшем снизить ее.

Схожая практика городского фермерства имеется и в США. Так, брат Илона Маска запустил фермерский акселератор Square Roots в 2016 году. Проект основан на наборе предпринимателей, желающих изучать основы городского фермерства. Каждому участнику предоставляется специальный контейнер, оборудованный системой полива,

для выращивания овощей. Один контейнер позволяет еженедельно выращивать 22,6 кг листовых овощей, затрачивая лишь 30 литров воды ежедневно [11]. Произведенную продукцию фермеры сдают предприятию, которое затем реализует ее на рынке. Получается своего рода сбытовой кооператив.

Перспективы городских ферм будущего кажутся радужными, но они, очевидно, не смогут в полном объеме заместить поставки продукции традиционных фермерских хозяйств. В условиях городских вертикальных ферм сейчас выращивают в основном зелень, салаты и некоторые другие овощные культуры, которые созревают быстро и обеспечивают постоянный приток денежных средств. Стоимость искусственного освещения лишает экономического смысла выращивание таким способом овощей и фруктов с более длительными циклами созревания. Вряд ли на городских фермах будут выращивать пшеницу и другие злаковые, длительное хранение и транспортировка которых не представляют проблем.

По прогнозам экспертов, изменение климата не является единовременным явлением. В условиях продолжающегося выброса парниковых газов, сокращения обрабатываемых площадей, обезлесения, роста численности населения и росте уровня загрязнения в отдельных отраслях хозяйствования, воздействие на землю и человечество будет еще более ощутимым. [12] Это будет иметь серьезные негативные последствия для сельского хозяйства при создании средств необходимых к существованию человечества. Сельское хозяйство – это один из секторов, который может пострадать больше всего. Поэтому уместно, чтобы все люди, фермеры или не фермеры вносили свой вклад, с тем, чтобы земля могла восстановить свою энергию. Парниковый эффект может быть уменьшен только при сотрудничестве всех участников рыночных отношений. Поэтому фермерские хозяйства и созданные ими сельскохозяйственные кооперативы несут огромную ответственность за оказание помощи земле и человечеству.

Литература

1. The state of food and agriculture climate change, agriculture and food security, Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/publications/sofa/2016/en/> (дата обращения: 18 февраля 2018 года).
2. США вышли из Парижского соглашения по климату. Почему? Это важно? [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/02/ssha-vyshli-iz-parizhskogo-soglasheniya-po-klimatu-pochemu-eto-vazhno> (дата обращения: 18 февраля 2018 года).
3. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства, Использование продовольственных систем для всеобъемлющих преобразований в сельских районах, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, 2017, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/3/a-17658r.pdf>, (дата обращения: 15 февраля 2018 года).
4. Towards a Climate-Smart World: 12 Ways for a Resilient Future, The World Bank, December 1, 2017, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2017/12/01/towards-a-climate-smart-world-12-ways-for-a-resilient-future> (дата обращения: 15 февраля 2018 года).
5. Climate Change, Agriculture and Role of Agricultural Cooperatives, Dr. Bishwa Mohan Acharya [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265164962_Climate_Change_Agriculture_and_Role_of_Agricultural_Cooperatives (дата обращения: 15 февраля 2018 года).
6. The energy transition to energy democracy, Power to the people, Final results oriented report of the REScoop 20-20-20 Intelligent Energy Europe project, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rescoop.eu> (дата обращения: 15 марта 2018 года).
7. Accelerating renewable energy cooperatives in Canada, A review of experiences and lessons, March 2016, [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/28538257/Accelerating_Renewable_Energy_Co_operatives_in_Canada_A_Review_of_Experiences_and_Lessons (дата обращения: 20 марта 2018 года).

8. Charter of REScoop.eu, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rescoop.eu> (дата обращения: 20 марта 2018 года).
9. Providing clean energy and energy access through cooperatives, International Labour Office Cooperatives Unit (COOP) Green Jobs Programme, International Labour Organization, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_233199.pdf (дата обращения: 15 февраля 2018 года).
10. Как фермеры приспосабливаются к изменению климата, Хитер Хэддон // Ведомости. М., 19 мая 2017 года.
11. Брат Илона Маска намерен совершить революцию в сельском хозяйстве [Электронный ресурс]. URL: https://hightech.fm/2017/08/24/urban_farm_accelerator, (дата обращения: 20 февраля 2018 года).
12. Climate Change and Agricultural Cooperatives, G.C. Shrotriya and Daman Prakash, IFFCO Foundation, New Delhi, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://ica-ap.coop/sites/ica-ap.coop/files/articles_27.pdf, (дата обращения: 23 февраля 2018 года).

СЕКЦИЯ 3.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И РЕЛИГИЙ.
ЭКОЛОГИЯ И СОХРАНЕНИЕ СРЕДЫ.
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Шилян ШЭН,
 руководитель русского сектора
 Института социального развития Евразии
 Центра изучения развития при Госсовете КНР;
 постоянный член правления
 Китайского исследовательского центра ШОС,
 главный научный сотрудник
 Центра по изучению мировых проблем
 при Информационном агентстве «Синьхуа»
 (Китай)

СОСЕДЯМ НАДО ПОЗНАКОМИТЬСЯ ПОБЛИЖЕ

Уважаемый модератор! Уважаемые коллеги! Все тех, кто сидит в этом зале, мне хочется назвать партнерами и соседями.

Мы с Вами соседи, но люди очень разные. С друзьями из Центральной Азии китайцы познакомились давно, в династии Тан 1,4 тыс. лет назад. С индусами еще раньше.

С русскими китайцы стали соседями совсем недавно: 300 лет тому назад. Китайцы любят красный цвет и четное число, а русские — синий и нечетное. Мышление у китайцев — дедуктивное, а у русских — индуктивное. Модель цивилизации у русских — европейская, христианская, а у китайцев — восточноазиатская, конфуцианско-буддийская. Так что китайцы и русские — люди очень разные. Нам трудно понимать друг друга в принципе.

Но поскольку мы стали не только соседями, но и стратегическими партнерами, то нам надо познакомиться поближе. К тому же в стратегическом плане значение России для Китая и Китая для России трудно переоценить. Вокруг наших стран существует огромное количество вызовов и рисков, но нам не надо беспокоиться. Потому что за спиной Китая — наш надежный стратегический партнер Россия. А за спиной России — надежный стратегический партнер Китай. Мы с Вами, да и со странами Центральной Азии, являемся стратегическими опорами друг другу.

Еще, у китайцев и русских общая судьба. На нас наложено американцами клеймо — ревизионистские государства, которые посмели не согласиться с доминирующим статусом США в мире.

За последние годы произошло два очень важных события. Первое, как написал Владислав Сурков в статье «Одиночество полукровки (14+)», для России 2014 год — это завершение эпического путешествия России на Запад, прекращение многократных и бесплодных попыток стать частью западной цивилизации, породниться с «хорошей семьей» европейских народов».

Второе, для США 2018 год — это окончательного потеря надежды на демонтаж коммунизма в Китае через привлечение его в «цивилизованный мир», мир Запада.

Отсюда и дипломатические, и экономические санкции со стороны США и Европы против России, и «торговая война», провокация около Тайваньского пролива со стороны США против Китая.

Из первого события помощник президента России Владислав Сурков сделал вывод: «с 2014 года и далее простирается неопределенно долгое новое время, эпоха 14+, в которую нам предстоит сто (двести или триста) лет геополитического одиночества». Но не надо впадать в пессимизм. Будьте уверены, рядом с Вами, с Россией, стоят Китай и члены ШОС, да и весь «Не Запад» вообще!

Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «сообщества единой судьбы человечества». Это является перспективой на далекое будущее. Так, китайская мудрость гласит, «начало тысячеверстного пути берется от твоего первого шага».

Думаю, этим первым шагом вполне может стать создание «сообщества единой судьбы человечества» между Китаем и Россией, и в рамках ШОС.

В области безопасности мы достаточно успешно развиваем военное и военно-техническое сотрудничество, а также взаимодействует в борьбе с терроризмом.

В экономике мы стали по-настоящему взаимодополняемыми. В частности, Китай — самый большой импортер зерна (130 млн тонн), молочной продукции (2,5 млн тонн), нефти (420 млн тонн), природного газа (70 млн тонн), древесины и целлюлозы (20 млн тонн) и так далее. А Россия — крупнейший экспортер нефти и газа, древесины, и в дальнейшем — зерна. Причем импорт российского военно-технического оборудования помог Китаю в повышении обороноспособности, а России — в получении финансовых средств для развития национальной экономики.

Китай — крупнейшим экспортером товаров ширпотреба и бытовой электроники, которые в России и Центральной Азии пользуются немалым спросом. К тому же импорт нефти и газа из России для Китая играет стратегическую и незаменимую роль: он прямой, минуя всякие проливы, контролируемые не самыми дружественными к Китаю внешними силами.

Наша секция гуманитарная. Насчет гуманитарного обмена у меня несколько предложений.

Во-первых, упростить процедуру безвизового пребывания на территории государств-членов ШОС для участников научного и торгового обмена. Например, с 30 января 2016 года граждане России и 50 других государств получали право на безвизовое пребывание в течении 144 часов (6 суток) на территории КНР, имея при себе авиабилет в третью страну и заказ на гостиницу Китая.

Во-вторых, развивать и контролировать турбизнес в странах-членах ШОС, в частности в Китае и России. Так, в 2017 году Россия приняла 1,47 млн китайских туристов, прирост составляет 14,7%. Но немалая часть доходов от увеличения туристического потока получили незаконным путем недобросовестные китайские и российские туроператоры. Да и в Москве, и в С. Петербурге работает много «левых» китайских экскурсоводов, которые плохо знают историю России, Москвы или С. Петербурга.

В-третьих, необходимо использовать языковые составляющие «мягкой силы» для создания правдивого облика наших стран за рубежом. В наступающую эпоху искусственного интеллекта развитие деловых и гуманитарных контактов, эффективное распространение «мягкой силы» невозможно без использования новейших языковых технологий. Искусственный интеллект уже в какой-то степени позволяет миллионам людей из разных стран общаться письменно и даже устно без знания языка друг друга.

После провозглашения Председателем КНР Си Цзиньпином концепции «сообщества единой судьбы человечества» начался новый этап использования языковой «мягкой силы». При этом объектом внимания лингвистического сообщества стали языки сопредельных с Китаем стран. Исследования «ключевых» иностранных языков и транскрипционных языков народов в самом Китае, усиленная подготовка переводчиков в высших учебных заведениях, расширение радио- и телевидения на иностранных языках, создание многоязычных сайтов были сочтены «важнейшей основой для налаживания связей». А совершенствование Интернета в Китае и развитие искусственного интеллекта считаются одним из стратегических направлений движения страны вперед. И казавшаяся непреодолимой «Великая стена» китайского языка и иероглифики может быть преодолена с помощью искусственного интеллекта. Например, на недавнем форуме в китайском г. Боао (о. Хайнань), работали роботы-переводчики.

В-четвертых, нужно создать телестудию ШОС, чтобы дать правдивую и объективную информацию о важнейших событиях ШОС и ее членов на официальных языках Организации.

В-пятых, увеличить импорт качественных пищевых продуктов и товаров ширпотреба между странами-членами ШОС, чтобы стимулировать повышение симпатии наших народов друг к другу. Ведь дорога к сердцу лежит через желудок. Вкусные, качественные, но недорогие российские кондитерские изделия и молочные продукты в Китае нарасхват. Перефразирую слова в песни «В поле»: «И с той поры мое родное поле еще дороже стало и родней»!

М.М. ФЕДОРОВА,
главный научный сотрудник
Института философии РАН,
доктор политических наук
(Россия)

ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Вопрос о соотношении суверенитета личности и суверенитета национального государства со всей определенностью был поставлен в качестве одной из важнейших политических проблем Современности. Современную историю можно прочесть как процесс становления политической онтологии — онтологии Единого, в рамках которого протекает процесс индивидуализации наций и народов в отдельные государства. Для Современности политика — дело человеческое по своим целям и средствам. Именно этот факт и отражается в понятии суверенитета, который представляет собой не только власть целого, Единого над множеством, но и утверждение автономии человеческой жизни. Это прежде всего суверенитет человека над самим собой. Собственно, главный политический вопрос Современности состоял в выявлении условий, при которых люди могут жить сообща, руководствуясь при этом собственными установлениями, а не трансцендентной инстанцией.

В соответствии с античной парадигмой политического мышления люди по природе своей могут жить политически, иными словами, политическое сообщество — *polis*, *civitas* — естественная реальность. Современность отказывается от этого аристотелевского утверждения: в классических трудах политической философии Нового времени человек уже не рассматривается как политическое животное, а государство — как естественная данность. В контексте артифициализма Современности «человеческая природа» совершенно аполитична: для того, чтобы возвыситься до политического состояния человек должен порвать со своим естественным состоянием.

Суверенное государство Современности основано на постулировании субъекта как особого индивида, наделенного разумом, свободной волей, способного к самодетерминации. Основой государства Современности является постулат об индивиде, наделенном свободной волей и способностью к самодетерминации, этот индивид суверенен. Этот постулат предполагает, что каждый индивид, равно как и совокупность всех индивидов, способен принять участие в образовании государства и его сохранении. Это положение есть также основа и современной демократической политики, ведь картезианский субъект может мыслиться только в соответствии с априорным и необходимым принципом равенства. И здесь пролегает еще одна демаркационная линия по отношению к античной парадигме, в рамках которой политика есть подражание природе, а природа создает естественные иерархии, разделение на рабов и свободных людей и т.д.

Формулируемый Современностью постулат равенства — это постулат естественного закона, которому подчинено всякое природное существо. Поэтому и естественное состояние определяется как состояние, в котором господствуют страсти, в котором человек — раб этих страстей, он совершенно аполитичен. Политическая проблема возникает как проблема урегулирования этих страстей с помощью разума, который подсказывает человеку, как перейти от Я к Мы, от единичного к универсальному, как найти то общее, что может составить основу человеческого общежития. Разум, таким образом, выступает здесь трансцендентальным принципом единства и основой *respublica*, основой политического как такового.

За всеми этими вопросами стоит важнейшая политическая проблема — проблема свободы. И ее решение, которое дает западноевропейская Современность, состоит в том, что люди могут быть свободными, то есть суверенными и автономными в обществе только как граждане.

Политический проект Современности состоял в обретении свободы путем построения сообщества, главным принципом которого выступала не просто связь индивидов между собой, но их связь со всеобщим. Это был проект универсальности. Парадокс вопроса об индивидуальной свободе заключался в том, что его решение не могло быть индивидуальным — его следовало искать вне индивида, на уровне сообщества, и оно могло носить только политический характер (разрыв с естественной свободой). И Суверен выступал здесь в качестве той инстанции, которая и обеспечивала связь особенного и индивидуального бытия с всеобщим. Свобода является не состоянием, но отношением между индивидуальным и всеобщим, и человек должен совершить переход от естественного Я к политическому, гражданскому. Функция государства в данном случае состояла в том, чтобы подвести индивида к тому, чтобы он рассматривал всеобщее как свое собственное благо. Так вместо естественного желания Я возникало осмысленное желание Мы, и это есть моральная основа демократии. Демократическое государство, таким образом, дает конституционные рамки, способные осуществить связь между всеобщим и особенным, которая составляет свободу индивидов в том или ином сообществе. Свобода является формой организованной сувереном гражданственности. Иными словами, свобода Современности развивается через преодоление партикуляризма. И проект этот был внутренне противоречив, ибо всеобщее всегда выражается через особенное и переживается как особенное.

Во внутреннем порядке государства индивида и *respublica* связывает не столько внутренне обязательство индивида жить в соответствии с нормами всеобщего, сколько принуждение суверенной инстанции жить в соответствии с «общей волей», и формой этого принуждения выступает закон. Поэтому и государство, главным политическим принципом которого выступает суверенитет как основание легитимности и нормативности, является не просто сообществом индивидов, чудесным образом преодолевающим горизонт их особенности, а инструментом, посредством которого эти индивиды принуждены преодолевать горизонт их личности.

Современный мир живет еще в контексте этого универсализма, порожденного Современностью, — универсализма отдельного народа, существующего в рамках отдельного государства. Идея нового универсализма, прокладывающего дорогу через преодоление противоречий политического проекта Современности, — пока еще скорее регулятивная идея, не выраженная ни в конкретных программных действиях, ни в философских концептах. Контуров этой идеи еще нечетко вырисовываются в преодолении универсализма исторических государств и одновременно в преодолении партикуляризма отдельных государств в рамках их исторических границ. Это означает пересмотр оснований политической Современности, что должно привести к новой идее свободы. Речь должна идти о новом ответе на вопрос Современности о противоречиях человеческого существования — противоречии между сущностной конечностью человеческого как такового и бесконечным стремлением человека к свободе. Мы видели, что решение этого вопроса Современностью само было противоречивым: как может быть бесконечной свобода, если субъект свободы — отдельный индивид, гражданин или сообщество — по природе своей конечны? Их свобода ограничена, но что такое ограниченная свобода, как не противоположность свободе? И XX век показал, как возможна эта противоположность — через отрицание самой свободы как основания *respublica*. Поэтому новая идея свободы, в рамках которой, возможно, не будет место такому политическому принципу, как суверенитет отдельного исторического государства, лежит вне традиционного горизонта, рожденного порядком универсальности и партикуляризма исторических государств. Дело в том, что изменилось само понятие универсальности, выработанное Современностью. Европейская универсальность сегодня подразумевает плюрализм культур — они настолько переплелись, что в результате универсальность обрела некую хрупкость, способность от чего-то отказываться и ставить это что-то под вопрос.

Таким образом, между суверенитетом национального государства и суверенитетом личности, находящим свое выражение в гражданстве, сложилась тесная связь, которая носит конституирующий характер. Исторически эта связь возникла как освобождение, эмансипация от опеки со стороны всех форм сообщества — религии, семьи, племе-

ни, освобождение от личной зависимости от суверена и т.д. Институт гражданства придал новый смысл классическому разделению между всеобщим и особенным, так как гражданство носило сознательный, договорной характер; оно трансцендировало принадлежность общине, социальной группе, которая оставалась ограничивающей, исключающей индивида из социального целого как такового. Подчиняясь государству в целом, гражданин подчинялся самому себе, становился действительно суверенным.

Однако сам процесс формирования гражданства Современности носил противоречивый характер, что не могло не отразиться и на положении института гражданства в наши дни. Прежде всего, европейский гражданский универсализм формировался в противовес былому политическому единству в рамках Священной римской империи. Именно в противовес империи и старым юридическим конструкциям в форме римского права, формировались современные европейские государства: создав собственное политическое право, они утверждали свою независимость и идентичность, которые и были носителями ценностей Современности. Это было признание индивидуальных прав личности, в первую очередь, свободы совести и личной безопасности, которые коренным образом преобразовали римскую идею гражданства и имперского понятия власти. Модель современного гражданина — это не модель гражданина-солдата. С другой стороны, и современное государство мыслилось уже не как безграничная власть над всем политическим пространством: это было государство ограниченное, и ограничивалось оно правами человека (понимание которых существенно отличалось от античных прав) и подчинением закону. Таким образом, универсализм западноевропейской Современности во многом противоречил идеям универсализма и европейского единства в средневековых идеологических конструкциях (например, универсальная монархия Данте). С другой стороны, современное понимание гражданства значительно изменилось и по отношению к античному: оно расширило свои границы и распространялось на все население государства, но одновременно и сузилось, так как политическое решение принималось через представительство и делегирование своих полномочий.

Еще один важнейший аспект формирования института и идеи гражданства, чреватый многочисленными парадоксами и внутренними противоречиями, состоял в том, что гражданство было теснейшим образом связано с нацией и национальным государством. Принцип права народов внес демократические коррективы прежде всего в идею суверенитета, утвердив, что суверенитет является атрибутом нации, народа. Но помимо этого он привносил и историческое измерение в пространство политического, ибо само это политическое пространство оказывалось не просто результатом абстрактного договора, а плодом длительного исторического развития, оно имело жестко очерченные границы и обладало тем, что Гердер называл «духом народа», а Ренан — «душой нации» (прошлое, традиции, культура, язык). Тем самым национальный принцип развития современных государств противостоял космополитическим идеям Просвещения, воплощенным в кантовской идее всеобщей республики.

Поэтому современные тенденции глобализирующегося мира и в частности, интеграционные тенденции в Европе создают парадоксальную ситуацию для развития института гражданства в его классическом, нововременном понимании, основанном на взаимных обязательствах между гражданином и национальным государством. Ведь идея европейского гражданства, сформулированная, например, в Маастрихтских соглашениях (1992 г.), основана как раз на противоположном принципе — на принципе разведения гражданства и национальности: можно быть гражданином (европейцем), не принадлежа к определенной нации (той стране, где проживаешь). И хотя первые (оказавшиеся весьма успешными) шаги по созданию единой европейской экономической системы и введению либеральных принципов ее управления были предприняты уже в послевоенные годы (50-е годы XX столетия), процесс политической интеграции на основе единого общеевропейского гражданства оказался достаточно длительным и трудным. По мнению политических аналитиков, этот процесс предполагает ряд последовательных шагов, представляющих собой серьезный политический проект, выходящий за рамки 8 статьи Маастрихтских соглашений. Он предполагает, прежде всего, как уже упоминалось выше, разведение принципов национальности и гражданства и создание соответствующих конституционных обновлений. Кроме того, речь идет о постепенной выработке общей культуры (в том числе и политической), независимой от границ национальных государств и подводящей к формированию транснационального гражданства, которое позволило бы согласовать политические действия с общеевропей-

ской циркуляцией идей и товаров. И, наконец, следует обратиться к выработке новых гражданских ценностей, существенным образом модифицирующих и дополняющих ценности, содержащиеся в Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: отказ от национальной дискриминации, культурный плюрализм, множественность выбора, различные типы солидарности и т.д.

Этот процесс уже начался, что привело к размыванию традиционных форм политического и гражданского общежития. Однако формирование новой универсальности и новой идеи автономии личности в рамках единого гражданства носит далеко не линейный характер и встречает на своем пути немало трудностей, связанных прежде всего со стремлением каждой страны сохранить свой национальный суверенитет. Тормозит этот процесс целый ряд иных факторов, определяющих политическое и социальное бытие современного гражданина. К указанным факторам относится, в частности, и тот момент, что в сознании западноевропейца собственные национальные политические институты гораздо ближе, нежели общие, общеевропейские. Своеобразным препятствием для становления нового института гражданства являются и факторы культурного порядка: национальные ценности и символы, национальные системы школьного образования и т.д. Таким образом, европейская идентичность находится еще только в стадии своего формирования и представляет собой противоречивое единство самых разнородных элементов.

Кризис национального государства во всех его многочисленных аспектах, связанных прежде всего с размыванием национального суверенитета, детерриториализацией проблем, решение которых было ранее прерогативой исключительно национального государства (управление миграционными потоками, охрана окружающей среды, здоровья, борьба с наркомафией и т.д.), растущей неспособностью самих государств обеспечить полный контроль над собственной территорией, несомненно затрагивает и статус гражданина, суверенитет личности. Глобализационные процессы решительным образом уничтожают расстояния, превращая географические границы во многом в чисто формальное понятие. Политическое пространство уже не соответствует единственной конфигурации национального государства, оно не способно аргументированно организовывать однородным образом политические связи. Так, например, каждая социальная функция образует свое особое пространство, не совпадающее с пространством национальным: можно быть потребителем, защитником того или иного интереса, приверженцем той или иной конфессии, обретая единомышленников далеко за пределами собственного отечества. Это пространство не совпадает с национальным сообществом, трансцендирует или разделяет его. Поэтому современный гражданин оторван от своих национальных корней, в его сознании доминируют индивидуалистические ценности, а сама соотнесенность с коллективным уровнем существования изменяет свою конфигурацию. В этих условиях гражданство — это своеобразное усилие индивида над самим собой с целью достижения коллективистского измерения человеческого существования, по отношению к которому он ощущает себя во многом чуждым.

Однако глобализационная логика — не единственный вектор развития мировых политических процессов, так как она тесно переплетается и с логикой идентификационной. Ключом к пониманию динамичной артикуляции глобализационных и идентификационных процессов в современном мире могут служить выводы представителей интеракционистского направления в изучении этно-национальных идентичностей, утверждающие относительный характер этничности, обусловленный не столько дифференциацией, сколько межкультурной коммуникацией, позволяющей установить различия между социальными и группами. Ведь глобализация и модернизация влекут за собой интенсификацию обменов различного уровня и порядка. А это, в свою очередь, расширяет возможности и индивидов, и различных социальных групп, и национальных и государственных образований в целом сравнений, соотнесений с другим или другими, установлений различий и самоотождествлений, а, следовательно, для выстраивания собственного символического образа «Я» или «Мы».

Тесное взаимопереплетение двух этих логик — глобализационной и идентификационной, сконцентрированной на возврате к предмодернистским моментам, — серьезным образом влияет на институт гражданства как таковой. В этой сложной динамичной системе, в которой формы макрорегиональной интеграции парадоксальным артикулированы с усиливающейся автономизацией субрегиональных целостностей, гражданство утрачивает свои прежние функции, связанные с установлением относительного равновесия между всеобщим и особенным, между автономией и принуждением и в

обществе, и в человеке. Прежняя модель гражданства, связанная исключительно с универсализацией, дает трещину.

В западноевропейском контексте эти изменения влекут за собой и изменение модальностей политического действия. Кроме того, к размыванию традиционной модели взаимоотношений между властью и гражданами приводят и общие процессы рационализации и технизации политического процесса — взаимопроникновение традиционного политического и экспертного действия в политике, обусловленное растущей необходимостью принятия консенсусных решений, лоббирование и другие моменты. Эти факторы обуславливают совершенно иную конфигурацию отношений между властью и гражданами. Развивая свою концепцию сетевого общества, М. Кастельс пишет, что двойственный процесс глобализации и роста коммунальных идентичностей бросает вызов национальному государству как релевантной единице, определяющей публичную сферу. Государство-нация не исчезает, но его легитимность сокращается в условиях расширения действия глобального управления. Принцип гражданства вступает в противоречие с принципом самоидентификации, что приводит к кризису политической легитимности государства-нации, который также включает в себя и кризис традиционных форм гражданского общества. И действительно, политическая система в рамках сетевого общества плохо совместима с привычными представлениями о демократии. В этой системе относительно транспарентные отношения между правящими структурами и гражданским обществом фактически подменяются более сложными и запутанными отношениями между гражданским обществом и группой людей, для которых политика — не столько призвание, сколько — профессия.

Таким образом, гражданство как политическая идея и политический институт современности, бывший выражением суверенитета личности в ее (личности) отношении к государству, в нынешних условиях как бы распадается на взаимопересекающиеся «страты», каждая из которых предстает символически оформленным набором приверженностей и связей: так называемое «близкое» гражданство, характерное для субнационального уровня, отмеченное прочными, но партикулизирующими связями; макро-региональное гражданство, в рамках которого связи носят утилитарный, но слабо институализированный характер и т.д..

Однако кризис гражданственности является следствием не только размыванием территориальных референций, но и ускорения политического времени, связанному с развитием информационных процессов, медийных структур. Исчезает соответствие между все ускоряющимся ритмом политических событий и более медленным временем развития политических институтов. Все эти процессы, по сути, выражают главную логику — разделение гражданства и породившего его универсализма. Это происходит по целому ряду причин. Прежде всего потому, что национальное политическое сообщество не обладает более той функциональной целостностью, что некогда обеспечивала его силу и могущество. Если раньше оно было выразителем суверенной идентичности, то сегодня способно выполнять лишь отдельные из своих прежних многочисленных функций. Кроме того, это сообщество уже не является выражением и как бы трансцендированием всех партикуляризов; теперь оно должно соперничать с проявлениями региональной или транснациональной солидарности, которая в современных условиях едва ли не более адекватно передает новые стремления к солидарности. Кризис идеи гражданственности, таким образом, приводит к ослаблению ее собственно политического характера, наделяя ее скорее культурными и идентификационными чертами.

Д. КОЛЯГИЙН,
старший научный сотрудник,
заведующий сектором Центральной Азии
Института международных отношений
Академии наук Монголии,
доктор наук
(Монголия)

КАКОЙ КОНЦЕПЦИИ БУДЕТ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ШОС: «РАН» ИЛИ «РАХ»?

В 2016 году на Сочинском форуме была выражена моя позиция по вопросу о возможности расширения ШОС. В данной статье мне хотелось бы выразить свою точку зрения по поводу концепции ШОС.

В качестве организации, объединившей в своих рядах многие страны и охватившей широкое территориальное пространство, ШОС продолжает придерживаться консолидированной позиции по определенным вопросам, и эта позиция, возможно, станет основой создания единой концепции ШОС. Объединение стран-членов в зависимости от определенных интересов является еще одним условием для разработки единой концепции. По основному логическому содержанию, желание этих стран вступить в ШОС означает их единство в этом вопросе. Это формирует реальный фактор их объединения, уменьшающий препятствия на пути создания единой концепции. Таким образом, я выдвигаю свои предложения с точки зрения проведения стратегии развития, в случае если ШОС станет придерживаться одной единой концепции.

Основную идею первоначального этапа «Шанхайской пятерки» — ШОС назвали «Шанхайский дух», что является идеей, «нацеленной» в своей основе на мирное урегулирование пограничных конфликтов в Центральной Азии и в рамках стран-членов, сокращение вооружений и оружия в пограничной зоне и совместную борьбу с такими тремя «измами», как терроризм, экстремизм и сепаратизм.

Евразийская идея

Евразийская идея является одной из главенствующих идей ШОС, хотя и не может стать основной концепцией организации. В отношении территориальных масштабов ШОС расширила сферу своей деятельности в странах Азии и Европы, тем самым охватив обширное территориальное пространство. В этом пространстве по мере расширения ШОС существует вероятность того, что «Евразийская идея» превратится в основную концепцию. Ведь «Евразия» означает идею единства и коммуникаций стран Европы и Азии, расположенных на этом материке, но не отсылает к какому-либо географическому понятию. И первичная идея ШОС «Шанхайский дух» и Евразийская идея едины в плане содержания, а именно, они являются «идеей, направленной против процесса европеизации».

Исходя из двух этих концепций, главной мечтой участников ШОС должно стать создание единой идеи данной организации. Многие члены ШОС соглашались с мнением о том, что «шанхайский дух» не противоречит «евразийской идее», но фундаментально укрепляет ее со стороны Востока²²².

Евразийская концепция допускает параллельные традиционные культуры славян, тюрков, китайцев, мусульман и православных или является идеей, принявшей концепцию смешанной культуры²²³. В целом, Евразия представляет собой концепцию синтеза всемирной истории и культуры широкого спектра.

Основой Евразийской идеи является пространственное понятие «PaxMongolica» («Монгольский мир — лат.). Синтез Европы и Азии заложил основу зарождения Евразийской идеи и устранение обособленности этих двух континентов, создание новых форм и содержаний культуры, экономики и политических отношений, выразившихся в нынешней Евразийской идее. Об этом писал профессор Рагу Вира, уточняя «... своим завоеванием Монгольская империя дала возможность встрече запада и востока, отсюда возникла колония, сегодня это эволюционировало в глобализацию, бумажные купюры превратили в коммерческий инструмент ...»²²⁴. Самым последним и оказавшим влияние на миграцию человечества движением было монгольское. Это было важным периодом, когда из Азии монголы дошли до Средиземного моря, далее до Европы и создали великую империю и активизировали²²⁵ культурный обмен между Дальним Востоком и Европой, — отметили иранские исследователи. Помимо того, что «PaxMongolica» рассматривают, как «идею мира и спокойствия» одного единого государства — Великой Монгольской империи, целесообразно будет дополнительно дать ей второе определение идеи о единстве пространственной интеграции Азии и Европы.

Исходя из деятельности, проводимой до сегодняшнего дня, можно сделать следующий вывод. То, что до сегодняшних дней ШОС руководствовалась движением «Pan» или «географическим пониманием» объединения как можно большего количества государств, означает, что это приводит ее к тому, чтобы принять определение политической организации. А если направить свою деятельность на концепцию «Pax» или устранение споров между членами, активизацию экономического сотрудничества и оказание поддержки крупнейшим проектам и программам, означает получение статуса сторонника экономической интеграции. Таким образом, появится вопрос: Концепция «Паншосизм» или «Пакшосизм»? И каким из них называться? Это не является лишь журналистской интерпретацией. Отсюда будет видна полноценная стратегия, показывающая дальнейшее направление деятельности данной организации.

Одновременное вступление Российской Федерации, КНР и Индии в члены ШОС заложило основы расширению этой организации в создании механизма сотрудничества и безопасности в Азии. Что касается Монголии, то вне зависимости от ее статуса членства в ШОС, она должна внимательно относиться к деятельности, концепции и стратегии развития этой организации.

ШОС не может проявить себя на уровне оказания решающего влияния на мировую политику. Как исследователь, я считаю, что настало время выдвинуть новую стратегию развития, являющуюся новым способом, механизмом в сферах политики, безопасности, экономики, культуры и гуманитарного сотрудничества на основе опыта работы за прошедшие 20 лет, вместе с концепцией. Иными словами, необходима стратегия, основанная на конкретной концепции.

Следует обратить внимание и учитывать позиции и мнения исследователей по вопросам расширения деятельности ШОС. Очень важным для ШОС является поиск новых моделей творческого мышления и сотрудничества. Необходимо создание открытого диалога и переговоров по конкретизации ответственности и интересов сторон в вопросах регионального развития. Расширение деятельности должно основываться на конкретной концепции.

М.А.Н. ФАРУКИ,
директор Института изучения мира и дипломатии,
генеральный секретарь Форума дружбы Пакистана
и Шанхайской организации сотрудничества
(Пакистан)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ШОС: ВЗГЛЯД ИЗ ПАКИСТАНА»

Прежде всего, позвольте мне высказать огромную благодарность организаторам этой важной конференции и особо поблагодарить председателя сессии за приглашение выступить и поделиться своими мнениями по такой важной теме. Пакистан традиционно высоко ценит роль России в региональном мире и стабильности и рассматривает Россию как одного из самых важных партнеров в усилиях по обеспечению мира и процветания. В этом году Пакистан и Россия отмечают 70-летие с момента установления дипломатических отношений. Россия поддержала Пакистан в войне с терроризмом и членстве Пакистана в Шанхайской организации сотрудничества. На последнем саммите глав государств в Астане, Казахстан, Пакистан и Индия были приняты в качестве полноправных членов ШОС, которые предоставили Пакистану неограниченные возможности для расширения деятельности в разных областях со странами региона.

Пользуясь случаем, я также хотел бы поделиться с вами уверенностью, что Пакистан обещает быть эффективным, ответственным членом ШОС. Мы в Институте мира и дипломатических исследований создали в 2015 году Форум дружбы Шанхайской организации сотрудничества (PSCOFF). Целью Форума является укрепление партнерства с правящими и другими представителями общества Пакистана.

Форум является инициативой и проектом Института мира и дипломатических исследований. Цель состоит в том, чтобы наладить деятельность по 9 направлениям: образование, энергетика, экономика, занятость, расширение прав и возможностей гражданского общества, предпринимательство, развлечения и защита окружающей среды. Деятельность по этим направлениям направлена на изучение возможности развития глубоко укоренившихся связей в странах — членах ШОС. Пакистан и его население получит дополнительные возможности от сотрудничества в рамках инициативы «Объединение общества и предоставление возможностей». Цель также заключается в повышении осведомленности о потенциале ШОС в Пакистане. Также необходимо стремиться к поиску совместных решений проблем общества государств-членов ШОС, посредством улучшения участия общественности и дипломатии. Мы также инициировали Деловой совет Пакистана — ШОС, Программу по изучению ШОС и в настоящее время разрабатываем учебный центр ШОС в Пакистане в рамках нашего Института.

Сегодня утром мое выступление будет более информативным в сочетании с анализом культурной дипломатии и ее ролью в содействии процессу региональной интеграции. Это будет эффективно для разных стран найти точки соприкосновения друг с другом. Поскольку мир становится все более подверженным конфликтам и хаосу, одним из способов решения проблем является диалог и понимание.

Развитие культурных связей, а также построения тесных отношений между народами позволит разным странам понимать друг друга. В конечном итоге окажут эффективную поддержку для разрешения конфликтов. Поскольку время ограничено, необходимо отметить роль отдельных лиц в общем развитии политики. Это потребует комплексного подхода, который включает в себя различные факторы внутренней и международной политики.

Культурная дипломатия имеет многовековую историю. Однако гибридные вызовы XXI века повысили ценность подобной дипломатии для государств. Обращаясь к истории, чтобы узнать ее определение, термин культурная дипломатия лучше всего определить как курс действий, которые основаны на обмене идеями, нормами, ценностями, традициями и другими аспектами культурной самобытности. Фундаментальной особенностью всех таких обменов является укрепление отношений, развитие социально-культурного сотрудничества и продвижение национальных интересов на региональном и международном уровнях. Отличительной особенностью является то, что культурная дипломатия может быть реализована как частным, так и государственным акторами. Этот факт отводит огромную роль гражданскому обществу в укреплении связей с другими государствами в мире. Другими словами, это применение и реализация теории культурной дипломатии. Она включает все модели, которые практикуются отдельными людьми, группами, организациями, учреждениями и государствами на протяжении всей истории. Эти модели включают разнообразные программы культурного обмена, такие как обмен визитами политиков, дипломатов, академиков, предпринимателей, спортивных игроков и художников. Такие культурные обмены помогают влиять на межкультурное и межконфессиональное понимание и содействовать примирению между народами мира.

Таким образом, культурная дипломатия имеет большое значение во все более глобализирующемся и взаимозависимом мире, в котором распространение технологий массового общения обеспечивает государствам более широкий доступ, чем когда-либо прежде. Эти характеристики делают культурную дипломатию незаменимым средством налаживания и укрепления отношений между странами, Азиатско-Тихоокеанский регион как никогда нуждается в сильной и солидной культурной дипломатии.

Культурная дипломатия обладает уникальной способностью не только влиять на глобальное общественное мнение, но и на идеологию отдельного человека, групп, сообществ, культур и народов. В этой связи исследователи, путешественники, предприниматели, учителя и художники могут рассматриваться как живые примеры культурной дипломатии. Таким образом, установление регулярного торгового маршрута и членство в региональных и международных организациях позволяет часто обмениваться информацией, культурными ценностями, традициями, литературой, искусством, особенностями построения гражданского общества, обмен подарками и выражениями мнений между представителями различных кругов общества власти, науки, образования и культуры.

Культурная дипломатия в современном мире — динамичная и инновационная научная область исследований и успешно зарекомендовала себя в области построения государственной политики культуры. Многие примеры успехов на поприще культурной дипломатии в мире можно прочесть в истории после Второй мировой войны. Более уместным является то, что эти культурные обмены служили в течение года в качестве катализатора для содействия сотрудничеству и для сглаживания конфликтов внутри государств.

Недавнее присоединение Пакистана к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) предоставило возможность расширить свое культурное, академическое, торговое, стратегическое и политическое сотрудничество в рамках ШОС. Культурная дипломатия будет дополнять общие цели укрепления процесса региональной интеграции и станет неотъемлемой частью общих целей. ШОС придает большое значение культурной дипломатии. Каждый год министры культуры ШОС проводят совещание для рассмотрения ежегодных программ культурного обмена между государствами. В прошлогодней встрече министров культуры ШОС государства-члены выразили взаимную приверженность дальнейшему развитию многосторонних и двусторонних культурных обменов, укреплению взаимопонимания и уважения. Гармоничное сосуществование разных этнических групп, сохранение разнообразия культур, продвижение знаний о многовековых традициях и обычаях людей, проживающих в государствах-членах ШОС, является важным вкладом в развитие культурной дипломатии.

Участники встречи подтвердили свою приверженность активизации культурных обменов и сотрудничества между государствами, расположенными на территории прохождения исторического Шелкового пути. Пакистан, являющийся наследником культурного наследия среди государств-участников ШОС, может сыграть важную роль в активизации культурной дипломатии. Это будет способствовать укреплению глубоко укоренившихся связей с большей частью региона. Это еще больше укрепит понимание, диалог и улучшит связи между государствами. Также это будет способствовать увеличению числа визитов представителей деловых кругов и бизнеса, что необходимо для реализации преимуществ общего потенциала ШОС.

Пакистан также может воспользоваться возможностью продемонстрировать свое богатое наследие в рамках фестиваля и выставочной программы ШОС, поскольку артисты,

актеры, певцы, режиссеры, специалисты в области каллиграфии, ученые и другие могут продемонстрировать свои навыки и знания в своих областях. Предложенный Казахстаном предстоящий фестиваль народного танца ШОС станет отличной площадкой для пакистанских народных артистов.

Культурная дипломатия не ограничивается только обменом деятелей культуры, но также уделяет пристальное внимание сотрудничеству в образовательной и научной сферах между государствами-членами ШОС. Это является еще одним важным фактором, который может сыграть важную роль в установлении взаимного доверия, дружбы и добрососедских отношений Пакистана с государствами — членами ШОС. Это сотрудничество сыграло бы важную роль в улучшении отношений Пакистана с государствами, расположенными на пространстве вдоль Шелкового пути в целом и соседних государств в частности.

Устоявшийся, продолжающийся культурный диалог между государствами-членами ШОС способствует изучению и обогащению культурного опыта друг друга, что в конечном итоге приводит к более высокому уровню взаимопонимания, важному для установления мира и стабильности и является обязательным для Пакистана.

Еще один важный аспект культурной дипломатии для Пакистана — это культурный диалог, который играет важную роль в объединении государств-членов и объединяет их вокруг общих гуманитарных ценностей и стремлений, способствующих сокращению ксенофобии, религиозной и этнической нетерпимости, дискриминации на этнической и радикальной основе.

Культурный диалог включает в себя основные цели ШОС для объединения государств-членов. Пакистан может воспользоваться такими возможностями, чтобы продемонстрировать свою древнюю культуру, самобытность и наследие своей страны. Таким образом, богатое историческое и культурное наследие народов стран ШОС воплощено в культурных объектах, которые в настоящее время составляют 20% списка всемирного наследия ЮНЕСКО. Некоторые из многочисленных объектов наследия Пакистана включены в этот список.

Таким образом, членство Пакистана в ШОС дает Пакистану возможность активизировать свой культурный туризм, поскольку страна может много показать людям и представителям стран Центральной Азии.

Это также предоставит народу Пакистана уникальную возможность познакомиться с яркой историей региона Евразии. Он также предоставит возможность насладиться разнообразной палитрой своих уникальных национальных и культурных ценностей, а это позволит лучше понять менталитет и мировоззрение население Пакистана.

Развитие культурного взаимодействия в государствах-членах ШОС будет способствовать укреплению взаимопонимания между людьми, уважению их культурных и традиционных ценностей и сохранению культурного разнообразия, поскольку традиции, обычаи и особенности культуры играют более важную роль в установлении мира и обеспечении безопасности и устойчивого развития. Пакистан может расширить свое культурное и литературное разнообразие, организовав художественные выставки, народные фестивали и конкурсы между учащимися государств — членов ШОС.

Пакистан как постоянный член также, вероятно, получит некоторые дипломатические возможности влияния, поскольку Исламабад и Пекин отличаются наличием прочных связей. Инициатива Китайско-пакистанского экономического коридора стала важной площадкой инициативы «Один пояс, один путь» в Китае. Пакистан занимает ведущее положение в этом вопросе. Членство не только укрепит эти отношения, но и будет способствовать развитию культурной дипломатии.

Пакистану необходимо активизировать свою деятельность в рамках ШОС, поскольку он обладает культурным разнообразием социально-этнических групп и может предложить обмен культурными мероприятиями для углубления отношений со всеми государствами-членами, в частности с евразийскими государствами. Используя такую культурную составляющую, Пакистан может оказывать влияние на общую обстановку в мире и создавать благоприятный имидж своей страны.

Дамы и господа!!! В заключении я хотел бы предложить создать консорциум институтов или институализировать этот августовский форум, чтобы посвятить еще больше времени на разработку и формулирование роли культурной дипломатии в политике стран — членов ШОС. Такой формат позволит разработать инициативы для стран-членов ШОС, включая Пакистан, в целях оказания помощи в укреплении роли государства в современном мире, а также в целях повышения роли культурной дипломатии на региональном и международном уровнях.

Л.Ф. МИРЗАЗАДЕ,
заведующая отделом «Северный Кавказ»
Института Кавказоведения
Национальной академии наук Азербайджана,
доктор экономических наук, доцент
(Азербайджан)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В последние десятилетия мир находится во власти разрастающихся политических конфликтов, включая агрессивные с модернизированной военной техникой. Их характер отличается высокой скоростью, за которой мировая способность объединения усилий с целью противодействия им, не успевает.

Несмотря на глобальный процесс демократизации с присущими ей принципами гуманизма и толерантности, понятия «беженцы» и «вынужденные переселенцы» с конца XX века не только вошли и укоренились в международных отношениях, но и стали обиходными.

Потоки беженцев с очагов военных действий повышают риски международных конфликтов и террористических актов, европейские мультикультурные проекты терпят крах.

Глобализация все больше демонстрирует негативные стороны, — «растущее неравенство в доходах, несущее в себе разнообразные риски, причем как бедным, так и богатым, и прежде всего, угрозу социальной напряженности» [11].

По оценке аналитиков МВФ, «...с середины 2016 года мировая экономика ускоряется. В 2017 году мировой ВВП вырос на 3,7%. Такие же показатели были опубликованы Международной консалтинговой компанией, опросившей глав транснациональных корпораций» [11]. Однако между странами продолжает увеличиваться разрыв в доходах, аналогичная ситуация внутри стран, с одной стороны — богатые, с другой — бедные.

В докладе, подготовленном организацией «Oxfam» к открытию в Давосе международного экономического форума — 2018 сообщается: «Состояние богатейших людей планеты выросло за год... и теперь 1% населения Земли владеет 82% всех богатств планеты...». [8] Самые зажиточные люди, по утверждению авторов доклада, разбогатели, в том числе, за счет ухудшения условий труда рабочих и служащих.

Политическая и экономическая нестабильность не могут способствовать спокойствию и процветанию. Пока мировые политики находятся в поиске взаимных соглашений, посредством санкций разворачивается информационная атака против обозначенной жертвы. В этих условиях, когда общества доведены до состояния, которое Томас Гоббс называл «войной всех против всех», когда каждый имеет право на все, даже на жизнь другого человека, когда вседозволенность ведет к постоянным конфликтам, к невозможности обеспечить общественное благо и уберечься от зла, [3] межкультурное взаимодействие представляется необходимостью, потому что только культурные коммуникации, межкультурный диалог, являются цивилизованным средством в борьбе за выживание.

В этом контексте хочется процитировать мнению социологов Н.В. Боголюбовой и Н.М. Николаевой: «Место и авторитет государств на мировой арене определяется не только их политическим, экономическим весом, военной мощью, но и тем культурным, духовным, интеллектуальным потенциалом, который характеризует страну в

мировом сообществе. Именно культура обладает теми уникальными возможностями, связанными с формированием позитивного образа народов, государств, который в конечном итоге, помогает в решении политических проблем» [2].

Уровни культурного взаимодействия могут быть различными, но, как правило, они в состоянии привлечь в процесс общения значительную часть аудитории, а посредством социальных сетей межкультурная коммуникация не имеет границ.

Приведенные «политические, экономические и социальные потрясения мирового масштаба, приводящие к активной миграции народов, их переселению, столкновению, смешению, придает вопросам межкультурной коммуникации особую значимость и остроту». [2; 9-12] Проблемы и противоречия современного мира диктуют необходимость обращения к культурной коммуникации и интеграции культур. Именно на взаимодействие культур, объединение против зла и насилия направлены гуманитарные международные мероприятия, такие, как проведенный в Сочи в 2016 году Форум «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества» и проводимый в настоящее время Второй Сочинский Форум евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества».

В современном мире одновременно сосуществуют разные народы и культуры, они могут пересекаться, взаимодействовать или не взаимодействовать, могут даже находиться в состоянии конфликта. В соответствии со своими культурами миллионы людей ориентируются на самые разные системы ценностей, руководствуются в своей жизни зачастую взаимоисключающими принципами, представлениями, стереотипами, образами. Именно по этой причине важное место в системе современных межкультурных коммуникаций занимают вопросы формирования образов, имиджей и стереотипов. Подобные представления возникают в процессе межкультурного общения, в процессе знакомства представителей одних этносов, государств и культур с другими и являются неотъемлемой частью культурного обмена, международных отношений. Позитивные представления, возникающие у различных народов друг о друге в процессе межкультурной коммуникации, способны сглаживать, нивелировать различные конфликтные ситуации. Поэтому международные отношения цивилизованных стран ориентированы на взаимодействие культур. Так, политическая стратегия Азербайджанской Республики, выработанная Общенациональным лидером Гейдаром Алиевым, ориентирована на культурную интеграцию и взаимодействие с другими культурами как внутри страны, так и во внешнеполитических отношениях с другими странами. Культурообразующему фактору в Азербайджане придается важное значение. Так, в 1998 году, в соответствии с лучшими образцами международных практик, ориентированных на приоритетность гуманистического и демократического развития, в Республике был подписан Закон «О культуре». В том же году был принят ряд законов «Об информационной свободе», «О кинематографе», «О библиотечном деле», «О защите исторических и культурных памятников». С целью сохранения и восстановления культурно-исторических памятников была разработана и принята Государственная программа на 2014–2020 годы. В 1999 году вышли законы «О туризме» и «О национальном архивном фонде». В 2000 году вышли законы «О средствах массовой информации» и «О музеях».

В журнале «Visions of Azerbaijan» была опубликована статья ее редактора Яна Пеатра об известном израильском эксперте в области международных отношений, главе представительства Бакинского международного центра мультикультурализма в Израиле — Арье Гута, который выделяя Азербайджан как подлинный образец межкультурного, межконфессионального и межкультурного диалога, приводил реальные примеры из жизни в Азербайджанской Республике. Так, он рассказал о том, как в Баку в 2011 году была открыта новая Синагога для общины горских евреев. Раввин обратился к Президенту Азербайджана с просьбой построить синагогу, и Президент Ильхам Алиев сказал: «В чем проблема? Пожалуйста, выберите место, и я могу построить вам синагогу». Впоследствии он сам нашел место недалеко от нового Зимнего парка. Раввин вновь обратился к Президенту: «Господин президент, у нас не так много времени. У нас скоро Песах — через несколько месяцев». Президент на это ответил: «Хорошо, через несколько месяцев у вас будет синагога». «Господин Президент, построить синагогу за нескольких месяцев невозможно», — сказал раввин. «Для меня это возможно», — сказал президент, и через 6 месяцев еврейская община Баку получила новую синагогу в столице. Арье Гут отмечает, что этот диалог — отражение реального отношения к еврейскому народу в Азербайджане. Однако, такое же отношение в Азербайджане ко

всем представителям других этносов, религий. И, это несмотря на то, что Азербайджан — мусульманская страна.

На многолетней истории основаны отношения Азербайджана с Китаем. Территория Азербайджана расположена на древнем Шелковом пути, одной из важных транзитных коммуникаций между Востоком и Западом. В 2017 году в Республике работало более 100 китайских компаний. Внешнеторговый оборот между Азербайджаном и Китаем в 2017 году увеличился на 43% по сравнению с предыдущими годами. Международный проект Баку — Тбилиси — Карс вышел на новый уровень. Железная дорога Баку — Тбилиси — Карс — является самым коротким и надежным маршрутом, соединяющим Европу с Азией [7].

Несмотря на то, что в Азербайджане ко всем равное отношение, Гейдар Алиев в особенности выделял «укрепление российской платформы социокультурного и информационного пространства, как важнейшей части общенациональной политики» [1].

Межкультурная интеграция с русским народом, не прерывалась никогда, она имела место даже тогда, когда все другие отношения были разрушены (1990-е годы). Она выражалась в международных изданиях книг, международном библиотечном обмене, в сотрудничестве писателей и поэтов, музыкантов и актеров, в проводимых выставках и фестивалях, в спортивных турнирах и т.п.

Многие видные азербайджанские политические деятели, ученые, музыканты, художники, являются выходцами русской школы.

По сей день «русский язык и российское медиа-поле по-прежнему остаются для Азербайджана одним из каналов для поступления знаний и информации глобального масштаба...». [5]

В Баку функционирует филиал Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, на деле реализующий подписанную 3 июля 2008 года «Декларацию о дружбе и стратегическом партнерстве» Азербайджана и России. [4]

Практическая реализация Декларации выражается и в других совместных гуманитарных и образовательных проектах. В 2010 году также был проведен первый гуманитарный азербайджано-российский форум, ориентированный на сохранение народных культурных ценностей.

В январе 2011 года в Баку был открыт Российский информационно-культурный центр [9]. Среди стран Южно-Кавказского региона и региона Центральной Азии, Азербайджан является лидером по количеству русскоязычных СМИ.

Второй азербайджано-российский гуманитарный форум был проведен в 2011 году. В нем приняли участие ведущие представители науки и искусства Азербайджана и России, а также представители из других стран Европы, Запада и СНГ [6].

В культурной интеграции Азербайджана и России заложено стремление интеллигенции к сохранению и обогащению общего культурного наследия, к сближению и сотрудничеству.

Межвузовские связи установлены Бакинским Государственным университетом, Бакинским славянским университетом, Азербайджанским университетом языков, некоторыми коммерческими вузами, например, университетом Хазар и т.д.

Расширение гуманитарного сотрудничества между Азербайджаном и Россией происходит с вовлечением в это сотрудничество граждан, что полностью соответствует национальным интересам обеих стран, деполитизации и деидеологизации двухсторонних отношений. Как видим, фактору межкультурных отношений в политической стратегии Азербайджана отводится приоритетная роль, ибо он направлен на взаимодействие культур, на их сотрудничество, а не на противостояние и антагонизм. Более того, межкультурные контакты способствуют их развитию во всех сферах жизни. Поэтому социогуманитарное и культурное сотрудничество определяется как динамичное направление, представленное в статье, и ежегодно наполняется новыми направлениями.

Литература

1. Гейдар Алиев: Российско-азербайджанские отношения развиваются успешно / Российская газета. № 5603 (227). Баку, 11 октября 2011 года.
2. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. Уч. пособие. Введение. С-т-П.: ООО СПбКО, М., 2009. С. 9–12.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского/ Пер. с лат. А. Гутермана // Соч.: В 2 томах, т. 2. Гл. XIII. Естественное состояние // М.: Мысль, 1991. 732 с.
4. Декларация о дружбе и стратегическом сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией. Баку, 3 июня 2008 года.
5. Забелин М. В вузах Азербайджана на русском языке обучаются более 17 тысяч студентов / Радио/Спутник.аз. Наука. Прямой эфир. 10 ноября 2017 года.
6. Нарышкин С.: Россия и Азербайджан расширяют сотрудничество. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=422409>.
7. Новрузов С. Интервью корр. Синьхуа/ Эксклюзив: в отношениях Китая и Азербайджана достигнут устойчивый прогресс... URL: russian.news.cn/2018-04/05/c_137090302.htm.
8. Oxfam: богатые богатеют. Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/2018/01/22/oxfam-poverty>.
9. Россия – Азербайджан: факторы движения к единому информационному пространству. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Rossiya_Azerbaidzhan_factory_dvizheniya_k_edinomu_informacionnomu_prostranstvu-892549.
10. Сиявуш Новрузов. Интервью корр. Синьхуа/ Эксклюзив: в отношениях Китая и Азербайджана достигнут устойчивый прогресс... URL: russian.news.cn/2018-04/05/c_137090302.htm.
11. Халтурина И. Общее будущее или разобщенный мир? // Region plus. № 3. Б., 2018. С. 9.

Е.В. ДУНАЕВА,
старший научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНТАКТЫ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО ДИАЛОГА ИСЛАМ – ПРАВОСЛАВИЕ)

В последние годы международная ситуация развивается чрезвычайно динамично, и подчас абсолютно непредсказуемо. Очагами особой напряженности стали Ближний и Средний Восток, Центральная Азия. События последних лет демонстрируют рост конфликтного потенциала, экстремизма, обострение этнических и социальных противоречий, усиление вмешательства внешних сил, нарушение норм международного права и разрыв гуманитарных связей. Обнажились многочисленные проблемы в отношениях между государствами, представителями различных культур и религий. Рост напряженности приблизил угрозы терроризма и экстремизма вплотную к границам государств ШОС. Правительства стран-участниц этой организации сохраняют достаточно высокий и постоянный уровень контактов в политической сфере и активно развивают взаимодействие в рамках совпадения позиций по целому ряду геополитических проблем и вопросов мироустройства. Они выступают против доминирования каких-либо стран в сфере политики, экономики, идеологии и любых попыток навязывания моделей развития извне. Взаимодействие стран ШОС может способствовать укреплению стабильности в регионе Евразия, борьбе с основными вызовами и угрозами, предотвращению экстремизма. Наряду с политическими инструментами для решения этих задач все активно используются культурно-гуманитарные каналы.

Стратегия развития ШОС одним из основных направлений деятельности организации определяет развитие культурно-гуманитарного сотрудничества. Важность этого направления объясняется необходимостью выработки общности мировосприятия как объединяющего начала интеграционных процессов. Цель взаимодействия на гуманитарном треке — формирование климата доверия, расширение взаимопонимания между народами, сглаживание существующих между ними противоречий, сближение позиций государств и создание новой модели их отношений, а также продвижение позитивного образа своей страны за рубежом.

В настоящее время евразийский мир ищет свою собственную культурно-ценностную основу региональной интеграции. ШОС — один из наиболее значимых форматов сотрудничества в этом регионе. В результате расширения ШОС объединяет уже пять центров мировых цивилизаций, каждая из которых уникальна. Исторически сложившиеся цивилизации основаны на традиционных нравственных и духовных ценностях. Много веков идет процесс взаимодействия этих цивилизаций²²⁶ и именно в процессе взаимодействия культуры живут, развиваются, процветают и влияют друг на друга. В интересах всех стран этого большого региона сохранение своей цивилизационной и культурной идентичности, своих духовно-нравственных традиций и противостояние однополярному миру и любым попыткам навязывания культурного единообразия.

Однако культурное взаимодействие может проявляться в различных формах: установление торгово-экономических контактов, создания совместных семей, изучение языка и культуры другой страны, а также развязывания войн и проявления личной неприязни по отношению к представителям другой культуры. В настоящее время есть широкие возможности для развития межкультурной коммуникации и ведения межкультурного диалога. Причем, такие формы общения, с одной стороны, помогают сохранить национальную идентичность, с другой, предоставляют возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами, формирует понимание ценностей других культур и их правильное восприятие. Широкое взаимодействие представителей традиционных культур в ходе общения способствует их лучшей адаптации к реалиям современного мира и помогает найти ответ на глобальные вызовы и остановить глобальные угрозы.

Особенности входящих в ШОС государств, которые являются полиэтническими и многоконфессиональными, обуславливают необходимость межкультурной коммуникации. Как отмечается в документе «Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года»: «государства-члены заинтересованы в обеспечении внутреннего межэтнического и межрелигиозного мира, в укреплении многовековых традиций гармоничного сосуществования различных народностей и религий, в развитии межкультурного диалога с привлечением к нему государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС»²²⁷.

Поднимая вопрос о необходимости развития межкультурного диалога, необходимо иметь в виду некоторые обстоятельства:

- культуры отличаются друг от друга. Понимание мира и человека в них могут сильно отличаться. Их ценности основаны на определенных, давно сложившихся мировоззрениях, поэтому диалог культур является диалогом мировоззрений, как секулярных, так и религиозных;
- традиционным культурам обычно свойственны общие представления о добре и зле, морали и нравственности, которые облегчают понимание друг друга и тем самым сближают традиционные культуры, что и может стать основой для ведения диалога;
- основу большинства исторических культур составляет религиозная вера и религиозная практика. Соответственно без проявления религиозной терпимости и уважения к инакомыслию диалог невозможен;
- все более возрастающая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть, с одной стороны, предоставляет возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но, с другой, открывает более широкие возможности манипулирования его сознанием, управления человеком и внедрения дезинформации. Межкультурный диалог призван противостоять этим процессам и не допустить укоренения в сознании искаженного восприятия нравственных ценностей и обеспечивает возможности знакомства с достижениями других культур. Этот путь представляется наиболее актуальным для противостояния глобальным вызовам и угрозам, самым страшным и опасным из которых сегодня стал радикализм и терроризм. Эта угроза достигла беспрецедентных масштабов и напрямую угрожает большинству государств, входящих в ШОС на правах полноправных членов и наблюдателей или партнеров по диалогу.

Рассматривая перспективы развития культурно-гуманитарного сотрудничества, нельзя упускать из вида, что в последние десятилетия наблюдается рост интереса к религиозной проблематике, опыту мировых религий, оказывающих большое влияние на формирование общекультурных ориентиров в социуме. Можно также говорить о том, что религия становится более значимым фактором международных отношений и у представителей разных религий растет осознание того, что их задача — не допустить, чтобы религиозные различия сталкивали людей в межрелигиозных войнах или борьбе за монополию одной идеологии или цивилизации, чтобы границы между религиями не превратились в линии разлома. Помимо чисто политических проблем духовное состояние мира также подталкивает к активизации межрелигиозного диалога.

Высока роль религий в регионе ШОС, где большинство государств поликонфессиональны, и не все страны имеют положительный опыт взаимодействия в рамках власти — религиозные общины или опыт внутрирелигиозного взаимодействия.

В то же время, говоря об усилении роли религии в социальной жизни и политике, надо учитывать, что она в равной мере может выполнять объединяющую или разделяющую функцию. Религия объединяет членов общества благодаря сходству мировоззре-

ния и норм, а также общему действию. Культурное сходство закладывает предпосылки для такого действия. Но религия не только объединяет, она направляет, мотивирует. Сила веры движет человеком даже вопреки инстинктам и здравому смыслу, приводя его на смерть²²⁸. В то же время религии разделяют общество. Представители двух разных этносов никогда не чувствуют такого антагонизма между собой, как представители двух даже близких религий. Эти факторы демонстрируют важность воспитания толерантности по отношению к другим религиям и демонстрируют необходимость взаимодействия религиозных авторитетов и религиозных общин в борьбе с общими угрозами во имя безопасности и стабильности.

Религия стала основанием современной цивилизации. Можно констатировать, что наши цивилизации построены на религиозных стереотипах. Религиозное учение создало систему норм поведения человека. Многие религиозные явления секуляризовались, но по-прежнему сохраняются в культуре и социальной сфере. Поэтому, говоря о необходимости развития межкультурного диалога, нельзя не учитывать такое его важное направление как межрелигиозный диалог, основанный на таком принципе взаимоотношения с иными религиозными идеологиями, вероисповеданиями, как толерантность или терпимость и уважительное отношение к инаковерующим.

Какое понимание вкладывают в понятие межрелигиозный диалог? Отвечая на этот вопрос, доктор философских наук, профессор А.Г. Косиченко отмечает, что «если подойти к проблеме конфессионального диалога более реалистично и, самое главное по существу, не подменяя религию ее социальной ролью, то диалог этот видится весьма проблематичным. Известно, что нет согласия даже в пределах ислама или христианства, нет продуктивного диалога внутри одной религии, что же можно говорить о межконфессиональном? Догматы и нормы веры в разных конфессиях разные. Ни одна конфессия не откажется от своей веры и не перейдет на позиции другой, так как речь идет о сущности веры: на уровне сущности веры диалога быть не может»²²⁹. Однако, если рассматривать религии как формы общественного сознания или как формы общественного объединения, то диалог конфессий представляется вполне естественным. С этой точкой зрения соглашается А.Г. Косиченко²³⁰.

Диалог между религиями ведется постоянно по многим направлениям межконфессионального взаимодействия, но при этом речь идет не о сближении религий или согласовании догматов и норм веры. Имеются сферы реальной жизнедеятельности общества и человека, в которых общность подходов различных конфессий довольно заметна, т.е. можно говорить о социальной и политической проекции диалога религий, основной целью которого является утверждение веротерпимости.

Одним из положительных примеров межконфессионального диалога можно рассматривать двадцатилетнюю деятельность совместной российско-иранской комиссии «Православие-ислам». Ее работа — это одна из наиболее действенных форм двустороннего межкультурного диалога, далеко выходящая за рамки российско-иранских отношений. По прошествии двух десятилетий можно с полным правом утверждать, что диалог «Православие — ислам» является неотъемлемой частью всего комплекса отношений двух стран, и он играет важную роль, выступая одним из путей укрепления доверия. Широко известно, что укрепление доверия возможно лишь через познание и понимание друг друга, которое достижимо через широкое общение, через знакомство с историей, религией, бытом и искусством народа. Обе стороны нашли новую форму взаимодействия, определив точки культурного соприкосновения, чтобы преодолеть сформировавшиеся в обществах двух стран предрассудки и воспитывать толерантное отношение друг к другу, без чего будет невозможен процесс дальнейшей коммуникации.

В основу диалога между православием и исламом, который ведется по инициативе российской стороны с 1997 года, был положен акцент на общецивилизационные ценности. Установление контактов между двумя религиозными общинами стало первым шагом в сфере культурно-гуманитарного взаимодействия России и ИРИ после периода отсутствия практически любых контактов в этой области после исламской революции (1979 года) и стало одним из наиболее успешных направлений культурного взаимодействия. Еще в 1995 году в ходе первой встречи Патриарха Кирилла (в то время занимавшего пост руководителя Отдела внешних церковных сношений) с руководителем Организации культуры и исламских связей аятоллой А. Тасхири были сформулированы принципы диалога: искренняя вера в Бога, любовь к ближнему, взаимное уважение, ясность целей и плодотворность²³¹. За прошедшие годы прошло 10

семинаров религиозных деятелей, на которых обсуждались проблемы войны и мира, взаимоотношения религии, государства и общества, глобализма, роли религиозных организаций в международных отношениях, прав человека, семьи, доктринальные особенности религиозных учений.

Высокие представители духовенства двух религий ведут диалог на нескольких уровнях. На обсуждение поднимаются богословские вопросы, что позволяет лучше узнать религию друг друга, избавиться от неверных стереотипов друг о друге, понять сущность принципиальных расхождений, увидеть ценности в традициях партнеров. Опыт этого диалога подтверждает правдивость утверждения о том, что опыт других религий помогает глубже осознать себя и оценить собственные религиозные традиции.

На втором уровне обсуждаются вопросы практической сферы — проблемы, которые волнуют общества двух стран, и идет поиск решения общих социальных задач. Диалог показал, что последователи православия и мусульмане могут взаимодействовать и вырабатывать общую позицию по таким вопросам, как права человека, права женщин и их роль в обществе, борьба с насилием, возрастание роли религии в условиях глобализации, противостояние проникновению западной массовой культуры, религиозное воспитание, укрепление семейных ценностей и морали, отношения с молодежью, социальное служение, экологические вызовы, а также вести борьбу с экстремизмом и радикализмом (в политике и идеологии), способствовать разрешению политических и этнических конфликтов, укреплению справедливости в международных отношениях. Так, в ходе диалога и прямых контактов, представители православного духовенства поднимали вопрос о помощи христианам Ближнего Востока, особенно Сирии, и шиитское руководство через свои каналы оказывало гуманитарную поддержку христианским районам, выступало против разрушения храмов и монастырей на территориях, захваченных ИГИЛ.

Особо обсуждался вопрос о положении христиан и представителей других религий в Иране. Русская православная церковь настоятельно требует разъяснения от иранской стороны в случае ограничения прав христиан. Можно говорить о том, что ведущие диалог религиозные лидеры двух стран налаживают сотрудничество ради решения общечеловеческих проблем. В ходе встреч они устанавливают доверительные личные контакты, расширяют сведения друг о друге и приходят к осознанию того, что во взглядах двух авраамических религий есть много общего. Православные и шиитские религиозные деятели обладают широкими возможностями для разъяснения и пропаганды этих позиций внутри религиозных общин и в соответствующих структурах на международной арене.

Рамки диалога, который ведет Совместная комиссия, могут быть раздвинуты за счет привлечения представителей религиозных сообществ, поскольку интерес к сопредельным странам и культуре их народов достаточно высок. На последнем заседании комиссии, прошедшем в мае 2018 года в Тегеране и Куме, обсуждались возможности обмена студентами и аспирантами религиозных учебных заведений или проведения специальных курсов и стажировок с целью более детального знакомства с религиозными учениями и религиозной практикой в Иране и в России. Стоит отметить, что представители шиитской иранской общины имеют контакты и суннитской общиной России и опыт религиозного образования в Иране изучается в созданной в Татарстане Болгарской исламской академией.

Представители исламской общины Ирана и Русской Православной Церкви отмечают, что «их диалог помогает развитию равноправного и взаимоуважительного диалога между религиями, культурами и цивилизациями. Подобный подход сохраняет и подчеркивает самобытность каждой из религий и не приводит к синкретизму, пересмотру вероучений, стиранию границ между духовными традициями. В современном мире диалог между различными религиями может стать подходящим средством для создания взаимопонимания, мира, дружбы и справедливости»²³². Религиозные деятели, участвующие в дискуссиях, подтверждают существование общих подходов у представителей православия и ислама к решению многих актуальных проблем современности, признают полезным продолжение двустороннего диалога, который служит расширению научно-исследовательского взаимодействия и познания друг друга, создает основу для развития многогранного сотрудничества между народами России и Ирана.

Анализ опыта взаимодействия представителей православия и шиитского ислама показывает, что диалог представителей двух религий выступает как фактор сближения. Причем, под сближением не понимается унификация модели развития, а подразумева-

ется сближение взглядов и выработку общих подходов по актуальным международным, гуманитарным вопросам, осуществлению идей справедливости и защите нравственного и человеческого достоинства.

Опыт российско-иранского религиозного диалога может быть полезен и для других государств ШОС, хотя, несомненно, что установление контактов между представителями различных религий — вопрос очень сложный и щепетильный, особенно в регионе Центральной Азии, где политические факторы используются для углубления противоречий между суннизмом и шиизмом и широкое распространение получают наиболее радикальные формы ислама, что осложняет межконфессиональное взаимодействие. Однако установление контактов между представителями различных религий и культов может стать наряду с сотрудничеством в сфере образования и туризма одним важным направлений мирного и конструктивного взаимодействия государств ШОС во имя укрепления стабильности и безопасности, формирования общих культурных ценностей, что будет способствовать укреплению интеграционных тенденций в регионе Евразия.

Литература

1. Дунаева Е.В. Диалог «Православие — ислам» — путь укрепления доверия и расширения взаимодействия народов России и Ирана. «Иранославика». № 1(28), 2015. М. С. 20–23.
2. Косиченко А.Г. Диалог конфессий в условиях глобализации. URL: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/dialog-konfessiy-v-usloviyah-globalizacii>.
3. Китинов Б.У. Взаимодействие цивилизаций в Каспийском регионе в контексте стратегического прогнозирования. М.: изд-во РУДН, 2010.
4. Сафонов. Д.В. Российско-иранская комиссия «Православие — ислам»: 20 лет диалога во имя взаимопонимания религиозных общин и народов двух стран. / Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы. М.ИВРАН. 2015. 260 с.

А.Г. АРЕШЕВ,
научный сотрудник Центра Кавказа,
Центральной Азии и Урало-Поволжья
Института востоковедения РАН
(Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Опыт XX века доказывает, что реализация экономических целей государств и хозяйствующих субъектов не должна приносить критичного ущерба экологии. Более того, вопросы экологии носят трансграничный характер, требующий объединения усилий государств и макрорегиональных объединений.

Между тем, положение дел, мягко говоря, далеко от идеала. На рубеже веков в связи с интенсивным развитием научно-технического прогресса резко возросло отрицательное влияние человеческой деятельности на окружающую природную среду. Достаточно сказать, что на сегодняшний день в мире синтезировано несколько миллионов новых химических веществ. В повседневной жизни людей используются десятки тысяч видов различной химической продукции. Из них около 40 тыс. обладают вредными для человека свойствами, а 12 тыс. являются токсичными²³³.

Одной из ключевых отраслей экономики является энергетика, и именно она оказывает наиболее негативное воздействие на экологию. Помимо риска крупных техногенных аварий и чрезвычайных происшествий, экологическое неблагополучие является важным фактором миграционных процессов на пространстве ШОС и ЕАЭС. Авария на АЭС «Фукусима-1» привела к тому, что вопрос об экологической безопасности стал одним из главных факторов развития не только мировой энергетики, но также экономики и политики. Атомная катастрофа 2011 года спровоцировала активную дискуссию по экологическим вопросам как в самой Японии, так и в Китае, где задачи защиты окружающей среды традиционно были вторичны по отношению к целям сохранения высоких темпов промышленного роста²³⁴.

Не менее актуальна экологическая проблематика и для России и стран Евразийского Экономического Союза, для которых можно выделить следующие группы тесно связанных между собой наиболее проблемных вопросов:

- утилизация твердых бытовых отходов;
- ограниченность и низкая эффективность использования земельных и водных ресурсов, падение естественного плодородия почв, обмеление и усыхание рек, других водоемов, как и систем сельскохозяйственного орошения, что предполагает их комплексное оздоровления;
- вредное воздействие добычи полезных ископаемых на уникальные экологические системы.

Прошлый, 2017 год был объявлен в России Годом экологии, однако в практическом плане мало что изменилось. В п. 3 ст. 1 Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года констатируется, что в 40 субъектах РФ более 54% городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенными, остается высоким. Практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие

к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота. Опустыниванием в той или иной мере охвачены 27 субъектов страны на площади более 100 млн. гектаров. Площадь свалок в России превышает 4 млн га и к 2026 году площадь полигонов для твердых бытовых отходов достигнет 8 млн га²³⁵. Количество отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, возрастает. При этом условия хранения и захоронения отходов не соответствуют требованиям экологической безопасности.

На заседании Госсовета в 2016 году Президент России Владимир Путин назвал решение проблемы избытка отходов производства и потребления одним из важных направлений работы правительства. Общее их количество — более 30 млрд тонн. В России ежегодно вырабатывается до 5,5 млрд тонн отходов, однако перерабатывается не более 5 %. События последнего времени в некоторых регионах России свидетельствуют о том, что экологическая проблематика становится важным фактором общественно-политической жизни страны, способной спровоцировать массовую мобилизацию граждан под протестными лозунгами.

Пример некоторых ближневосточных стран наглядно показывает, как экологические проблемы могут стать фактором внутренней дестабилизации. Как известно, Турция контролирует истоки Тигра и Евфрата, стекающих в Сирию и Ирак. Строительство плотины «Ататюрк» на Евфрате и других 20 плотин и 17 гидроэлектростанций на Евфрате, Тигре и притоках этих двух рек негативно повлияло на обеспечение водой соседних стран. В январе 1990 года заполнение «Ататюрка» вызвало падение воды до 40% в Сирии, а также в Ираке, привело к сокращению на 15% сельскохозяйственного производства этой страны. Второе перекрытие воды произошло в январе 1991 году, что вызвало перемещение нескольких миллионов человек в пригороды Дамаска, обострило проблемы безработицы и способствовало росту радикальных настроений, что, в свою очередь, повлияло на ход продолжающейся уже восьмой год в Сирии гражданской войны.

Проблема перераспределения водных ресурсов характерна и для постсоветской Центральной Азии, испытывающей хронический недостаток воды, что самым непосредственным образом влияет на социально-политическую ситуацию в расположенных здесь странах. Еще в советское время продвигались амбициозные планы поворота сибирских рек на юг, за счет чего собирались увеличить площади орошаемых земель в СССР и обеспечить население продуктами питания. Помимо политических изменений, с тех пор несколько сместились задачи, которые необходимо решать: помимо того, что вода необходима для сельского хозяйства, сегодня все больше населения стремится в города, которые также испытывают недостаток воды. По оценке Министерства охраны окружающей среды Казахстана, к 2050 году дефицит питьевой воды в стране вырастет в 3 раза, и вряд ли случайно в 2010 году власти Казахстана вспомнили о полузабытом советском проекте. На межрегиональном форуме в Усть-Каменогорске президент страны Нурсултан Назарбаев в рамках встречи с Дмитрием Медведевым отметил, что «эта проблема (поворота рек вспять) может оказаться очень большой, необходимой для обеспечения питьевой водой всего Центрально-Азиатского региона»²³⁶.

Рис. 1. Реки Центральной Азии. Карта: ZOI Environment Network, 2010 год

Основные водные богатства Средней (Центральной) Азии сосредоточены в бассейнах Сырдарьи и Амударьи. Сырдарья пересекает территории Киргизии, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, обеспечивая жизненные потребности примерно половины жителей региона. Еще несколько рек, протекающих по Центральной Азии, также имеют межгосударственное значение: Тобол, Урал и Ишим (Россия, Казахстан), Иртыш (Китай, Россия, Казахстан), Талас и Чу (Казахстан и Киргизия), Или (Казахстан, Китай), Тарим (Таджикистан, Киргизия, Китай).

Рис. 2. Восточная часть южной акватории Арала превратилась в пустыню (снимки Аральского моря: слева – в 2000 году, справа – в 2014 году, источник NASA)

Разногласия между Таджикистаном и Киргизией (85% стока поверхностных вод в регионе, гидротехнические сооружения) и странами, расположенными ниже по течению (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан) регулярно приводят к политическим разногласиям, становится фактором дезинтеграции. Между тем, устойчивое развитие региона трудно представить без решения вопросов экологии и без учета экологических рисков. Отрадно, что водно-энергетическая проблема выносится на обсуждение в рамках не только двусторонних, но и многосторонних встреч глав государств региона, так как решать ее можно только совместными усилиями. И здесь Шанхайская организация сотрудничества могла бы стать оптимальной площадкой. С одной стороны, ее членами являются Казахстан и Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, доноры и потребители водных ресурсов, с другой – организация по определению должна участвовать в решении такого рода острых проблем, укрепляя дух сотрудничества и партнерства в регионе. Любая напряженность грозит взорвать и без того хрупкую стабильность, что обернется серьезными издержками на поддержание экономики и военно-политической стабильности в регионе.

В 2015–2016 годах обсуждались проекты возможных поставок избыточной пресной воды Оби из Алтайского края в Синьцзян-Уйгурский район Китая через территорию Казахстана. Выравнивание уровня развития регионов может Китайской Народной Республики может привести к увеличению отбора воды из рек Иртыш и Или для хозяйственных нужд. По оценкам экспертов, в 1980-е годы Китай из Иртыша забирал на свои нужды порядка 2 км³ воды, сегодня свыше 3 км³. Аналогичный процесс на реке Или может привести к обмелению одного из уникальных озер Центральной Азии – Балхаша.

Пока водно-энергетическая проблема, к сожалению, больше противопоставляет страны, в то время как ее решение может и должно объединять их. Сохраняя приверженность обязательствам перед международным сообществом, они в то же время будут делать ставку на увеличение объемов добычи природных ресурсов (в целях увеличения

экспорта), что приведет к нивелированию экологических программ в отдельных проектах (прежде всего, проектов в нефтегазовом секторе). Москва и Пекин постепенно закладывают положительный опыт решения водной проблемы, которым могут воспользоваться другие страны.

Вопросы трансграничного экологического взаимодействия в повестке дня ШОС пока сравнительно редки. Между тем, для экономического пространства в рамках ЕАЭС и ШОС экологическое направление сотрудничества может стать достаточно эффективным «пространством» взаимодействия. Как отмечается авторами многих публикаций, экология по своей природе не признает национальных границ, а это означает, что решать существующие проблемы и возникающие вызовы необходимо совместными усилиями. Кроме того, экология – многогранная проблема, способная создавать отложенный и более существенный ущерб. Исходя из норм Договора о Евразийском экономическом союзе²³⁷, основные интеграционные ориентиры и приоритеты его участников сводятся к преследованию экономических целей: проведение скоординированной энергетической политики и постепенное формирование общих энергетических рынков. Конечно, успех в реализации данных амбициозных задач позитивно повлияет на экономический рост, однако погоня за ним неизменно влечет за собой издержки в виде ущерба окружающей среде. Вопросы экологии и экологической безопасности не нашли прямого отражения в нормах Договора о ЕАЭС.

Лишь в отдельных правилах предусмотрены меры, косвенно способствующие обеспечению экологической безопасности. Например, статья 29 (исключения порядка функционирования внутреннего рынка товаров) Договора обозначает право государств-членов применять ограничения во взаимной торговле товарами, основанных на защите жизни и здоровья человека; охраны окружающей среды; защите животных и растительных видов и культурных ценностей; и другие. Кроме того, в разделах о сельском хозяйстве, транспорте закреплены некоторые статьи, косвенно регулирующие вопросы экологии.

Однако названные нормы не в полной мере обеспечивают стандарты предотвращения негативного воздействия на окружающую среду. Статья 52 раздела X (технические регламенты и стандарты) определяет, что они должны приниматься в рамках Союза в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, и обеспечения энергетической эффективности и инженерных ресурсов в рамках Союза.

Государства-члены осуществляют поэтапное формирование общего рынка газа Союза, а также обеспечивают доступ к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам государств-членов, исходя, в том числе, из основного принципа – обеспечение экологической безопасности²³⁸. Аналогичное требование предъявляется и к рынку нефти и нефтепродуктов.

Правовые системы постсоветских стран до сих пор находятся в непрестом поиске надлежащего соотношения между представлениями о природных ресурсах объекте охраны и имуществе – объекте экономических отношений (данная проблема имеет не только узко-юридический, но и более широкий аспект). Сложно представить внедрение экологических технологий (например, призванных перерабатывать биологические отходы производства в газ) без государственной поддержки, о чем свидетельствует и зарубежный опыт. В частности, мировым лидером по внедрению технологии производства биогаза является Китай: суммарный выпуск биогаза в стране составляет 14 млрд кубометров в год. Начиная с 2002 года, ежегодный объем поддержки строительства биогазовых установок составляет около 200 млн долл. Дотация на каждую установку составляет 50% от средней стоимости оборудования и возведения²³⁹.

Помимо обмена полезным опытом, одной из возможных мер могла бы стать гармонизация законодательств стран-участниц ШОС и ЕАЭС в сфере регулирования экологических правонарушений и ответственности за них. Поэтому для более эффективной борьбы с экологическими правонарушениями, обеспечения экологической безопасности важно не только принятие соответствующих правовых норм на национальном уровне, но и выработка единых стандартов, включая:

- определение круга деяний, рассматриваемых как экологические правонарушения;
- выработка единого понятийного аппарата и единой терминологии;
- мониторинг и возможный пересмотр существующих правовых норм с учетом стандартов, установленных международно-правовыми документами.

При формировании международно-правовой базы общего рынка энергоресурсов, основа для которой сегодня активно создается, вопросам охраны окружающей среды необходимо уделить самое пристальное внимание. В конечном итоге, трансграничное экологическое сотрудничество вовсе не противоречит решению задач по формированию общих рынков энергоресурсов и иных интеграционных процессов сфере экономики. Напротив, при правильной постановке вопроса «экологический фактор» сделает эти процессы более сбалансированными и предсказуемыми.

К.А. ФРОЛОВ,
заведующий отдела
по связям с Русской Православной Церковью
и православным сообществом за рубежом
Института Стран СНГ,
руководитель Ассоциации православных экспертов
и Корпорации православного действия
(Россия)

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА РОССИИ, КИТАЯ И ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Убежден, что ШОС, фундаментом процветания которой является стратегическое партнерство великих государств России и Китая, является не только организацией прагматического сотрудничества, но и глубоким цивилизационным союзом суверенных государств, предлагающих гармоничную модель мироустройства, отрицающую диктат грубой лжи, демагогии и «однополярный мир».

Глубокие философские и богословские основы культур Китая и России — это основа строительства гармоничного мира. Поэтому необходим серьезный цивилизационный русско-китайский диалог, первым шагом к которому является развенчание западного мифа о несовместимости «бесконечной далекости» русской и китайской цивилизаций и культур. Это делает никто иной, как выдающийся православный богослов и философ Алексей Степанович Хомяков, который открыл Конфуция России, рассказал о комплиментарности основных конфуцианских идеях православному сообществу. В своей работе «Китай. Его процветание. Лао-тсеу, Конфуций»²⁴⁰ А.С. Хомяков не просто открывает Лал-Цзы и Конфуция русскому миру, но и называет Конфуция «исполином телом и духом...полным детской верой во всеисильность закона над душой человека». Это констатация близости Конфуция к постижению императива духовного над душевным, он еще не знает Богочеловека Христа, но признает необходимость Божественного руководства душой, называя и сводя это руководство к закону, что на языке православного богословия называется согласованием воли человеческой воле Божией.

А.С. Хомяков далее так характеризует Конфуция: «...полный глубокой поэзии... бескорыстный и бесстрашный труженик общества...идеал всех гражданских добродетелей...мыслитель, обнявший полноту человеческого знания...лицо величавое по преобладанию одной великой идеи...вот Китай в его лучшем и совершеннейшем проявлении. Едва ли какая-нибудь другая страна имела прекраснейшего представителя. Конфуций жил, верил и страдал Китаю. При его покорности внешнему, безосновному закону недостает сознания внутреннего закона любви. Благословенна та страна, которой суждено будет открыть ему этот источник всякого человеческого блага. Англия, вместо просвещения, доставляет Китаю опиум».

Как прав и как актуален Алексей Степанович Хомяков! Он открыл России Конфуция и Лао-Цзы, теперь пора открыть Китаю А.С. Хомякова и мир внутреннего источника любви, который идет из России и который перекроет опиум и прочую заразу! Диалогу философов, мудрецов, богословов России и Китая нет альтернативы!

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ

¹ Большая Евразия – 2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества. М., 29 ноября 2017 года. URL: http://www.inesnet.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Blok_doklad_bolshaja_Evrazija_2030.pdf

² Там же.

³ Петровский В.Е. Россия, Китая и контуры «Большого евразийского партнерства». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyakitayikonturybolshogoevraziyskogopartnerstva>

⁴ Международный форум «Один пояс, один путь». М., 14 мая 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491>

⁵ Ли Синь. Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства // Валдайский клуб. М., ноябрь 2016 года. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13898/>

⁶ Межевич Н. «Интеграция интеграций»: стоит ли искать черную кошку в темной комнате? // Российский совет по международным делам. М., 18 сентября 2015 года. URL: <http://russiancouncil.ru/analyticsandcomments/analytics/integratsiyaintegratsiystoit-liiskatchyernuyukoshkuvt/>

⁷ «Большая Центральная Азия» или «Большая Евразия»: американский проект против российского. URL: <http://mixednews.ru/archives/128589>

⁸ Подробно об этом см: Попов Д.С. Вашингтон ведет «Новый Шелковый путь» в обход России и Китая // Российский институт стратегических исследований. М., 18 ноября 2015 года.

⁹ <https://riss.ru/analytics/22989>

¹⁰ Стратегия развития шанхайской организации сотрудничества до 2015 года. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125>

¹¹ Ли Синь. Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства // Валдайский клуб. М., ноябрь 2016 года. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13898/>

¹² 20-я регулярная встреча глав правительств России и Китая. URL: <https://govnews.ru/20-ярегулярнаявстречаглавправительств/>

¹³ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Пекин, 23 апреля 2015 года. URL: <http://ru.chinaembassy.org/rus/ggl/t1257296.htm>

¹⁴ Шелкова О. ШОС и насущные проблемы безопасности Центральной Азии // Ритмы Евразии. 21 апреля 2014 года. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news20140421-shosinasuschnyeproblemybezopasnosticentralnojazii12366>

¹⁵ Шелкова О. ШОС и насущные проблемы безопасности Центральной Азии // Ритмы Евразии. 21 апреля 2014 года. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news20140421-shosinasuschnyeproblemybezopasnosticentralnojazii12366>

¹⁶ Морозов Ю.В. Стратегия Запада в ЦентральноАзиатском регионе в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2016. 375 с.

¹⁷ Клименко А.Ф. Перспективы взаимодействия России, Индии и Китая в двустороннем формате и в рамках ШОС: военнополитические аспекты // Военная мысль. 2007. № 5. С. 18–25.

¹⁸ Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблемы обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. 348 с.

¹⁹ Морозов Ю.В. Американская политика и стратегия в локальной войне в Афганистане и их влияние на региональную безопасность: монография. М.: ИСК РАН, 2015. 152 с.

²⁰ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С. 35–49.

²¹ Image of Russia Formed by Western Mass Media. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/theimageofrussiaformedbywesternmassmedia>

²² Выступление министра иностранных дел РФ С. Лаврова в Военной академии Генерального штаба. 23 марта 2017 года. URL: <http://ens.mil.ru/education/more.htm?id=12115562%40egNews>

- 23 Президент Нурсултан Назарбаев. «Критическое десятилетие».
- 24 Наджам Сети. Кеттатеррор: время для Пакистана изменить свою парадигму национальной безопасности. 13 августа 2016 года. URL: <https://thewire.in/58879/quetta-terrotimeforpakistantochangeitsnationalsecurityparadigm/>
- 25 Мирные инициативы с Пакистаном остаются безуспешными, говорит президент Афганистана. 10 июля 2016 года. URL: <http://www.dawn.com/news/1269728>
- 26 Пакистан критикует ИГИЛ, говорит российский спецпредставитель по Афганистану. 12 мая 2016 года. URL: <https://thewire.in/84672/pakistanisisafghanistanrussia/>
- 27 National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 34.
- 28 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States. P. 2.
- 29 Ibid, p. 3.
- 30 Thompson L. War In Europe: Why The Army Is Worried // Forbes. December 11, 2015. URL: <http://www.forbes.com/sites/lorenthompson/2015/12/11/warineuropewhythearmyis-worried/#74b3ec673857>
- 31 Gladstone R. Air Force General Says Russia Missile Defense ‘Very Serious’ // The New York Times. January 11, 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/01/12/world/europe/airforcegeneralsaysrussiamisiledefenseveryserious.html?_r=2
- 32 Москва ответила на заявление США о переброске С400 под Калининград // РБК. М., 22 ноября 2016 года. URL: <http://www.rbc.ru/politics/22/11/2016/58345fc99a7947dbf68149df>
- 33 Secretary of Defense Ash Carter Submitted Statement to the Senate Armed Services Committee on the FY 2017 Budget Request for the Department of Defense. Washington D.C. March 17, 2016. P. 11.
- 34 Nuclear Posture Review 2018. P. 910.
- 35 Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2016. Office of the Secretary of Defense. Washington D.C. April 26, 2016. P. 26–27.
- 36 Gompert D., Cevallos A., Garafola C. War with China: Thinking Through the Unthinkable. Santa Monica: RAND, 2016.
- 37 Ibid., p. i.
- 38 Ibid., p. ix.
- 39 Annual Report to Congress... p. 30.
- 40 Ibid., p. 32.
- 41 Ibid., p. 25.
- 42 Ibid., p. 2627.
- 43 Pellerin Ch. Hyten: Deterrence in Space Means No War Will be Fought There // DoD News, Defense Media Activity. Washington D.C. January 26, 2017. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1061833/hytendeterrenceinspacemeansnowar-willbefoughtthere>
- 44 National Security Strategy of the United States of America... p. 5.
- 45 Ibid., p. 67.
- 46 Nuclear Posture Review 2018. P. V.
- 47 Ibid.
- 48 ‘It is a historic day’: Pakistan becomes full member of SCO at Astana summit // Dawn. June 09, 2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1338471>
- 49 См., напр., Волхонский Б.М. Проникновение ИГИЛ в Афганистан и Пакистан // В кн.: «ИГИЛ: формула современного террора». М.: Российский институт стратегических исследований, 2017. С. 191–204.
- 50 Панкин: Идея создания банка ШОС распадается // Вестифинанс. 9 июля 2015 года. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59846>
- 51 Chellaney B. Averting Asian Water Wars // Japan Times. October 2, 2008. URL: <http://www.japantimes.co.jp/text/eo20081002bc.html>

⁵² Астанинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Астана, 9 июня 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5206/>

⁵³ Информационное сообщение о заседании Совета министров иностранных дел государств членов Шанхайской организации сотрудничества. Пекин, 24 апреля 2018 года. URL: <http://rus.sectesco.org.news/20180424/412405.html/>

⁵⁴ На севере Афганистана скопилось три тысячи боевиков джихада // ЦентрАзия. 29 марта 2018 года. URL: <http://www.centrasia.ru/news/php?st=152229540/>

⁵⁵ Нур Захид, Мехди Джединия. Россия опасается возвращения боевиков ИГИЛ в Центральную Азию // Голос Америки. 21 сентября 2017 года. URL: <https://golosameriki.ru/a/iscentralnoyas/21.09.2017>

⁵⁶ Гарсия Рубен. Деньги, депрессия, проблемы в семье: что толкает жителей Центральной Азии в отряды ИГИЛ // ЦентрАзия. 27 декабря 2016 года. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1482837840/>

⁵⁷ Киргизия готовит кадры для ИГИЛ? // ЦентрАзия. 18 января 2016 года. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1453112580>

⁵⁸ За ИГИЛ воюют сотни казахстанцев // Комсомольская правда – Казахстана, 27 ноября 2015 года.

⁵⁹ Тейлор Адам // The Washington Post. 21 июля 2016 года.

⁶⁰ Стабиле Джордано. Армия китайских уйгуров, воюющая против Асада. 4 марта 2016 года. URL: <http://www.inopressa.ru/article/04Mar2016/uiguri.html/>

⁶¹ Панкратенко И. Мятельный Синьцзянь. Что хотят архитекторы войны? // ЦентрАзия. 5 февраля 2015 года. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1423083960/>

⁶² Новая стратегия национальной безопасности президента США Дональда Трампа. Вашингтон, 18 декабря 2017 года. URL: <https://golosameriki/a/trumpnationalesecurity-strategy/4168347.html>

⁶³ Пентагон опубликовал ядерную стратегию. Вашингтон, 3 февраля 2018 года. URL: <https://www.golosameriki.ru/a/nuclearposturereview2018/4237003/html/03.02.2018>

⁶⁴ Олимов М. «Исламской весны» в Таджикистане не будет без вмешательства извне // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1488460140/>

⁶⁵ Цит. по: Нур Захид, Мехди Джединия. Россия опасается возвращения боевиков ИГИЛ в Центральную Азию // Голос Америки. 21 сентября 2017 года. URL: <https://golosameriki.ru/a/iscentralnas/>

⁶⁶ В Атырау четырех человек осудили за пропаганду терроризма. Алматы, 23 января 2017 года. URL: <https://tengrinews.kz/events/atyirauchetyirehosudilipropaganduterrorizma310619/>

⁶⁷ Задержано 4 жителя Актобе // Комитет национальной безопасности РК. Астана, 25 ноября 2017 года. URL: <http://www.knb.kz/ru/news/pressreliz57/>

⁶⁸ О задержании трех жителей Астаны // Комитет национальной безопасности РК. Астана, 28 декабря 2017 года. URL: <http://www.knb.kz/ru/news/ozaderzaniitrehziteley/>

⁶⁹ Почти 40 терактов предотвращено за 5 лет в Казахстане. 7 марта 2018 года. URL: <http://nomad.su/?a=520180370028/07.03.2018>

⁷⁰ Козина В. Спасти рядового студента // АиФКз. 2017. №4, 2531 января.

⁷¹ Ермекбаев Н.Б. Тезисы на международной конференции «Ислам в современном светском государстве». г. Бишкек, Кыргызстан, 28 сентября 2017 года. URL: <https://diakom.gov.kz/ru/content/tezisimini/>

⁷² Скрытая угроза // Время – Кз. 28 ноября 2015 года.

⁷³ В Узбекистане воевавших в Сирии экстремистов осудили на 14 лет тюрьмы. 2 апреля 2018 года. URL: <http://www.zakon.kz/4911422vuzbekistanevoe>

⁷⁴ В Кыргызстане задержан член экстремистской организации // Жэньминь жибао. Пекин, 11 апреля 2018 года. URL: <http://Russian.people.com.cn/n3/2018/0412/c315/11.04.2018>

⁷⁵ Подробнее см.: Пахолкин Д.А. Структурные факторы конкуренции между Россией и Европейским Союзом в пространстве Восточной Европы // Современное общество и право. 2017. № 6 (31). С. 108116.

⁷⁶ См., например, Ющенко: Украина надеется на дальнейшую поддержку Европарламента // Подробности. 2008. 2 октября. URL: <http://podrobnosti.ua/558677juschenko-ukrainanadeetsjanadalnejshujupodderzhkuevroparlamenta.html>

⁷⁷ Детальнее об этом см. Манжола В.А., Шаповалова О.І. Французькі пропозиції щодо нової угоди між Україною та Європейським Союзом: унікальний шанс чи політичний реверанс? // International Review. Липень 2008. № 2 (6). С. 3542.

⁷⁸ Langbein J., Wolczuk K. Convergence without membership? The impact of the European Union in the neighbourhood: evidence from Ukraine // Journal of European Public Policy. 2012. Vol. 19, No. 6. P. 870.

⁷⁹ Korosteleva E. The Eastern Partnership Initiative: A New Opportunity for Neighbours? // Journal of Communist Studies and Transition Politics. March 2011. Vol. 27, No.1. P. 8.

⁸⁰ Forsberg T., Haukkala H. An Empire Without an Emperor? The EU and Its Eastern Neighbourhood // Policy Design in the European Union. An Empire of Shopkeepers in the Making? / R. Heiskala, J. Aro (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 261.

⁸¹ Бабынина Л. ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? // РСМД. 29 мая 2013 года. URL: <http://russiancouncil.ru/analyticsandcomments/analytics/esirossiyakonkurenciyazapostsovetskoeprstranstvo/>

⁸² Haukkala H. The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // EuropeAsia Studies. November 2008. Vol. 60, No. 9. P. 1602–1603.

⁸³ Barbé E., JohanssonNogués E. The EU as a modest ‘force for good’: the European Neighbourhood Policy // International Affairs. 2008. Vol. 84, No. 1. P. 8196.

⁸⁴ См., например: Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. Лаврова по итогам пленарного заседания Постоянного совета партнерства Россия – ЕС. Люксембург, 28 апреля 2009 года. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra//asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/296298

⁸⁵ Börzel T.A. When Europe hits ... beyond its borders: Europeanization and the near abroad // Comparative European Politics. 2011. Vol. 9, No 4/5. P. 399.

⁸⁶ Донич Т.Г. Сила и слабость нормативной базы Европейского союза (на примере реализации программы «Восточное партнерство») // Обозреватель—Observer. М., 2017. № 12. С. 44–54.

⁸⁷ Bechev D. Of power and powerlessness: The EU and its neighbours // Comparative European Politics. – 2011. Vol. 9, No 4/5. P. 419.

⁸⁸ Арутюнян О. В. Между Сциллой и Харибдой: программа «Восточного партнерства» на перекрестье геополитических интересов Евросоюза и России / О. В. Арутюнян, А. А. Сергунин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 1. С. 117.

⁸⁹ Шептицкий А. Углубленная зона свободной торговли с ЕС – шансы и вызовы для Украины // Европа (журнал Польского института международных дел). Варшава, 2008. № 3 (28). С. 112113.

⁹⁰ Косикова Л.С. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. М., 2012. № 1 (74). С. 189.

⁹¹ Колтон Т. Чарап С. Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию / пер. с англ. // Россия в глобальной политике. М., 2017. Спецвыпуск. С. 90. URL: http://globalaffairs.ru/media/docs/charap_book_read.pdf

⁹² Langbein J. (Dis) integrating Ukraine? Domestic oligarchs, Russia, the EU, and the politics of economic integration // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57, No. 1. P. 1942.

⁹³ Ademmer E., Delcour L., Wolczuk K. Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the “contested neighborhood” // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57, No. 1. P. 9.

⁹⁴ Gnedina E. ‘MultiVector’ Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // EuropeAsia Studies. 2015. Vol. 67, No. 7. P. 1011.

⁹⁵ Колтон Т. Чарап С. Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию / пер. с англ. // Россия в глобальной политике. М., 2017. – Спецвыпуск. – С. 109. URL: http://globalaffairs.ru/media/docs/charap_book_read.pdf

⁹⁶ Burlyuk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine // *East European Politics*. 2017. Vol. 33, No. 1. P. 4445.

⁹⁷ Delcour L. ‘You can lead a horse to water, but you can’t make it drink’: the EU’s and Russia’s intersecting conditionalities and domestic responses in Georgia and Moldova // *European Politics and Society*. 2018.

⁹⁸ European Commission. Delivering on a new European Neighbourhood Policy. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. – Brussels, 2012. 15 May. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012JC0014&from=EN>; European Commission. A new response to a changing Neighbourhood. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2011. 25 May. URL: <https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0303&qid=1527346147393&from=EN>; European Commission. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2015. 18 November. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_jointcommunication_reviewoftheenp_en.pdf

⁹⁹ Колтон Т. Чарап С. Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию / пер. с англ. // *Россия в глобальной политике*. М., 2017. Спецвыпуск. С. 71. URL: http://globalaffairs.ru/media/docs/charap_book_read.pdf

¹⁰⁰ Forsberg T., Haukkala H. An Empire Without an Emperor? The EU and Its Eastern Neighbourhood // *Policy Design in the European Union. An Empire of Shopkeepers in the Making?* / R. Heiskala, J. Aro (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 265.

¹⁰¹ Delcour L., Kostanyan H., Vandecasteele B., van Elsuwege P. The Implications of Eurasian Integration for the EU’s Relations with the Countries in the postSoviet space // *Studia diplomatica*. 2015. Vol. 68, No. 1. P. 24.

¹⁰² См. ст. XXIV «Территориальное применение – пограничная торговля – таможенные союзы и зоны свободной торговли» Генерального соглашения о тарифах и торговле от 30 октября 1947 г. с поправками и дополнениями договоренностями Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров ГАТТ1994 и других многосторонних соглашений и договоренностей. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16302>

¹⁰³ Источник: база данных ВТО (2018). URL: www.wto.org

¹⁰⁴ См.: Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. 1961. Illinois: R.D. Irwin Inc.

¹⁰⁵ См. Хейфец Б.А. Трансрегионализация глобального экономического пространства // *Общество и экономика*. 2016. № 6. С. 19–42.

¹⁰⁶ Латухина К. Компас победителей // *Российская газета*. 19 июня 2016 года.

¹⁰⁷ EUJapan Economic Partnership Agreement. 2017. URS: <https://www.jdsupra.com/legalnews/eujapaneconomicpartnershipagreement99180/>

¹⁰⁸ Китай предложил создать зону свободной торговли в рамках ШОС // *ИНТЕРФАКС*, 2015. URL: <http://www.interfax.ru/business/484977>

¹⁰⁹ Толорая Г. Пилотный проект «Большого Евразийского партнерства» // *Мир перемен*. 2017. №1. С. 169.

¹¹⁰ Бордачев Т. Большая Евразия в «Век Индии». 2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshayaevraziyavekindii/>

¹¹¹ См. подробнее: Хейфец Б. Экономический пояс Шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 5.

¹¹² World Internet Users and 2017 Population Stats. 2017. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>

¹¹³ Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey. MGI. 2016. March. P. 7.

¹¹⁴ Гатинский А. Глава Alibaba Group предсказал появление этикеток «Сделано в Интернете» // *РБКдейли*. 2017. 17 октября. URL: <http://www.rbc.ru/business/19/10/2017/59e8d1449a7947019b6fe82c?from=main>
<http://www.rbc.ru/business/19/10/2017/59e8d1449a7947019b6fe82c?from=main>

¹¹⁵ Reflection Paper on Harnessing Globalisation. European Commission. 2017. 10 May. P. 7; Digitalization, Trade and Development. Information Economy Report. UNCTAD. 2017. P. 16.

¹¹⁶ CryptoCurrency Market Capitalizations is: — access mode —. URL: <http://coinmarketcap.com/>

¹¹⁷ The Wall Street Journal. 2018. January 10.

¹¹⁸ Подробнее см.: Панова Г.С., Стратан П. Криптовалюты в современном мире // Topical areas of fundamental and applied research VII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 2015. October 1920. Vol. 2. North Charleston, SC, USA: CreateSpace. 2015/ P. 198—206; Еремина Н., Фаляхов Р. Криптовиром поразил СНГ. «Газета.Ру»/Shutterstock. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/rustem_falyahov.shtml

¹¹⁹ Замысел «национальной криптовалюты» в Киргизии представляет собой попытку привлечь инвестиции в золоторудный сектор посредством проведения ICO (Initial Coin Offerings — первичное размещение монет). Фактически это электронный аналог IPO и к созданию национальной криптовалюты отношения не имеет.

¹²⁰ Форум «Цифровая повестка в эпоху глобализации». Алматы, 2 февраля 2018.

¹²¹ Еремина Н., Фаляхов Р. Криптовиром поразил СНГ. «Газета.Ру»/Shutterstock. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/rustem_falyahov.shtml

¹²² Ходжаян Л. Странам ЕАЭС важно иметь согласованную стратегию // Фонд «Нораванк». Ереван, 27 марта 2017 года. URL: http://www.noravank.am/rus/news/detail.php?ELEMENT_ID=15571&spphrase_id=66363

¹²³ Соглашение о преференциальной торговле между Ираном и ЕвразЭС будет подписано и вступит в силу с 21.01.2018 года // Российское информационное агентство «Iran.Ru». М., 14 декабря 2017 года. URL: http://www.iran.ru/news/economics/107873/Soglashenie_o_preferencialnoy_torgovle_mezhdu_Iranom_i_EvrAzEs_budet_podpisano_i_vstupit_v_silu_s_21_01_2018_goda

¹²⁴ Iran, China plan to increase mutual trade to \$50 billion in 2018. 2018. January 30. URL: <https://en.mehrnews.com/news/131746/IranChinaplantoincreasemutualtradeto50billionin2018>

¹²⁵ IranEU Trade Doubles. 2017. November 2. URL: <https://financialtribune.com/articles/economydomesticeconomy/75418/iranetradedoubles>

¹²⁶ Возможности сотрудничества Иран — ЕАЭС намного шире, чем Турция — ЕАЭС // NovostiNK.ru. М., 11 ноября 2015 года. URL: <http://novostink.ru/politics/129967-vozmozhnostisotrudnichestvairanaesnamnogoshirechemturciyaees.html>

¹²⁷ Мартиросян С. На армяноиранской границе открылась СЭЗ «Мегри» // Ритм Евразии. 25 декабря 2017 года. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news20171225na-armjanoiranskojgraniceotkrylaszmecri34224>

¹²⁸ Free economic zone with Iran opened in southern Armenia. 2017. December 15. URL: http://www.xinhuanet.com/english/201712/16/c_136830692.htm

¹²⁹ Вицепремьер РФ выразил готовность Москвы для расширения связей с Тегераном // Информационное агентство Исламской Республики Иран. Тегеран, 7 марта 2018 года. URL: <http://www.irna.ir/ru/News/3581376>

¹³⁰ International Organization for Migration. Facts and Figures 2015. URL: <https://www.iom.int/infographics/migrationfactsandfigures>

¹³¹ Решение о разработке первого глобального договора ООН по миграции было принято в 2016 году на международном Саммите по миграции в Нью-Йорке. Предполагается, что он будет принят в 2018 году.

¹³² ООН: политика в области миграции должна строиться на фактах, а не на ложных представлениях. Доступно: URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=28322#.WXeXGITYiUl>

¹³³ В результате международного финансового кризиса 2008 года денежные переводы из России в страны-доноры миграции Таджикистан и Кыргызстан резко упали. Так, переводы в Таджикистан в 2009 году сократились на 31% по сравнению с 2008 годом, а в Кыргызстан — на 20%. См. Brownbridge, M. and S. Canagarajah. Remittances and the Macroeconomic Impact of the Global Economic Crisis in the Kyrgyz Republic and Tajikistan. The China and Eurasia Forum Quarterly, Winter 2010.

- 134 Alkhathlan, The Nexus between Remittance Outflows and Growth: A Study of Saudi Arabia, *Economic Modelling*. 2013. PP. 695–700.
- 135 Ibid.
- 136 Hathroubi S., and Aloui C. On Interactions between Remittance Outflows and Saudi Arabian Macroeconomy: New Evidence from Wavelets. *Economic Modelling*. 2016. PP. 32–45.
- 137 Termos, A., Naufal G., and Genc I. Remittance Outflows and Inflation: The Case of the GCC Countries. *Economics Letters*. 2013. No. 120(1). PP. 45–47.
- 138 Brownbridge, Canagarajah. 2010.
- 139 Mansoor, Ali M., and Bruce Quillin. 2007. Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union. World Bank. P. 66.
- 140 Brown R., Olimova S., and Boboev M. Country Report on Remittances of International Migrants in Tajikistan, in Study on International Migrants' Remittances in Central Asia and South Caucasus. Asian Development Bank. Manila. 2008. Accessed: URL: <http://www.adb.org/Documents/Reports/Consultant/40038REG/4003804REGTACR.pdf>
- 141 The Use of Remittances and Financial Inclusion. IFAD, The World Bank Group, September. 2015.
- 142 Brown R., Olimova S., and Boboev M.
- 143 Ibid.
- 144 Ibid.
- 145 Aslan, HalilKursad. Determinants of Productive Investment through Migrants' Remittances in Rural Central Asia. 2011.
- 146 World Bank, Migration and Remittances Data, 2016. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migrationremittancesdata>
- 147 Олимова С. Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры, 2012, № 2. С. 119.
- 148 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 марта 2014 года (ред. от 8 мая 2015 года) (ратифицирован ФЗ № 279-ФЗ от 3 октября 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года) / Официальный интернетпортал правовой информации. 2015. 16 янв. № 0001201501160013. Разд. XXVI.
- 149 На постановку на миграционный учет и поиск работу им дается 90 дней.
- 150 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (ред. от 8 мая 2015 года) (ратифицирован ФЗ № 279-ФЗ от 3 октября 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года) / Официальный интернетпортал правовой информации. 2015. 16 января. № 0001201501160013. Приложение № 30.
- 151 Понятие введено И.В. Ивахнюк. См. подробнее: Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 2. С. 2128.
- 152 Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook Special Topic: Global Compact on Migration. 2017. April. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/992371492706371662/MigrationandDevelopmentBrief27.pdf>
- 153 Данные национальных статистических служб стран – членов ЕАЭС.
- 154 Данилова И.А., Дмитриев Р.В. Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Том II Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 83.
- 155 На одно рабочее место в Армении претендуют 37 безработных. См. подробнее: Вишневская Н.Г. Рынок труда стран СНГ: сравнительный анализ конъюнктурных особенностей // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 37. С. 60.
- 156 Изменение численности населения по вариантам прогноза / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.xls
- 157 Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 22.
- 158 Изменение численности населения по вариантам прогноза / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.xls

159 Вишневская Н.Г. Рынок труда стран СНГ: сравнительный анализ конъюнктурных особенностей // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 37. С. 60.

160 Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам / ГУВМ МВД РФ. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_news/temp/___1517237587_9045/SAYT_2-RD_17kv4.xlsx

161 Демография на 1 января 2018 г. / Федеральная служба государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b18_00/IssWWW.exe/Stg/dk01/70.doc

162 Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением по странам и регионам / ГУВМ МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/>; Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам / ГУВМ МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171/>

163 Население России 2015. Двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 300.

164 Сведения о численности трудящихся / Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://goo.gl/fXbSwT>

165 Личные переводы между Россией и странами СНГ / Центральный банк России РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/Personal_Remittances_CIS.xlsx

166 Рынок труда стран СНГ: сравнительный анализ конъюнктурных особенностей // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 37. С. 67.

167 Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник. 2017 / Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2017.pdf

168 Согласно данным по временной регистрации иностранных граждан, указавших в качестве цели своего въезда работу. См. подробнее: Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии. Оценка потребностей мигрантов и общин и управление рисками. 2017 / Международная организации по миграции (МОМ). URL: <http://www.iom.kz/images/books/2017DARexecutivesummaryrus.pdf>

169 Там же. С. 18.

170 Сведения о численности трудящихся / Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://goo.gl/fXbSwT>. Оценки объемов трудовой миграции разных организаций отличаются. Так, например, по оценкам МОМ в 2015 году в Казахстан из Кыргызстана прибыло на работу 114 тыс. человек, а в 2016 — 157 тыс. См. подробнее: Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии. Оценка потребностей мигрантов и общин и управление рисками. 2017 / Международная организации по миграции // URL: <http://www.iom.kz/images/books/2017DARexecutivesummaryrus.pdf>

171 Интеграционный барометр — 2017. Доклад № 46, 2017 / Евразийский Банк Развития // URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDBCentre_2017_Report46_EDB-IntegrationBarometer_RUS_1.pdf

172 Интеграционный барометр — 2017. Доклад №46, 2017 / Евразийский Банк Развития // URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDBCentre_2017_Report46_EDB-IntegrationBarometer_RUS_1.pdf. С. 14

173 Согласно данным Интеграционного барометра, в 2017 году 53% населения России высказались против привлечения иностранных работников из какихлибо стран. См. подробнее: Интеграционный барометр — 2017. Доклад № 46, 2017 / Евразийский Банк Развития // URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDBCentre_2017_Report46_EDB-IntegrationBarometer_RUS_1.pdf. С. 14.

174 Данные национальных статистических служб стран — членов ЕАЭС.

175 Шахотько Л.П. Сложное демографическое будущее Беларуси // Демоскоп Weekly. 2015. № 649—650 // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0649/tema01.php>

176 Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2017 / Национальный статистический комитет РБ // URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/>

soliainnayasfera/demografiya_2/metodologiyaotvetstvennyezainformatsionnoes_2/index_8479/

177 World Population Prospects. The 2017 Revision. Key Findings and Advance Tables / United Nations // URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf

178 Привалова Н.Н., Станишевская Л.С. Прогноз демографического развития Беларуси // Экономический бюллетень. 2013. № 10. С. 414.

179 URL: <http://www.oecd.org/investment/USAttradeinvestmentstatisticalcountrynote.pdf>

180 URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/gtdw_e/wkshop17_e/silva_e.pdf

181 Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectsc.org>

182 Составлено авторами по статистической базе данных МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx>

183 Составлено авторами по статистической базе данных МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx>

184 Составлено авторами по статистической базе данных МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx>

185 Составлено авторами по статистической базе данных МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx>

186 Составлено авторами по статистической базе данных МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx>

187 Составлено авторами по статистической базе данных всемирной книги фактов ЦРУ // URL: Источник: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2012.html>

188 Составлено авторами по статистической базе данных UNCTAD. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>

189 Составлено авторами по статистической базе данных UNCTAD. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>

190 Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. Информационный портал ШОС // <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125> и Положение об Энергетическом клубе государств – членов Шанхайской организации сотрудничества Информационный портал ШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=310>

191 Составлено авторами по статистической базе данных UNCTAD. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>

192 Быков А.И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks319628#TOC_IDAUX44V

193 Шевелева М.В. Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества и формирование стратегии многостороннего сотрудничества в сфере энергетики. URL: file:///D:/Downloads/sheveleva_2014_Actual_probl_IR_V2.pdf

194 Десять страниц летописи ШОС. URL: http://www.infoshos.ru/media/2012/01/10_years_sco_booklet.pdf

195 Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС (Справочный материал).

196 The Global Innovation Index 2017. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017intro5.pdf

197 Шевелева М.В. Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества и формирование стратегии многостороннего сотрудничества в сфере энергетики. URL: file:///D:/Downloads/sheveleva_2014_Actual_probl_IR_V2.pdf

198 Канавский С.В. Энергетический клуб ШОС – не элитный клуб «шанхайской шестерки», а структура, готовая к взаимодействию с разными странами. URL: <http://ycsco.org/?lng=ru&module=news&action=view&id=694>

199 Составлено авторами по консолидированным данным по участникам объединения ШОС.

- 200 Григорьева В.А., Побирченко В.В. Особенности формирования внешнеэкономических приоритетов России в ШОС. URL: http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_24/Grigoreva_Pobirchenko_Rossiya_ShOS.pdf
- 201 Казначеева И.Е. Российско-Китайское инвестиционное сотрудничество // Символ науки. № 2. 2016. С.151–154.
- 202 URL: <https://ria.ru/spief/20180525/1521375813.html>
- 203 Линлин Вэй, Джейкоб М. Шлезингер, Джереми Пейдж, Майкл Бендер. На пороге войны // Ведомости. № 219 (4454). 2017.
- 204 Некоторыми экспертами эта величина оценивается в 504 млрд долл.
- 205 Американские пошлины возмутили Китай//Независимая газета № 69 (7261). 2018.
- 206 Трамп пошел в газовую атаку на Пекин // Независимая газета. № 60 (7202). 2018.
- 207 Невельский А. Полупроводники против свиней // Ведомости. № 50 (4531). 2018.
- 208 Мировая торговая война № 52 (4533). 2018.
- 209 Пекин может ударить по американской фондовой бирже//Независимая газета. № 58–59 (7250–7251). 2018.
- 210 Скосырев В. Китай готов предотвратить торговую войну//Независимая газета № 75 (7267). 2018.
- 211 Кудияров С. Патриотизм поневоле//Эксперт. № 20 (1074). 14–20 мая. 2018. С. 44.
- 212 Кудияров С. Патриотизм поневоле//Эксперт. № 20 (1074). 14–20 мая. 2018. С. 45–47.
- 213 Джумайло А. Стальные пошлины испытывают на прогиб // Коммерсант. № 40 (6278). 2018.
- 214 Башкатова А. Трамп шантажирует Европу газом//Независимая газета № 9697 (7288–7289). 2018.
- 215 Оверченко М., Невельский А. Союзники готовы к торговой войне//Ведомости. № 98 (4579). 2018.
- 216 Башкатова. А. Налоговая реформа Трампа напугала европейцев//Независимая газета № 273 (7150). 2017.
- 217 Скосырев С. Трамп принуждает Южную Корею к войне//Независимая газета. № 190 (7007). 2017.
- 218 Зумбрун Джон. Пошлины не спасут Трампа от дефицита // The Wall Street Journal//Ведомости № 53 (4534). 2018; Об этом говорит Джеймс Хэмилтон // Экономист. Калифорнийского университета в Сандиего.
- 219 Там же.
- 220 Подробнее см.: Экономический прогресс: прошлое, настоящее, будущее. Под общей ред. М.В. Конотопова. М.: Русайнс, 2017; Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010; Цикл статей «Технологии и финансы»//Инновации и инвестиции. 2016.
- 221 Базанова Е., Петлева В. Так накалялся Трамп//Ведомости № 42 (4523). 2018.
- 222 Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, проблемы, перспективы. Вопросы и ответы // Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 19941997. М., 1997. С. 25.
- 223 Кизеветтер А.А. Евразийство. // Россия между Европой и Азией, Евразийский Соблазн. М.: Наука, 1993. С. 266.
- 224 В статье индийского профессору Рагу Вира.
- 225 Произведения искусства Ил Хан (IL Khan) (В рамках международного проекта ТАСАМ). 2016. Т. 34.
- 226 В последние десятилетия в науке большое внимание уделяется анализу разных аспектов цивилизаций и существуют различные трактовки этого термина – историко-культурные, страновые, философские и пр. Поэтому нельзя говорить о едином и четком понятии «цивилизация». Особенно сложно разделить понятия «цивилизация» и «культура». Часто цивилизация рассматривается как синоним термина «культура» или даже обозначает особый этап в развитии культуры. В современной культурологии, исторической и социальной науке, распространена трактовка цивилизации как

социокультурного феномена, ограниченного временными и пространственными параметрами (социокультурная самобытная общность людей), в основе которого лежит ментальность и культура. Автор придерживается этой трактовки.

227 Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. URL: esopotmu.gov.ru/wps/wcm/connect/5bca4df9.../ШОС++Стратегия.doc? (дата обращения 16 июня 2018 года).

228 См. подробнее: О роли религии в развитии цивилизации. URL: <https://drevniy-daos.livejournal.com/237037.html> (дата обращения 20 июня 2018 года).

229 Косиченко А.Г. Диалог конфессий в условиях глобализации. URL: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskayamodernizaciya/posts/dialogkonfessiyvusloviyahglobalizacii>. (дата обращения 15 апреля 2018 года).

230 Там же.

231 Д.В. Сафонов. Российскоиранская комиссия «Православие — ислам»: 20 лет диалога во имя взаимопонимания религиозных общин и народов двух стран. / Российскоиранские отношения. Проблемы и перспективы. М. ИВРАН. 2015. 260 с. С.139147.

232 Коммюнике по итогам VI заседания Совместной российскоиранской комиссии по диалогу «Ислам — Православие». Москва. 17 июля 2008 года.

233 Мисник Г.А., Моторин Е.П. Экологическое право. М.: Академцентр, 2013. 382 с.

234 Экология и энергетика: локальные ответы на глобальные вызовы. Мировое развитие. Выпуск 7. Сборник статей. ИМЭМО РАН. 2012. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/12028.pdf>

235 Дырявая экология. Сельское хозяйство производит 250 млн т отходов в год. URL: <http://www.ecoindustry.ru/news/view/53294.html>

236 Назарбаев возродил идею переброски рек Сибири на юг. URL: http://www.bbc.com/russian/mobile/russia/2010/09/100907_nazarbayev_siberia_rivers.shtml

237 Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 года). URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_163855/c347f44c477d3b9dc32b3db54b51c37c546a3543/

238 Приложение 22 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики.

239 Дырявая экология... URL: <http://www.ecoindustry.ru/news/view/53294.html>

240 «Китай. Его процветание. Лаотсеу, Конфуций» (Год издания: 1904. Количество страниц: 176—189, 6-ой том полного собрания сочинений А.С. Хомякова.

ЗАКРЫТИЕ
ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ФОРУМА

К.Ф. Затулин во время работы Второго Международного форума

С.Г. ЛУЗЯНИН,

**директор Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН,
руководитель Центра изучения стратегических проблем
Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН,
доктор исторических наук
(Россия)**

Уважаемый Константин Федорович! Уважаемые коллеги и друзья! Наша секция имела название: «Большая Евразия, миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом», работа в ней осуществлялась в течении двух дней. Попытался структурировать проделанную в рамках этой секции работу.

тематически и статистически и я с большим удовольствием доложу результаты работы секции.

Всего был заслушан 21 доклад и проведены две дискуссии. В качестве докладчиков выступили представители девяти государств: Азербайджан, Армению, Индию, Иран, Казахстан, Китай, Россию, Сирию и Узбекистан. Фактически в рамках этой секции была охвачена вся повестка безопасности ШОС и проблематика безопасности Евразии. Включая общие глобальные проблемы, региональные и страновые вопросы на пространстве ШОС. Причем не только членов Организации, но стран-наблюдателей и партнеров по диалогу.

Второй момент. Общий лейтмотив, который объединил основных докладчиков и практически все выступления — это констатация нового, более высокого, опасного уровня угроз, как для членов ШОС, так и для государств Евразии в целом. Все отмечали фактически происходящее балансирование государств «шосовской семьи» между миром и войной.

Все были согласны с тем, что на пространстве Евразии сейчас наблюдаются неопределенность и не предсказуемость, обусловленная агрессивной политикой Соединенных Штатов Америки и их союзников. И как в ходе своего блестящего выступления отметила Мария Саадих, ранее независимый депутат Парламента САР, сирийский кризис проецируется на территорию ШОС в виде борьбы за новую многополярность.

Третье. Наиболее важные теоретические мысли, которые мы обобщили и которые представляются перспективными с точки зрения экспертной аналитики, можно представить в следующем виде.

1. Глобальный уровень. В условиях нарастающей конфронтации с Западом формирование государствами — членами ШОС Индией, Китаем, Россией некой альтернативной модели глобализации является чрезвычайно важным перспективным процессом. Сама Шанхайская организация сотрудничества после расширения до восьми постоянных членов, представляется все более евразийской, все более глобальной и на перспективу как некая альтернатива многим институтам глобального управления, не выполняющим свои функции.

2. Происходит, как подчеркнули докладчики, колоссальная диверсификация вызовов и угроз, их усложнение в отношении ШОС и в целом евразийского пространства. Так, происходит объединение старых террористических сил и, скажем так, новых, идущих с Ближнего Востока (Сирии, Ирака). Фактически этот синтез представляет собой гремучую смесь, которая создает угрозу про-

странству (зоне) ШОС. Это отдельная большая тема, она подробно рассматривалась в пяти—шести докладах.

3. По Афганистану были сделаны две презентации: индийскими и узбекскими экспертами, где был подробно разобран весь спектр афганской ситуации с точки зрения безопасности. В частности, была сделана структуризация Движения «Талибан» на уровне восьми группировок и других радикальных организаций, включая «Исламское государство» и Хизб ут-Тахрир аль-Ислами («Исламская партия освобождения»). При этом в рамках дискуссии были предложены два подхода: одни эксперты считают, что необходим диалог с талибами, другие — такой диалог не нужен, он вреден и опасен.

Четвертое. Расширение ШОС — это угроза или возможность? Китайские представители, в частности профессор Ши Цзе, отметили некоторые риски, связанные с расширением ШОС. Так, возникают трудности в урегулировании многих вопросов с точки зрения процедуры, согласования и достижения полного консенсуса.

Большинство участников Форума, которые присутствовали на рассматриваемой секции, согласились, что такая проблема существует. В Индии считают, что такая проблема преодолима. И это не помешало иранским представителям заявить о стремлении своей страны стать членом Шанхайской организации сотрудничества.

Пятое. Очень интересно прозвучали региональные аспекты, например, в отношении развития ситуации в сфере безопасности в Азербайджане, Армении, Индии, Иране, Казахстане и Пакистане. В частности, затрагивались достаточно чувствительные темы индо-пакистанских и других отношений.

Это отдельный блок вопросов, который рассматривался нашими докладчиками. При этом без анализа этих чувствительных вопросов невозможно продвижение дальше по пути создания полной объективной картины, с точки зрения безопасности.

Шестое. Это практические выводы и предложения, которые сделали наши докладчики в рамках работы нашей секции. Я тоже структурировал эти предложения, выделив из них наиболее важные.

Первое предложение было выдвинуто российскими экспертами. По их мнению, в условиях усиления вызовов и угроз необходимо наращивать сотрудничество в системе «ШОС+», прежде всего в сфере безопасности на основе взаимодействия Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности. Это отдельная тема, так как ШОС, в отличие от ОДКБ, не является военно-политическим блоком.

Второе предложение вновь выдвинули российские эксперты. Они предложили без изменения статуса ШОС, то есть, не превращая ее в военно-политическую структуру, сохранить комплексный характер Организации, усилив ее военно-силовые компоненты. Последнее подразумевает функциональное усиление Регионального антитеррористического центра ШОС в Ташкенте и ее секретариата в сфере безопасности. Это предложение имеет свою аргументацию и свою отдельную информационную составляющую.

Третье предложение прозвучало от китайских коллег. Они считают необходимым укрепить ШОС идеологически на основе «шанхайского духа». Так, в Циндао под председательством Китая скоро откроется саммит Совета глав государств ШОС. Там будет озвучена идея распространить на зону ШОС концепцию формирования «сообщества единой судьбы». Это больше гуманитарная идея поддержки мира и безопасности, но учитывая общую идею Председателя КНР Си Цзиньпина по вопросу сообщества «Единой судьбы», это будет актуально для всего пространства Организации.

Четвертое предложение касается усиления информационно-пропагандистской политики ШОС в области безопасности, культуры, спорта и образования.

Пятое предложение исходит из необходимости нормализации непростых, чувствительных отношений между Индией и Китаем, усиление взаимодействия в рамках РИК (Россия — Индия — Китай). Все это на экспертном уровне по инициативе Института Дальнего Востока РАН осуществляется уже в течении 10 лет. По мнению российской стороны, Россия, Индия и Китай составляют ядро ШОС, что стало возможным после расширения состава членов этой организации.

Таким образом, суммируя работу первой секции мне бы хотелось сказать, что все доклады и выступления, как и уровень состоявшейся дискуссии отличались высоким качественным состоянием. Все основные выступления были актуальны и охватывали практически не только сферу безопасности Шанхайской организации сотрудничества, но и ее возможности по преодолению существующих вызовов и угроз.

А.А. МИГРЯН,
 заведующая отделом экономических исследований
 Института стран СНГ,
 доктор экономических наук,
 профессор
 (Россия)

В рамках второй секции «ШОС и экономико-интеграционные процессы в Евразии. Экономика, энергетика, транспорт и миграция» драматической борьбы не было. Вместо этого наблюдалось очень плодотворное сотрудничество. И тот тон, который был задан Андреем Николаевичем Клепачем, мы достойно выдержали. С вашего разрешения я представлю итоги нашего двухдневного заседания и рекомендации нашей секции.

В первый день заседания в основном были представлены сообщения, доклады и исследования, посвященные общему формату сотрудничества стран «шосовской семьи», а также анализу разных уровней интеграции, которые могли бы быть основой для дальнейшего экономического развития этих стран и организации взаимодействия в формате Большой Евразии.

В частности, основные докладчики рассмотрели технологические аспекты и возможности использования новых современных технологий, цифровизации в различных сферах, в том числе с учетом огромного опыта Китая, российских технологий и возможностей, которые при определенных условиях кооперирования могли бы стать базовой платформой развития интеграционных взаимоотношений. И как отмечалось на пленарном заседании Форума, это может привести к новым многосторонним проектам. Кроме того, рассматривались теоретические аспекты и различные нюансы взаимоотношений интеграционных процессов в целом, которые сегодня имеют место в мире. Это форматы общей глобализации, транснациональной интеграции и соответственно вопросы, связанные с периферийными системами развития экономических отношений.

В этом контексте было сделано достаточно дискуссионные заявления, например, о том, что ШОС может стать той площадкой, которая позволит государствам выравнивать условия развития и уйти от взаимоотношений периферия-центр, когда идет одностороннее выкачивание ресурсов и соответственно не равномерное распределение ренты и доходов. И эти дискуссионные аспекты рассматривались также с точки зрения возможности развития транзитного потенциала и использования новых концептуальных подходов, которые имеют достаточно быструю динамику развития.

Участниками секции был осуществлен поиск экономического пути ШОС. На сегодняшний день это включает китайскую глобальную инициативу «Один пояс, один путь», концепцию развития Евразийского экономического союза и возможности так называемых мега интеграционных блоков или экономических партнерств, которые могут помочь решить противоречия, существующие как между странами, как в рамках ШОС и Большой Евразии.

Были рассмотрены транспортные коридоры с точки зрения использования ШОС или интеграционного блока, который может рассматривать дальнейшее сотрудничество с третьими странами в рамках концепции Большой Евразии.

При этом были показаны пути развития транспортной сети, логистики, а также реализации инфраструктурных проектов. Кроме того, докладчиками были предложены очень интересные идеи, связанные с использованием цифровой экономики и выстраивания новых форматов интеграционных взаимоотношений на базе ШОС.

Второй секционный день был больше посвящен энергетическому сотрудничеству, которые, по мнению большинства выступающих, служит основной базой для экономического взаимодействия. В частности, был отмечен огромный ресурсный потенциал стран ШОС и наличие у них высокого уровня комплиментарности, которая может способствовать развитию торговых отношений. Но при этом указывалось на существенное различие и противоречие в рамках национальных экономических интересов, что на сегодняшний день не позволяет формировать многосторонние интеграционные проекты. По этой причине в рамках ШОС экономическое сотрудничество больше базируется на двухсторонних контактах.

В результате дискуссий и обсуждений представленной информации было разработано несколько рекомендаций и предложений, которые мы считаем возможным представить на ваше рассмотрение. В первую очередь, предлагается рассматривать площадку ШОС в качестве базы для сопряжения интеграционных проектов ЕАЭС, инициативы «Один пояс, один путь» и АТЭС, а также для формирования двухсторонних отношений стран ШОС между собой внутри Организации и взаимоотношения с третьими странами.

Второе. Развитие экономического сотрудничества в рамках ШОС целесообразно осуществлять в направлении взаимодействия и объединения усилий по развитию и применению цифровых технологий, транспортных коридоров и инфраструктурных проектов, которые стимулируют рост торгового сотрудничества и развития транзитного потенциала стран «шосовской семьи».

Третье. Развитие экономического сотрудничества стран ШОС основано на достаточно высоком уровне ресурсного технологического потенциала, но имеющиеся сдерживающие противоречия требуют серьезного аналитического сопровождения как бизнес проектов, так и крупных межгосударственных программ. Поэтому участники секции предлагают создать отдельные структурные либо проектные аналитические группы, которые бы занимались обоснованием данных проектов.

Четвертое. Формирование многосторонних проектов сотрудничества целесообразнее развивать на базе комплексных инвестиционных программ, что требует создания как Международного банка развития ШОС, так и условий перехода на расчеты в национальных валютах, собственной платежной системы стран ШОС с тем, чтобы минимизировать риски, которые вызывают неустойчивое турбулентное состояние финансового рынка на мировом уровне.

Особо отмечаем, что базой сотрудничества и развития экономических отношений может стать развитие именно в энергетической сфере, так как в ШОС удачно соседствуют емкий рынок потребителей и обеспеченные энергоресурсами страны, которые могли бы достаточно удачно взаимно дополнять друг друга. Однако, на сегодняшний день действующий, точнее существующий Энергетический клуб стран ШОС не имеет конкретных механизмов исполнения, организации, регулирования взаимодействий для содействия продвижению совместных многосторонних проектов по энергетическому сотрудничеству.

По мнению участников секции, это вызвано тем, что на сегодняшний день нет четкого понимания целей, функций, механизмов данного структурного образования – Энергетического клуба. В этой связи предполагается, что для продвижения работы и перевода данной структуры в эффективную организационную структуру ШОС необходимо аналитическое сопровождение, а также проведение серьезной работы по гармонизации, унификации законодательства, либо формирования общих интересов, хотя бы на проектной основе.

Последнее. Противоречия, которые возникают в энергетическом секторе на сегодняшний день, в основном, обусловлены неустойчивыми ценами на мировом рынке и не соответствием торговых, товарных потоков и инвестиционных потоков. Расширение ШОС, то есть включение в ее состав Индии, позволило некоторым образом решить этот вопрос, балансируя за счет инвестиционной активности Индии ту ситуацию, которая сегодня складывается в инфраструктурной среде и на энергетическом рынке. Поэтому мы считаем, что дальнейшее развитие многостороннего сотрудничества в рамках ШОС возможно именно на базе максимально учета и компромисса национальных экономических интересов стран Организации.

Б.К. СУЛТАНОВ,
директор Института международного
и регионального сотрудничества
Казахстанско-Немецкого университета,
председатель Правления Экспертного клуба
«Один пояс и один путь»,
доктор исторических наук
(Казахстан)

Уважаемый Константин Федорович, уважаемые дамы и господа! Мне выпала высокая честь быть модератором третьей сессии, в рамках которой выступило девять человек из пяти стран, в том числе из России — четыре эксперта, из Белоруссии — два, из Армении, Китая и Монголии по одному эксперту. В рамках их выступлений были рассмотрены очень важные вопросы, связанные с взаимодействием в области культуры. К сожалению, не было докладов по взаимодействию религии или роли религии в укреплении Организации. Желательными было бы, конечно, выступление с докладами, посвященными проблемам экологии и сохранению окружающей среды.

Все представленные доклады были очень интересными и содержательными. Но поскольку наш Форум проходит на фоне незаконных действий в Сирии США и их союзников, то во всех докладах в той или иной мере затрагивалась эта проблема. При этом подчеркивалось, что речь не идет о противостоянии между Россией и Западом, а уничтожении тех, кто выступает против лидирующей роли Запада.

В выступлениях также сквозила мысль, что силы коллективного Запада скомпрометировали себя тем, что совершили действия, которые характеризуются как преступления против человечности. Потому что можно приводить массу аргументов и доводов в пользу того, было ли использовано против Скрипалей химическое оружие или нет, но однозначных доказательств этого не было. Зато существуют два бесспорных момента. Во-первых, Юлия Скрипаль — гражданка России, в отличие от ее отца. И то, что было сделано Лондоном в отношении гражданки РФ — это не только грубейшее нарушение международного права, но и нарушение основополагающих прав человека. И поэтому здесь любому здравомыслящему человеку все ясно. Правда, у меня возникает такое впечатление, что оболваненное пропагандой население Запада становится менее восприимчиво к простым истинам.

Во-вторых, ракетный обстрел Сирии Администрацией Трампом и его союзниками объясняется необходимостью ликвидировать якобы запасы химического оружия и оборудования по его производству. У нормального человека от таких целей наступает замешательство потому, что если ставится задача уничтожения химического оружия, то в результате ракетного обстрела возникает устойчивое облако заражения, которое накрыло бы значительную территорию Сирии и привело бы к гибели десятков тысяч людей. Но тогда это геноцид. А если химического оружия там не было? Поскольку оно было вывезено в США Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО), то причина военной агрессии США против Сирии была ложной с самого начала.

Учитывая вышеизложенное, действия организованного Запада против России направлены на два направления: нарушение прав человека и полная дискредитация политики руководства страны.

Как я уже указывал, все представленные на секции доклады были очень интересными. Среди них мне бы хотелось доклады Натальи Ивановны Маслаковой-Клауберг, Шен Шиляна и Александры Викторовны Докучаевой. При этом были сформулированы следующие предложения:

1. Н.И. Маслакова-Клауберг считает необходимым инициировать общественно-политический «Диалог народов и культур стран ШОС»;
2. Пропаганда идеи «сообщества единой судьбы» народов ШОС;
3. Шен Шилян предложил развивать и контролировать туристический бизнес в рамках ШОС. По его мнению, в Россию в 2017 году прибыл 1 млн 470 тыс. китайских туристов, некоторые из которых попадают в сети нелегальных туристических организаций. В связи с этим целесообразно использовать туристический бизнес как еще одно средство узнавания друг друга с целью усиления доверия между нашими народами.

От белорусских коллег (А.В. Свиридов) поступило интересное предложение создать телестудию ШОС. По их мнению, в этом случае Восток сможет представить альтернативу вестернизации, то есть заимствования западноевропейского или англо-американского образа жизни в области экономики, политики, образования и культуры. Это могло бы стать предметом исследования и политологов, и культурологов, и философов.

Наш монгольский коллега (Д. Колягийн) полагает, что «шанхайский дух не противоречит идее Евразийского экономического союза, а подкрепляет ЕАЭС с Востока, поэтому, желательно было бы разработать теорию, а затем и практику «шанхайского духа» на службе Евразийского экономического союза».

И наконец, поступило предложение о необходимости написания учебника «История ШОС», в первую очередь для Сетевого университета ШОС, а потом и для студентов исторических и политологических факультетов, а также факультетов международных отношений ВУЗов на пространстве Организации.

И в заключение, мне бы хотелось сердечно поблагодарить всех участников не только нашей сессии, но и других секций за большой вклад в развитие исследования проблем ШОС. В первую очередь это относится к К.Ф. Затулину, который смог собрать дружную и сплоченную команду Института стран СНГ по подготовке нашего Форума. Это позволило нам уже второй раз собраться в гостеприимном городе Сочи. Причем в условиях усиления противостояния между Западом и не Западом. В таком противостоянии особая роль принадлежит ШОС, которая востребована жизнью. И в будущем она будет работать на сплочение всех, кто выступает против диктата Запада, за общество людей с равными правами и равными возможностями.

К.Ф. ЗАТУЛИН,
председатель
Оргкомитета Сочинского международного форума,
первый заместитель председателя
Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ,
евразийской интеграции и связям с соотечественниками,
руководитель Института стран СНГ
(Россия)

Уважаемые участники, дамы и господа, товарищи! На Первом Сочинском международном форуме евразийской интеграции мы взяли на себя обязательство проводить такое мероприятие, как минимум, раз в два года, что и было осуществлено на практике. Мы будем к этому стремиться и в дальнейшем ввиду востребованности нашего Форума со стороны международного сообщества.

Хотелось бы напомнить вам, что мы собрались в важный момент с точки зрения развития идеи большой евразийской интеграции. В самое ближайшее время — в мае пройдет Форум ШОС в Астане. Перед нами выступил Александр Лукин, координатор по его подготовке с российской стороны. Наверное, кто-то из вас будет в нем участвовать. Однако наш Форум представляет общественность всей «шосовской семьи», поэтому с самого начала Сочинский форум имел более широкую палитру, включая представителей тех государств, которые только присматриваются к этой организации. Мы считаем, что это очень важно, поэтому указанные форумы являются площадками, дополняющими друг друга.

Вслед за этим в начале июня впервые в формате восьми стран в Циндао под председательством Китая пройдет Совет глав государств ШОС. И мы очень рассчитываем, что это будет эпохальное событие и искренне желаем успеха нашим друзьям из Китая, которые, безусловно, и по названию этой организации задают в ней тон. А в настоящее время они являются стороной, которая будет принимать высший орган Шанхайской организации сотрудничества. Мы уверены в том, что там будут приняты важные решения.

Все это происходит в условиях текущей мировой политики. Наш форум в этом году был задуман, конечно, гораздо раньше, чем стало известным о том, что Соединенные Штаты, Великобритания и Франция нанесут ракетный удар по Сирии. Но так случилось, что мы собрались с вами через два-три дня после этого. И мир продолжает это обсуждать. Безусловно, это нашло отражение в работе нашего форума и будет обсуждаться и дальше на других площадках. Это подтверждает актуальность идеи, которая при открытии Форума была высказана в достаточно жесткой форме, Виталием Третьяковым. И надо добиться того, чтобы страны, объединяющиеся в рамках Большой Евразии (Шанхайской организации сотрудничества) провозгласили, что никто не вправе, кроме как с согласия и по поручению Организации Объединенных Наций, вмешиваться военным путем в их развитие или направлять на эту территорию свои войска без разрешения на то государств, которые входят в Большую Евразию.

Выражаю благодарность всем участникам Форума за то сочувствие, которое было проявлено в связи с кампанией, ведущейся Западом против России и связанной с лживыми попытками обвинить ее в отравлении в Солсбери (Великобритания). Сейчас происходят дебаты в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Как вы знаете, на заседании Совета по внешней и оборонной политике в пансионате «Лесные дали» под Москвой министр иностранных дел России Сергей Лавров сообщил, что мы располагаем данными по этому вопросу швейцарской лаборатории, одной из четырех сертифицированных лабораторий ОЗХО. Согласно этим данным, в пробах, полученных из Солсбери, присутствует вещество Би-зет (BZ), которое применяется в армиях США и Великобритании, как нервнопаралитическое средство, не смертельное, но выводящее человека из строя на несколько часов.

Сейчас британская сторона бурно опровергает эти результаты. Но если это действительно так, то многое становится ясным. И все разговоры о смертельно опасном отравляющем веществе под названием «Новичок» — просто вымысел. Иначе бы Сергей и Юлия Скрипаль просто не выжили.

Далее К.Ф. Затулин зачитал проект Итогового документа Второго Сочинского международного форума евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества». Состоялось обсуждение этого документа, по итогам которого в него были внесены изменения. По итогам открытого голосования Итоговый документ Форума был принят.

Я очень благодарю всех, кто был причастен к организации этого форума. Среди них нужно выделить Фонд президентских грантов и Администрацию Президента Российской Федерации, которая поддержала нас. И не только словами, но и материально. Благодарю, как всегда, Публичное акционерное общество «Газпром», которое оказало нам наиболее значительную финансовую поддержку и пригласило нас в свой отель. Мы рады, что он второй раз подряд принимает представителей «шосовской семьи». В связи с этим я благодарю сотрудников гостиничного комплекса «Рэдиссон-Лазурная»: генерального директора Александра Захарова и всех его работников.

Безусловно, благодарю Администрацию города Сочи. Надеюсь, что все вы, кто приехал в Сочи из Москвы и тем более из дальних стран, уже ознакомились с тем альбом, который администрация любезно предоставила каждому участнику Форума, чтобы вы унесли какие-то воспоминания о Сочи. И может быть, увидели что-то новое, что даже не показывают на телевизионном канале Sochi Live.

Я также благодарю свой собственный коллектив Института стран СНГ, который от начала до конца организовывал и сопровождал подготовку к этому форуму, работал и продолжает работать над его результатами. В первую очередь это имеет отношение к первому заместителю директора Института Владимиру Егорову и заместителю директора Института Владимиру Евсееву. Все сотрудники Института стран СНГ старались, чтобы сделать как можно лучше ваше пребывание здесь и работу нашего форума.

Еще раз хочу всех вас поблагодарить и сказать спасибо! На этом мы закрываем Второй Сочинский международный форум.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Участники Второго Международного форума

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ
ВТОРОГО СОЧИНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ «ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА»

Создание и деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) свидетельствуют о появлении многополярной системы международных отношений и независимого многонационального сообщества.

В основе работы ШОС лежат принципы «шанхайского духа»: взаимовыгодное сотрудничество, доверие, политическое, экономическое, гуманитарное и культурное взаимодействие народов и государств Евразии. В процессе достижения своих целей ШОС категорически отвергает насилие, попытки смены политических режимов, вмешательство во внутренние дела суверенных государств и интервенции, под какими-бы благовидными предложениями они не проводились. Достигнутая степень влияния организации является результатом многолетних усилий государств — членов ШОС по строительству этой международной системы и ее механизмов. Весомым доказательством притягательности ШОС для народов и государств Евразии является присоединение к этой авторитетной организации в 2017 году Индии и Пакистана. Мы поддерживаем дальнейшее расширение этой организации на пространстве «Большой Евразии».

Важным компонентом деятельности ШОС является плодотворное сотрудничество по линии общественных и неправительственных организаций, экспертного сообщества. В этой связи проведение Второго международного форума ШОС представляется важным и актуальным с точки зрения укрепления горизонтальных контактов на треке народной дипломатии.

Участники Форума выступают против навязывания народам и государствам Евразии чуждых им политических и экономических моделей, попыток диктата со стороны внерегиональных сил. Участники Форума резко осуждают новый ракетный удар по многострадальной Сирии 14 апреля 2018 года. Этот акт агрессии США, Великобритании и Франции против суверенного государства противостоящего терроризму и экстремизму, не только не способствует борьбе с мировым злом, наносит ущерб начавшемуся внутрисирийскому диалогу, но и подводит весь мир к порогу глобального военного конфликта.

Участники Форума единодушны во мнении о том, что одной из основных задач государств на пространстве Евразии является поиск и реализация механизмов защиты этого пространства от угрозы международного терроризма. Но терроризм невозможно победить только военным путем. Для эффективной борьбы с этим злом необходимы усилия по нейтрализации источников финансирования терроризма, борьба с пропагандой этого явления в информационной сфере, профилактика экстремизма среди молодежи, чутко реагирующей на проявления социальной несправедливости.

Участники Форума считают, что площадка ШОС может служить базой сопряжения региональных интеграционных проектов ЕАЭС, «Один пояс-один путь», АТЭС, а также для формирования двусторонних отношений стран ШОС между собой и с третьими странами. Развитие экономического сотрудничества в рамках ШОС целесообразно в направлении взаимодействия и объединения

усилий по переходу к цифровым технологиям; транспортным коридорам и инфраструктурным проектам, которые стимулируют рост торгового сотрудничества и развития транзитного потенциала стран ШОС.

Участники Форума придают большое внимание возрождению культурного наследия как духовной связи стран «Большой Евразии», а также развитию философского мировоззрения и сознания евразийской интеграции, повышение качества образования и интеграции межэтнических отношений. Большую роль здесь могут сыграть развитие культурных отношений, культурной дипломатии не только в области государственного сектора, но и частного, разработка интеграционных программ и их внедрение для дипломатов, общественных деятелей, артистов, спортсменов и ученых. Считают важным развитие туризма как наиболее эффективного средства знакомства с культурой государств-партнеров по ШОС.

Представляется актуальным расширение образовательных связей по линии государственного, частного и религиозного образования. В плане партнерства цивилизаций большую роль может сыграть межрелигиозный диалог с целью развития толерантности и терпимости и взаимодействие представителей духовенства. Участники Форума предлагают внедрение международных телепроектов, выпуск информационных журналов и бюллетеней ШОС, организацию взаимодействия стран ШОС по экологической безопасности и проведение мониторинга по проблемам экологии и их информационное сопровождение.

Учитывая вышеизложенное, участники Форума считают важным продолжить деятельность Сочинского международного форума как постоянно действующей организации многостороннего диалога.

*Сочи,
18 апреля 2018 года*

ПРОГРАММА РАБОТЫ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА

17 апреля 2018 г. (вторник)

08.30 – 10.00	Регистрация участников.
10.00 – 12.00	Пленарное заседание. Открытие Форума. Модератор – Затулин Константин Федорович , Председатель Оргкомитета Сочинского международного форума, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ (Россия).
Приветствия	Швец Василий Александрович , заместитель главы администрации (губернатора) Краснодарского края (Россия). Хакимов Бахтиер Маруфович , специальный представитель Президента Российской Федерации по делам Шанхайской организации сотрудничества, Посол по особым поручениям МИД РФ.
Выступления	Пахомов Анатолий Николаевич , Глава города Сочи (Россия). Клепач Андрей Николаевич , заместитель председателя Внешэкономбанка (ВЭБ), кандидат экономических наук (Россия). Юнцюань Ли , президент Всекитайской Ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, ранее директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук. Рам Мадхав , генеральный секретарь правящей партии «Бхаратия джаната парти», директор экспертного центра India Foundation (Индия). Изидьяр Мохаммад Алам , первый заместитель председателя Мешрано Джирги Парламента Афганистана. «Роль гражданского общества и общественной дипломатии в развитии ШОС»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Мусави Сейед Расул, советник министра иностранных дел. ранее – генеральный директор Института политических и международных исследований (IPIS) МИД ИРИ.
«Иран и ШОС: совместные интересы»

Лукин Александр В. Владимирович, директор Центра Восточной Азии и ШОС, МГИМО (У) МИД РФ; доктор исторических наук (Россия).

Третьяков Виталий Товиевич, автор и ведущий телепрограммы «Что делать? Философские беседы» на телеканале «Культура», декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

12.00 – 12.30

Кофе-пауза.

12.30 – 15.00

Работа в секциях Второго Сочинского форума евразийской интеграции.

12.30 – 15.00

Секция 1. «Большая Евразия». Миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом

Модератор – **Лузянин Сергей Геннадьевич**, директор Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН, доктор исторических наук (Россия).

Клименко Анатолий Филиппович, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН, генерал-лейтенант в запасе (Россия).
«Эволюция международного терроризма и борьба с ним на пространстве ШОС»

Ши Цзе, профессор Центра исследования ШОС Китайского института международных исследований.
«Шанхайская организация сотрудничества: новая ситуация и новые задачи»

Шарма БК, руководитель центра стратегических исследований и моделирования, Объединенное военно-научное общество Индии, генерал-майор в отставке (Индия).
«Сценарий развития ситуации в области безопасности в Афганистане и роль ШОС в мирном урегулировании этой проблемы»

Саадех Мария, менеджер компании «Архитектура и дизайн», ранее независимый депутат парламента Сирийской Арабской Республики.
«Повышение значимости Востока... Сирия меняет мировой порядок»

Батюк Владимир Игоревич, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН, доктор исторических наук (Россия).
«Россия и Китай в военно-политической стратегии администрации Д. Трампа»

Уянаев Сергей Владимирович, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«ШОС и формат Россия-Индия Китай (РИК): потенциал сотрудничества по глобальной и региональной повестке дня»

Каледжи Вали, исследователь Центра стратегических исследований (CSR), студент магистратуры факультета права и политических наук Тегеранского университета (Иран).
«Вызовы горизонтального и вертикального расширения Шанхайской организации сотрудничества»

Волхонский Борис Михайлович, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (Россия).
«Вступление Индии и Пакистана в ШОС: как изменилась повестка дня организации?»

Чеботарев Андрей Евгеньевич, директор Центра актуальных исследований «Альтернатива» (Казахстан).
«Особенности противодействия терроризму и экстремизму в Казахстане: трудности и возможности»

Сайфулин Рафик Шамаруллаевич, политолог, ранее — советник Президента Республики Узбекистан, доктор исторических наук (Узбекистан).
«ШОС: к безопасности через сотрудничество. Взгляд из Узбекистана»

12.30 – 15.00

Дискуссия, подведение итогов.**Секция 2. ШОС и экономико-интеграционные процессы в Евразии. Экономика, энергетика, транспорт и миграция**

Модератор – **Клепач Андрей Николаевич**, заместитель председателя Внешэкономбанка (ВЭБ), кандидат экономических наук (Россия).

Агеев Александр Иванович, генеральный директор «Института экономических стратегий» (ИНЭС) РАН, доктор экономических наук, профессор (Россия).
«Стратегические риски цифровой трансформации»

Чжан Нин, заведующий Отделом Центральной Азии и Южного Кавказа Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук.
«Поезд Китай – Европа: проблемы и перспективы»

Визарат Шахида, профессор университета делового администрирования, доктор экономических наук г. Карачи (Пакистан).
«Угрозы, изменения и возможности на пространстве ШОС: мирное сосуществование, процветание и экономическое благосостояние»

Хейфец Борис Аронович, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук (Россия).
«Глобальные партнерства и трансрегионализация
«Большой Евразии»

Дзарасов Руслан Солтанович, заведующий кафедрой политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редколлегии издания «Кембриджский журнал евразийских исследований», доктор экономических наук (Россия).
«Центр, периферия и интеграция в Евразии»

Своик Петр Владимирович, заместитель председателя Общенациональной социал-демократической партии «Азат», кандидат технических наук (Казахстан).
«ЕАЭС внутри ШОС: актуальные вызовы и угрозы, взгляд из Казахстана»

Панова Галина Сергеевна, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» МГИМО (У) МИД РФ, доктор экономических наук, профессор (Россия).
«К вопросу о финансовой интеграции ЕАЭС – ШОС»

Яхменев Петр Александрович, руководитель Центра мировой экономики Дипломатической Академии Министерства иностранных дел РФ, кандидат экономических наук (Россия).
«О формировании международных транспортных коридоров на пространстве ШОС»

Давид Петросян, независимый эксперт (Армения).
«Иран и ЕАЭС. Свободная экономическая зона, проблемы и возможные перспективы»

Парамонов Владимир Владимирович, основатель и руководитель Аналитической группы «Центральная Евразия» и одноименного авторского интернет-проекта, кандидат политических наук (Узбекистан).
«Некоторые подходы к организации исследований в рамках аналитического обеспечения и сопровождения основных инфраструктурных проектов ШОС»

Гайдамака Андрей Васильевич, член Экспертного совета по корпоративному управлению Центрального Банка РФ, ранее – вице-президент ПАО «ЛУКОЙЛ» (Россия).
«Китай как основной рынок природного газа из России и СНГ»

Олимов Музаффар Абдуваккосович, директор Таджикского научно-исследовательского центра «Шарк», доктор исторических наук, профессор (Таджикистан).
«Миграция и развитие в Евразии (Россия, Таджикистан и Кыргызстан)»

Гаева Анастасия Сергеевна, старший научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ, кандидат политических наук (Россия).
«Миграционные процессы на евразийском пространстве»

12.30 – 15.00

Дискуссия, подведение итогов.

**Секция 3. Взаимодействие культур и религий.
Экология и сохранение окружающей среды.
Образование и наука**

Модератор – **Султанов Булат Клычбаевич**, директор Исследовательского института международного и регионального сотрудничества, доктор исторических наук (Казахстан).

Маслакова-Клауберг Наталья Ивановна, руководитель Центра публичной дипломатии и мировых культур Дипломатической академии МИД РФ. «Роль гуманитарной дипломатии и культурного измерения в сотрудничестве стран-членов ШОС»

Шэн Шилян, главный научный сотрудник Центра по изучению мировых проблем Информационного агентства «Синьхуа», старший научный сотрудник и руководитель русского сектора Института социального развития Евразии Центра изучения развития при Госсовете КНР; член правления Китайского исследовательского центра экономики России и Центральной Азии (с 2001); член правления Китайского исследовательского центра ШОС (Китай). «Соседям надо познакомиться поближе»

Гришенин Роман Николаевич, заместитель председателя Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (Россия). «Мягкая сила стран ШОС как фактор углубления сотрудничества по гуманитарным, культурным и научным вопросам»

Свиридов Артем Васильевич, заведующий кафедрой профсоюзной работы и социогуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», кандидат политических наук, доцент (Белоруссия). «Шанхайская организация сотрудничества: социокультурные вызовы и угрозы»

Докучаева Александра Викторовна, заведующая отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ, помощник депутата Государственной Думы ФС РФ К.Ф. Затулина. «Правовое положение российских соотечественников в странах Евразийского экономического союза»

Маркаров Александр Александрович, директор Армянского филиала Института стран, заместитель проректора по научной политике и международному сотрудничеству Ереванского государственного университета, доктор политических наук (Армения).
«Интернационализация высшего образования на пространстве ШОС: вызовы и перспективы»

Федорова Мария Михайловна, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор политических наук (Россия).
«Проблема суверенитета в информационном обществе»

Коля Дэмбэрэл, старший научный сотрудник, заведующий сектором Центральной Азии Института международных отношений АН Монголии.
«Какой концепции будет придерживаться ШОС: “Pan” или “Pax”?»

Гронский Александр Дмитриевич, заместитель заведующего Центром евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в Минске, кандидат исторических наук, доцент (Белоруссия).
«Современная евразийская реальность и проблемы интерпретации исторического прошлого»

Дискуссия, подведение итогов.

15.00 – 16.00

Обед, гостиница «Рэдиссон-Лазурная».

16.00 – 17.00

Пресс-конференция по вопросу строительства в г. Сочи завода по термической обработке отходов в электроэнергию в рамках реализации проекта «Чистая страна». Участвуют: Андрей Евгеньевич Шипелов, генеральный директор ООО «РТ-Инвест»; Константин Федорович Затулин, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками; Анатолий Николаевич Пахомов, Глава Администрации гор. Сочи; Виктор Петрович Филонов, председатель Городского собрания гор. Сочи.

16.30 – 19.00

Автобусная экскурсия.

20.00 – 22.00

Ужин в ресторане «Русская Ривьерра», гостиница «Рэдиссон-Лазурная».

10.00 – 13.00

18 апреля 2018 г. (среда)

Секция 1. «Большая Евразия». Миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом

Модератор – **Евсеев Владимир Валерьевич**, член Оргкомитета Второго Сочинского форума евразийской интеграции, заместитель директора и заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук (Россия).

Крылов Александр Борисович, руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором Кавказа ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доктор исторических наук (Россия).
«Постсоветское пространство: интеграция vs дезинтеграция»

Саджджанхар Ашок, президент Института глобальных исследований (Индия).
«Миропорядок и борьба с терроризмом»

Султанов Булат Клычбаевич, директор Института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук (Казахстан).
«Сотрудничество Казахстана со странами – членами ШОС в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом»

Восканян Вардан, заведующий кафедрой иранистики Ереванского государственного университета, доцент, кандидат филологических наук (Армения).
«Иран – Армения – сотрудничество на перекрестке Шелкового пути»

Искандарян Александр Максович, директор Института Кавказа (Армения).
«ШОС на Южном Кавказе: пересечение интересов различных центров силы»

Косимшо Искандаров, главный ученый секретарь Академии наук Республики Таджикистан, директора Центра изучения Афганистана и региона (Таджикистан).
«Проблемы борьбы с терроризмом в Афганистане и перспективы мирного процесса»

Мелик-Шахназарян Грант, эксперт
Центра общественных связей и информации
Правительства Республики Армения.
«Система безопасности Южного Кавказа:
Вызовы, возможные преобразования»

Сулеев Джанибек Азатович, главный редактор
сайта Диалог.Кз и «МК в Казахстане» (Казахстан).
«Проблемы безопасности и сотрудничества для
Казахстана сквозь призму ШОС»

Замараева Наталья Алексеевна, старший
научный сотрудник сектора Пакистана Центра
изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН, кандидат
исторических наук (Россия).
«Итоги первого года Пакистана в ШОС»

Хаули Аффиф, представитель Министерства
энергетики Сирийской Арабской Республики,
участник Конгресса сирийского национального
диалога в Сочи (Сирия).
«Роль некоторых стран — участников ШОС
в урегулировании конфликта в Сирии. Опыт
проведения Конгресса сирийского национального
диалога в Сочи»

Навоян Юрий Людвигович, председатель
организации ДИАЛОГ (Россия).
«Диалог и сотрудничество с региональными
интеграционными объединениями: пример
Армении»

Дискуссия, подведение итогов.

10.00 – 13.00

**Секция 2. ШОС и экономико-интеграционные
процессы в Евразии. Экономика, энергетика,
транспорт и миграция**

Модератор — **Мигранян Аза Ашотовна**,
заведующая отделом экономических
исследований Института стран СНГ, доктор
экономических наук, профессор (Россия).

Канавский Сергей Вадимович, президент
Делового клуба ШОС (Россия).
«Энергетический клуб ШОС: проблемы и
перспективы формирования»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Симонов Константин Васильевич, президент Фонда национальной энергетической безопасности (Россия).

«Возможности и риски энергетической кооперации с Китаем»

Шенец Леонид Васильевич, директор Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии (Россия).
«Создание общих рынков энергетических ресурсов как главный фактор повышения энергетической безопасности государств — членов Евразийского экономического союза»

Юшков Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности (Россия).
«Перспективы сотрудничества России и Китая в газовой сфере»

Куртмулаев Айдер Арипович, главный редактор журнала «Партнер ЕАЭС» (Россия).
«Взаимоотношения России, Китая и Казахстана в сфере ТЭК»

Динец Дарья Александровна, заведующая кафедрой «Экономика и управление на железнодорожном транспорте» Иркутского государственного университета путей сообщения, кандидат экономических наук (Россия).
«Международные транспортные коридоры и энергетические платформы»

Кузнецов Александр Андреевич, старший научный сотрудник отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат политических наук (Россия).
«Геополитика трубопроводов в Центральной и Южной Азии»

Миграмян Аза Ашотовна, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ, доктор экономических наук (Россия).

Шавина Евгения Викторовна, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ, кандидат экономических наук (Россия).
«Потенциал расширения сотрудничества стран ШОС: экономические и энергетические аспекты»

Егоров Владимир Георгиевич, заместитель директора Института стран СНГ, доктор исторических наук, доктор экономических наук (Россия).
«Протекционизм в XXI веке: анахронизм или новая экономическая реальность»

Дискуссия, подведение итогов.

10.00 – 13.00

Секция 3. Взаимодействие культур и религий. Экология и сохранение окружающей среды. Образование и наука

Модератор – **Мирзазаде Лилия Фридуновна**, заведующая отделом «Северный Кавказ» Института Кавказоведения НАН Азербайджана, доктор философии по экономическим наукам, доцент (Азербайджан).

Фаруки Мухаммад Асиф Нур, директор Института изучения мира и дипломатии, председатель Форума дружбы Пакистан – ШОС (Пакистан).
«Перспективы продвижения культурной дипломатии в ШОС: взгляд из Пакистана»

Нямдолжин Адъяа, заместитель директора Института международных отношений Академии наук Монголии.
«Культурно-гуманитарное сотрудничество Монголии, России и Китая: взаимосвязанности в Евразии»

Мирзазаде Лилия Фридуновна, заведующая отделом «Северный Кавказ» Института Кавказоведения НАН Азербайджана, доктор философии по экономическим наукам, доцент (Азербайджан).
«Взаимодействие культур в период международной нестабильности»

13.00 – 15.00

Дунаева Елена Викторовна, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

«Религиозные контакты как одно из направлений межкультурного диалога (на примере российско-иранского диалога Ислам – Православие)»

Бойкова Елена Владимировна, старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

«Гуманитарные аспекты сотрудничества стран – членов ШОС»

Лодхи Абдул Салам, декан факультета управления и профессор Белуджистанского университета информационных технологий, инженерных наук и управления наукой (Пакистан).

«Социальные правила, религиозность и формирование человеческого капитала: исследование из Пакистана»

Дзугаев Коста Георгиевич, профессор Юго-Осетинского государственного университета, кандидат экономических наук (Южная Осетия).

«Республика Южная Осетия в религиозном аспекте евразийской интеграции»

Никольский Сергей Анатольевич, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук (Россия).

«О всечеловечности русской классической литературы»

Арешев Андрей Григорьевич, научный сотрудник Центра Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН (Россия).

«Экологические проблемы как фактор взаимодействия на пространстве Шанхайской организации сотрудничества»

Дискуссия, подведение итогов.

Обед, отдых, гостиница «Рэдиссон-Лазурная».

15.00 – 17.00

Пленарное заседание, закрытие Форума.

Модератор — **Затулин Константин Федорович**, Председатель Оргкомитета Сочинского международного форума, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ (Россия).

Шэн Шилян, главный научный сотрудник Центра по изучению мировых проблем Информационного агентства «Синьхуа», старший научный сотрудник и руководитель русского сектора Института социального развития Евразии Центра изучения развития при Госсовете КНР; член правления Китайского исследовательского центра экономики России и Центральной Азии (с 2001); член правления Китайского исследовательского центра ШОС.

Нямдолжин Адъяа, заместитель директора Института международных отношений АН Монголии.

Лузянин Сергей Геннадьевич, директор Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН, доктор исторических наук (Россия).

Миграян Аза Ашотовна, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ, доктор экономических наук, профессор (Россия).

Султанов Булат Клычбаевич, директор Исследовательского института международного и регионального сотрудничества, доктор исторических наук (Казахстан).

Презентация телеканала Sochi Life.

18.00 – 20.00

Прием по случаю окончания Форума в зале «Клеопатра», гостиница «Рэдиссон-Лазурная».

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА

Затулин Константин Федорович (Россия)	Председатель Оргкомитета Сочинского международного форума, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ
Хакимов Бахтиер Маруфович (Россия)	Специальный представитель Президента Российской Федерации по делам Шанхайской организации сотрудничества, Посол по особым поручениям МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Клепач Андрей Николаевич (Россия)	Заместитель Председателя Внешэкономбанка (главный экономист) – член Правления, кандидат экономических наук
Аведян Вачакан Владимирович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Агаев Шакир Габиль оглы (Азербайджан)	Главный редактор газеты и онлайн-портала «Ени Заман» («Новое время»)
Агеев Александр Иванович (Россия)	Генеральный директор «Института экономических стратегий» (ИНЭС) РАН, доктор экономических наук, профессор
Акифи Шах Султан (Афганистан)	Атташе по вопросам культуры посольства Исламской Республики Афганистан в Российской Федерации
Акопян Александр Гариевич (Россия)	Заместитель руководителя представительства в Краснодарском крае
Анпилогов Алексей Евгеньевич (Россия)	Журналист Федерального агентства новостей
Арешев Андрей Григорьевич (Россия)	Научный сотрудник Центра Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН
Арзамазов Кирилл Вадимович (Россия)	Помощник депутата Городского Собрания Сочи Л.Г. Манцуровой
Армаганян Эдгар Гарриевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Аршба Даур Джумкович (Республика Абхазия)	Глава Администрации Президента Республики Абхазия)
Астафьев Владимир Витальевич (Россия)	Председатель счетной палаты г. Сочи
Аушев Тамерлан Ибрагимович (Россия)	Ведущий специалист, Центр стратегических и политических исследований

Аушев Магомед Магомедович (Россия)	Председатель Ингушского национального культурного центра в г. Сочи (Вайнахский центр)
Ашикарян Альберт Анушеванович (Россия)	Генеральный директор ЗАО «Рассвет»
Бабаян Артюша Карапетович (Армения)	Предприниматель
Бабченко Алексей Анатольевич (Россия)	Директор делового центра Казахстана в г. Сочи
Багдасарян Алексан Ванушевич (Россия)	Директор Федеральное государственное автономное учреждение «Оздоровительный комплекс «Дагомыс» Управление делами Президента РФ
Байгуттиев Женишбек Сейтбекович (Киргизия)	Советник Совета директоров ЗАО Акционерный коммерческий банк «Толубай»
Байдолетов Нурадил (Киргизия)	Заместитель директора Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики
Барциц Аслан Чачурбеевич (Республика Абхазия)	Руководитель Экспертного управления Администрации Президента Республики Абхазия
Батюк Владимир Игоревич (Россия)	Руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН, доктор исторических наук
Белокобыльский Александр Юрьевич (Россия)	Директор ООО «Роза Хутор»
Богданов Дмитрий Владимирович (Россия)	Генеральный директор ООО «Санаторно-курортный комплекс «Знание»
Бойко Наталья Николаевна (Россия)	Директор по развитию телевизионных проектов и информационному вещанию, главный редактор «МАКС МЕДИА ГРУПП»
Бойкова Елена Владимировна (Россия)	Старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук
Бомбергер Иван Иванович (Россия)	Заместитель Главы администрации г. Сочи
Бугайчук Роман Владимирович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Бугриев Михаил Михайлович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Бурунин Олег Алексеевич (Россия)	Генеральный директор «ЭФКАТЕ»

Ван Сяоцюань (Китай)	Генеральный секретарь исследовательского центра по изучению «Один пояс — один Путь» Китайской академии общественных наук, генеральный секретарь Всекитайской Ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии
Васильев Дмитрий Геннадьевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Визарат Шахида (Пакистан)	Профессор университета делового администрирования, доктор экономических наук г. Карачи
Волков Эдуард Владимирович (Россия)	Заместитель Главы администрации г. Сочи
Волхонский Борис Михайлович (Россия)	Доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук.
Восканян Вардан (Армения)	Заведующий кафедрой иранистики Ереванского государственного университета, доцент, кандидат филологических наук
Вялько Максим Дмитриевич (Россия)	Генеральный директор ООО «Клинический санаторно-курортный комплекс «АКВА ЛОО»
Габулова Индира Мелитоновна (Южная Осетия)	Доцент кафедры педагогики и психологии Юго-Осетинского государственного университета, советник Председателя Парламента Республики Южная Осетия
Гаева Анастасия Сергеевна (Россия)	Старший научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ, кандидат политических наук
Гайдамака Андрей Васильевич (Россия)	Член Экспертного совета по корпоративному управлению Центрального Банка РФ, ранее — вице-президент ПАО «ЛУКОЙЛ»
Гани Шазия (Пакистан)	Руководитель подразделения офиса премьер-министра Исламской Республики Пакистан
Гвасалия Василий Валерианович (Россия)	Независимый эксперт
Гергишан Константин Васильевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Глебов Дмитрий Валерьевич (Россия)	Генеральный директор Делюкс-отель «Русские сезоны», Апарта-отель СевСтройИнвест», ООО «Севстройинвест»
Глушченко Артем Владимирович (Россия)	Генеральный директор АО «Сочинский хлебокомбинат»
Горбунов Алексей Васильевич (Россия)	Председатель городского Совета ветеранов ВОВ г. Сочи
Гордон Кирилл Владиславович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи

Горепекин Владимир Владимирович (Россия)	Вице-президент «Фонда развития евразийского сотрудничества»
Гришенин Роман Николаевич (Россия)	Заместитель председателя Фонда им. Горчакова
Грозин Андрей Валентинович (Россия)	Заведующий Отделом Казахстана и Средней Азии Института стран СНГ, кандидат исторических наук
Гронский Александр Дмитриевич (Белоруссия)	Заместитель заведующего Центром евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в Минске, кандидат исторических наук, доцент
Даньченко Валерий Васильевич (Россия)	Генеральный менеджер отеля Сочи Парк Отель ООО «Топ проджект»
Даутова Елена Валерьевна (Россия)	Председатель правления ООО БК «Мацеста» (холдинг) города Сочи»
Деркунов Владимир Федорович (Россия)	Генеральный директор АО «Сочинский Морской торговый порт»
Джелиев Заурбек Хасанбекович (Россия)	Генеральный директор санатория «Зеленая роща»
Джинчарадзе Раули Силибистрович (Россия)	Грузинское общество «Иверия»
Дзарасов Руслан Солтанович (Россия)	Заведующий кафедрой политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редколлегии издания «Кембриджский журнал евразийских исследований», доктор экономических наук
Дзугаев Коста Георгиевич (Южная Осетия)	Профессор Юго-Осетинского государственного университета, кандидат экономических наук
Динец Дарья Александровна (Россия)	Заведующая кафедрой «Экономика и управление на железнодорожном транспорте» Иркутского государственного университета путей сообщения, кандидат экономических наук
Докучаева Александра Викторовна (Россия)	Заведующая отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ, помощник депутата Государственной Думы ФС РФ К.Ф. Затулина, кандидат физико- математических наук
Дремов Михаил Васильевич (Россия)	Директор ФГБУ «Юг Спорт»
Дунаева Елена Викторовна (Россия)	Старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Евсеев
Владимир Валерьевич
(Россия)

Егоров
Владимир Георгиевич
(Россия)

Ервандян
Элеонора Валерьевна
(Россия)

Ермаков
Александр Викторович
(Россия)

Ермилова
Светлана Анатольевна
(Россия)

Ефимович
Петр Филиппович
(Россия)

Замаараева
Наталья Алексеевна
(Россия)

Захаров
Александр Николаевич
(Россия)

Зубов
Михаил Геннадьевич
(Россия)

Иванов
Илья Александрович
(Россия)

Изидьяр
Мохаммад Алам
(Афганистан)

Искандаров
Косимшо (Таджикистан)

Искандарян Александр
Максович (Армения)

Истомина
Ирина Николаевна
(Россия)

Кагосян
Степан Сетракович
(Россия)

Каледжи
Вали
(Иран)

Камкия
Беслан Астамурович
(Россия)

Заместитель директора, заведующий отделом Кавказа, отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук

Первый заместитель директора Института стран СНГ, доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор

Депутат Городского Собрания г. Сочи

Заместитель директора Центра стратегических и политических исследований

Генеральный директор Swissotel Kamelia

Председатель Белорусского национального культурного центра в г. Сочи

Старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, сектора Пакистана Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Генеральный директор гостиницы «Лазурная»

Независимый эксперт

Журналист Информационного агентства REGNUM

Первый заместитель председателя Мешрано Джирги (верхней палаты парламента) Афганистана

Руководитель Центра конфликтологии и региональных исследований, доктор исторических наук

Директор Института Кавказа

Заместитель генерального директора гостиницы «Лазурная»

Депутат Городского Собрания г. Сочи

Исследователь Центра стратегических исследований при Совете целесообразности принятия решений, аспирант факультета права и политических наук Тегеранского университета

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат философских наук, доцент

Канавский Сергей Вадимович (Россия)	Президент Делового клуба ШОС
Кардава Нонна Григорьевна (Россия)	Начальник управления по вопросам семьи и детства администрации г. Сочи
Катаниди Татьяна Николаевна (Россия)	Представитель Администрации г. Сочи
Кацева Жанна Николаевна (Россия)	Сотрудник общественной приемной Сочинского местного отделения Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»
Кашина Анна Борисовна (Россия)	Помощник депутата Государственной Думы ФС РФ К.Ф. Затулина
Кирюшин Роман Валерьевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Клименко Анатолий Филиппович (Россия)	Заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН, генерал-лейтенант в запасе, кандидат военных наук
Кожемякина Ольга Ивановна (Россия)	Главный бухгалтер Института стран СНГ
Козинская Ольга Викторовна (Россия)	Градостроительный Совет города-курорта Сочи, ОУ
Козлова Надежда Ивановна (Россия)	Депутат Городского Собрания Сочи, председатель Общественной палаты г. Сочи
Колесник Геннадий Леонидович (Россия)	Генеральный директор Государственного учреждения санаторий «Беларусь» Управления по делам Президента Республики Беларусь
Коля Дэмбэрэл (Монголия)	Старший научный сотрудник, заведующий сектором Центральной Азии Института международных отношений АН Монголии
Кондапалли Шрикантх (Индия)	Руководитель Центра восточноазиатских исследований факультета международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, профессор
Котиков Денис Валериевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Коток Юрий Валерьевич (Россия)	Директор ФГБУ «Объединенный санаторий «Сочи»
Красногорова Наталья Валерьевна (Россия)	Исполняющий директор Park Inn Sochi Centre
Крылов Александр Борисович (Россия)	Руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором Кавказа ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доктор исторических наук

Кузнецов Александр Андреевич (Россия)	Старший научный сотрудник отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат политических наук
Куртмулаев Айдер Арипович (Россия)	Главный редактор журнала «Партнер ЕАЭС»
Лагерь Алексей Владимирович (Россия)	Генеральный директор АО «СИ ГЭЛАКСИ» отель «Sea Galaxy»
Левченко Вадим Павлович (Россия)	Председатель агентства внешнеэкономических связей деловых центров г. Сочи
Лепсверидзе Нора Ираклиевна (Россия)	Руководитель общественной приемной Сочинского местного отделения Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», почетный гражданин г. Сочи
Лобач Татьяна Георгиевна (Россия)	Депутат Законодательного Собрания города Севастополь, председатель постоянного Комитета Законодательного собрания города Севастополь по экономике
Лобжанидзе Теймураз Важович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Лодхи Абдул Салам (Пакистан)	Профессор университета Белуджистана по информационным технологиям и управленческим наукам
Лужина Мария Владимировна (Россия)	Генеральный директор Курортного комплекса и конгресса гостиницы «Radisson Blu Beach Resort & Spa Sochi» ООО «Олимп Плюс»
Лузянин Сергей Геннадьевич (Россия)	Директор Института Дальнего Востока РАН, руководитель центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ, доктор исторических наук
Лукин Александр Владимирович (Россия)	Директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества Центра международных исследований МГИМО (У) МИД РФ, доктор исторических наук
Луцык Анатолий Николаевич (Россия)	Генеральный директор ассоциации курортных и туристических городов
Лысенко Владимир Алексеевич (Россия)	Генеральный менеджер гостиничного комплекса Гостиничный комплекс «Имеретинский» ООО «РогСибАл»
Лысых Илона Сергеевна (Россия)	Помощник заместителя главы администрации (губернатора) Краснодарского края В.А. Швец
Малаек Хоссейн (Иран)	Чрезвычайный и Полномочный Посол, Министерство иностранных дел Исламской Республики Иран
Манцурова Людмила Георгиевна (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Маргиев Анатолий Дианозович (Россия)	Директор ООО «Маркет». Осетинское общество «Алания»

Маркаров Александр Александрович (Армения)	Директор Армянского филиала Института стран, заместитель проректора по научной политике и международному сотрудничеству Ереванского государственного университета, доктор политических наук
Мартirosян Сос Граатович (Россия)	Руководитель представительства Фонда развития евразийского сотрудничества
Маслакова-Клауберг Наталья Ивановна (Россия)	Руководитель Центра публичной дипломатии и мировых культур Дипломатической академии МИД России
Масхулия Этери Годердзиевна (Россия)	Директор Открытое акционерное общество «Гостиница «Ленинград» Маринс- Парк Отель
Медведев Максим Анатольевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Мелик-Шахназарян Грант (Армения)	Эксперт Центра общественных связей и информации Правительства Республики Армения
Меренков Сергей Александрович (Россия)	Генеральный директор ООО Санаторий «Заполярье»
Мигранян Андраник Мовсесович (Россия)	Профессор МГИМО (У) МИД РФ
Мигранян Аза Ашотовна (Россия)	Заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ, доктор экономических наук
Микшис Михаил Михайлович (Россия)	Президент медиа-холдинга «МАКС Медиа групп»
Минасян Айк (Армения)	Эксперт Центра общественных связей и информации Правительства Республики Армения
Мирзазаде Лилия Фридуновна (Азербайджан)	Заведующая отделом «Северный Кавказ» Института Кавказоведения НАН Азербайджана, доктор философии по экономическим наукам, доцент
Митрофанова Надежда Ивановна (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Мозолук Дмитрий Борисович (Россия)	Руководитель Сочинской ГТРК (филиал «Кубани»)
Моисеева Ольга Викторовна (Россия)	Председатель Сочинского комитета Красного Креста
Мусави Сейед Расул (Иран)	Советник министра иностранных дел Исламской Республики Иран, доктор политических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Мустафаев Бахтиер Рустамович (Узбекистан)	Руководитель Центра Центральной Азии Института стратегических и межрегиональных исследований
Навоян Юрий Людвигович (Россия)	Председатель организации ДИАЛОГ

Напсо Роман Аисович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Нерсисян Микаэл Саркисович (Россия)	Заместитель начальника управления информации администрации г. Сочи
Нессар Омар Мохаммад (Россия)	Директор изучения современного Афганистана
Никитин Дмитрий Геннадьевич (Россия)	Генеральный директор Апартаменты Бревис ООО «Юниверсити Плаза»
Никольский Сергей Анатольевич (Россия)	Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук
Нямдолжин Адъяа (Монголия)	Заместитель директора Института международных отношений АН Монголии
Олимов Музаффар Абдуваккосович (Таджикистан)	Директор Таджикского научно-исследовательского центра «Шарк», доктор исторических наук, профессор
Остринский Леонид Петрович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Отец Алексей (Стаднюк) (Россия)	Протоиерей Свято-Троицкого храма (Адлер, ул. Кирова, 22)
Отец Андрей (Дубровский) (Россия)	Храм св. князя Владимира (ул. Виноградная, 20А)
Отец Иоанн (Мартынюк) (Россия)	Собор Михаила Архангела (ул. Москвина, 12)
Павловский Дмитрий Владимирович (Россия)	Помощник депутата Городского Собрания Сочи Л.Г. Манцуровой
Паламарчук Юрий Федорович (Россия)	Заместитель Главы администрации г. Сочи
Панова Галина Сергеевна (Россия)	Заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» МГИМО (У) МИД РФ, доктор экономических наук, профессор
Парамонов Владимир Владимирович (Узбекистан)	Основатель и руководитель Аналитической группы «Центральная Евразия» и одноименного авторского интернет-проекта, кандидат политических наук
Пахолок Василий Михайлович (Россия)	Генеральный директор Курортный комплекс и конгресс-гостиница Radisson Blu Resort & Congress centre Сочи
Пахомов Анатолий Николаевич (Россия)	Глава города Сочи
Петров Сергей Иванович (Россия)	Глава администрации Адлерского внутригородского района г. Сочи

Петросян Давид (Армения)	Независимый эксперт
Портякова Наталья Владимировна (Россия)	Специальный корреспондент «Известий»
Рам Мадхав (Индия)	Генеральный секретарь правящей партии «Бхаратия джаната парти», директор экспертной аналитической структуры India Foundation
Рзаев Яшар Агадада-оглы (Россия)	СГОО «Всероссийский азербайджанский конгресс»
Романец Ирина Васильевна (Россия)	Заместитель Главы г. Сочи по социальным вопросам
Руднев Алексей Валентинович (Россия)	Депутат Законодательного Собрания Краснодарского края, Сочигоргаз
Саадех Мария (Сирия)	Менеджер компании «Архитектура и дизайн», ранее независимый депутат парламента Сирийской Арабской Республики
Савостьянов Александр Игоревич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Саджиджанхар Ашок (Индия)	Президент Института глобальных исследований
Сайфулин Рафик Шамаруллаевич (Узбекистан)	Политолог, ранее – советник Президента Республики Узбекистан, доктор исторических наук
Саракашин Христофор Константинович (Россия)	Греческое общество «Эноси»
Саурин Александр Анатолиевич (Россия)	Генеральный директор НАО «Красная поляна»
Свиридов Артем Васильевич (Белоруссия)	Заведующий кафедрой профсоюзной работы и социогуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», кандидат политических наук, доцент
Своик Петр Владимирович (Казахстан)	Заместитель председателя Общенациональной социал-демократической партии «Азат», кандидат технических наук
Селезнев Игорь Амаринович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Селиванов Тимур Владимирович (Россия)	Корреспондент Международного информационного агентства и радио Sputnik в странах ближнего зарубежья и Балтии
Селюкова Анжела Альбертовна (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Сизов Игорь Геннадьевич (Россия)	Заслуженный журналист Кубани, советник генерального директора «Кубаньэнерго»

Силантьев Александр Викторович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Симонов Константин Васильевич (Россия)	Президент Фонда национальной энергетической безопасности
Сляднева Галина Викторовна (Россия)	Главный эксперт представительства МИД России в Сочи, кандидат политических наук
Снадный Денис Владимирович (Россия)	Генеральный директор Открытое акционерное общество «Отель «Звездный»
Сокольников Максим Александр (Россия)	Научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ
Старун Валерий Константинович (Россия)	Заместитель генерального директора «Олимпморт»
Сулеев Джанибек Азатович (Казахстан)	Главный редактор сайта Диалог.Кз и «МК в Казахстане»
Султанов Булат Клычбаевич (Казахстан)	Директор Института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
Сунь Чжуанчжи (Китай)	Директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, генеральный секретарь исследовательского центра по изучению ШОС Китайской академии общественных наук
Суриков Андрей Евгеньевич (Россия)	Начальник Службы информационных программ телевидения и радиовещания филиала ВГТРК в г. Сочи
Терещенко Андрей Викторович (Россия)	Глава администрации Центрального внутригородского района г. Сочи
Ткачева Валентина Викторовна (Россия)	Председатель избирательной комиссии г. Сочи
Торосян Владимир Гагикович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Третьяков Виталий Товиевич (Россия)	Автор и ведущий телепрограммы «Что делать? Философские беседы» на телеканале «Культура», декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова
Туров Артем Викторович (Россия)	Депутат Государственной Думы ФС РФ, член Комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками
Тыщенко Сергей Александрович (Россия)	Генеральный менеджер отеля Гостиничный комплекс BridgeResort
Уйманов Тимур Валентинович (Россия)	Помощник депутата Городского Собрания Сочи Шевченко А.Н.

Усачев Валерий Владимирович (Россия)	Генеральный директор АО «Санаторно-курортное объединение «Адлеркурорт»
Усова Наталья Владимировна (Россия)	Директор Гостиничного комплекса Hyatt Regency Sochi
Устьян Гамаяк Нерсесович (Россия)	Председатель Союза армян России г. Сочи
Учадзе Семен Семенович (Россия)	Председатель Грузинского национально-культурного центра «Иверия»
Уянаев Сергей Владимирович (Россия)	Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук
Фаруки Мухаммад Асиф Нур (Пакистан)	Директор Института изучения мира и дипломатии, председатель Форума дружбы Пакистан-ШОС
Федорова Мария Михайловна (Россия)	Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор политических наук
Филонов Виктор Петрович (Россия)	Председатель Городского Собрания г. Сочи.
Фроленков Александр Михайлович (Россия)	Председатель Совета национальных объединений г. Сочи
Фроленков Илья Александрович (Россия)	Директор делового центра Белоруссии в г. Сочи
Фролов Александр Викторович (Россия)	Заместитель председателя Совета национальных объединений по культуре и конфессиональным вопросам в г. Сочи, вице-президент фонда культуры г. Сочи
Харитоновна Дарья Викторовна (Россия)	Научный сотрудник Отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ
Хаули Афиф (Сирия)	Представитель Министерства энергетики Сирийской Арабской Республики, участник Конгресса сирийского национального диалога в Сочи
Хачатуров Владимир Борисович (Россия)	Директор ФГУП «Пансионат «Автомобилист»
Хачмамук Вячеслав Асланович (Россия)	Генеральный директор ОАО «Сочиглавснаб»
Хейфец Борис Аронович (Россия)	Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук
Хлюпин Виталий Николаевич (Россия)	Главный редактор сайта ЦентрАзия ру

Хрисанов Петр Александрович (Россия)	Директор Сочинского художественного музея, кандидат искусствоведения
Цырульник Родион Игоревич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Чачух Маджит Харунович (Россия)	ККО «Общество «Адыгэ хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов»
Чеботарев Андрей Евгеньевич (Казахстан)	Директор Центра актуальных исследований «Альтернатива»
Чеботарь Константин Павлович (Россия)	Заместитель Главы администрации г. Сочи
Чепнян Оганес Меликович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Чермит Мугдин Мадинович (Россия)	Первый заместитель Главы г. Сочи
Черновалов Татьяна Борисовна (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Черняковский Валерий Петрович (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Чжан Нин (Китай)	Заведующий Отделом Центральной Азии и Южного Кавказа Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук
Чугайнова Дина Владимировна (Россия)	Генеральный менеджер отеля «Богатырь», АО «Сочи- Парк»
Шавина Евгения Викторовна (Россия)	Доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Шарафутдинова Елена Владимировна (Россия)	Ресторан «Чайка»
Шарма Бал Кришан (Индия)	Руководитель центра стратегических исследований и моделирования, Объединенное военно-научное общество Индии, генерал-майор в отставке
Швец Василий Александрович (Россия)	Заместитель главы администрации (губернатора) Краснодарского края
Шевченко Алексей Николаевич (Россия)	Депутат Городского Собрания г. Сочи
Шенец Леонид Васильевич (Россия)	Директор Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии
Ши Цзе (Китай)	Профессор Центра исследования ШОС Китайского института международных исследований

Шипелов Андрей Евгеньевич (Россия)	Генеральный директор АО «РТ-Инвест»
Ширяев Юрий Егорович (Россия)	Генеральный директор санатория «Русь»
Шовба Тамара Семеновна (Россия)	Председатель объединения предпринимателей малого и среднего бизнеса в г. Сочи
Шостак Анатолий Викторович (Россия)	Чрезвычайный и Полномочный представитель МИД РФ в г. Сочи
Шэн Шилян (Китай)	Главный научный сотрудник Центра по изучению мировых проблем Информационного агентства «Синьхуа», старший научный сотрудник и руководитель русского сектора Института социального развития Евразии Центра изучения развития при Госсовете КНР; член правления Китайского исследовательского центра экономики России и Центральной Азии (с 2001); член правления Китайского исследовательского центра ШОС
Юнцюань Ли (Китай)	Президент Всекитайской Ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, ранее директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук
Юрин Сергей Павлович (Россия)	Заместитель Главы г. Сочи
Юрченко Сергей Валерьевич (Россия)	Заместитель Главы г. Сочи
Юшков Игорь Валерьевич (Россия)	Ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности
Яковенко Игорь Владимирович (Россия)	Генеральный директор Гранд Отель Поляна ООО «Свод Интернешнел»
Яхменев Петр Александрович (Россия)	Руководитель Центра мировой экономики Дипломатической Академии Министерства иностранных дел РФ, кандидат экономических наук
Яшнов Игорь Николаевич (Россия)	Глава администрации Хостинского внутригородского района г. Сочи

Затулин Константин
Федорович
(Россия)

Председатель Оргкомитета Сочинского международного форума, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ – руководитель Рабочей группы

Арешев
Андрей Григорьевич
(Россия)

Научный сотрудник Центра Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

Бойкова
Елена Владимировна
(Россия)

Старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Ван Сяоюань
(Китай)

Генеральный секретарь исследовательского центра по изучению «Один пояс – один Путь» Китайской академии общественных наук, генеральный секретарь Всекитайской Ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии

Визарат
Шахида
(Пакистан)

Профессор университета делового администрирования, доктор экономических наук г. Карачи

Волхонский
Борис Михайлович
(Россия)

Доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук

Грозин
Андрей Валентинович
(Россия)

Заведующий Отделом Казахстана и Средней Азии Института стран СНГ, кандидат исторических наук

Дунаева
Елена Викторовна
(Россия)

Старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Евсеев
Владимир Валерьевич
(Россия)

Заместитель директора, заведующий Отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук

Ипполитов
Иван Владимирович
(Россия)

Старший научный сотрудник сектора центрально-азиатских исследований Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук

Искандаров
Косимшо
(Таджикистан)

Руководитель Центра конфликтологии и региональных исследований, доктор исторических наук

Искандарян
Александр Максович
(Армения)

Директор Института Кавказа

Каменев
Сергей Наумович
(Россия)

Заведующий сектором Пакистана Центра изучения Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук

Коля
Дэмбэрэл
(Монголия)

Старший научный сотрудник, заведующий сектором Центральной Азии Института международных отношений АН Монголии

Кондапалли

Шрикантх
(Индия)

Крылов

Александр Борисович
(Россия)

Кузнецов

Александр Андреевич
(Россия)

Кузьмина

Елена Михайловна
(Россия)

Мигранян

Аза Ашотовна
(Россия)

Мирзазаде

Лилия Фридуновна
(Азербайджан)

Морозов

Юрий Васильевич
(Россия)

Мусани

Сейед Расул
(Иран)

Навоян

Юрий Людвикович
(Россия)

Нессар

Омар Мохаммад
(Россия)

Олимов

Музаффар
Абдуваккосович
(Таджикистан)

Петросян

Давид
(Армения)

Саджиджанхар

Ашок
(Индия)

Сайфулин

Рафик Шамаруллаевич
(Узбекистан)

Сажин Владимир

Игоревич
(Россия)

Саркисян

Сергей Лаврентьевич
(Россия)

Султанов

Булат Клычбаевич
(Казахстан)

Руководитель Центра восточноазиатских исследований факультета международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, профессор

Руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором Кавказа ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доктор исторических наук

Заместитель директора Института прогноза и политического регулирования, кандидат политических наук

Заведующая сектором Беларуси, Молдовы, Украины Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, кандидат политических наук

Заведующая Отделом экономических исследований Института стран СНГ, доктор экономических наук

Заведующая отделом «Северный Кавказ» Института Кавказоведения НАН Азербайджана, доктор философии по экономическим наукам, доцент

Ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН

Советник министра иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол

Председатель организации ДИАЛОГ

Директор Центра изучения современного Афганистана

Директор Таджикского научно-исследовательского центра «Шарк», доктор исторических наук, профессор

Независимый эксперт

Президент Института глобальных исследований

Политолог, ранее – советник Президента Республики Узбекистан, доктор исторических наук

Старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, профессор

Заместитель заведующего Отделом Кавказа Института стран СНГ

Директор Института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук

Фаруки
Мухаммад Асиф Нур
(Пакистан)

Харитонов
Дарья Викторовна
(Россия)

Чжан Нин
(Китай)

Яхменев
Петр Александрович
(Россия)

Директор Института изучения мира и дипломатии,
председатель Форума дружбы Пакистан – ШОС

Научный сотрудник Отдела евразийской интеграции
и развития ШОС Института стран СНГ

Заведующий Отделом Центральной Азии и
Южного Кавказа Института России, Восточной
Европы и Центральной Азии Китайской академии
общественных наук

Руководитель Центра мировой экономики
Дипломатической Академии Министерства
иностраннх дел РФ, кандидат экономических наук

**Актуальные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества:
Материалы Второго Сочинского форума евразийской интеграции:
«Перспективы развития и укрепления
Шанхайской организации сотрудничества»**

Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3
(Старомонетный пер., д. 10)

Телефоны: 8 (926) 793-24-12; 8 (926) 376-43-16;
8 (926) 904-32-90

Подписано в печать 10.10.2018
Формат 84×108 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 1 000 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru

Для заметок

